

Последнее
ПИСЬМО
от твоего
любимого

ДЖОДЖО МОЙЕС

Изысканный роман о чистой любви
для безнадежных романтиков.

Sunday Canberra Times

и

Annotation

1960 год. Англия. Дженнифер Стерлинг приходит в себя на больничной койке после жуткой автомобильной катастрофы. Она не может вспомнить ни обстоятельств аварии, ни своего богатого мужа, ни даже то, как ее зовут. Окружающий мир был чужим для нее до тех пор, пока она не наткнулась на письма, адресованные ей и подписанные просто буквой «Б». Их автор признавался Дженнифер в любви и умолял ее уйти от мужа. Уже в XXI веке Элли, молодой репортер, находит одно из писем в архиве своей газеты. Она надеется, что журналистское расследование судьбы героев этого послания не только поможет восстановить ей пошатнувшуюся карьеру, но и подскажет, как найти выход из непростой ситуации в личной жизни... Книги Джоджо Мойес переведены на многие языки мира, регулярно входят в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а права на их экранизацию покупают ведущие киностудии Голливуда. Впервые на русском языке!

- [Джоджо Мойес](#)

- [Пролог](#)

- [Часть 1](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [Часть 2](#)

- [12](#)

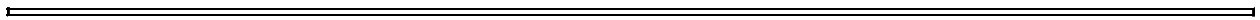
- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [Часть 3](#)
 -
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Джоджо Мойес

Последнее письмо от твоего любимого

*Чарльзу — ты написал мне ту самую записку, с
которой все началось*

Пролог

С днем рождения! Посылаю тебе подарок, надеюсь, понравится...

Сегодня я особенно много думаю о тебе... Понимаешь, я решила, что хотя и влюблена в тебя, но все-таки не люблю. Мне кажется, ты не тот единственный, кто предназначен мне Богом. Как бы то ни было, надеюсь, что подарок тебе понравится и ты прекрасно отметишь свой праздник.

Женщина — мужчине, в письме

Позже. Цел.

Пробираясь сквозь толпу, Элли Хоурт разглядела наконец в дальнем углу бара своих друзей. Подойдя к столику, она кидает на пол рядом со стулом сумку и достает телефон. А они уже хороши, думает девушка, взглянув на стоящие на столе пустые бутылки. Хотя обычно это и без того заметно: люди начинают говорить странными голосами, экстравагантно размахивать руками, громко смеяться.

— Ты опоздала. — Ники демонстративно глядит на часы и грозит ей пальцем. — Только не надо всех этих: «Ах, я не успевала дописать статью».

— Интервью с крайне разговорчивой и обиженной женой члена парламента. Ну простите меня, это для завтрашнего выпуска, — пытается оправдаться Элли, садясь на свободное место и наливая остатки вина себе в бокал. — Смотрите, ребята, — говорит она, кладя телефон в центр стола. — Предлагаю для обсуждения очередное слово, которое меня бесит: «позже».

— Позже?

— Ага, как способ дать понять, что разговор окончен. «Позже» — это когда? Завтра? Или сегодня, но позже? Или это просто такие подростковые отмазки, которые вообще ничего не значат?

— Ну, там написано «позже» и еще «Цел.», — взглянув на светящийся экран, перебивает ее Ники. — Что-то вроде «спокойной ночи». Мне кажется, он имеет в виду «завтра».

— Конечно «завтра», — поддерживает подругу Коринн. — «Позже»

всегда означает «завтра»... или даже «послезавтра», — подумав, добавляет она.

— Бытовуха какая-то.

— Бытовуха?

— Ну, знаешь, я бы так могла нашему почтальону сказать.

— А «целую» ты бы ему тоже сказала?

— А почему нет? — хитро улыбается Ники. — У нас такой интересный почтальон...

— Мне кажется, это несправедливо, — глядя на экран телефона, вдруг заявляет Коринн. — Может, он вообще имел в виду, что сейчас занят и ему срочно надо по делам.

— Ага, к жене, например, — вмешивается в разговор Дуглас, и Элли предупреждающе смотрит на него. — А что такого? Тебе не кажется, что ты уже вышла из того возраста, когда отношения строятся на разгадывании скрытого смысла таинственных сообщений?

— Ладно... — Элли залпом выпивает вино и наклоняется над столом. — Если ты собрался читать мне лекцию, то мне срочно нужен еще один бокал.

— Отлично. То есть для того, чтобы заниматься сексом прямо в офисе, у вас отношения достаточно близкие, а вот спросить за чашечкой кофе, что он имел в виду, — это уже чересчур?

— А о чем он еще написал? Только не говори мне, что про секс у него в офисе.

— «Из дома неудобно. На следующей неделе в Дублине, пока точно не знаю. Позже. Цел.», — читает вслух Элли.

— Оставляет себе пути к отступлению, — комментирует Дуглас.

— Ну... а может, он просто пока точно не знает.

— Тогда написал бы: «Позвоню из Дублина». А еще лучше: «Купил тебе билет в Дублин».

— Жена с ним едет?

— Нет, ты что, он никогда не берет ее с собой в командировки.

— Может, кого-нибудь еще берет, — ворчит Дуглас, попивая пиво.

— Господи, насколько все было проще, когда мужчинам приходилось звонить и разговаривать с женщинами, — задумчиво качает головой Ники. — Тогда можно было хоть по голосу определить степень их нежелания.

— Да уж, — фыркает Коринн, — сидели у этого несчастного телефона часами и ждали звонка.

— О-о-о, сколько бессонных ночей...

— И постоянно снимаешь трубку, чтобы проверить, есть ли гудок...

— Но тут же бросаешь ее — а вдруг он звонит тебе именно сейчас, в эту самую минуту.

Девочки смеются. Элли понимает, что они совершенно правы, но все же с надеждой поглядывает на телефон — вдруг на мигающем экране высветится входящий звонок? Но она прекрасно знает: он не позвонит, ведь мало того что уже поздно, так еще и «из дома неудобно».

Дуглас предлагает проводить ее домой. Из их дружной компании только он нашел себе постоянную спутницу жизни. Лена — большая шишка в пиар-технологиях, поэтому часто задерживается на работе часов до десяти-одиннадцати. Она совершенно не против, что время от времени Дуглас ходит в бар со старыми подругами. Пару раз он брал Лену с собой, но ей просто не понять добрую половину всех шуток, намеков и рассказов об общих знакомых, — конечно, ведь они дружат уже лет пятнадцать. Поэтому она не возражает, что Дуглас встречается с ними без нее.

— Ну что, как жизнь, серьезный ты наш? — пихает его в бок Элли, показывая, что надо обойти тележку из супермаркета, которую кто-то оставил прямо на тротуаре. — Про себя, как всегда, ничего не рассказал, или я прослушала?

— Да ничего нового, — отвечает Дуглас. — Хотя нет, — немного помедлив, признается он, засовывая руки в карманы, — вообще-то, есть новости. Э-э-э... Лена хочет ребенка.

— Да ладно! — удивленно выпаливает Элли.

— И я тоже хочу, — поспешно добавляет он. — Мы уже давно про это думаем, но сейчас решили, что бесполезно ждать подходящего момента, потому что он вряд ли когда-нибудь настанет, — зачем тянуть?

— Дуглас, ты неисправимый романтик.

— Я... ну, не знаю... вообще-то, я очень рад, правда. Лене не придется уходить с работы — с ребенком буду сидеть я. Ну, если, конечно, все получится, сама понимаешь...

— Ты правда этого хочешь? — спрашивает Элли, стараясь сохранять спокойствие.

— Да. Работа мне все равно удовольствия не доставляет, и если честно — уже давно, а Лена зарабатывает кучу денег. Думаю, мне понравится сидеть целыми днями дома с малышом.

— Вообще-то, быть родителем — это не просто «сидеть дома с малышом»...

— Знаю-знаю, под ноги смотри, — перебивает Дуглас, аккуратно беря

ее под локоть и помогая обойти лужу — Но я к этому готов: надоело каждый вечер по барам шляться, хочу перейти на следующий уровень. Ты не подумай, это я не к тому, что мне перестали нравиться наши посиделки, просто иногда я думаю, не пора ли нам немного... ну, повзрослеть, что ли...

— О нет! — верещит Элли, вцепившись в его рукав. — Ты перешел на темную сторону Силы...

— Но я же не отношусь к работе так, как ты. Ведь для тебя работа — это все, правда?

— Почти все, — соглашается она.

Пару кварталов они проходят молча, издалека доносится вой сирен, хлопанье дверей машин и прочие приглушенные звуки большого города. Больше всего на свете Элли нравится именно эта часть вечера, когда она среди друзей и хотя бы ненадолго может забыть о той неопределенности, которая пронизывает остальную часть ее жизни. Она провела чудесный вечер в баре и идет домой в свою уютную квартиру. Она здорова. У нее есть кредитная карта с большим неиспользованным лимитом, есть планы на выходные, а еще у нее, в отличие от всей остальной компании, пока что нет ни единой седой волосинки — жизнь удалась.

— Ты когда-нибудь думаешь о ней? — спрашивает Дуглас.

— О ком?

— О жене Джона. Как, по-твоему, она все знает?

Все грезы Элли о счастье разбиваются, как только Дуглас заводит этот разговор.

— Понятия не имею... — коротко отвечает она. — Я бы наверняка догадалась, будь я на ее месте, — добавляет она, так как Дуглас молчит. — Он говорит, что дети для нее куда важнее. Иногда я говорю себе, что, возможно, она в каком-то смысле рада, что ей не нужно беспокоиться о нем. Ну, понимаешь, ей не нужно делать его счастливым.

— Мастерский самообман.

— Может быть... Но если честно, то ответ отрицательный: я о ней совершенно не думаю и не чувствую себя виноватой. Мне кажется, если бы у них было все хорошо, если бы у них была настоящая связь, Джон никогда не стал бы встречаться со мной.

— Женщины имеют крайне странное представление о мужчинах.

— Думаешь, он счастлив с ней? — спрашивает Элли, напряженно вглядываясь в лицо Дугласа.

— Откуда мне знать? Просто я считаю, что если он спит с тобой, то это совершенно не означает, что он несчастлив со своей женой.

Настроение меняется, и, словно обозначая эту перемену, Элли отпускает его руку и поправляет шарф.

— То есть ты хочешь сказать, что я поступаю плохо? Или что он поступает плохо?

Ну вот, наконец-то нашелся тот, кто сказал ей об этом. И не кто-нибудь, а Дуглас. Человек, который вообще не склонен осуждать других. Это причиняет боль.

— Я не думаю, будто кто-то из вас поступает плохо. Я просто вспоминаю о Лене, о том, как много будет для нее значить наш ребенок и что я мог бы пойти налево просто потому, что внимание, которое раньше доставалось мне, теперь будет принадлежать нашему ребенку...

— Значит, ты все-таки думаешь, что Джон поступает плохо.

— Да нет... — Дуглас качает головой, останавливаясь, вглядываясь в ночное небо и пытаясь точнее сформулировать ответ. — Мне кажется, Элли, что тебе следует быть осторожной. Ты все время пытаешься угадать, что он имеет в виду, чего он на самом деле хочет... Зря тратишь время. По мне, все гораздо проще: ты кому-то нравишься, он тебе тоже, вы начинаете встречаться, вот и все.

— Дуглас, ты живешь в прекрасном несуществующем мире. Жаль, что в реальной жизни все по-другому.

— Ладно, давай сменим тему, не стоит об этом говорить после всего, что мы сегодня выпили.

— Нет, постой! — резко обрывает друга Элли. — Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Все в порядке, по крайней мере, теперь я знаю, что ты об этом думаешь. Дальше можешь не провожать, дойду сама. Привет Лене.

Последние два квартала до дома Элли практически бежит, не оборачиваясь и не глядя на старого друга.

Газета «Нэйшн» переезжает: коробки одна за другой отправляются в новое здание со стеклянными стенами на пестрой, оживленной набережной в восточной части города. На протяжении последних недель офис как будто медленно растворяется: высоченные горы пресс-релизов, документов и архивных вырезок исчезают, оставляя после себя пустые столы и неожиданно огромные, блестящие ламинированные поверхности, залитые беспощадным светом ламп дневного света. Происходящее напоминает археологические раскопки: всплывают давно позабытые статьи, флаги с юбилеев членов королевской семьи, армейские каски с вмятинами, полученными в давно закончившихся войнах, вставленные в рамку

грамоты о победах в давно забытых конкурсах. Повсюду валяются мотки проводов и снятая с пола плитка, в потолке зияют огромные дыры, напоминающие о визитах напыщенных инспекторов санэпидстанции, пожарного надзора и прочих ведомств с неизменными папками в руках. Отдел рекламы, рубрика «Совершенно секретно» и новости спорта уже переехали на Компасс-Ки. Субботнее приложение, отдел бизнеса и отдел личных финансов готовятся к переезду в ближайшие недели. Очеркисты, в том числе и Элли, вскоре последуют по их стопам, вместе с отделом новостей. Переезд планируется осуществить очень быстро: если субботний выпуск будет подготовлен еще в старом офисе на Тёрнер-стрит, то понедельничный, словно по мановению волшебной палочки, будет делаться уже по новому адресу.

Здание, в котором редакция размещается почти сто лет, больше не соответствует требованиям газеты — неприятная, сухая фраза от руководства. Совет директоров «Нэйшн» решил, что старое здание не отражает динамичную линию современной новостной политики — слишком много потайных уголков, с раздражением отметило начальство, управленцы начинают цепляться за насиженные места.

— Надо будет отметить! — провозглашает редактор Мелисса, стоя посередине уже практически пустого кабинета.

На ней темно-красное шелковое платье, которое на Элли смотрелось бы как бабушкина ночная рубашка, а на Мелиссе — как артефакт экстравагантной высокой моды.

— Переезд? — уточняет Элли, кидая взгляд на лежащий на столе мобильник, переведенный в беззвучный режим. Потом поглядывает на коллег, которые сидят молча, уткнувшись в свои блокноты.

— Да. Я вчера поговорила с одним из сотрудников библиотеки. Он сказал, что в архиве полно старых документов, которые никто не трогал уже много лет. Я хочу, чтобы в разделе для женщин появилась какая-нибудь история, скажем, пятидесятилетней давности: как изменились положение женщины, мода, женские профессии. Например, две реальные истории рядом — как жилось женщинам тогда и теперь. — Мелисса открывает папку, достает из нее несколько ксерокопий формата А3 и говорит спокойным тоном человека, который привык к тому, что его всегда внимательно слушают: — Вот, к примеру, из нашего раздела «Советы психолога»: *«Что мне делать? Моя жена не хочет красиво одеваться и следить за собой. Я зарабатываю тысячу пятьсот фунтов в год, и моя карьера в сфере продаж еще только начинается. Часто клиенты приглашают меня куда-нибудь вместе с супругой, но в последнее время я*

вынужден отказываться, потому что жена выглядит просто ужасно». — В кабинете раздаются сдавленные смешки, но Мелисса невозмутимо продолжает: — *«Я пытался сказать ей об этом как-нибудь помягче, но она говорит, что ее совершенно не интересуют ни украшения, ни косметика. Если честно, она ни капли не похожа на жену успешного человека, а мне бы хотелось, чтобы она выглядела именно так».*

Как-то в разговоре с Элли Джон мимоходом упомянул, что после рождения детей его жена перестала заботиться о своей внешности, но тут же сменил тему и больше никогда не заговаривал об этом, как будто ему это казалось куда более страшным предательством, чем сам тот факт, что он спит с другой женщиной. Элли, с одной стороны, возмутил его столь джентльменский жест по отношению к супруге, а с другой — она стала еще больше восхищаться им.

Однако зерна упали на благодатную почву, и Элли представила себе жену Джона во всех красках: неряшливый халат, весь в пятнах, ребенок под мышкой и постоянные упреки во всех возможных недостатках. Элли едва удержалась, чтобы не сказать ему: «А вот я никогда такой не стану».

— Можно взять интервью у какой-нибудь современной женщины-психолога, которая отвечает на подобные письма в наши дни, — предложил редактор субботнего выпуска Руперт, склонившись над ксерокопиями.

— Думаю, это необязательно. Вы ответ послушайте: *«Возможно, вашей жене никогда не приходило в голову, что она является манекеном на витрине вашей карьеры. Возможно, она просто говорит себе, что она уже замужем, жизнь ее устроена, она счастлива, так к чему все это? Если она, конечно, вообще об этом задумывается».*

— О, этот вечный покой супружеского ложа! — восклицает Руперт.

— *«Я не раз наблюдала, как влюбленные девушки на удивление быстро превращаются в женщин, которые бесцельно проводят свое время в уютном семейном гнездышке. Сначала они пышут энергией, героически сражаются с каждым лишним фунтом, ночами не спят, думая, где купить чулки со стрелкой, и выливают на себя пинты духов. А потом появляется мужчина, говорит: „Я люблю тебя“, и шикарная барышня непостижимым образом тут же превращается в посудомойку — счастливую посудомойку».*

Кабинет на секунду наполняется вежливым, одобрительным смехом.

— А вы, девочки, что выбираете? Героически сражаться с лишними фунтами или стать счастливой посудомойкой?

— По-моему, я недавно видел фильм с таким названием, — невпопад говорит Руперт и тут же смущенно утыкается в свой блокнот, так как после

его реплики в кабинете воцаряется мертвая тишина.

— Тут есть над чем поработать! — провозглашает Мелисса, стуча пальцем по папке. — Элли, покопайся в архиве после обеда, может, еще что-нибудь найдешь. Нас интересует, как жили женщины лет сорок-пятьдесят назад. Пожалуй, сто — это многовато, слишком непонятно. Главный редактор хочет, чтобы мы осветили наш переезд так, чтобы он увлек читателей.

— Мне придется работать в архиве?

— Какие-то проблемы?

Да нет, никаких проблем. Конечно, при условии, что вы любите проводить время в темных подвалах, разбирая залежи номеров центристской газеты, которая выпускалась ненормальными мужчинами сталинистского толка, и копаться в материалах, которые никого не интересуют уже лет тридцать.

— Что вы, никаких проблем, — широко улыбается Элли. — Наверняка что-нибудь раскопаю.

— Гели хочешь, возьми себе в помощь кого-нибудь из сторонников лейбористов. Говорят, в отделе новостей моды есть пара человек...

Элли даже не замечает, с каким злорадством редактор произносит последнюю фразу. Недавно Мелисса окончательно разделалась с очередными выскочками, метящими в новые Анны Винтур.^[1] Не замечает, потому что думает только об одном: в подвале мобильный не ловит. Черт!

— Кстати, Элли, а где тебя носило сегодня утром?

— Когда?

— Сегодня утром. Я хотела, чтобы ты переписала ту статью о детях и тяжелых потерях, но никто не знал, где тебя найти. Как это понимать?

— Я брала интервью.

— Ну кого же? — спрашивает Мелисса с улыбкой, но Элли, прирожденный эксперт по языку жестов, тут же понимает, что это не улыбка, а скорее хищный оскал.

— У одного адвоката. Инсайдерская информация^[2] насчет проявлений сексизма в парламенте, — быстро отвечает Элли и тут же жалеет, что вообще открыла рот.

— Сексизм в деловых кругах. Да, тоже мне новость... Будь добра впредь приходить в офис вовремя. Сомнительными интервью можешь заниматься в свое личное время. Ясно?

— Ясно.

— Вот и отлично. Мне нужна статья на весь разворот для первого

выпуска с набережной Компасс-Ки. Что-нибудь в духе «plus 5a change», [3] — продолжает Мелисса, быстро записывая что-то в блокноте с кожаной обложкой. — Профессии, объявления, письма читателей... Приноси сегодня в конце дня, что найдешь, тогда и решим.

— Конечно, — спешит заверить ее Элли, направляясь вместе с остальными к выходу.

У Элли самая сияющая и профессиональная улыбка во всей редакции.

Сегодня провела день в современном варианте чистилища, пишет она, прерываясь, чтобы глотнуть вина. Архив газеты. Радуйся, что можешь придумывать истории сам.

Джон написал ей в чате на хотмейле, где он зарегистрирован под ником Щелкопер, — только им двоим понятно, что тут смешного. Элли забирается в кресло с ногами и ждет, пока компьютер издаст характерный звук, что ей пришел ответ.

На экране загорается надпись:

Эх ты, невежда. Обожаю архивы. Напомни мне, когда мы снова решим поразвлечься, чтобы в следующий раз я отвел тебя в Национальную библиотеку публицистики.

Элли с улыбкой пишет:

А ты знаешь, как сделать девушке приятно.

Стараюсь изо всех сил.

Единственный человекообразный библиотекарь нашего архива дал мне целую кипу бумаг. Не самое интересное чтение перед сном.

Она отправляет сообщение и тут же думает, не слишком ли жалостливо оно звучит, добавляет смайлик и тут же жалеет об этом, вспоминая, что недавно он написал эссе для «Литературного обозрения» о том, что смайлики — яркое доказательство того, сколь бедна современная коммуникация.

Это был иронический смайлик, добавляет она и, взволнованно прижимая руку ко рту, ожидает ответа.

Погоди. Мне звонят.

Экран гаснет.

Мне звонят... Жена? Джон сейчас в своем номере в Дублине. Говорит, отличный вид на море.

Тебе бы понравилось.

Ну что ему на это ответить? Возьми меня с собой в следующий раз? Слишком настойчиво. Наверняка бы понравилось? Как-то язвительно звучит.

Да, пишет она после долгих мучений и громко вздыхает — все равно ведь он не слышит...

Сама виновата, наперебой говорят ей друзья. И, что самое удивительное, на этот раз Элли с ними совершенно согласна.

Они познакомились на книжном фестивале в Саффолке. Элли послали туда взять интервью у модного писателя, который заработал целое состояние на триллерах, оставив наконец попытки опубликовать что-то более серьезное в литературном отношении. Автора зовут Джон Армор, главный герой его книг Дэн Хобсон — это сплав старомодных представлений о мужественности и напоминает мультяшного героя. Она договорилась пообедать с ним и, направляясь на интервью, ожидала, что тот начнет неуклюже защищать подобную литературу, возможно, отпустит пару-другую страдальческих вздохов на предмет издательского бизнеса — в общем, будет вести себя как все остальные писатели-зануды. Элли приготовилась выдержать целый час в обществе очередного толстяка средних лет, отъевшего брюхо, сидя за письменным столом, но за столиком ее ждал подтянутый мужчина высокого роста, чье загорелое, веснушчатое лицо напомнило ей о повидавших жизнь фермерах Южной Африки. Он оказался забавным и обаятельным парнем, внимательным слушателем и к тому же обладал изрядной долей самокритичности. Казалось, это он берет у нее интервью: расспросил Элли о том, как она живет, и лишь после этого поведал ей свою теорию происхождения языка и рассказал, что, по его мнению, общение между людьми постепенно вырождается, превращаясь в жалкое подобие истинной коммуникации.

Когда им принесли кофе, Элли вдруг с ужасом обнаружила, что не делает записей уже минут сорок. Они вышли из ресторана и направились обратно, к месту проведения литературного фестиваля. Близился Новый год, зимнее солнце тускло освещало крыши малоэтажек главной улицы Саффолка, городской шум постепенно затихал. Элли немного перебрала, ей

совершенно не хотелось уходить из ресторана, и слова сорвались с ее языка прежде, чем она успела подумать, стоит ли говорить об этом вслух.

— Ну разве вам не нравится, как они звучат?

— Кто — они?

— Языки. Испанский, например... Нет, итальянский. Вот поэтому-то я обожаю итальянскую оперу и на дух не переношу немецкую. Все эти грубые гортанные звуки, фу! — выпалила Элли и, не услышав ничего в ответ, разнервничалась. — Знаю, что это жутко немодно, но я обожаю Пуччини. Такой накал страсти! А это раскатистое «ррр», а четкое стаккато фразировки, — заикаясь, продолжала она, начиная, однако, понимать, что ее монолог звучит до смешного напыщенно и пафосно.

Джон остановился, бросил взгляд на уходящую вдаль улицу и, повернувшись к Элли, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я не люблю оперу! — с вызовом произнес он.

О господи, в ужасе подумала Элли, чувствуя, как под ногами закачалась земля и предательски засосало под ложечкой. Они молча целую минуту смотрели друг на друга, а потом он заговорил, впервые назвав ее по имени:

— Послушай, Элли... мне надо кое-что забрать из отеля до того, как я вернусь на фестиваль. Хочешь со мной?

Они набросились друг на друга еще раньше, чем он закрыл дверь спальни: тела сплелись, губы жадно искали поцелуя, руки в спешке срывали одежду, словно исполняя движения какого-то неистового танца.

Впоследствии, вспоминая об этом, она восхищалась тем, как вела себя — как будто у нее случилось временное помрачение рассудка. Она прокручивала эту сцену в голове сотни раз, но постепенно стала забывать об ощущении чего-то важного, о переполнявших ее в тот момент эмоциях. И в конце концов воспоминание превратилось во множество разрозненных фрагментов: ее совершенно неподходящее для такого случая повседневное белье, в спешке брошенное на гладильную доску, их безумный хохот, когда они валялись на полу, укрывшись синтетическим пледом с монограммой отеля, его радостный и совершенно неподобающий вид, когда он перед уходом отдавал администратору ключ от номера.

Джон позвонил ей через два дня, и эйфория от произошедшего тут же сменилась легким разочарованием, когда его голос в трубке произнес:

— Ты знаешь, что я женат. Читала наверняка в статьях.

— Я прочитала о тебе все, что нашла в Google, — тихо призналась она.

— Я раньше никогда... никогда не изменял жене и пока не понимаю, как так вышло...

— Думаю, во всем виновата запеканка, — вымученно отшутилась Элли.

— Что ты со мной делаешь, Элли Хоуорт? С нашей встречи прошло сорок восемь часов, а я до сих пор не написал ни строчки... Из-за тебя я забываю, что хотел сказать, — смущенно добавил он.

Значит, я пропала, подумала Элли. Она поняла это еще в ту самую минуту, когда ощутила тяжесть его тела и тепло его губ. Несмотря на все, что она говорила своим подругам о женатых мужчинах, несмотря на все, во что она свято верила, достаточно было лишь малейшего шага навстречу с его стороны, и она пропала.

И сейчас, год спустя, она так и не нашла — если честно, даже и не пыталась.

Он снова появляется онлайн почти через сорок пять минут. За это время Элли отошла от компьютера, налила себе еще вина, бесцельно побродила по квартире, зашла в ванную и долго разглядывала себя в зеркало, собрала разбросанные по квартире носки и положила их в бельеовую корзину. Потом раздался характерный звук — пришло сообщение, — и она снова устроилась в кресле перед компьютером.

Прости. Не думал, что так долго. Надеюсь, завтра поболтаем.

Он попросил ее ни в коем случае не звонить ему на мобильный — распечатки от оператора обычно детализируются.

А ты сейчас в гостинице? — быстро набирает она. Может, я тебе в номер позвоню? Говорить с ним по-настоящему — это роскошь, редко когда выпадает такой шанс. Господи, ей ведь всего-то нужно услышать его голос.

Мне пора ехать на ужин, красотка. Прости — уже опаздываю.

Позже. Цел.

И пропадает.

Элли сидит, уставившись в пустой экран. Сейчас Джон выйдет из номера, пройдет по холлу отеля, очарует по дороге всех администраторов, выйдет на улицу и сядет в машину, которую прислали за ним организаторы фестиваля. Вечером с ходу выдаст потрясающий тост, а потом будет развлекать тех, кому повезет сидеть с ним за одним столом, и время от

времени мечтательно вглядываться куда-то в даль. Он будет жить настоящей жизнью, а она... Ге жизнь словно поставили на паузу.

Что она такое творит?

— Что я такое творю? — говорит Элли вслух, щелкая по надписи «Свернуть окно». Она падает на огромную пустую кровать и, глядя в потолок спальни, стонет от собственного бессилия. Подругам не позвонить: она уже сто раз говорила с ними об этом и всегда получала одну и ту же реакцию — оно и понятно, а как им еще реагировать? Слова, сказанные Дагом в тот вечер, сильно задели ее, но в подобной ситуации она и сама сказала бы то же самое.

Элли садится на диван, включает телевизор, а потом ее взгляд вдруг падает на стопку бумаги, лежащую на столе, и она вспоминает о статье. Ругая Мелиссу на чем свет стоит, Элли начинает разбираться в архивных материалах — сплошной хаос, кажется, так сказал ей библиотекарь, ни рубрик, ни дат. «Я не успеваю разобрать все бумаги. Нам приходится выкидывать много таких стопок», — сказал ей единственный библиотекарь младше пятидесяти. Интересно, почему я его раньше не видела, мимоходом спрашивает себя Элли.

— Посмотри, может, тебе что-нибудь пригодится, — сказал он, а потом наклонился и шепнул ей на ухо заговорщическим тоном: — Все ненужное можешь выкинуть, только шефу не говори. Просто у нас совершенно нет времени разбираться со всей этой грудой бумаги.

Вскоре она начинает понимать его: несколько рецензий на театральные постановки, список пассажиров круизного лайнера, несколько меню ужинов, на которых присутствовали газетные знаменитости. Она быстро просматривает их, время от времени поглядывая на телевизор. Да, вряд ли что-то из этого хлама сможет заинтересовать Мелиссу...

Элли листает потрепанную папку — кажется, какие-то медицинские записи. Везде речь идет о легочных заболеваниях, отмечает про себя она, все пациенты имеют отношение к шахтам. Она уже собирается бросить папку в корзину для бумаг, как вдруг ее внимание привлекает торчащий из середины голубой листок. Вытащив его большим и указательным пальцем, она обнаруживает, что это вовсе не листок, а вскрытый конверт с написанным от руки почтовым адресом. Внутри лежит письмо, датированное четвертым октября 1960 года.

Моя дорогая, единственная моя!

Я говорил серьезно. Я пришел к выводу, что есть лишь один выход: кто-то из нас должен решиться на отчаянный шаг. Я правда так думаю.

Я не такой сильный человек, как ты. Когда мы познакомились, я думал, что ты хрупкое создание, которое нуждается в моей защите, а теперь понимаю: все не так. Ты сильный человек, ты можешь продолжать жить, зная, что настоящая любовь возможна, но у нас никогда не будет на нее права.

Прошу, не осуждай меня за мою слабость. Для меня единственный способ пережить это — уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставляя меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минутой за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и ничто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Если ты не придешь, я пойму, что, несмотря на все наши чувства друг к другу, все-таки их недостаточно. Я ни в чем не упрекну тебя, дорогая. Знаю, последние недели были для тебя невыносимыми, и прекрасно понимаю, каково тебе. Я ненавижу себя за то, что стал причиной твоего несчастья.

Буду ждать тебя на платформе с 7.15. Помни, что мое сердце и мое будущее — в твоих руках.

Твой

Б.

Элли перечитывает письмо еще раз, чувствуя, как на глаза по какой-то необъяснимой причине вдруг наворачиваются слезы. Она не может отвести взгляд от крупного, размашистого почерка: искренность этих слов и через сорок лет после написания просто ошеломляет. Она вертит в руках конверт, ища хоть какую-нибудь подсказку. Адрес получателя: абонентский ящик 13, Лондон. И как же ты поступила, а/я 13, мысленно спрашивает адресатку Элли, а потом встает, аккуратно убирает письмо в конверт, подходит к компьютеру, открывает почту и нажимает «Обновить». Ничего — на экране мерцает последнее сообщение, полученное в семь сорок пять:

Мне пора ехать на ужин, красотка. Прости — уже опаздываю.

Позже. Цел.

Часть 1

Для меня единственный способ пережить это — уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставлять меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минуту за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу, в 7.15 вечера я буду на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и ничто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Мужчина — женщине, в письме

Она начала приходить в себя.

Шуршание, скрип стула, резко задернутая занавеска. Два голоса шепотом переговариваются между собой.

— Я позову мистера Харгривза.

Наступила тишина, и тут она вдруг осознала другой слой звуков — приглушенные голоса где-то вдалеке, шум проезжающей мимо машины. Странно, но все это как будто находилось где-то внизу. Лежа, она впитывала в себя звуки, позволяя им кристаллизироваться, возникать в сознании и вновь пропадать, постепенно узнавая каждый из них.

И тут она ощутила боль. Боль накрывала ее изнутри, словно поднимаясь по лестнице и с каждой ступенькой все разрастаясь и разрастаясь: сначала рука — острая, обжигающая боль от локтя до плеча, потом голова — тупая, неумолимая пульсация. Болело все тело, как будто она...

Как будто она?..

— Доктор зайдет через минутку. Просил, чтобы вы закрыли жалюзи.

Во рту пересохло, она сжала губы, мучительно пытаясь сглотнуть. Хотела попросить воды, но речь еще не вернулась. Слегка приоткрыв глаза, она увидела рядом с кроватью две расплывчатые фигуры. Как только ей казалось, что она вот-вот поймет, кто это, они начинали двигаться, и картинка вновь расплывалась. Голубые. Они были голубые.

— Слышала, кто к нам поступил на первый этаж?

— Девушка Эдди Кокрейна, — шепотом ответил второй голос. — Ну, та самая, которая выжила после аварии. Она, оказывается, ему песни писала. Теперь разве что в память о нем напишет...

— Да ну, все равно она никогда не будет петь так, как он, бьюсь об заклад.

— Тут с самого утра толпа журналистов, старшая медсестра просто с ног сбилась.

Она не понимала, о чем идет речь. Головная боль отдавалась в висках, становясь все сильнее и громче, ей оставалось лишь закрыть глаза и ждать, кто отступит первым — она или боль. Вскоре ее окружило белое сияние,

накрыв словно волной. С тихим вздохом благодарности она соскользнула в объятия забытья.

— Вы проснулись, дорогая? К вам гости.

Над ней быстро мелькнул солнечный зайчик — едва уловимый, он метнулся в одну сторону, потом в другую. Внезапно она вспомнила свои первые наручные часы. Она подставляла стекло под солнечный луч, пускала зайчиков по потолку детской — туда-сюда, туда-сюда — и дразнила свою собачку, которая принималась истошно лаять и гоняться за ними.

Снова появилась голубая фигура. Она видела, как та двигается и шуршит совсем близко. Чья-то рука коснулась ее запястья, и она вскрикнула от неожиданной вспышки боли.

— Будьте любезны, поосторожнее с той стороны, сестра, — с упреком произнес чей-то голос. — Ей больно.

— Прошу прощения, мистер Харгривз.

— Потребуется еще одна операция на руке. Мы наложили швы в нескольких местах, но этого недостаточно.

В изножье кровати появилась темная фигура. Она пыталась различить ее очертания, но темная фигура не поддавалась, точно так же, как и голубые, и, обессилев, она закрыла глаза.

— Можете посидеть с ней, если хотите. Поговорите с ней, она наверняка услышит вас.

— Как... как ее состояние?

— Боюсь, что кое-где останутся шрамы, особенно на руке. К тому же она довольно сильно ударилась головой, поэтому, возможно, ей потребуется время, чтобы полностью прийти в себя. Однако, учитывая тяжесть аварии, можно считать, что отделалась она относительно легко.

— Хорошо, — помолчав, согласился другой голос.

Рядом с кроватью кто-то поставил вазу с фруктами.

Она снова открыла глаза, постаралась сфокусировать взгляд, различить форму и цвет. И после долгих попыток наконец поняла: там лежит виноград. Виноград, повторила она про себя, виноград. Почему-то это слово казалось ей очень важным, оно словно привязывало ее к этой новой окружающей действительности.

Но ваза исчезла так же внезапно, как и появилась, — ее заслонила синяя бесформенная масса, опустившаяся рядом с ней на кровать. Фигура приблизилась, и она ощутила едва уловимый запах табака. Незнакомый голос нерешительно, пожалуй даже смущенно, спросил:

— Дженнифер? Дженнифер? Ты меня слышишь? — Он говорил так громко, слова без спроса вторгались в ее сознание: — Дженни, дорогая, это я.

Интересно, мне еще дадут посмотреть на виноград, подумала она, я обязательно должна посмотреть на виноград: спелый, фиолетовый, надежный, знакомый.

— Вы уверены, что она меня слышит?

— Практически уверен, но думаю, что общение для нее сейчас слишком утомительно.

Потом слова превратились в неразборчивый шепот. Или она просто не могла разобрать, о чем они говорят. Все казалось таким туманным...

— Мож... но... можно... — прошептала она.

— Но ее разум не поврежден? После аварии? Вы уверены, что не будет никаких... долгосрочных...

— Как я вам уже говорил, она довольно сильно ударилась головой, но с медицинской точки зрения опасаться нет причин, — заявил голос, шелестя бумагами. — Кость цела. Отека мозга нет. С другой стороны, последствия таких травм бывают непредсказуемыми. Все пациенты реагируют по-разному. Поэтому вам просто надо быть с ней немного...

— Пожа... пожалуйста, — едва слышно прошептала она.

— Мистер Харгривз, по-моему, она пытается что-то сказать.

— ...хочу видеть...

— Да? — спросило появившееся перед ней лицо.

— ...хочу видеть...

Дайте мне посмотреть на виноград, безмолвно умоляла она. Я просто хочу видеть виноград.

— Она хочет видеть мужа, — выпрямившись, радостно заявила медсестра. — Думаю, она сказала, что хочет видеть мужа.

Повисла пауза, затем к кровати кто-то подошел:

— Я здесь, дорогая. Все... все будет хорошо.

Фигура исчезла из поля зрения, а потом она услышала, как один из мужчин похлопал другого по плечу и произнес:

— Вот видите? Она потихоньку начинает приходить в себя. Всему свое время, так ведь? Сестра, попросите старшую медсестру приготовить больной ужин. Ничего тяжелого — только легкая пища, лучше полужидкая. Заодно можете принести нам по чашечке чая.

Раздались чьи-то удаляющиеся шаги, кто-то продолжал тихо разговаривать где-то неподалеку. Перед тем как снова провалиться в забытие, она успела подумать: «Я замужем?»

Позднее ей рассказали, сколько времени она провела в больнице, и она просто не могла поверить в это. Время превратилось в раздробленную, неподвластную ей субстанцию, часы хаотично приходили и уходили, сливаясь в неразборчивые обрывки: завтрак во вторник — и тут же обед в среду. Похоже, она проспала около восемнадцати часов кряду, говорили ей с некоторым неодобрением, как будто отсутствовать в бодрствующем состоянии сознания так долго — намеренное хамство с ее стороны. А потом снова наступила пятница.

Иногда она просыпалась в темноте, прижималась щекой к накрахмаленной белой подушке и наблюдала за неспешной жизнью клиники, из коридора доносилось шуршание шагов медсестер, иногда — обрывки разговора между сестрой и кем-то из пациентов. Сестры сказали ей, что если она хочет, то может вечером смотреть телевизор. Ее муж оплачивает все услуги частной клиники — она может получить все, что ее душе угодно. Она всегда вежливо отказывалась: беспорядочный поток информации и без того утомлял ее, не хватало еще постоянной болтовни из ящика в углу палаты.

Постепенно периоды бодрствования становились все более продолжительными и частыми, и вскоре она стала узнавать лица других пациенток небольшой клиники.

В палате справа лежала пожилая женщина, ее черные как смоль волосы всегда были безукоризненно убраны в высокую прическу, зафиксированную лаком, а на лице застыло слегка удивленное выражение. Видимо, в молодости она снималась в кино, о чем милостиво сообщала каждой новенькой медсестре. Она говорила в приказном тоне, посетители у нее бывали редко. В палате напротив лежала пухленькая молодая женщина, которая каждое утро принималась тихо рыдать в подушку. Каждый вечер, ровно на час, какая-то строгая пожилая дама — видимо, гувернантка — приводила к ней двух малышек. Мальчишки пытались забраться к маме в кровать, постоянно дергали ее, пока гувернантка не призывала их к порядку: «А вдруг вы покалечите свою мать?»

Сестры сказали ей, как зовут других пациенток, и представились сами, но она не смогла запомнить ни одного имени, чем, как ей казалось, крайне разочаровала их.

«Ваш муж», как все его называли, обычно заходил к ней вечером. Неизменно одетый в костюм элегантного покроя, из синей или серой саржи, он машинально целовал ее в щеку и присаживался на кровать у нее в ногах. Он настойчиво расспрашивал ее во всех подробностях о том,

вкусно ли ее кормят, не нужно ли ей что-то еще. Иногда просто читал газету.

Он оказался мужчиной приятной наружности, лет на десять старше ее, с высоким лбом и серьезным взглядом из-под тяжелых век. В глубине души она понимала, что он именно тот, за кого себя выдает, что она его жена, но каждый раз испытывала смущение оттого, что совершенно ничего к нему не чувствует, — ведь от нее ожидали совсем иной реакции. Иногда она улучала момент, когда он не смотрел на нее, и в отчаянии искала в его лице хоть что-то знакомое, а иногда просыпалась и замечала, что он сидит рядом с ее кроватью, опустив газету, и пристально разглядывает ее, словно тоже пытается отыскать в ней знакомые черты.

Каждый день к ней приходил лечащий врач, мистер Харгривз, заглядывал в карточку, спрашивал, какой сегодня день, сколько времени и как ее зовут. Постепенно она стала правильно отвечать на все его вопросы и даже смогла сообщить ему, что премьер-министра зовут Макмиллан, а ей самой — двадцать семь лет. Однако газетные заголовки, в которых упоминались события, произошедшие до ее поступления в клинику, по-прежнему давались ей с трудом. «Не торопитесь, дорогая, — приговаривал доктор, поглаживая ее по руке, — всему свое время. Вот и умница».

Часто приходила мать и приносила с собой какие-нибудь гостинцы: мыло, хороший шампунь, журналы, словно пытаясь напомнить дочери, какой она была раньше. «Дженни, душечка, мы так за тебя волновались», — говорила она, кладя прохладную руку на лоб дочери. Это было приятное ощущение — незнакомое, но приятное. Иногда мать начинала о чем-то расспрашивать ее, а потом вдруг осекалась и бормотала: «Нет-нет, я не должна утомлять тебя расспросами. Доктора говорят, что со временем ты все вспомнишь, так что не волнуйся».

Да я и не волнуюсь, хотелось сказать Дженни. В этом маленьком мирке было уютно и покойно, просто ее немного печалило то, что она никак не могла стать такой, как раньше, а все ожидали от нее именно этого, а потому она ощущала себя потерянной и, рано или поздно, всегда засыпала.

Однажды утром доктор сообщил ей, что близится выписка. Стояла морозная погода, струйки дыма расчертили над столицей ярко-голубое зимнее небо, словно накрыв его белой невесомой паутиной. Она уже могла сама гулять по коридору, менялась журналами с другими пациентками, которые оживленно беседовали с медсестрами или слушали радио, если было настроение. Врачи говорили, что после второй операции рука хорошо заживает, хотя любое прикосновение к длинному багровому шраму на том

месте, куда вставили пластину, заставляло ее морщиться от боли, поэтому она старалась всегда носить одежду с длинным рукавом. Слух и зрение пришли в норму, тысячи мелких порезов от разбившегося стекла постепенно зажили, синяки прошли, сломанное ребро и ключица срослись, и теперь она могла спать в разных положениях, не чувствуя боли.

Она стала во всех отношениях «самой собой», наперебой заверяли ее они, как будто думали, что если часто повторять это, то рано или поздно она поймет, что они имеют в виду, и все вспомнит. Мать часами сидела у нее в палате, листая пухлые альбомы с черно-белыми фотографиями, пытаясь показать Дженнифер ее собственную жизнь.

Мать рассказала, что замуж она вышла четыре года назад, а затем тихо добавила, что детей у них с мужем пока нет, — это несколько разочаровывало окружающих. Она живет в красивом особняке в самом респектабельном районе Лондона, у нее есть экономка и шофер — многие юные леди отдали бы все, чтобы получить хотя бы половину того, что она имеет. Ее муж — видный бизнесмен, занимается чем-то связанным с шахтами, часто ездит в командировки, но настолько предан ей, что с тех пор, как она попала в аварию, даже отменил несколько крайне важных поездок. Персонал клиники отзывался о ее муже с таким уважением, что, видимо, он и правда был важным человеком, а значит, и она могла рассчитывать на подобное отношение, хотя самой Дженнифер это казалось совершенно абсурдным.

О том, как она оказалась в клинике, ей никто не рассказывал, хотя однажды ей удалось тайком заглянуть в записи доктора и узнать, что она попала в автокатастрофу. Она попыталась вытянуть из матери хоть какие-то подробности аварии, но та покраснела как рак, похлопала Дженнифер по руке своей пухлой ручкой и заявила, что ей «не надо об этом думать, это все было так... ужасно». На глаза матери навернулись слезы, и Дженнифер, не желая расстраивать ее еще больше, быстро сменила тему.

К Дженнифер пришла беспрерывно щебечущая девушка с копной огненно-рыжих волос, чтобы подстричь ее и сделать укладку. «Вы сразу же почувствуете себя куда лучше», — пообещала она Дженнифер. Небольшой участок волос на затылке сбрили, когда зашивали рану, и девушка заверила, что она просто мастер скрывать такие досадные недостатки.

Через час с небольшим девушка театральным жестом развернула Дженнифер к зеркалу, и та с трудом узнала себя: из зеркала на нее смотрела довольно симпатичная молодая женщина. У нее еще не до конца сошли синяки, лицо слегка бледное, но приятное, с долей удовлетворения

отметила она и тут же поправилась: «у меня», «мое лицо».

— А у вас с собой есть косметика? — спросила парикмахерша. — Могу сделать вам макияж. Ведь ваша рука, наверное, еще не совсем зажила. Немного помады всегда освежает, мадам. И капелька тонального крема тоже не помешает.

— Думаете, стоит? — с сомнением в голосе спросила Дженнифер, не сводя глаз с собственного отражения.

— О да, конечно. Вы же такая красавица. Я могу сделать вам легкий макияж, только чтобы щечки засияли.

Погодите, сбегая вниз за косметичкой. У меня есть новые оттенки из Парижа, вам идеально подойдет помада от Шарля Рида.

— Ну вот, само очарование! Как приятно видеть даму при макияже. Сразу понимаешь, что леди на высоте! — воскликнул мистер Харгривз во время обхода. — Ждете не дождетесь возвращения домой, да, дорогая?

— Да, конечно, — вежливо ответила она, оставив попытки убедить его в том, что она понятия не имеет, как выглядит ее «дом».

Некоторое время доктор пристально изучал ее лицо. Видимо, заметил неуверенность в ее голосе, а потом присел на край кровати и, положив руку ей на плечо, заговорил:

— Дорогая, я понимаю ваше замешательство: вы еще не пришли в себя окончательно, но прошу вас, не волнуйтесь о том, что пока многое вам неясно. Черепно-мозговые травмы довольно часто вызывают амнезию. Вас окружают любящие люди, и я уверен, что когда вы попадете в знакомую обстановку, войдете в привычный ритм жизни — подруги, прогулки по магазинам и так далее, — то вскоре обнаружите, что все вернулось на круги своя.

Дженнифер послушно кивнула. Она уже давно поняла, что людей радует, когда она соглашается со всем, что они говорят.

— Придете ко мне через неделю. Посмотрим, как будет заживать ваша рука. Для полного восстановления потребуются курс физиотерапии, однако в первую очередь вам нужно побольше отдыхать и ни о чем не беспокоиться, хорошо, дорогая? — проговорил он, направляясь к двери.

Что она могла ему ответить?

Муж забрал ее в начале шестого, сразу после вечернего чая. Медсестры в идеально накрахмаленных халатах выстроились на первом этаже, у стойки регистратуры, чтобы попрощаться с ней. Она была все еще слаба и с трудом держалась на ногах, поэтому с благодарностью взяла мужа под руку, когда тот предложил ей помощь.

— Спасибо, что позаботились о моей супруге. Будьте любезны, пришлите счет мне в офис, — попросил он старшую медсестру.

— Мы рады, что смогли помочь, — пожав ему руку, ответила та и, улыбнувшись, взглянула на Дженнифер. — Так приятно видеть ее на ногах. Миссис Стерлинг, вы чудесно выглядите.

— Я чувствую себя... намного лучше, спасибо, — ответила Дженнифер.

На ней были длинное кашемировое пальто и шляпка без полей в тон. Он распорядился, чтобы ей в клинику прислали три наряда. Она выбрала самый неброский, не желая привлекать к себе лишнее внимание.

— Секретарша сказала, что на улице стоит толпа газетчиков — ждут девушку Кокрейна, — крикнул им доктор Харгривз, выглядывая из кабинета. — Если хотите избежать лишней шумихи, воспользуйтесь черным ходом.

— Да, вы правы. Не могли бы вы сообщить моему шоферу, чтобы он заехал с другой стороны?

После нескольких недель, проведенных в теплой клинике, воздух показался ей просто ледяным. Задыхаясь, она изо всех сил старалась не отставать от мужа и в конце концов очутилась в салоне большого черного автомобиля, уютно устроившись сзади на просторном кожаном сиденье. Дверь захлопнулась, послышалось утробное рычание мотора, и они выехали на оживленные улицы Лондона.

Она разглядывала через окно толпу газетчиков, теснившихся на ступеньках у входа в клинику, и фотографов, сравнивавших объективы. По тротуарам центральных улиц двигался нескончаемый поток людей. Подняв воротники и поглубже надвинув на лоб шляпы, чтобы укрыться от ветра, они все куда-то спешили.

— А кто такая «девушка Кокрейна»? — спросила она у мужа, который что-то тихо говорил водителю.

— Кто-кто? — переспросил он.

— Девушка Кокрейна, про которую говорил мистер Харгривз.

— А, кажется, подружка какого-то популярного певца. Они попали в автокатастрофу незадолго до...

— Все только о ней и говорят — медсестры, пациентки...

— Я отвезу миссис Стерлинг домой, — обратился он к водителю, явно потеряв всякий интерес к разговору. — И как только устрою ее, поеду в офис.

— А что с ним случилось? — спросила она.

— С кем?

— С этим Кокрейном. Певцом.

Муж посмотрел на нее, словно раздумывая над тем, как ей ответить, а затем коротко сказал, прежде чем снова повернуться к водителю:

— Он умер.

Она медленно поднималась по ступеням белого особняка с лепниной, и стоило ей ступить на последнюю ступеньку, как дверь, словно по мановению волшебной палочки, распахнулась. Водитель аккуратно поставил ее саквояж на пол в холле и тут же удалился. В дверях стояла темнокожая женщина средних лет, явно ожидавшая их приезда. Муж благосклонно кивнул ей. Дженнифер скользнула по ней взглядом — аккуратная кичка, костюм темно-синего цвета.

— Добро пожаловать домой, мадам! — воскликнула она с сильным акцентом, протягивая Дженнифер руку, и широко улыбнулась. — Мы так рады, что вы поправились.

— Спасибо... Спасибо, — запнувшись, поблагодарила Дженнифер, поняв, что не знает ее имени, но спросить не решилась.

Женщина взяла у них пальто и исчезла в недрах холла.

— Ты устала? — спросил он, внимательно глядя на нее.

— Нет-нет, я в порядке, — отозвалась она, оглядываясь по сторонам и с ужасом убеждаясь в том, что это место ей совершенно незнакомо.

— Мне пора возвращаться в офис. Я могу оставить тебя с миссис Кордозой?

Кордоза. В этом имени было что-то знакомое. Она ощутила благодарность за то, что он тактично напомнил ей имя экономки.

— Конечно, все будет хорошо. Пожалуйста, не волнуйся за меня.

— Вернусь в семь... если ты точно уверена, что все в порядке.

Ему явно не терпелось уйти. Он наклонился к ней, поцеловал в щеку и, немного помедлив, развернулся и ушел.

Стоя в коридоре, Дженнифер прислушивалась к его затихающим шагам, приглушенному реву двигателя — огромная машина отъехала от дома, который вдруг показался ей пустым и огромным.

Она дотронулась до шелковистых обоев, скользнула взглядом по полированному паркету, головокружительно высокому потолку, а потом точным, решительным движением сняла перчатки, наклонилась над стоящим в коридоре столиком и принялась разглядывать фотографии. Вот большое фото в вычурной серебряной рамке, отполированной до блеска, — их свадьба: на ней облегающее белое платье, лицо наполовину скрыто кружевной фатой, рядом стоит широко улыбающийся муж. Я

действительно замужем, подумала она, я здесь такая счастливая...

Миссис Кордоза подошла из-за спины, и Дженнифер подпрыгнула от неожиданности.

— Я подумала, может быть, вы хотите, чтобы я принесла вам чая? — сложив руки на переднике, поинтересовалась экономка. — Не хотите присесть в гостиной? Я затопила камин, пойдемте, мадам.

— Это было бы просто... — начала Дженнифер, но тут же осеклась, в панике глядя на огромное количество дверей, расположенных вдоль длинного коридора. Она еще раз взглянула на фотографию. — Миссис Кордоза, — неуверенно произнесла она, — вы меня не проводите? Мне нужно присесть, я еще недостаточно окрепла.

Дженнифер и сама не знала, почему ей не захотелось говорить экономке, что она не помнит расположения комнат в собственном доме. Ей казалось, если притвориться, будто все нормально, то сначала в это поверят окружающие, а потом и она сама.

Экономка сообщила, что приготовила ужин — картофельную запеканку с зеленой фасолью — и оставила его в духовке. Дженнифер поняла, что с ужином придется подождать до возвращения мужа: правая рука все еще плохо слушалась и она решила сама не накрывать на стол, чтобы не уронить тяжелый чугунный сотейник.

Около часа она в одиночестве бродила по огромному дому, знакомясь с ним, открывая все ящики и разглядывая фотографии. «Это мой дом, — повторяла она про себя, — мои вещи, мой муж». Пару раз она попробовала, не раздумывая, найти ванную и кабинет и с радостью обнаружила, что какая-то часть ее сознания все-таки помнит это место. Разглядывая книги в гостиной, она с некоторым удовлетворением отметила, что, хотя многие из них казались ей незнакомыми, большинство сюжетов она хорошо помнила.

Большую часть времени Дженнифер провела в спальне. Миссис Кордоза распаковала ее чемодан и убрала все по местам. Открыв два встроенных шкафа, она обнаружила там огромное количество хранящихся в безупречном порядке вещей. Одежда и обувь идеально подходили ей, даже самые разношенные туфли. На туалетном столике стройными рядами лежали щетки для волос, духи и пудра. Ароматы духов вызывали у нее смутные, но приятные воспоминания. Косметика идеально подходила ей: «Коти», «Шанель», «Элизабет Арден», «Дороти Грей» — ее столик был заставлен маленьким батальоном дорогих кремов и лосьонов.

Дженнифер открыла один из ящиков и стала перебирать сорочки, бюстье и прочее белье из шелка и кружева. Я женщина, которая заботится о

своей внешности, отметила про себя она. Усевшись перед трельяжем, она принялась разглядывать свое отражение, а потом взяла щетку и стала долгими, уверенными движениями расчесывать волосы. Вот так я и живу, несколько раз повторила она про себя.

Как только Дженнифер охватывало ощущение, что она здесь чужая, она тут же пыталась занять себя разными мелочами: перекладывала полотенца в гардеробной на первом этаже, расставляла тарелки и бокалы.

Когда муж вернулся домой, еще не было семи. Перед тем как пойти встречать его в холл, она освежила макияж и слегка надушила шею и плечи. Гму это понравилось, отметила про себя она, иллюзия нормальности. Она взяла у него пальто, повесила в шкаф и спросила, не желает ли он чего-нибудь выпить.

— С удовольствием, спасибо, — согласился он.

Дженнифер растерянно взяла в руку один из графинов, муж обернулся и, увидев ее замешательство, подбодрил ее:

— Да-да, дорогая, все верно: виски. На два пальца, со льдом, пожалуйста.

За ужином он сидел справа от нее за огромным столом из отполированного красного дерева, большая часть которого оставалась не накрытой. Она разложила горячее на тарелки, а он поставил их на стол. Это моя жизнь, невольно подумала она, наблюдая за движениями его рук, вот так мы проводим вечера.

— Я подумал, может быть, пригласим Монкриффов на ужин в пятницу? Ты не против?

— Нет, не против, — ответила она, поднося вилку ко рту.

— Прекрасно, — кивнул он. — Наши друзья все время спрашивают о тебе. Они хотят убедиться в том, что ты... пришла в себя.

— Будет очень... мило, — натянуто улыбнулась она.

— Думаю, нам еще недельку-другую не стоит никуда ходить. Пока ты окончательно не поправишься.

— Да.

— Очень вкусно. Это ты приготовила?

— Нет, миссис Кордоза.

— А, понятно...

Остаток ужина прошел в тишине. Она пила воду — мистер Харгривз отсоветовал ей пить алкоголь — и с завистью поглядывала на бокал мужа: как бы ей хотелось хоть немного отвлечься от странности всего происходящего, немного притупить ощущения...

— Как дела... на работе?

— Все в порядке, — не отрываясь от еды, ответил муж. — В ближайшие две недели надо будет съездить на шахты, но сначала я хочу убедиться, что с тобой все в порядке. Разумеется, миссис Кордоза будет тебе помогать.

— Я уверена, что со мной все будет хорошо, — заверила она его, испытав облегчение при мысли, что скоро сможет побыть одна.

— А потом съездим на пару недель на Ривьеру. У меня там дела, а тебе полезно побыть на солнце. Мистер Харгривз сказал, что это полезно для... для шрамов, — неловко закончил он.

— На Ривьеру, — повторила она, и перед ее глазами вдруг возник залитый лунным светом берег моря, донесся чей-то смех, звон бокалов. Дженнифер прикрыла глаза, пытаясь сделать расплывчатую картинку более отчетливой.

— Можем поехать вдвоем на машине, только ты и я.

Картинка исчезла, в ушах стучала кровь. Спокойно, сказала она себе, все вернется. Мистер Харгривз сказал, что все вернется.

— Тебе там всегда нравилось. Мне кажется, там ты была счастливее, чем в Лондоне, — взглянув на нее, добавил он и тут же отвел взгляд.

У Дженнифер снова возникло ощущение, что он как будто проверяет ее. Она заставила себя проглотить очередной кусочек запеканки и тихо ответила:

— Как скажешь, тебе лучше знать.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь угнетающим звоном его вилки и ножа о тарелку. Еда вдруг показалась Дженнифер совершенно несъедобной.

— О, мне кажется, я устала куда сильнее, чем думала. Ты не обидишься, если я пойду наверх? — вставая, спросила она.

— Надо было мне сказать миссис Кордозе, что мы вполне можем поужинать на кухне. Помочь тебе подняться? — вскочил на ноги он.

— Прошу не волнуйся, — отмахнулась она. — Я просто немного устала. Утром мне наверняка станет гораздо лучше.

Без четверти десять Дженнифер услышала, как он вошел в комнату. Она лежала в кровати, всем телом остро ощущая прикосновение простыней, глядя на полоску лунного света, проникавшего в комнату через щель между занавесками, прислушиваясь к отдаленному шуму машин на площади, к скрипу тормозов такси, останавливающихся на мгновение, чтобы извергнуть на улицу пассажиров, к вежливым приветствиям прохожих, вышедших с собаками на вечернюю прогулку. Она старалась не

двигаться, замерев в ожидании момента, когда все встанет на свои места и она окончательно поймет, что попала в привычную обстановку.

И тут открылась дверь.

Он не стал включать свет. В темноте раздалось лишь глухое постукивание друг о друга деревянных вешалок, на одну из которых он повесил пиджак, на пол с едва слышным звуком упали снятые ботинки, и она вдруг ощутила, как все ее тело напряглось. Ее муж — этот совершенно незнакомый ей человек — собирается лечь к ней в постель. Она так сосредоточенно воспринимала все происходящее вокруг, что даже не задумалась над тем, что будет делать с наступлением ночи. В глубине души она надеялась, что он пойдет спать в соседнюю комнату.

Прикусив губу и покрепче зажмурившись, она постаралась дышать ровно и спокойно, притворяясь спящей. Он зашел в ванную, из крана зажурчала вода, он долго чистил зубы, а потом прополоскал рот. Ковер мягко зашелестел под его ногами, и вот он уже скользнул под одеяло, матрас продавился под тяжестью его тела, кровать заскрипела. С минуту он лежал неподвижно, а она изо всех сил пыталась успокоиться и дышать ровно. «Пожалуйста, только не сейчас, — мысленно взмолилась она, — я же тебя совсем не знаю!»

— Дженни? — шепнул он, дотронувшись до ее бедра, и она едва сдержалась, чтобы не дернуться. — Дженни? — повторил он, неуверенно глядя ее.

Она изобразила глубокий вздох, окончательно давая ему понять, что крепко спит и находится в полном забытьи. На мгновение его рука замерла, и он, тяжело вздохнув, откинулся на подушки.

Я хотел бы быть тем, кто спасет тебя, но это просто невозможно... После того как ты получишь это письмо, я не стану больше звонить тебе, потому что письмо может тебя расстроить, а с моей стороны было бы нечестно слушать, как ты плачешь, ведь за все полтора года я ни разу не видел, чтобы ты плакала, и вообще у меня никогда не было такой девушки, как ты.

Мужчина — женщине, в письме

Мойра Паркер с тревогой наблюдала за тем, как босс решительно прошел мимо ее стола в свой кабинет, и по его крепко сжатым челюстям тут же поняла: видимо, хорошо, что мистер Арбутнот, встреча с которым назначена на 2.30, задерживается. Предыдущая встреча прошла не очень удачно.

Быстро разгладив юбку, Мойра встала, взяла у него пальто, успевшее, пока он шел от машины к офису, покрыться каплями дождя, поставила зонтик в стойку, а затем, не торопясь, повесила пальто на крючок. Мойра работала секретаршей Лоренса Стерлинга достаточно долго, чтобы понимать, когда боссу нужно дать время побыть одному.

По утрам он всегда выпивал две чашки кофе, а после обеда — чашку чая, поэтому она четким, выверенным за годы работы движением налила чай, собрала в стопку необходимые документы, а затем постучалась в кабинет.

— Подозреваю, что мистер Арбутнот задерживается. Судя по всему, на Мэрилебон-роуд огромная пробка.

Он читал письма, которые она утром оставила на столе на подпись. Явно довольный содержанием, он достал из нагрудного кармана ручку и расписался коротким, резким росчерком. Секретарша поставила перед ним чай, положила подписанные письма к остальным бумагам и сообщила:

— Я забрала ваши авиабилеты в Южную Африку и заказала такси из аэропорта.

— Пятнадцатого?

— Да. Я принесу билеты, а вы пока можете проверить документацию. Вот показатели продаж за прошлую неделю, а в этой папке —

окончательные данные по заработной плате. А еще я не знала, успеете ли вы пообедать после встречи с производителями автомобилей, поэтому взяла на себя смелость сделать вам пару сэндвичей. Надеюсь, я не слишком много себе позволила.

— Очень мило с вашей стороны, Мойра, спасибо.

— Хотите сейчас принесу? К чаю?

Он кивнул и на мгновение улыбнулся ей, отчего она чуть не покраснела. Мойра прекрасно знала, что другие секретарши смеялись над ней из-за того, что она, по их мнению, проявляла излишнюю заботу о боссе, не говоря уже о ее чересчур строгой одежде и официальной манере общения. Но ее начальник любит, чтобы все делалось на совесть. Мойра всегда понимала это. Эти дурочки только и знают, что читать глупые модные журналы да сплетничать в женской раздевалке. Им невдомек, что хорошо сделанная работа приносит бесконечное удовлетворение. Они не понимают, как приятно чувствовать себя незаменимой.

Немного замешкавшись, Мойра достала из папки последнее письмо:

— Пришла дневная почта. Я решила, что вы, возможно, захотите взглянуть на это — очередное письмо о работниках из Рочдейла.

Ненадолго озарившая его лицо улыбка тут же пропала, Лоренс дважды перечитал письмо и, помрачнев, спросил:

— Кто-нибудь еще видел это письмо?

— Нет, сэр.

— Подшейте вместе с остальными! — рявкнул он, швырнув письмо на стол. — Жить спокойно не дают. За всем этим стоят профсоюзы, не желаю иметь с ними ничего общего.

Мойра безропотно выслушала его крики и уже пошла к дверям, но в последний момент обернулась:

— Позвольте поинтересоваться... как самочувствие вашей жены? Она рада наконец-то вернуться домой?

— С ней все в порядке, спасибо. Уже почти пришла в себя. Пребывание дома идет ей на пользу, — ответил он.

— Рада слышать, — нервно сглотнув, ответила секретарша, но босс уже не смотрел в ее сторону, погружившись в изучение показателей продаж, которые она положила ему на стол.

Сдержанно улыбаясь, Мойра Паркер вышла из кабинета и, прижимая к груди папку с бумагами, твердым шагом направилась на свое рабочее место.

Это наши старые друзья, сказал он, ничего особенного. С двумя из них

Дженнифер уже «познакомилась» — как-то они навестили ее в клинике, а потом, после ее возвращения, заходили к ним домой. С Ивонной Монкрифф — высокой, стройной брюнеткой слегка за тридцать — они дружили с тех пор, как Дженнифер поселилась в доме на Мидвей-сквер и они стали соседями. Ивонна говорила довольно резко и язвительно, в отличие от второй подруги, Вайолет, которую Дженнифер знала еще со школы. Вайолет терпеливо сносила бесконечные шуточки Ивонны и принимала ее язвительные замечания как должное.

Поначалу Дженнифер было нелегко поддерживать разговор об общих знакомых и событиях, которые объединяли подруг, но в их компании она чувствовала себя легко и свободно. Постепенно она училась доверять своим интуитивным реакциям на то, что ей говорили: оказалось, воспоминания могут храниться не только в памяти.

— Вот бы мне потерять память! — воскликнула Ивонна после того, как Дженнифер призналась ей, какие странные вещи творились с ней, когда она очнулась в клинике. — Я ушла бы куда глаза глядят. Во-первых, я забыла бы, что вышла замуж за Фрэнсиса.

Ивонна зашла к подруге, чтобы убедить ее в том, что все в порядке — намечается «тихий» ужин, но по мере того, как дело близилось к вечеру, Дженнифер нервничала все больше и больше.

— Не понимаю, дорогая, к чему такая паника? О твоих вечеринках ходят легенды, — заверила ее Ивонна, удобно устроившись на кровати и наблюдая за тем, как Дженнифер в спешке примеряет одно платье за другим.

— И чем же они так легендарны? — спросила та, поправляя очередное платье на груди. Похоже, что за время пребывания в клинике она немного похудела, и лиф безобразно топорщился.

— Милая, успокойся, — рассмеялась Ивонна. — От тебя совершенно ничего не требуется. Твоя потрясающая миссис Ко не заставит тебя краснеть. В доме идеальный порядок. Выглядишь ты сногшибательно. Только, будь любезна, оденься уж наконец. — Она скинула туфли и элегантным движением забралась на кровать, вытянув длинные ноги. — Я никогда не разделяла твою любовь к светской жизни. Не пойми меня неправильно, я обожаю ходить на вечеринки, но вот устраивать их самой... нет, — замотала головой Ивонна, придирчиво разглядывая свой маникюр. — На вечеринки надо ходить, а не устраивать их самой — так говорила моя мама, и, если честно, я совершенно с ней согласна. Я с удовольствием прикуплю пару новых платьев, но готовить канапе и составлять план посадки гостей? Нет уж, увольте.

Стоя перед зеркалом, Дженнифер продолжала бороться с непослушным вырезом, поворачиваясь то влево, то вправо. Подняв руку, она взглянула на выпуклый багровый шрам и спросила:

— Как ты думаешь, может, лучше надеть платье с длинным рукавом?

— Болит? — спросила Ивонна, разглядывая шрам.

— У меня вся рука болит. Доктор прописал мне какие-то таблетки. Просто я подумала, что шрам будет...

— Бросаться в глаза? — сморщила носик Ивонна. — Думаю, тебе лучше носить платья с длинным рукавом, дорогая, пока он немного не побледнеет. К тому же сейчас прохладно.

Дженнифер слегка опешила от беспристрастного оценивающего взгляда подружки, но не обиделась. С тех пор как она вернулась домой, мало кто брал на себя смелость прямо отвечать на ее вопросы.

Она аккуратно сняла платье через низ, подошла к шкафу, порылась среди вешалок, достала платье-футляр из чистого шелка и замерла, неуверенно разглядывая его. Оно такое эффектное. После возвращения из клиники Дженнифер предпочитала неброский твид, серые и коричневые тона, но все эти яркие наряды то и дело попадались ей на глаза.

— Что-нибудь такое? — спросила она у Ивонны.

— Какое — такое?

— Я носила такие платья? — собравшись с духом, спросила Дженнифер. — Как я обычно одевалась? — уточнила она, прижимая платье к груди.

— То есть ты хочешь сказать, что и правда ничего не помнишь? — недоверчиво посмотрела на нее Ивонна, доставая из сумочки сигареты.

— Почти ничего, — призналась Дженнифер и присела на пуфик перед туалетным столиком. — Я знаю, что я знаю тебя. Что я знаю его. Я это чувствую, — объяснила она, положив руку на грудь. — Но... я многого не помню. Я не помню, как я относилась к своей жизни. Не знаю, как вести себя с другими людьми. Не знаю... Не знаю, кто я такая, — прикусив губу, закончила она. И, почувствовав, как на глаза навернулись слезы, быстро достала из ящика комода носовой платок.

После долгого молчания Ивонна встала, подошла к Дженнифер и присела рядом с ней на край пуфика:

— Хорошо, дорогая. Я введу тебя в курс дела: ты очаровательная и веселая — просто воплощение *joie de vivre*.^[4] У тебя идеальная жизнь, богатый и красивый муж, который носит тебя на руках, и гардероб, за который любая женщина готова продать душу дьяволу. Всегда идеальная прическа, осиная талия. Ты постоянно в центре внимания на любой

вечеринке, и все наши мужья тайно влюблены в тебя.

— Перестань, Ивонна.

— Я не шучу. Фрэнсис тебя просто обожает. Стоит ему увидеть твою озорную улыбку и белокурые локоны, как он тут же начинает жалеть, что женился на этой долговязой еврейской стерве. Ну а Билл...

— Билл?

— Муж Вайолет. Пока ты была не замужем, он, как болонка, ходил за тобой по пятам. Слава богу, что он до смерти боится твоего мужа, а то уже давно бы схватил тебя, перекинул через плечо и был таков.

— Ты мне льстишь, — пожурела ее Дженнифер, вытирая уголком платка слезы.

— А вот и нет. Если бы ты не была такой милой, пришлось бы от тебя избавиться. Но тебе повезло: ты мне нравишься.

Несколько минут они сидели молча, а потом Дженнифер спросила, пристально глядя на пятно на ковре:

— А почему у меня нет детей?

— Последний раз, когда мы с тобой говорили об этом, — удивленно приподняв бровь, ответила Ивонна и глубоко затаилась, — ты сказала что-то вроде того, что «муж и жена должны почаще бывать на одном континенте, если хотят завести детей». Твой муж часто в разъездах, — продолжала Ивонна, пуская идеальное кольцо дыма. — Кстати, вот еще одна причина, по которой я тебе жутко завидую. — Дженнифер смущенно хихикнула, но Ивонна не унималась: — Послушай, дорогая, все будет хорошо. Просто делай все, что говорит тебе этот ваш неприлично дорогой доктор, и перестань изводить себя. Может, через пару недель ты просто в какой-то момент воскликнешь: «Эврика!» — и все вспомнишь. Вспомнишь, как жутко храпит твой муж, какие у вас проблемы с деньгами, какой огромный у тебя долг в магазине «Харви Николс»... Наслаждайся своим неведением, вряд ли оно продлится долго.

— Наверное, ты права...

— И еще спешу тебе сообщить, что ты просто обязана надеть это розовое платье и ожерелье из кварца, которое прекрасно к нему подходит. Изумрудное никуда не годится. У тебя в нем грудь похожа на два сдувшихся шарика.

— Вот это настоящая подруга! — отозвалась Дженнифер, и женщины дружно рассмеялись.

Хлопнула входная дверь, Лоренс кинул на пол дипломат, принося с собой с улицы морозную свежесть, снял шарф, поцеловал Ивонну в щеку и

извинился за опоздание:

— Встречался с бухгалтерами, эти счетоводы могут говорить о деньгах бесконечно.

— Видел бы ты их сходки, Ларри, — скучное, душераздирающее зрелище. Мы женаты уже пять лет, а я до сих пор дебет от кредита не отличу, — взглянув на часы, заявила Ивонна. — Думаю, он скоро будет. Видимо, колдует над очередной колонкой цифр.

— Ты сегодня обворожительна, Дженни, — повернувшись к жене, сказал он.

— Правда ведь, твоя жена всегда выглядит выше всех похвал.

— Да-да, так оно и есть, ты права. — Он потер подбородок. — Дамы, прошу меня извинить. Пойду приведу себя в порядок перед приходом гостей. Слышал прогноз погоды по радио — снова обещают снегопад.

— Хорошо, мы пока выпьем по коктейлю! — крикнула ему вслед Ивонна.

К приходу гостей Дженнифер успела снять стресс приличным количеством коктейля. «Все будет хорошо», — повторяла она про себя. Если она попадет в неловкую ситуацию, Ивонна подскажет, что делать. Это ведь ее друзья, и они вовсе не желают выставить ее идиоткой, они просто хотят, чтобы она сделала еще один шаг на пути к тому, чтобы прийти в себя.

— Дженни, дорогая. Спасибо за приглашение, — обняла ее Вайолет Ферклаф.

Пухлое личико подруги почти скрывала шляпка. Аккуратно отколов булавки, Вайолет сняла ее и отдала вместе с пальто Лоренсу. На ней было шелковое платье с глубоким вырезом, которое обтягивало ее пышные формы, словно наполненный воздухом парашют. Как позднее заметила Ивонна, чтобы объять талию Вайолет, потребовалась бы небольшая гвардия.

— Дженнифер, ты, как всегда, прекрасна, — поцеловал ее в щеку высокий рыжеволосый мужчина.

Дженнифер поразило, насколько супруги не подходят друг другу. Мужчину она совсем не помнила, и ей казалось почти смешным, что он оказался мужем пышки Вайолет.

— Проходи, пожалуйста, — засуетилась она, отведя от него взгляд и взяв себя в руки. — Супруг спустится через пару минут. Хочешь пока чего-нибудь выпить?

— «Супруг»? У нас сегодня официальный раут? — рассмеялся Билл.

— Ой... — смутилась Дженнифер, — мы все... мы все так давно не

виделись...

— Чудовище! Будь поласковее с Дженни, — чмокнув его в щеку, приказала Ивонна. — Она еще очень ранима. Вообще-то, она имеет полное право возлежать на постели, пока вы, мужчины, соревнуетесь за право отнести ей наверх виноград, но она почему-то настояла на мартини.

— Вот за это мы и любим нашу Дженни, — широко улыбнулся Билл и с таким нескрываемым восхищением глянул на Дженнифер, что та на всякий случай отвела взгляд и посмотрела на Вайолет, чтобы проверить, не обиделась ли подруга.

Но Вайолет, похоже, поведение мужа ничуть не задевало: она усердно искала что-то в своей сумочке.

— Я оставила номер твоего телефона нашей новой няне, — сказала она, оторвавшись от сумки. — Надеюсь, ты не против: она безнадёжна. Не удивлюсь, если она позвонит через пять минут и сообщит, что не может найти пижаму Фредрика или что-нибудь в этом роде.

Дженнифер заметила, как Билл картинно закатил глаза, и вдруг с испугом отметила, что этот жест ей знаком.

Вся компания в составе восьми человек наконец уселась за стол: ее муж и Фрэнсис сидели друг против друга, Ивонна, Доминик, занимавший высокий пост в военном министерстве, и Дженнифер — спиной к окну, а напротив них — Вайолет, Билл и Энн, жена Доминика, веселая барышня, задорно хохотавшая над шутками мужчин. По ее благодушному, задорному взгляду сразу было видно, что она уверена в собственной привлекательности.

Дженнифер поймала себя на том, что наблюдает за тем, как они едят, пристально анализирует и отмечает каждое брошенное вскользь замечание, пытаясь найти хоть какие-то подсказки о своей прошлой жизни. Билл, отметила она, редко смотрит на жену и никогда к ней не обращается, а Вайолет, в свою очередь, этого как будто не замечает. Интересно, подумала Дженнифер, она действительно не замечает его равнодушия или просто всеми силами скрывает свое замешательство?

А вот постоянно жалующаяся на Фрэнсиса Ивонна глаз с мужа не сводит: произнося очередное едкое замечание, она все время с вызовом смотрит на него, ожидая, как он отреагирует. С ними все понятно, решила Дженнифер. Ивонна просто не хочет показывать мужу, как много он для нее значит.

— Лучше бы я вложил деньги в производство холодильников, — говорил тем временем Фрэнсис. — Сегодня утром в газете написали, что в

этом году в Великобритании продадут миллион штук. Миллион! А пять лет назад... ну разве что сто семьдесят тысяч.

— В Америке, наверное, раз в десять больше. Я слышала, что там люди меняют холодильник дважды в год, — заметила Вайолет, накалывая на вилку кусочек рыбы. — И холодильники там огромные — раза в два больше наших, представляете?

— Да в Америке все огромное. Или им нравится, чтобы мы так думали.

— Ну да, в том числе и самомнение, судя по тем американцам, с которыми я общался, — заговорил Доминик. — Генералы-янки — самые невыносимые всезнайки на свете.

— Бедный Доминик, — рассмеялась Энн, — он совсем растерялся, когда один из них стал учить его, как правильно вести машину, да еще и его собственную.

— «Да, казармы у вас довольно маленькие. Да, машины у вас небольшие. И паек у вас — так себе», — театрально произнес Доминик. — Посмотрел бы он, какие у нас раньше были пайки. Да они себе даже не представляют.

— Дом решил подшутить над ним и заехал за ним на «моррис майнор» моей мамы. Вы бы видели лицо этого янки!

— Я сказал ему: «Обычное дело, приятель. Высокопоставленных особы, конечно, возим на „воксхолл велокс“ — там места для ног на три дюйма больше». Вы бы видели, ему пришлось почти пополам сложиться, чтобы залезть в машину.

— Я чуть со смеху не умерла, — добавила Энн, — Дом чудом не заработал большие неприятности.

— Как твой бизнес, Ларри? Слышал, ты через недельку-другую снова собираешься в Африку?

Дженнифер внимательно следила за тем, как муж откинулся на спинку стула.

— Дела идут хорошо, на самом деле, очень хорошо. Только что подписал сделку с одной компанией по производству автомобилей: будут производить для нас тормозные колодки, — сообщил он, кладя нож и вилку на тарелку.

— А чем конкретно ты занимаешься? Я все никак не пойму, что это за новомодный минерал...

— Вайолет, тебе-то это зачем? Тебе же неинтересно, — оборвал жену сидевший напротив Билл. — Вайолет вообще мало интересуется все, что не розового или голубого цвета или не начинается со слова «мама».

— Билл, дорогой, дело в том, что атмосфера в вашей семье не способствует развитию каких бы то ни было интересов, — парировала Ивонна, и мужчины возмущенно присвистнули.

— Вообще-то, этот минерал далеко не новый, — объяснил Лоренс Стерлинг, поворачиваясь к Вайолет. — Его использовали еще в Древнем Риме. Проходила историю Древнего Рима в школе?

— Конечно. Правда, сейчас я уже ничего не помню, — визгливо рассмеялась Вайолет.

— Так вот, — понизив голос, продолжил Лоренс, и все гости притихли, чтобы послушать его рассказ, — Плиний Старший пишет о том, как однажды на его глазах в очаг на пиру бросили кусок ткани, а через несколько минут, когда тряпку вытащили из огня, оказалось, что она совершенно не пострадала. Некоторые решили, что это колдовство, но он понял, что дело тут в другом. — Ларри достал из кармана ручку, написал что-то на салфетке и протянул Вайолет. — Вот, смотри: хризотил. Это слово происходит от греческого «chrysos», то есть «золото», и «tilos» — в переводе «волокно». Уже тогда они знали, что хризотил, или асбест, обладает огромной ценностью. Я, точнее моя компания, просто добываю асбест и нахожу для него разные сферы применения.

— Вы тушите пожары?

— Да, — ответил он, задумчиво глядя на свои руки. — Точнее, я делаю все, чтобы предотвратить пожары.

На секунду за столом воцарилась напряженная тишина. Ларри украдкой посмотрел на Дженнифер, но тут же отвел взгляд.

— А где же большие деньги, старина? Ты же зарабатываешь не на нестораемых скатертях?

— Автозапчасти, — немного расслабившись, ответил Ларри, и обстановка сразу стала более непринужденной. — Говорят, что через десять лет каждая семья в Англии будет иметь автомобиль. Представляете, сколько понадобится тормозных колодок? Мы также ведем переговоры с железнодорожными и авиакомпаниями. Однако белый асбест имеет крайне широкое применение: кровельное покрытие, сельскохозяйственное строительство, обшивка, изоляция — скоро он будет повсюду.

— И правда — чудо-минерал.

Когда он говорит о работе с друзьями, он ведет себя куда естественнее и проще, чем когда мы с ним наедине, подумала Дженнифер. Наверное, ему тоже пришлось нелегко: она попала в серьезную аварию и до сих пор окончательно не пришла в себя. Ей вспомнились слова Ивонны о том, какой она была раньше: потрясающая, уравновешенная, озорная. Он скучает по

той женщине? Видимо, Ларри заметил, что Дженнифер наблюдает за ним, повернулся к ней и поймал ее взгляд. Она улыбнулась, и через мгновение он улыбнулся в ответ.

— Я все вижу. Ларри, перестань. Нельзя сохнуть по собственной жене! — воскликнул Билл, наполняя бокалы присутствующих.

— Он имеет полное право сохнуть по собственной жене, — запротестовал Фрэнсис. — После всего, что произошло. Дженни, как ты себя чувствуешь? Выглядишь чудесно.

— Все в порядке, спасибо.

— Я считаю, что она просто молодец: устроить званый ужин через неделю после выписки из клиники. С ума сойти!

— Если Дженни вдруг перестанет приглашать гостей, мы сразу поймем, что что-то не так. И не только с Дженни. Мир перевернется, — заявил Билл, потягивая вино.

— Жуткое дело, и не говори. Как приятно видеть, что ты пришла в себя.

— Мы страшно беспокоились. Надеюсь, тебе передали мой букет, — вставила Энн.

— Ты помнишь, как произошла авария, Дженни? — спросил Дом, кладя салфетку на стол.

— Думаю, Дженни не очень хочет вспоминать об этом, — перебил его Лоренс, вставая, чтобы достать из бара очередную бутылку вина.

— Да-да, конечно, прости, — замахал руками Доминик. — Спросил не подумав...

— Со мной все в порядке, — ответила Дженнифер, начиная убирать со стола тарелки. — Правда. Я вряд ли смогла бы что-то рассказать, даже если бы захотела... Я вообще мало что помню...

— Оно и к лучшему, — заметил Доминик.

— Что ж, дорогой Ларри, чем раньше ты начнешь производить тормозные колодки для нас, тем лучше. Тогда мы все будем в надежных руках, — дымя сигаретой, отозвалась Ивонна.

— А он будет купаться в деньгах, — рассмеялся Фрэнсис.

— Фрэнсис, дорогой. Разве обязательно сводить любой разговор к деньгам?

— Обязательно, — ответили они с Биллом в один голос.

Все дружно рассмеялись, а Дженнифер взяла грязные тарелки и понесла их на кухню.

— Кажется, все прошло хорошо, как ты думаешь? — спросил он.

Дженнифер сидела за туалетным столиком, аккуратно снимая сережки. Она увидела отражение Лоренса в зеркале, когда он вошел в спальню, на ходу развязывая галстук. Он скинул ботинки и зашел в ванную, не закрыв за собой дверь.

— Да, — ответила она, — по-моему, хорошо.

— Ужин был просто великолепный.

— Ну, это не моя заслуга, — возразила она, — скажи спасибо миссис Кордозе.

— Но меню ведь ты спланировала.

Спорить с ним было бесполезно — проще сразу согласиться. Она убрала сережки на место в шкатулку. Из ванной послышался плеск воды.

— Я рада, что тебе понравилось, — крикнула она, встала, с трудом сняла платье и, повесив его в шкаф, начала стягивать чулки.

Взявшись за второй чулок, Дженнифер заметила, что муж стоит в дверях ванной и завороченно смотрит на ее ноги.

— Сегодня вечером ты была очень красивая, — тихо сказал он.

Она растерянно заморгала, сняла второй чулок и попыталась расстегнуть корсет, ощущая внезапное напряжение. Левая рука еще не восстановилась после операции, и Дженнифер не могла завести ее за спину и дотянуться до застёжки. Опустив голову, она слушала его шаги. Лоренс, в одних пижамных брюках, подошел к ней сзади, мягко отвел ее руки и помог расстегнуть корсет. Он стоял так близко, что она спиной ощущала его дыхание, пока он терпеливо расстегивал крючок за крючком.

— Ты сегодня очень красивая, — повторил он.

Она прикрыла глаза, повторяя про себя: «Это мой муж. Все говорят, что он обожает меня. Мы счастливы». Он слегка погладил ее по правому плечу, осторожно коснулся губами ее затылка, а потом прошептал:

— Ты очень устала?

Дженнифер понимала, что это ее последний шанс: он настоящий джентльмен, и если она скажет, что устала, то он оставит ее в покое. Но ведь они женаты. Женаты! И рано или поздно ей придется посмотреть правде в глаза. Кто знает, возможно, если он станет ей менее чужим, то она быстрее придет в себя и вспомнит, кто она такая на самом деле.

Дженнифер повернулась к нему и, не глядя ему в глаза, не целуя его, уткнулась ему в грудь.

— Нет... — прошептала она, — не устала, а ты?

Он прижался к ней, и она крепко зажмурилась, ожидая каких-то смутно знакомых ощущений, возможно, даже желания. Ведь они женаты уже четыре года, наверняка они занимались этим много раз. Тем более он

так терпеливо вел себя после того, как она вернулась из клиники...

Его руки жадно гладили ее тело, все настойчивей и настойчивей, и вот он уже расстегнул бюстгальтер. Она не открывала глаза, осознавая свою наготу.

— Давай выключим свет. — попросила она. — Не хочу... не хочу думать о руке. О том, как она выглядит.

— Конечно, я должен был сам догадаться.

Раздался щелчок выключателя, и свет в спальне погас.

На самом деле Дженнифер волновалась совсем не из-за руки — просто она не хотела смотреть на мужа. Не хотела, чтобы он увидел ее обнаженной и уязвимой. Они очутились в постели, он целовал ее шею, жадно глядя ее грудь и тяжело дыша. Потом накрыл ее своим телом, придавив к постели, и она обняла его за шею, удивляясь тому, что, вопреки всем ожиданиям, совершенно ничего не чувствует. Что со мной случилось, подумала она, как же я делала это раньше?

— Все хорошо? — прошептал он ей на ухо. — Тебе не больно?

— Нет-нет, что ты...

Он целовал ее грудь и стонал от наслаждения, а потом потянул вниз ее трусики:

— Сними их.

Лоренс слегка приподнялся, чтобы она могла спустить трусики, а потом отбросить их в сторону. Дженнифер лежала перед ним голая и совершенно беззащитная. Она хотела было остановить его, но он уже раздвинул ей ноги и неуклюже попытался войти в нее. Она хотела сказать: «Я еще не готова», но момент был упущен — волна желания уже захлестнула его с головой, унося в водовороты страсти.

Она поморщилась, приподняла колени, стараясь не напрягаться, и он тут же очутился внутри нее, она кусала губы в темноте, стараясь не замечать боли и полного отсутствия каких-либо желаний, за исключением одного: чтобы все поскорее закончилось и он вышел из нее. Он двигался все быстрее и яростнее, навалившись на нее всем весом, прижавшись к ее плечу разгоряченной, вспотевшей щекой. Затем тихо застонал, проявив свою уязвимость, которую никогда не показывал в других ситуациях, и все закончилось: эта штука исчезла, оставив лишь липкую влагу у нее между ног.

Дженнифер прикусила губу так сильно, что ощутила во рту привкус крови.

Тяжело дыша, он перекатился с нее на кровать. В темноте раздался его голос:

— Спасибо.

Слава богу, что он не видит, как я лежу и смотрю в потолок, подумала Дженнифер, натягивая одеяло до самого подбородка, а вслух сказала:

— Не за что. Все в порядке.

Теперь она с точностью могла сказать, что воспоминания хранятся не только в памяти, но и в других местах.

*С тобою счастье нам не светит...
За это я — не ты — в ответе.*

Мужчина — женщине, в открытке

За последнее время Дон Франклин изрядно поправился, живот уже практически нависал над ремнем. Рубашка обтягивала его раздавшееся тело, а внизу, над самым ремнем, виднелся треугольник бледной кожи. Он откинулся на спинку кресла и, сняв очки, надел их на голову.

— Нужна статья о каком-то промышленнике. О'Хара, на этом настаивает редактор. Ему нужен четырехстраничный разворот, посвященный этому чудо-минералу, — на правах рекламы.

— Черт побери, Дон! Но я же ровным счетом ничего не знаю о шахтах и заводах. Побойся бога, я же зарубежный корреспондент.

— Ты был зарубежным корреспондентом, — поправил его Дон. — Мы не станем снова посылать тебя туда, Энтони, и тебе это прекрасно известно. Мне нужен человек, который умеет хорошо делать свою работу. И вообще, какие у тебя варианты? Хочешь сидеть здесь для мебели?

Энтони рухнул в кресло напротив и, вытащив сигареты, посмотрел сквозь стеклянную стену кабинета: там, за спиной выпускающего редактора, младший сотрудник редакции Фиппс в ярости выдернул из машинки три листа и с искаженным от раздражения лицом вставил новые страницы, предварительно проложив их копиркой.

— Я видел, как ты это делаешь. Пустишь в ход свое неземное обаяние, и все тут.

— То есть на самом деле это даже не биографический очерк, а раздутая заказная статья.

— Часть его бизнеса находится в Конго, ты же много чего знаешь об этой стране.

— Я много чего знаю о людях, которые владеют шахтами в Конго.

— Ну, не все так плохо, — попытался успокоить его Дон, беря у Энтони сигарету и прикуривая.

— Да что ты.

— Интервью у этого парня надо взять в его летней резиденции на юге

Франции. Ривьера. Несколько дней на солнышке, пара лобстеров за счет фирмы, если повезет — увидишь саму Бриджит Бардо... Ты меня еще благодарить будешь.

— Пошли Петерсона, он обожает такие штуки.

— Петерсон занимается детоубийцей из Норвича.

— Тогда Мёрфетта — он любит светские рауты.

— Мёрфетт уехал в Гану, пишет репортажи о беспорядках в Ашанти.

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнул Энтони. — Да он даже не сможет написать нормальный репортаж о том, как двое мальчишек подрались в телефонной будке. Какого черта он делает в Гане? Дон, — взяв себя в руки, тихо произнес Энтони, — пошли меня обратно.

— Нет.

— Даже если у меня мозги будут совсем набекрень, если я окончательно сопьюсь и меня запрут в психушке, я все равно буду писать лучше, чем Мёрфетт, и ты это прекрасно знаешь.

— О'Хара, твоя проблема состоит в том, что ты сам своего счастья не понимаешь. От добра добра не ищут. — Дон наклонился к Энтони, понижая голос: — Перестань выпендриваться и слушай сюда. Когда ты вернулся из Африки, там, — показал вверх Дон, туда, где этажом выше находился кабинет главного редактора, — шли разговоры, не уволить ли тебя вообще. Вся эта история... Они о твоём же благе заботились, дорогой мой. Ну да бог с ними. Уж не знаю, как тебе это удалось, но ты успел обзавестись здесь кучей друзей, и некоторые из них — довольно влиятельные ребята. Они взяли на заметку то, что произошло, но тем не менее оставили тебя в штате и продолжили платить зарплату. Даже когда ты был... ну, в общем, сам знаешь где, — смутился Дон, заерзав под недрогнувшим взглядом Энтони, который на протяжении этого монолога даже бровью не повел. — Ну так вот: они не хотят, чтобы ты подвергал свою жизнь опасности. Поэтому возьми себя в руки, поезжай во Францию и радуйся, что тебе дают возможность работать, да еще и ужинать в ресторане в Монте-Карло. Кто знает, может, подцепишь себе там какую-нибудь молоденькую актриску.

Энтони молчал. Похоже, что вся эта речь не произвела на него никакого впечатления.

— То есть ты правда не хочешь этим заниматься, — подытожил Дон, затушив сигарету.

— Не хочу, Дон, и ты это прекрасно знаешь: стоит мне согласиться на такую работенку, а там и до заметок вроде «Родился-женился-скончался» недалеко.

— Господи... своенравный ты мерзавец, О'Хара, — сокрушенно вздохнул Дон, порылся в бумагах на столе и протянул Энтони отпечатанный лист. — Черт с тобой, бери: Вивьен Ли собралась на другую сторону Атлантики, хочет снять домик недалеко от театра, где работает Оливье. Судя по всему, он отказывается иметь с ней дело, в светской хронике пишут, что она не знает, в чем причина такого поведения мужа. Давай-ка узнай, собираются они разводиться или нет. И желательно хорошее описание ее нарядов.

Повисла еще одна мучительная пауза. В соседнем кабинете Фиппс выдернул из машинки очередные три страницы и, хлопнув себя по лбу, выругался. Энтони потушил сигарету и, мрачно взглянув на начальника, направился к выходу.

— Пошел собирать вещи, — бросил он через плечо.

Выбирая костюм для похода на званый ужин, Энтони думал о том, что в по-настоящему богатых людях есть нечто такое, что заставляет его задевать их: то ли непоколебимая самоуверенность — ведь они не привыкли, что им перечат, — то ли высокопарность, из-за которой все воспринимают всерьез их банальнейшие высказывания.

Поначалу Лоренс Стерлинг показался ему не таким уж антипатичным: обходительные манеры, взвешенные ответы на вопросы, довольно продвинутые взгляды на использование рабочего труда.

Однако к концу дня Энтони понял, что имеет дело с человеком, для которого вопросы контроля и власти превыше всего. Он отдает людям приказы, совершенно не интересуясь их мнением. Его абсолютно не волнует все, что происходит за пределами его круга общения. Одним словом, достаточно богатый и успешный зануда, которому не надо утруждать себя тем, чтобы произвести впечатление.

Энтони чистил пиджак, думая, зачем он вообще согласился пойти на этот ужин. В конце интервью Стерлинг неожиданно пригласил его присоединиться к ним вечером, и Энтони пришлось признаться, что в Антибе он никого не знает, планов у него нет и на большее, чем ужин в гостинице, он не рассчитывал. По дороге в гостиницу он решил, что Стерлинг пригласил его на ужин исключительно в расчете на то, что Энтони напишет о нем лестную статью. Несмотря на то что он принял приглашение с явной неохотой, Стерлинг тут же дал своему водителю указание забрать Энтони из отеля «Кап» в 7.30.

— Сами вы наш дом не найдете, он находится в уединенном месте, довольно далеко от шоссе, — объяснил Стерлинг.

Еще бы, подумал Энтони, люди вроде Стерлинга не любят жить по соседству с обычными смертными.

Консьерж заметно оживился, увидев ожидающий у входа лимузин, ринулся к двери и, подобострастно улыбаясь, открыл ее перед Энтони. Такого сервиса в этом отеле Энтони раньше не видел, поэтому полностью проигнорировал его заискивание, поздоровался с водителем и сел рядом на переднее сиденье. Журналист заметил, что водителю это не особенно понравилось, но, с другой стороны, если бы он сел сзади, то почувствовал бы себя самозванцем.

Энтони открыл окно, и теплый средиземноморский бриз коснулся его кожи. Длинный неповоротливый автомобиль медленно полз по дорогам вдоль побережья, наполненным ароматами розмарина и тимьяна.

Задумчиво глядя на видневшиеся вдали холмы в сиреневой дымке, Энтони подумал, что настолько привык к более экзотическим африканским пейзажам, что уже и забыл, какие чудесные уголки природы существуют в Европе.

Энтони по-свойски заговорил с водителем: расспросил его об этих местах, на кого еще он работает, как живут простые люди в этой части страны. Журналист просто не мог удержаться, ведь информация — это всё. Лучшие из своих статей он написал благодаря вот таким ненавязчивым беседам с водителями и другим обслуживающим персоналом власть имущих.

— Как вам работается на мистера Стерлинга? — спросил он.

— Нормально, — настороженно взглянув на него, быстро ответил водитель, всем своим видом давая понять, что разговор на эту тему окончен.

— Рад слышать, — отозвался Энтони и, когда машина остановилась около огромной белой виллы, позаботился о том, чтобы дать водителю щедрые чаевые.

Глядя вслед заезжающему в гараж лимузину, Энтони практически позавидовал водителю. По природе своей немногословный, сейчас он предпочел бы попросту съесть сэндвич в компании водителей и сыграть с ними в карты, а не вести светскую беседу с уставшими от жизни толстосумами Ривьеры.

Особняк восемнадцатого века мало отличался от других вилл состоятельных людей — огромный и безупречный. Понятно, что для обслуживания требуется немало прислуги. Идеально ровная, посыпанная гравием дорожка с обеих сторон была выложена декоративной плиткой, на

клумбах — ни единой лишней травинки, из-за закрытых расписных ставней призывно мерцал свет. Гости поднимались по широкой пологой лестнице и проходили в украшенный цветами в огромных вазах просторный холл, где уже слышались звуки голосов из столовой. Энтони медленно поднялся наверх по нагревшимся за день каменным ступеням.

Приглашенных, не считая его самого, оказалось семеро: Монкриффы (лондонские друзья Стерлинга — миссис Монкрифф тут же смерила Энтони оценивающим взглядом), мэр города месье Лафайет с женой и дочерью, грациозной брюнеткой с ярко покрашенными глазами и видом отчаянной проказницы, и пожилые супруги Демарсье, обитавшие на соседней вилле. Привлекательную блондинку в стиле Грейс Келли Стерлинг представил как свою супругу. Таким женщинам обычно сказать особенно нечего, да и не нужно: мужчины всю жизнь восхищаются их красотой и этого более чем достаточно. Энтони искренне надеялся, что его посадят рядом с миссис Монкрифф — хоть она и смотрит на него с некоторым вызовом, по крайней мере, будет не так скучно.

— Значит, вы работает в газете, мистер О'Хара? — снизошла до него пожилая француженка.

— Да, в Англии, — едва успел ответить Энтони, как появился официант с подносом с напитками. — А у вас есть что-нибудь безалкогольное? Например, содовая?

Официант молча кивнул и испарился, а француженка спросила:

— И как же она называется?

— «Нэйшн».

— «Нэйшн», — разочарованно повторила она, — никогда о такой не слышала. Знаю только «Таймс», это, кажется, лучшая газета в Великобритании?

— Некоторые так считают, — ответил Энтони, мысленно взмолившись, чтобы хотя бы еда оказалась сносной.

Рядом возник официант — на подносе стоял высокий стакан содовой со льдом. Энтони изо всех сил старался не смотреть на сверкающее в бокалах у остальных шампанское, попытался вспомнить забытый со школьных времен французский и завести разговор с дочерью мэра, которая ответила ему на безупречном английском с очаровательным французским акцентом. Нет, слишком юная, решил Энтони, заметив, как нахмурился мэр.

Когда всех наконец пригласили за стол, он с облегчением обнаружил, что его посадили рядом с Ивонной Монкрифф — обходительной и интересной дамой, которую он, к сожалению, совершенно не интересовал

как мужчина. «Черт бы побрал всех этих счастливых женушек!» По левую руку от него сидела Дженнифер Стерлинг, но она, казалось, была поглощена беседой с соседом.

— Вы часто бываете в этих краях, мистер О’Хара? — поинтересовался Фрэнсис Монкрифф, высокий, сухопарый мужчина, вполне под стать своей жене.

— Нет.

— Значит, больше занимаетесь тем, что происходит в деловом центре Лондона?

— Нет, я этим вообще не занимаюсь.

— Так вы не пишете о финансах?

— Я зарубежный корреспондент, работаю в горячих точках за границей.

— А Ларри занимается созданием этих горячих точек, — рассмеялся Монкрифф. — По чем конкретно вы пишете?

— Ну, о многом: войны, голод, эпидемии — в общем, о всяких прелестях жизни...

— Не вижу в этом ничего прелестного, — потягивая вино, вмешалась в разговор пожилая француженка.

— В прошлом году я освещал кризис в Конго, — проигнорировав ее реплику, добавил Энтони.

— От этого Лумумбы одни неприятности, — заговорил Стерлинг, — а бельгийцы — просто безмозглые трусы, если думают, что он сможет справиться с ситуацией.

— Полагаете, африканцам нельзя доверять самостоятельно управлять собственной страной?

— Еще недавно Лумумба был всего лишь босоногим почтальоном из джунглей. Во всем Конго нет ни одного цветного, имеющего профессиональное образование, — дымя сигарой, парировал Стерлинг. — И как же они собираются руководить банками и больницами, если бельгийцы покинут их территорию? Страна просто превратится в зону военных действий. Мои шахты находятся на границе Родезии и Конго, и мне уже пришлось нанять в службу безопасности новых людей из Родезии, конголезцам теперь нельзя доверять.

Повисла напряженная пауза. У Энтони слегка задергался глаз, он крепко сжал зубы, сдерживаясь из последних сил. Стерлинг стряхнул пепел с сигары, а потом спросил:

— И где же вы бывали в Конго, мистер О’Хара?

— В основном в Леопольдвиле^[5] и Браззавиле.

— Тогда вы прекрасно знаете, что армия Конго совершенно неуправляема.

— Я знаю, что борьба за независимость — сложный период для любой страны и что если бы генерал-лейтенант Янссенс повел бы себя чуть более дипломатично, то можно было бы спасти множество жизней.

— Ясно, — отозвался Стерлинг, оценивающе взглянув на Энтони сквозь клубы сигарного дыма, — значит, вы стали адептом культа Лумумбы. Очередной наивный либерал? — холодно улыбнувшись, спросил он.

— Вряд ли жизнь простых африканцев может стать еще тяжелее...

— Значит, в этом мы с вами расходимся, — отрезал Стерлинг. — Я считаю, что свобода — крайне опасный подарок для этих людей.

В столовой повисла мертвая тишина. Издалека доносился рев мотоцикла, взбиравшегося по склону холма. Мадам Лафайет нервно поправила прическу.

— Мне, к сожалению, об этом ничего не известно, — нарушила молчание Дженнифер Стерлинг, аккуратно разглаживая салфетку на коленях.

— Слишком мрачная тема для разговора, — поддержала ее Ивонна Монкрифф. — Иногда меня просто тошнит от того, что я читаю в утренних газетах. Фрэнсис читает спортивные и деловые новости, а мне вполне хватает журналов. Мы мало интересуемся политикой.

— Моя жена вообще не считает какое-либо событие достойным внимания, если о нем не написали в «Вог», — рассмеялся Монкрифф, и гости немного расслабились.

Завязалась непринужденная беседа, официанты то и дело наполняли бокалы.

Мужчины обсуждали фондовый рынок и недвижимость на Ривьере. Пожилая пара жаловалась на безумный наплыв туристов, которые мало того что мешают развернуть более масштабное строительство, так еще и имеют наглость вступать в Британский клуб любителей бриджа.

— По-моему, нет основания для беспокойства, — заверил их Монкрифф. — В этом году бунгало в Монте-Карло стоят пятьдесят фунтов в неделю, так что не думаю, что у лагерей вроде Батлина^[6] найдутся такие средства.

— Я слышал, что Элса Максвелл предлагает покрыть гальку пенорезиной, чтобы по ней было приятнее ходить.

— Боже, какие же здесь у людей серьезные проблемы, — пробормотал себе под нос Энтони.

Он с радостью ушел бы, но сейчас это будет выглядеть крайне неприличным с его стороны. Энтони казалось, что все эти разговоры где-то очень далеко от него, как будто он вдруг оказался в параллельной вселенной. Как они могут спокойно рассуждать об ужасах, творящихся в Африке, в прямом смысле живя за счет людей, которые страдают там в этот самый момент? После недолгого колебания Энтони подозвал официанта и попросил, чтобы тот налил ему вина. Никто из гостей не обратил на это внимания. Принесли вторую перемену блюд — свежие морепродукты.

— Так значит, вы напишете что-нибудь замечательное о моем муже? — спросила Дженнифер Стерлинг, покосившись на его манжеты.

— Не знаю, — нервно поправив на коленях салфетку, ответил Энтони. — А должен? Он и правда замечательный?

— По выражению нашего дорогого друга мистера Монкриффа, Лоренс — луч света в темном царстве коммерции. Его фабрики построены по высшему стандарту, оборот возрастает с каждым годом.

— А я вас не об этом спрашиваю.

— Да? А о чем?

— Я спросил вас, замечательный ли он, — уточнил Энтони, понимая, что ведет себя не слишком тактично, но алкоголь уже раззадорил его.

— Не думаю, что вам следует задавать такие вопросы, мистер О'Хара. Жена вряд ли сможет дать вам беспристрастный ответ.

— О, я по опыту знаю, что более беспристрастных и жестоких ответов не добьешься ни от кого, кроме жен.

— Неужели? Продолжайте, очень интересно.

— Ну, кто еще уже через несколько недель после замужества узнает обо всех недостатках мужчины, а значит, может рассказать обо всех его уязвимых местах? Что и делает — регулярно, с завидной настойчивостью и ужасающей точностью.

— Ваша жена, похоже, бессердечная женщина. Мне нравится, как вы о ней рассказываете.

— Моя жена — воистину мудрая женщина, — парировал Энтони, наблюдая за тем, как Дженнифер расправляется с очередной креветкой.

— Правда?

— Чистая правда. Она проявила достаточно мудрости и ушла от меня много лет назад.

Дженнифер протянула ему соус, он не взял, тогда она сама положила ему на край тарелки немного майонеза и спросила:

— Как это понимать, мистер О'Хара? Вы оказались не таким уж замечательным?

— Не таким уж замечательным мужем? Полагаю, вы правы. Во всех остальных отношениях я, разумеется, само совершенство. Пожалуйста, называйте меня просто Энтони, — ответил он, копируя принятую в этих кругах высокомерную манеру общения.

— Что ж, Энтони, тогда я думаю, что у вас с моим мужем много общего. Думаю, он о себе примерно такого же мнения, — произнесла Дженнифер, выразительно взглянув на Стерлинга, потом повернулась обратно к Энтони и посмотрела на него долгим взглядом, вполне достаточным для того, чтобы журналист понял, что ошибался в ней, принимая ее за скучную, поверхностную барышню.

Вскоре принесли горячее — говяжий рулет, запеченный с грибами в сливках, а Энтони тем временем узнал, что Дженнифер Стерлинг, урожденная Верриндер, замужем уже четыре года.

Практически всю жизнь прожила в Лондоне, а вот муж часто ездит по делам на шахты. Зимой, часть лета и праздники они проводят на Ривьере, так как светская жизнь Лондона им порядком наскучила. Здесь все знают друг друга, сообщила она, пристально разглядывая сидящую напротив жену мэра. Кому захочется постоянно жить в аквариуме, где плавают исключительно золотые рыбки?

Все, что Дженнифер Стерлинг сказала ему, характеризовало ее как очередную пресытившуюся светскими развлечениями жену богатого человека. Однако Энтони заметил в ней и нечто иное: Дженнифер Стерлинг была слишком одинока и слишком умна для своего положения в обществе и, судя по всему, еще не понимала, к чему это может привести через пару лет. Пока что лишь едва заметная печаль, сквозившая в ее взгляде, выдавала в ней человека мыслящего. Эта женщина оказалась заложницей бесконечного и бессмысленного водоворота светской жизни.

Детей у них не было, на его вопрос почему, Дженнифер ответила: «Говорят, супругам нужно хотя бы какое-то время провести в одной стране, чтобы завести детей». Услышав это, Энтони сперва подумал, не заигрывает ли она с ним, однако по ее простодушному взгляду понял, что эта ситуация ее скорее забавляет, чем расстраивает.

— А у вас есть дети, Энтони? — поинтересовалась она.

— Ммм... Похоже, один все-таки есть. Живет с моей бывшей женой, которая готова на все, что угодно, лишь бы я не сбил сына с пути истинного, — произвольно ответил Энтони и сразу понял, что прилично набрался. В трезвом виде он никогда не стал бы упоминать о существовании Филлипа.

Она улыбнулась, но так серьезно посмотрела на него, как будто

пыталась решить, стоит ей посочувствовать ему или нет. О нет, только не это, безмолвно взмолился он, налил себе еще вина, чтобы скрыть смущение, и добавил:

— Ничего страшного... Он...

— А как вы обычно сбиваете людей с пути истинного, мистер О'Хара? — спросила дочь мэра Мариетта, сидящая напротив него.

— Подозреваю, мадемуазель, что, вообще-то, меня самого довольно легко сбить с пути истинного. Если бы я не принял решение написать крайне положительную статью о мистере Стерлинге, то, полагаю, после такого роскошного ужина в такой компании мне ничего другого уже не осталось бы. А вас как сбить с пути истинного, миссис Монкрифф? — обратился Энтони к Ивонне, считая ее наиболее безобидной собеседницей из всех присутствующих.

— О, проще простого. Только вот что-то никто не пытается, — ответила она.

— Чушь! — ласково перебил ее муж. — Вспомни, сколько месяцев я потратил, чтобы совратить тебя?

— Тебе пришлось дорого заплатить за меня, милый. В отличие от мистера О'Хара у тебя нет ни внешности, ни обаяния, — парировала Ивонна, посылая мужу воздушный поцелуй. — Если кого и невозможно совратить, так это Дженни. Она же просто само совершенство, настоящий ангел во плоти, не правда ли?

— Неподкупных душ в этом мире не существует — это вопрос цены, — возразил Монкрифф, — и наша милая Дженни не исключение.

— Ты абсолютно прав, Фрэнсис. Вот месье Лафайет — истинный образчик неподкупности, — криво усмехнувшись, ответила Дженнифер, похоже выпившая чуть больше шампанского, чем нужно. — Среди французских политиков вообще не существует такого понятия, как коррупция...

— Дорогая, я не уверен, что ты обладаешь достаточными знаниями, чтобы обсуждать французскую политику, — оборвал ее Лоренс Стерлинг.

— Я просто хотела сказать... — начала Дженнифер, слегка покраснев, что не укрылось от наблюдательного взгляда Энтони.

— Значит, не говори, — закончил за нее фразу муж.

Она заморгала и уставилась в свою тарелку, разговоры резко оборвались, гости неловко переглянулись. Месье Лафайет поставил на стол бокал и, повернувшись к Дженнифер, учтиво произнес:

— Думаю, вы совершенно правы, мадам. Однако я с удовольствием расскажу вам, что за бесчестный негодяй будет моим соперником на

грядущих выборах... Конечно же, если вы достаточно хорошо заплатите мне за эти сведения.

Все с облегчением рассмеялись. Энтони почувствовал, что Мариетта словно невзначай коснулась под столом его ноги. Сидящая рядом с ним Дженнифер тихо давала официантам указания начинать убирать со стола. Супруги Монкрифф оживленно болтали через оказавшегося между ними месье Демарсье.

«Господи, что я здесь делаю? Это не моя жизнь». Лоренс Стерлинг разговаривал с соседом слева и понимающе кивал. Вот дурак, подумал Энтони, прекрасно зная, что в данной ситуации дураком скорее выглядит он сам: жена ушла, карьера близится к закату, состояния так и не заработал...

Воспоминание о сыне, сочувствие во взгляде Дженнифер Стерлинг и выпитый алкоголь вконец испортили ему настроение. Остается лишь одно, решил Энтони и снова подозвал официанта.

Супруги Демарсье ушли сразу после одиннадцати, за ними вскоре последовали Лафайеты — утром будет важное совещание, объяснил мэр, добавив: «Мы, французы, приходим на работу раньше вас, англичан», затем пожал руки всем гостям, допивавшим кофе с бренди на просторной террасе, и на прощание сказал Энтони:

— С нетерпением буду ждать публикации вашей статьи, месье О'Хара, рад знакомству.

— Ну что вы, это я польщен встречей, — нетвердо держась на ногах, заявил Энтони. — Вы открыли мне удивительный мир муниципальной политики.

Энтони был сильно пьян, и эти слова вырвались у него совершенно произвольно. Он нервно заморгал, осознав, что фраза может быть воспринята двояко. Энтони вообще с трудом мог припомнить, о чем шла речь в последние несколько часов. Мэр глянул ему в глаза, затем убрал руку и отвернулся.

— Папа, я бы еще осталась, если ты не против. Уверена, что кто-нибудь из этих милых джентльменов не откажется проводить меня домой, — сказала отцу Мариетта, многозначительно посмотрев на Энтони, который яростно закивал в ответ.

— Хотя еще неизвестно, — добавил он, — кого из нас надо будет провожать, мадемуазель, я не имею ни малейшего представления, где нахожусь.

— Я прослежу, чтобы Мариетта добралась домой в целости и

сохранности, — вмешалась Дженнифер, целуя на прощание Лафайетов. — Спасибо, что пришли, — поблагодарила она, а потом добавила несколько слов по-французски, но Энтони не смог их разобрать.

К вечеру на Ривьеру опустилась приятная прохлада, но Энтони этого даже не заметил. Он прислушивался к плеску волн где-то внизу, звону бокалов, обрывкам разговоров Стерлинга и Монкриффа, которые обсуждали фондовые рынки и перспективы инвестиций в иностранные предприятия, но все это его мало волновало. Он был полностью поглощен великолепным коньяком, который кто-то налил ему в рюмку. Ему было не привыкать чувствовать себя чужим в незнакомой стране, погружаясь в ставшее привычным одиночество, но сегодня вечером он почему-то был несдержан и раздражителен.

Он взглянул на трех женщин — двух брюнеток и блондинку. Дженнифер Стерлинг протягивала им руку, — наверное, демонстрировала новое кольцо. Брюнетки шептались, время от времени раздавались сдавленные смешки. Мариетта то и дело бросала взгляды в его сторону и улыбалась. Что они там задумали? Будь осторожен, Энтони, сказал он самому себе, ей всего семнадцать, слишком молоденькая.

Стрекотали сверчки, смеялись женщины, из дома доносился приглушенный джаз. Энтони на мгновение прикрыл глаза, а потом взглянул на часы — целый час промелькнул совершенно незаметно. Ему уже давно пора и честь знать. Да-да, надо срочно распрощаться с хозяевами и идти домой.

— Думаю, мне пора возвращаться в отель, — сказал он мужчинам, с трудом поднимаясь с кресла.

— Мой водитель отвезет вас, — предложил Лоренс Стерлинг, не вынимая изо рта огромную сигару, и повернулся к дому.

— Нет-нет, не стоит, — запротестовал Энтони. — Мне полезно прогуляться. Благодарю за... за интересный вечер.

— Позвоните мне в офис завтра утром, если вам будет нужна дополнительная информация. Я буду там до обеда, а потом улетаю в Африку. Возможно, вы хотите побывать на моих шахтах? Африка всегда будет рада встретить нас...

— В другой раз, — отказался Энтони.

Стерлинг отрывисто и уверенно пожал ему руку, Монкрифф последовал его примеру, а затем молча отсалютовал.

Энтони пошел по тропинке, освещенной установленными в клумбах фонариками. Где-то далеко в ночном море мерцали огни кораблей.

Ветер донес с террасы отзвуки приглушенных голосов:

— Интересный парень, — сказал Монкрифф, но по тону было ясно, что он, мягко говоря, придерживается иного мнения.

— Вот самодовольный хлыщ! — пробормотал себе под нос Энтони.

— Мистер О'Хара? Можно мне с вами?

Слегка покачиваясь, Энтони обернулся и увидел Мариетту. Она стояла перед ним в накинутом на плечи кардигане, сжимая в руках сумочку.

— Я знаю, как дойти до города. Есть горная тропинка, можем пройти по ней. Мне почему-то кажется, что один вы обязательно заблудитесь, — заявила девушка, беря едва держащегося на ногах журналиста под руку. — Нам повезло, что сегодня чистое небо. В свете луны хотя бы будем видеть, куда идем.

Сначала они шли молча.

Прислушиваясь к шуршанию песка под ногами, Энтони зацепился за невысокий лавандовый куст и тихонько вздохнул. Несмотря на чудесную погоду и очаровательную спутницу, ему вдруг стало отчаянно тоскливо. Он и сам плохо понимал отчего.

— А вы не очень-то разговорчивы, мистер О'Хара. Вы там еще не заснули? — спросила Мариетта под доносящийся со стороны виллы смех.

— Скажите, а вам нравятся такие вечера? — ответил вопросом на вопрос журналист.

— Милый дом, — пожала плечами она.

— Милый дом. Это и есть ваш критерий того, насколько удачно вы провели вечер, мадемуазель?

— Мариетта, — слегка приподняв бровь, но не обращая внимания на его резкий тон, поправила она. — Пожалуйста, называйте меня просто Мариетта. То есть вы хотите сказать, что вам вечер не понравился?

— После общения с такими людьми, — провозгласил он, вполне отдавая себе отчет, что выпил и ведет себя агрессивно, — мне хочется засунуть револьвер в рот и нажать на курок. — Мариетта хихикнула, и, заручившись ее негласной поддержкой, Энтони продолжил развивать тему: — Мужчины говорят только о том, у кого что есть. Женщины не видят ничего, кроме своих украшений. У них есть деньги, есть возможность делать что угодно или поехать куда угодно, но никто из них и носа не высунет за пределы своего ограниченного мирка. — Энтони снова споткнулся, но Мариетта успела поддержать его под локоть. — Я бы с большим удовольствием провел вечер с попрошайками, которые ошиваются около отеля «Кап». Если, конечно, типы вроде Стерлинга еще не привели все в порядок и не вывезли неугодных лиц в какое-нибудь менее бросающееся в глаза место.

— А я-то думала, вам понравилась мадам Стерлинг, — упрекнула его девушка. — В нее влюблена половина мужского населения Ривьеры... судя по всему.

— Маленькая избалованная тай-тай. Таких полно в любом городе, мадемуа... простите, Мариетта. Красива, словно кукла, и ни одной оригинальной мысли в голове, — увлекшись собственным красноречием, продолжал он, но вдруг заметил, что девушка остановилась.

Почувствовав, что тут что-то не так, Энтони обернулся и с ужасом увидел на тропинке в двух шагах от него Дженнифер Стерлинг.

Она сжимала в руках его льняной пиджак, светлые волосы серебрились в лунном свете.

— Вы забыли, — процедила она сквозь зубы, глаза сердито сверкали в голубоватом свете луны.

Энтони шагнул вперед и забрал у нее пиджак, и тут Дженнифер повысила голос:

— Прошу простить нас, мистер О'Хара, что мы так вас разочаровали. Простите нас за то, что наш образ жизни столь оскорбляет ваши нежные чувства. Видимо, для того, чтобы заслужить ваше одобрение, надо иметь черную кожу и жить в абсолютной нищете.

— Господи! — встревоженно воскликнул он. — Простите! Простите, ради бога. Я выпил лишнего.

— Это точно. В любом случае, я нижайше прошу вас не нападать на Лоренса в прессе, каким бы ни было ваше личное мнение по поводу меня и моей избалованной натуры, — отчеканила она и, развернувшись, пошла к дому.

Энтони поморщился и беззвучно выругался, и тут ветер донес до него ее последние, брошенные через плечо слова:

— Возможно, в следующий раз вы дважды подумаете, прежде чем соглашаться провести вечер в компании таких зануд, и поймете, что можно просто вежливо отказаться.

Ты не позволяла мне взять тебя за руку, не позволяла даже дотронуться до твоего мизинца, персик мой нежный.

Мужчина — женщине, в письме

— Мадам, я не помешаю вам, если начну пылесосить? — донеслось из коридора, и Дженнифер, слышав шаги экономки, села на пятки. — О! Все ваши вещи... — опешила миссис Кордоза, застыв на пороге с пылесосом в руках. — Не знала, что вы решили привести в порядок комнату. Позвольте вам помочь?

— Нет, спасибо, миссис Кордоза, — ответила Дженнифер, вытирая лоб и окидывая взглядом содержимое шкафа, равномерно разбросанное по всей спальне. — Занимайтесь своими делами, я просто разбираю вещи, чтобы самой знать, где что лежит.

— Как скажете, — нерешительно ответила экономка, не двигаясь с места. — Я закончу, а потом пойду по магазинам. В холодильнике есть мясная нарезка. Вы сказали, что не хотите плотно обедать.

— Да-да, этого вполне достаточно, спасибо.

Вскоре в коридоре загудел пылесос, и Дженнифер снова осталась одна. Выпрямившись, она открыла очередную обувную коробку. С помощью миссис Кордозы Дженнифер уже несколько дней в самый разгар зимы занималась весенней уборкой: доставала все с полок и из ящиков, рассматривала, перекладывала, наводила чистоту и порядок с внушающей ужас скоростью и тщательностью, запоминала, как выглядят ее вещи, — одним словом, пыталась показать дому, который упорно отказывался признавать ее, кто здесь хозяйка.

Генеральную уборку Дженнифер поначалу затеяла ради развлечения, чтобы хоть немного отвлечься от грустных мыслей о том, что она обречена играть роль, которую ей отвели. Однако со временем это занятие привязало ее к дому, помогло лучше понять, какой она была раньше и как жила. Она обнаружила письма, фотографии и детский альбом — с одной из фотографий на нее хмуро смотрела маленькая девочка с хвостиком, которая сидела на упитанном белом пони. Разглядывая старательно исписанные школьные тетради и легкомысленные, шутливые письма, Дженнифер с

облегчением поняла, что многое ей действительно кажется знакомым. Как далеко была эта избалованная, всеми обожаемая и, наверное, даже испорченная девочка от женщины, в теле которой она теперь оказалась...

Она узнала о своей жизни практически все, что только возможно, но чувство потерянности, ощущение чужой жизни не исчезало. Вчера вечером после двух martinis она пожаловалась на это Ивонне.

— Дорогая, такое со всеми бывает, — ласково погладила ее по плечу подруга. — Ты себе не представляешь, сколько раз я просыпалась, смотрела на храпящего мужа, от которого так и разило перегаром, — в общем, само очарование! — и думала: «Боже мой, как я могла до такого докатиться?»

Дженнифер заставила себя улыбнуться. Ее, как всегда, никто не слушает, и остается лишь смириться с этим. На следующий день после ужина, встревоженная и расстроенная, она поехала в клинику, чтобы поговорить с мистером Харгривзом. Тот сразу же принял ее, хотя Дженнифер сочла это скорее знаком внимания к жене особо состоятельного клиента, чем профессиональным отношением к работе. Доктор сказал ей примерно то же самое, что Ивонна, однако не так образно.

— Травма головы может по-разному повлиять на человека, — сообщил он, затушив сигарету. — Одним сложно сосредоточиться, другие начинают рыдать в неподобающих ситуациях, третьи длительное время испытывают приступы агрессии. Я лечил нескольких джентльменов, которые после таких травм вдруг стали проявлять склонность к насилию. Депрессия — довольно распространенная реакция на то, что с вами произошло.

— Мистер Харгривз, но дело не только в депрессии. Я действительно надеялась... надеялась, что со временем приду в себя.

— А вы хотите сказать, что не пришли?

— Все как-то не так. Не так, как должно быть. Временами, — неуверенно улыбнулась Дженнифер, — мне кажется, что я схожу с ума.

— Послушайте меня, дорогая, — кивая, словно он слышал подобные излияния тысячи раз, заговорил доктор, — время — лучший лекарь. Я знаю, что это избитая фраза, но тем не менее это правда. Не старайтесь добиться какого-то особенного, правильного самоощущения. Что касается черепно-мозговых травм, каждый случай совершенно уникален. Вы можете чувствовать себя странно — «как-то не так», по вашим словам, — еще довольно долго. Давайте-ка я пропишу вам таблетки, от которых вам станет лучше. Главное — поменьше думать, — заверил ее он, второпях выписывая рецепт.

Дженнифер терпеливо выслушала его, забрала рецепт и вышла из

кабинета. «Главное — поменьше думать».

Вернувшись домой, она принялась наводить порядок в доме и разбирать вещи. У нее была целая гардеробная, заваленная одеждой. В шкатулке из орехового дерева лежало четыре золотых кольца с драгоценными камнями, а в другой шкатулке, побольше, — прочая бижутерия. У Дженнифер в наличии имелось двенадцать шляпок, девять пар перчаток и восемнадцать пар обуви, отметила она про себя, убирая последнюю коробку. На торце каждой коробки она написала: «Низкий каблук», «Бордовые вечерние», «Зеленый шелк». Она подержала в руках все туфли, пытаясь вспомнить, когда надевала их. Пару раз в ее сознании на мгновение появлялась расплывчатая картинка: ее собственные ноги, обутые в туфли из зеленого шелка, она выходит из такси, возможно, по дороге в театр, — но все эти картинки были раздражающе эфемерными и исчезали, прежде чем она успевала разглядеть их.

«Главное — поменьше думать».

Ту книжку она заметила случайно, убирая последнюю пару туфель в коробку. Под слоем оберточной бумаги оказался исторический любовный роман в дешевом издании. Она взглянула на обложку и удивилась, что, в отличие от книг, попадавшихся ей на глаза раньше, совершенно не помнит сюжет.

Возможно, я купила его, а потом передумала и не стала читать, решила Дженнифер, пробежав взглядом по первым страницам, — кажется, вещь довольно-таки мрачная. Полистаю сегодня перед сном, а если не понравится — отдам миссис Кордозе. Дженнифер положила книгу на тумбочку и отряхнула пыль с юбки. Сейчас надо заняться более насущными проблемами: например, убрать весь этот развал и в конце концов решить, что надеть сегодня вечером.

С дневной почтой в офис пришли два письма. Как будто под копирку написаны, подумала Мойра, прочитав их: одни и те же симптомы, одни и те же жалобы от рабочих одной и той же фабрики, где они оба начали работать около двадцати лет назад. Возможно, начальник прав и все это происки профсоюзов, однако, если раньше такие письма приходили крайне редко, то теперь шли одно за другим.

Оторвавшись от чтения, она увидела, что мистер Стерлинг вернулся с обеденного перерыва. Что же ему сказать? На прощание он пожал руку мистеру Велфорду, и по их довольным улыбкам Мойра поняла, что встреча прошла удачно. Недолго думая, она убрала письма в верхний ящик стола. Положу их к остальным, решила она, зачем его расстраивать? К тому же

она и так прекрасно знала, какова будет его реакция.

Босс проводил мистера Велфорда из конференц-зала до самого лифта. Глядя на него, Мойра вспомнила, что он сказал ей утром. Кроме них, в офисе еще никого не было. Остальные секретарши приходили не раньше девяти, а вот Мойра, в отличие от них, всегда являлась за час до начала рабочего дня, включала кофеварку, рассортировывала необходимые документы, проверяла поступившие за ночь телеграммы — словом, делала все, чтобы к приходу мистера Стерлинга все уже было налажено. Во-первых, это ее работа, а во-вторых, ей нравилось завтракать на работе — здесь она чувствовала себя не так одиноко, как дома, особенно после смерти мамы.

Стерлинг привстал и слегка поднял одну руку, жестом приглашая ее зайти в кабинет, прекрасно зная, что она заметит. Мойра всегда вполглаза следила за ним на случай, если ему что-то вдруг понадобится. Она разгладила юбку и быстро вошла в кабинет, ожидая, что он продиктует ей очередное письмо или попросит принести какой-нибудь бухгалтерский отчет, но он вдруг встал и тихо прикрыл дверь за ее спиной. Мойра изо всех сил старалась не выдать волнения — за все пять лет он впервые захотел поговорить с ней при закрытых дверях. Она нервно поправила прическу.

— Мойра, насчет того дела, о котором мы с вами говорили несколько недель назад... Помните? — тихо произнес мистер Стерлинг, подходя к ней вплотную.

Она уставилась на него, оцепенев от его близости, от неожиданного поворота событий, и непонимающе покачала головой — с ужасно глупым видом, как говорила она себе впоследствии.

— Дело, о котором мы говорили, — нетерпеливо повторил он, — после того, как моя жена попала в аварию. Я просто хотел уточнить... Вы уверены, что ничего не приходило?

— Ах да, да-да, конечно, — затараторила Мойра, нервно теребя воротничок блузки. — Нет, сэр, что вы, сэр. Я сходила туда дважды, как вы просили, — нет, ничего не приходило. Вообще ничего, — помедлив, добавила она, — я уверена.

Он с облегчением кивнул, а потом, против обыкновения, ласково улыбнулся ей и сказал:

— Спасибо, Мойра. Вы же знаете, насколько высоко я ценю вас, правда? — Мойра слегка покраснела от неожиданной похвалы, а он подошел к двери и, открыв ее, добавил: — Умение хранить тайны — одно из ваших самых главных достоинств.

— Я... Вы всегда можете на меня положиться, сэр, — запинаясь,

ответила она. — Вы же знаете.

— Что с тобой стряслось, Мойра? — спросила ее одна из машинисток, столкнувшись с ней после этого в дамской комнате, и тут Мойра поняла, что напевает себе под нос какую-то песенку. — Ты выглядишь как кошка, которой дали сметаны! — воскликнула она, подкрашивая губы и нанося немного духов на запястья. — Неужели Марио из почтового отдела наконец-то пал к ногам нашей красотки? — спросила машинистка, и из кабинки донесся язвительный женский смех.

— Если бы ты внимательно относилась к работе, а не к глупым сплетням, Филлис, то, возможно, не засиделась бы в младших машинистках! — бросила ей в ответ Мойра.

Как только она закрыла за собой дверь, из туалета донесся взрыв хохота, но в тот день даже это не испортило ей настроения.

Площадь была украшена рождественскими гирляндами: белые лампочки конусообразной формы висели между фонарными столбами в викторианском стиле и на деревьях в скверах и парках.

— С каждым годом все раньше и раньше, — заметила миссис Кордоза, поворачиваясь от панорамного окна в гостиной к вошедшей в комнату Дженнифер и задергивая шторы. — А ведь еще даже не декабрь.

— Зато как красиво, — надевая сережки, возразила Дженнифер. — Миссис Кордоза, если вас не затруднит, застегните мне, пожалуйста, пуговицу сзади — мне самой не достать.

Рука постепенно заживала, но подвижность еще не восстановилась настолько, чтобы Дженнифер могла одеться без посторонней помощи. Пожилая экономка взялась за края воротничка, застегнула его на обтянутую синим шелком пуговицу, сделала шаг назад и посмотрела на Дженнифер:

— Это платье всегда очень вам шло.

Дженнифер уже привыкла к тому, что в такие моменты едва успевала сдержаться, чтобы не спросить: «Правда? А я его уже когда-то надевала?» Она научилась виртуозно скрывать свои чувства, убедив всех окружающих в том, что прекрасно осознает свое место в их жизни. Немного подумав, она сказала:

— Что-то не помню, когда я надевала его в последний раз...

— На ваш день рождения, мадам. Вы ходили ужинать в какой-то ресторан в Челси.

— Да-да, — быстро ответила Дженнифер, пытаясь скрыть разочарование оттого, что вспомнить об этом ей не удалось, — прекрасный был вечер...

— Сегодня какой-то особенный случай, мадам?

Дженнифер посмотрела на свое отражение в висящем над камином зеркале — белокурые волосы ниспадали на плечи мягкими локонами, глаза были искусно подведены тщательно растушеванным карандашом — и ответила:

— Нет, не думаю. Монкриффы пригласили нас поужинать и потанцевать — все те же, там же...

— Если вы не против, я задержусь еще на час — накрахмалю простыни.

— Ведь мы же оплачиваем вам сверхурочную работу? — недолго думая, спросила Дженнифер.

— О да! Вы с мужем всегда очень щедры.

Лоренс — Дженнифер никак не могла приучить себя называть его Ларри, как все остальные, — сказал, что не сможет освободиться с работы пораньше, поэтому она предложила заехать за ним в офис на такси. Он не пришел в восторг от этой идеи, но она настояла на своем. В последние пару недель она старалась почаще выходить из дома, чтобы показать ему свою самостоятельность. Дважды ходила по магазинам: в первый раз с миссис Кордозой, во второй — самостоятельно. В одиночестве Дженнифер неторопливо гуляла по Кенсингтон-хай-стрит, пытаясь справиться с обрушившимся на нее потоком незнакомых лиц, звуков и ощущений. Пару дней назад она зашла в универмаг и купила совершенно ненужный плащ — не то чтобы он ей сильно понравился, просто хотелось вернуться домой с ощущением достигнутой цели.

— Мадам, вам помочь одеться? — спросила экономка, держа за плечики синее парчовое пальто.

Дженнифер осторожно просунула руки в рукава. Шелковая подкладка приятно касалась тела, смягчая тяжесть парчи. Поправляя воротник, она повернулась к женщине и спросила:

— А что вы делаете по вечерам? Когда уходите отсюда?

— Что я делаю по вечерам?.. — растерянно заморгала экономка.

— Куда вы идете отсюда?

— Домой.

— К вашей... семье? — спросила Дженнифер, думая о том, что проводит с этой женщиной столько времени и совершенно ничего о ней не знает.

— Моя семья в Южной Африке, мадам, — две взрослые дочери, два внука.

— Ах да, ну конечно. Простите, память все еще подводит меня. Не

помню, чтобы вы когда-нибудь упоминали своего мужа.

— Его не стало восемь лет назад, мадам, — ответила миссис Кордоза, глядя в пол. — Он был управляющим на шахте в Трансваале, — добавила она, заметив, что Дженнифер растерянно молчит. — Ваш муж дал мне эту работу, чтобы я могла обеспечивать своих родных.

— Простите меня, простите... — умоляюще сказала Дженнифер, чувствуя, что зашла в своих расспросах слишком далеко. — Как я уже говорила, я еще не все вспомнила. Пожалуйста, не думайте, что я... — густо покраснела Дженнифер, глядя, как миссис Кордоза качает головой. — В нормальной ситуации я бы никогда...

— Пожалуйста, мадам, не извиняйтесь, я все понимаю, — тихо успокоила ее экономка. — Я вижу, что вы еще на себя не похожи...

Женщины пристально посмотрели друг другу в глаза, миссис Кордоза осеклась, решив, что ведет себя слишком фамильярно, но Дженнифер думала совсем о другом.

— Миссис Кордоза... как вы считаете, я сильно изменилась после этой аварии? Миссис Кордоза? — повторила Дженнифер, когда взгляд женщины изучающе скользнул по ее лицу.

— Возможно, немного...

— А в чем? — спросила Дженнифер и заметила, что экономка тут же в ужасе отвернулась, явно пытаясь скрыть, что она думает на самом деле. — Прошу вас. Здесь не может быть правильного или неправильного ответа... Просто последнее время все так странно... Мне хотелось бы знать, как все было раньше...

— Возможно, вы стали более спокойной. Не так много времени проводите в обществе.

— А раньше я казалась вам более счастливой?

— Мадам, прошу вас... — нервно выдавила из себя экономка, теребя ожерелье. — Я не знаю, что вам ответить. Мне пора. Если вы не против, то я разберусь с простынями завтра, — быстро затараторила она и вышла, не успев Дженнифер и рта открыть.

Дженнифер сразу поняла, почему ресторан «Бичком-бер» в отеле «Мейфэр» считался одним из самых популярных заведений в городе: войдя вместе с Лоренсом в зал, находившийся всего в нескольких ярдах от холодных лондонских улиц, она вдруг оказалась в тропическом раю. Круглая барная стойка и потолок отделаны бамбуком, пол покрыт водорослями, с потолочных балок свисают рыбацкие сети и спасательные круги. Из встроенных в декоративные скалы динамиков доносится

гавайская музыка, с трудом заглушающая гул огромного количества посетителей, собравшихся здесь в пятницу вечером. На стене нарисован белый песчаный пляж и бесконечное голубое небо, в баре возвышается корабельный ростр в виде обнаженного женского торса. Рядом с ним, повесив шляпу на одну из резных деревянных грудей, стоял Билл. Завидев Лоренса и Дженнифер, он кинулся им навстречу.

— Дженнифер, наконец-то. Ивонна, а ты уже знакома с русалкой Этель? — крикнул он, снимая шляпу с женской фигуры и радостно махая ей.

— Смотри в оба, — прошептала Ивонна, целуя Дженнифер. — Вайолет осталась дома, Билл уже успел надраться в стельку.

Лоренс отпустил руку Дженнифер, и они прошли к столику. Напротив них сидела Ивонна, вскоре подошли Энн и Доминик. Когда Дженнифер проходила мимо сидевшего на другом конце стола Билла, тот схватил ее за руку и поцеловал.

— Билл, негодник. Ну-ка, перестань! — покачал головой Фрэнсис. — А то я отправлю водителя за Вайолет.

— А почему Вайолет осталась дома? — спросила Дженнифер, ожидая, пока официант отодвинет ей стул.

— Ребенок заболел, и она боится, что няня одна не справится, — сообщила Ивонна, иронически приподняв одну бровь.

— Потому что дети — это самое главное, — заявил Билл. — Даже не думайте последовать ее примеру, дамы, — подмигнул он Дженнифер. — Нам, мужчинам, вообще-то, тоже нужна женская забота.

— Закажем что-нибудь? Что у них тут хорошего?

— Я возьму «Май-тай» — откликнулась Энн.

— А я — «Королевский ананас», — заглянув в коктейльное меню, на обложке которого красовалась женщина в гавайской юбке, добавила Ивонна.

— А ты, Ларри? Дай угадаю — «Балийский скорпион»? — не унимался Билл, выхватывая у Ивонны меню. — Что-нибудь с жалом на хвосте?

— Гадость какая! Нет, я, пожалуй, предпочту виски.

— Тогда я выберу коктейль для прекрасной Дженнифер. Дженни, дорогая, как насчет «Потаенной жемчужины»? Или «Падение гавайского ангела»? Как тебе?

— Как скажешь, Билл, — рассмеялась Дженнифер.

— А я тогда остановлюсь на «Несчастном влюбленном», ведь это чистая правда, — улыбаясь, заявил он. — Ну ладно, а танцевать-то когда

пойдем?

Сначала принесли коктейли, через некоторое время — горячее: свинина по-полинезийски, креветки с миндалем и стейк в перечном соусе. Дженнифер, слегка навеселе от крепких коктейлей, обнаружила, что не может заставить себя притронуться к еде. Гул голосов в зале усиливался, в углу заиграла живая музыка, пары вышли на танцпол, а сидящие за столиками гости принялись соревноваться, кто громче подпоет. Верхний свет погас, зажженными остались лишь светильники на столиках, тускло сиявшие красно-золотистым светом. Дженнифер посмотрела на друзей: Билл продолжал кидать на нее призывные взгляды, словно ожидая поощрения с ее стороны, Ивонна что-то рассказывала Фрэнсису, нежно обняв его за плечи, Энн оторвалась от разноцветного коктейля и громко расхохоталась. Дженнифер вновь охватило настойчивое ощущение, что ей здесь не место. Казалось, она находится вдалеке от своих друзей, словно за стеклянной стеной. К своему удивлению, ей вдруг ужасно захотелось домой. Не надо было так много пить, укоряла она себя, вот дурочка. Она взглянула на мужа и улыбнулась ему, надеясь, что по ней не видно, в каком она состоянии, но он даже не улыбнулся ей в ответ. У меня все на лице написано, с горечью подумала она.

— И как это понимать? — спросил Лоренс у Фрэнсиса. — По какому поводу праздник?

— А нам разве нужен повод, чтобы повеселиться? — перебил его Билл, потягивая через длинную полосатую соломинку ананасовый сок, стоящий перед Ивонной, но та будто не замечала.

— У нас есть новости. Правда, дорогая? — посмотрев на жену, спросил Фрэнсис.

— Еще какие! — подтвердила Ивонна, откидываясь на спинку стула и прикуривая очередную сигарету.

— Сегодня мы собрали вас, наших лучших друзей, потому что хотим, чтобы вы первыми узнали об этом: где-то через шесть месяцев — да, дорогая? — мы ожидаем появления на свет маленького Монкриффа.

— У вас будет ребенок? Ты беременна? — выпалила Энн после недолгой паузы.

— А ты думала, мы его заказали с доставкой на дом? — Ивонна радостно улыбнулась густо накрашенными губами.

— Но это же замечательно. Умница! — воскликнула Энн, вскакивая с места, чтобы обнять подругу.

— Поверь мне, ума тут не надо, — рассмеялся Фрэнсис.

— Да уж, зато надо кое-что другое, — подтвердила Ивонна, и Фрэнсис

шутливо ткнул ее в бок.

Плохо понимая, что делает, Дженнифер на автомате встала из-за стола, подошла к Ивонне и поцеловала ее.

— Просто чудесные новости, — произнесла она и вдруг совсем разнервничалась. — Поздравляю!

— Я хотела сказать тебе раньше, — взяла ее за руку Ивонна, — но решила, что надо подождать, пока...

— Пока я приду в себя. Ну конечно, — выпрямилась Дженнифер. — Но это действительно великолепно. Я так за тебя рада.

— Вы следующие, ребята! — намеренно громко заявил Билл, уставившись на них с Лоренсом. — Последние остались. Давай, Ларри, строгай детишек. Не подведи, старик.

Дженнифер покраснела, но понадеялась, что в темном помещении ресторана никто этого не заметит, а потом посмотрела на Билла: он уже расстегнул воротник рубашки и ослабил галстук.

— Всему свое время, Билл, — мягко оборвал его Фрэнсис. — Мы шли к этому не один год — сначала надо вдоволь насладиться жизнью.

— Что?! Ты называешь это наслаждением?! — воскликнула Ивонна, и все рассмеялись.

— Ну, вообще-то, да. А куда торопиться?

— Совершенно некуда, — поддержала ее Дженнифер, глядя, как ее супруг достал из кармана пиджака сигару и подчеркнуто аккуратно обрезал конец.

Домой они поехали на такси. Друзья стояли на обледенелой набережной: Ивонна махала им на прощание, Фрэнсис нежно обнимал ее за плечи. Доминик и Энн ушли чуть раньше, а Билл исполнял серенады на глазах удивленных прохожих.

— Чудесная новость, да? — заговорила Дженнифер.

— Ты так думаешь?

— Ну да... А ты разве не рад за них?

— Конечно рад, — ответил он, смотря в окно на проносящиеся мимо темные улицы, освещенные светом редких фонарей. — Дети — это чудесно.

— Билл жутко напился, правда? — спросила Дженнифер, доставая из сумочки пудреницу и глядя на лицо, которое наконец-то перестало удивлять ее.

— Билл — идиот, — отозвался Лоренс, не поворачиваясь к ней.

Где-то вдалеке зазвучала сирена. Дженнифер закрыла сумочку,

положила руки на колени, мучительно думая, что бы еще сказать, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— А ты... А о чем ты подумал, когда они нам рассказали?

Лоренс повернулся к жене — одна половина его лица была освещена светом натриевой лампы, другая оставалась под покровом темноты — и с недоумением посмотрел на нее.

— В смысле, Фрэнсис и Ивонна. В ресторане ты не сказал ни слова.

— Я подумал о том, — с бесконечной печалью в голосе сказал он, — что Фрэнсису Монкриффу чертовски повезло.

Дальше они ехали молча. Такси затормозило перед домом, Лоренс заплатил водителю, а Дженнифер медленно поднялась по выложенным дробленным камнем ступенькам. На всей площади свет горел только в их доме, поэтому покрытый снегом тротуар казался бледно-желтым. Да он же пьян, вдруг поняла Дженнифер, заметив, что муж нетвердо держится на ногах и с трудом поднимается по лестнице. Она попыталась вспомнить, сколько виски он выпил за вечер, но не смогла — большую часть вечера Дженнифер просидела, погруженная в свои мысли, думая о том, как ее видят окружающие. Гще немного — и от попыток казаться нормальной у меня просто закипит мозг, подумала она.

— Хочешь, я принесу тебе чего-нибудь? — Дженнифер открыла дверь и вошла в дом. — Могу заварить чай, — предложила она, и ее слова гулко прозвучали в гигантском холле.

— Нет, — отказался Лоренс, кидая пальто на стул. — Пойду в постель.

— А я, наверное...

— А ты пойдешь со мной.

Так вот в чем дело, мелькнуло у Дженнифер в голове, пока она аккуратно вешала пальто в шкаф и поднималась вслед за ним в спальню. Она вдруг пожалела, что не напилась сильнее, — ведь тогда они могли бы беззаботно смеяться и веселиться, как Доминик и Энн. Хотя нет, вряд ли: Дженнифер уже поняла, что ее мужа с натяжкой можно назвать весельчаком.

Часы показывали без четверти два. Лоренс одним движением сбросил с себя одежду и не стал поднимать ее с пола. В его взгляде сквозили такое отчаяние и усталость, что Дженнифер на какой-то момент понадеялась, что он просто не выдержит и уснет. Она сняла туфли и вдруг поняла, что не может сама расстегнуть платье.

— Лоренс?

— Что?

— Ты не мог бы расстегнуть мне пуговицу? — попросила она,

поворачиваясь к нему спиной.

Он неуклюже взялся за пуговицу и слишком сильно потянул за воротник, заставив Дженнифер поморщиться. От него несло виски и горьковатым сигарным дымом. Он потянул за пуговицу, случайно прихватив прядь волос, и Дженнифер вскрикнула от боли.

— Твою мать! — выругался он. — Оторвалась.

Дженнифер сняла платье, повернулась к мужу и забрала у него обтянутую шелком пуговицу.

— Ничего страшного, миссис Кордоза наверняка пришьет ее так, что будет незаметно, — едва сдерживаясь, заверила его она и отвернулась, чтобы убрать платье в шкаф.

— Уберешь потом, — вдруг сказал Лоренс, глядя на нее из-под полуприкрытых век и слегка качая головой.

Он наклонился к Дженнифер и принялся покрывать ее лицо поцелуями. Она закрыла глаза, чувствуя, как его руки неловко скользят по ее шее, плечам, как будто он цепляется за нее, чтобы не упасть. Лоренс потянул Дженнифер к кровати, исступленно лаская ее грудь, и придавил ее своим весом. Она вежливо отвечала на его влажные, пахнущие перегаром поцелуи, пытаясь скрыть отвращение.

— Дженни... — тяжело дыша, шептал он, — Дженни...

По крайней мере, сегодня все произойдет быстро, подумала Дженнифер, но Лоренс вдруг остановился. Она открыла глаза и удивленно посмотрела на него.

— Что случилось? — заплетающимся языком спросил он.

— Ничего.

— У тебя такой вид, как будто я делаю что-то ужасное. Тебе так противно?

Безусловно, он был пьян, но в его голосе прозвучала какая-то непонятная ей обида.

— Прости, дорогой. Я не хотела, чтобы ты так подумал, — попыталась оправдаться Дженнифер, приподнимаясь на локте. — Наверное, просто устала, — добавила она, беря его за руку.

— Устала? Понятно.

Они сидели рядом на краю кровати. Лоренс разочарованно провел рукой по волосам, а Дженнифер почувствовала себя виноватой, однако за чувством вины, к ее стыду, скрывалось облегчение. Когда молчание стало просто невыносимым, она подвинулась к нему поближе и неуверенно спросила:

— Лоренс... как ты думаешь, со мной все в порядке?

Слова комом встали в горле. Но ведь он мой муж, я должна доверять ему, подумала она, вспомнив, как Ивонна все время смотрела на Фрэнсиса, как они постоянно о чем-то шептались, как Доминик и Энн, заливаясь радостным смехом, садились в такси...

— Ларри! — вдруг рявкнул он. — Называй меня Ларри. Не понимаю, неужели так сложно запомнить?

— Прости, Ларри, прости меня, — закрывая лицо руками, прошептала она, — просто все так странно...

— Странно?

— Как будто что-то безвозвратно ушло, — с болью в голосе объяснила она. — Мне кажется, что я должна сложить какую-то мозаику, но мне не хватает одной очень важной части. Наверное, это звучит очень глупо...

«Пожалуйста, скажи мне, что это не так, — беззвучно умоляла она, — обними меня. Скажи, что это все глупости, что скоро я все вспомню. Скажи, что мистер Харгривз прав и скоро это отвратительное ощущение прекратится. Полюби меня хоть немножко. Просто будь со мной рядом, пока я не почувствую, что ты имеешь на это право. Хотя бы попытайся меня понять!»

Однако когда Дженнифер подняла глаза на мужа, то увидела, что он устался на свои валяющиеся на ковре ботинки. Постепенно она поняла: он молчит не оттого, что пытается найти ответ. Он молчит, потому что пытается подавить охвативший его гнев.

— И как ты думаешь, Дженнифер, что же ушло из твоей жизни? — тихо и преувеличенно холодно спросил он.

— Ничего, — поспешно ответила она, — совсем ничего. Я совершенно счастлива, я... — Она встала и пошла в ванную. — Все в порядке. Мистер Харгривз говорит, что скоро пройдет. Скоро я окончательно приду в себя.

Проснувшись утром от тихого стука в дверь, Дженнифер обнаружила, что муж уже ушел. Она открыла глаза и поморщилась от жуткой головной боли.

— Мадам? — спросила миссис Кордоза, заглядывая в комнату. — Желаете чашечку кофе?

— Спасибо большое, это было бы просто чудесно, — охрипшим голосом ответила Дженнифер и, морщась от яркого света, медленно села в кровати.

Без четверти десять. За окном шумели машины, раздавался скрежет лопаты об асфальт, — наверное, убирали снег, весело чирикали воробьи.

Раскиданную вчера по полу одежду кто-то аккуратно убрал на место. Она откинулась на подушку и прикрыла глаза, вспоминая подробности вчерашнего вечера.

Когда она вернулась из ванной и легла в постель, Лоренс повернулся к ней своей широкой, мускулистой спиной и между ними возникла невидимая, но непроницаемая стена. Дженнифер ощутила одновременно и облегчение, и растерянность. Вспоминая об этом, она испытала безмерную печаль и усталость. «Так нельзя, — подумала она, — я не должна никому говорить о своих чувствах. Я буду хорошей, буду доброй. Вчера я обидела его, вот и все, это я виновата».

«Постарайтесь поменьше думать».

В дверь снова постучались, и на пороге появилась миссис Кордоза с подносом, на котором стояли чашка кофе и блюдо с двумя тостами.

— Я подумала, что мадам, наверное, проголодалась.

— Вы так добры, спасибо. Простите, мне стоило подняться на несколько часов раньше.

— Я поставлю чашку здесь, — сообщила миссис Кордоза, ставя поднос на кровать, а чашку на тумбочку. — Не буду вас больше беспокоить; если вам что-то понадобится — я внизу, — быстро проговорила она, взглянув на багровый шрам на обнаженной руке Дженнифер, и тут же отвела глаза.

Экономка вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь, Дженнифер потянулась за чашкой, и тут ее взгляд упал на лежащую на тумбочке книгу — ту самую, которую она собиралась полистать, а потом отдать миссис Кордозе. Сначала попьет кофе, затем возьму книгу и спущусь вниз — все равно надо как-то извиниться перед миссис Кордозой за вчерашний странный разговор, решила она.

Держа чашку в одной руке, Дженнифер принялась листать книгу. Строчки плыли перед глазами, читать было тяжело, но тут из книги вдруг выпал какой-то листок. Дженнифер отложила книгу и, медленно развернув сложенный вчетверо листок, стала читать.

Любимая, я не успел сказать тебе все, что хотел, — вчера ты так быстро убежала... Я не хотел оттолкнуть тебя, поверь. Ты была так далека от истины, что мне даже больно думать об этом.

Если ты хочешь правды, то вот она: ты не первая замужняя женщина, с которой я занимался любовью. Ты знаешь, как я живу, и, если честно, такого рода отношения раньше меня вполне устраивали. Мне не хотелось настоящей близости, и когда мы с тобой познакомились, сначала

я решил, что ты не станешь исключением.

Но потом ты пришла ко мне в номер в субботу, в том потрясающем платье, и попросила меня расстегнуть пуговицу. Стоило мне прикоснуться к твоей коже, как я сразу понял: если мы с тобой займемся любовью, это будет катастрофой для нас обоих. Моя милая девочка, ты даже не представляешь, что значит жить двойной жизнью, ведь ты такое искреннее, чудесное существо. Быть порядочным человеком очень приятно, даже если сейчас ты этого не понимаешь. Я не хочу нести ответственность за то, что ты потеряешь часть того, чем имеешь полное право гордиться.

А я в ту самую секунду, когда ты посмотрела мне в глаза, понял, что если сделаю то, чего ты хочешь, то я пропал. Я не смогу бросить тебя, не смогу поступить с тобой, как с другими, не смогу вежливо кивать Лоренсу, встречая тебя с ним в каком-нибудь ресторане. Я никогда не смогу смириться с тем, что ты не принадлежишь мне полностью, и здесь я уже больше не могу обманывать себя. Именно поэтому, любимая, я снова застегнул пуговицу на твоём платье. Именно поэтому я провел уже две бессонные ночи, ненавидя себя за единственный порядочный поступок за всю мою жизнь.

Прости меня,
Б.

Дженнифер села на кровати, смотря на ту строчку, которая все расставила по своим местам: «не смогу вежливо кивать Лоренсу».

Лоренсу.

Это может означать лишь одно: письмо адресовано ей.

Я не хочу тебя расстраивать, но мне очень стыдно из-за того, что произошло между нами.

Этого не должно было случиться. Если честно, думаю, что нам не стоит больше встречаться.

Мужчина (женатый) — женщине, по электронной почте

Энтони О'Хара проснулся в Браззавиле и посмотрел на медленно крутившиеся над его головой лопасти вентилятора. Сквозь жалюзи в комнату пробивался солнечный свет, и у Энтони мелькнула мысль: умру я на этот раз или все-таки нет? Голову словно зажали в тиски, виски пронзала острая боль, казалось, что вчера ночью кто-то от души отходил его по почкам. Язык прилип к нёбу, вкус во рту был отвратительный, к тому же его слегка подташнивало. Он почувствовал неумолимое приближение паники: в него стреляли? Или побили в беспорядках на улицах? Он закрыл глаза, ожидая услышать доносящиеся с улицы звуки: крики разносчиков еды, постоянные помехи в эфире радиоприемников, вокруг которых быстро собирались люди и, присев на корточки, пытались расслышать, где ожидается очередная волна беспорядков, — ничего. Это желтая лихорадка, и на этот раз она доконает его. Не успел он додумать эту мысль до конца, как вдруг понял, что знакомые звуки Конго пропали: никто не кричит из распахнутых настежь окон, из баров не раздается музыка, никто не запекает квангу в банановых листьях, не палит из ружей, не тараторит на лингала или суахили. Тишину нарушали лишь доносившиеся издалека крики чаек.

Нет, это не Конго. Франция. Он во Франции.

На долю секунды Энтони ощутил благодарность, а потом его накрыло волной боли. Врач предупреждал, что если он снова напьется, то ему будет еще хуже, отметил он про себя, из последних сил цепляясь за способность мыслить логически. Мистер Робертсон, наверное, будет польщен, когда узнает, насколько верным оказалось его предостережение.

Убедившись, что сможет принять вертикальное положение, не осрамившись, Энтони сел, свесил ноги с кровати и для начала подошел к окну, стараясь не обращать внимания на запах несвежего пота и пустые бутылки на столе, которые говорили о том, что предыдущая ночь была

долгой. Энтони осторожно на дюйм отодвинул занавеску и посмотрел на сверкающий в солнечных лучах залив, окруженный бледно-золотистым сиянием. Красные крыши домиков на склонах холмов сделаны из черепицы, а не из ржавых листов металла, как у бунгало в Конго, их обитатели — здоровые, счастливые люди, прогуливающиеся по набережным, оживленно беседующие, идущие по своим делам, куда-то бегущие. Белые люди. Богатые люди.

От одного взгляда на эту идиллию Энтони вдруг зажмурился, его затошнило, он едва успел на подкашивающихся ногах добежать до ванной и согнуться пополам над унитазом. Его вырвало, потом еще раз. Ощущая себя самым несчастным человеком на свете, Энтони с трудом залез под душ, прислонился к стене и простоял минут двадцать под теплыми струями, надеясь, что вода смоет всю грязь с его тела и души.

«Ну же, возьми себя в руки».

Он оделся, заказал кофе в номер и, более или менее придя в себя, сел за стол. Часы показывали без четверти одиннадцать: надо срочно отослать статью, над которой он работал накануне. Энтони взглянул на испещренные сбивчивым почерком страницы, пытаясь припомнить окончание вчерашнего вечера. После нескольких попыток ему удалось кое-что вспомнить: они с Мариеттой стоят у входа в его отель, она подставляет ему губы для поцелуя. Он решительно отказывает ей, ругая себя за глупость. Девушка очень даже ничего, к тому же явно не против. Однако ему хотелось гордиться хотя бы чем-то, что он сделал в тот вечер.

Господи Иисусе! Он вспомнил хрупкую фигурку Дженнифер Стерлинг, которая с обиженным видом протягивала ему пиджак. Она невольно подслушала его глупую, крайне невежливую тираду обо всей их компании. Как там он ее обозвал? «Маленькая избалованная тай-тай... ни одной оригинальной мысли в голове». Энтони обессиленно прикрыл глаза и подумал, что в зоне военных действий работать куда проще и безопаснее — там тебе хотя бы понятно, кто свои, а кто чужие.

Принесли кофе. Энтони тяжело вздохнул, налил себе целую чашку, а потом снял трубку и усталым голосом попросил оператора соединить его с Лондоном.

Миссис Стерлинг!

Я настоящая свинья. Хотелось бы свалить все на переутомление или неадекватную реакцию на морепродукты, но боюсь, что всему виной сочетание алкоголя, который мне не стоило пить, и моей взрывной натуры, что совершенно неприемлемо в обществе. Вряд ли Вам удалось бы

предъявить мне больше претензий, чем все те грехи, в которых я обвинял себя в последние несколько часов, когда немного протрезвел.

Позвольте мне принести Вам свои извинения. Возможно, Вы разрешите мне пригласить Вас и мистера Стерлинга на ланч до моего возвращения в Лондон. Буду очень рад, если Вы дадите мне возможность загладить вину.

*Искренне Ваш, оконфузившийся
Энтони О'Хара.*

P.S.: Прилагаю к письму копию отправленной в Лондон статьи. Хочу, чтобы Вы знали, что я повел себя достойно хотя бы в этом отношении.

Энтони сложил листок, засунул его в конверт, запечатал и перевернул. Судя по всему, он все еще был пьян: на трезвую голову он никогда бы не написал столь откровенное письмо.

Тут он вспомнил, что не знает адреса получателя, и чертыхнулся, ругая себя за глупость. Вчера вечером водитель Стерлинга заехал за ним в отель, а дорогу домой — если не считать несколько прискорбных неудач — он помнил плохо.

От консьержа толку было мало.

— Стерлинг? — спросил он и недоуменно покачал головой.

— Вы знаете, о ком я? Богатый и влиятельный человек, — повторил Энтони, ощущая ужасную сухость во рту.

— Месье, — устало отозвался консьерж, — у нас тут все богатые и влиятельные.

С моря доносился легкий бриз, воздух казался почти белым на фоне ясного неба. Энтони вышел из отеля и попытался вспомнить, по какой дороге они вчера ехали с водителем Стерлинга. Поездка заняла всего десять минут, может быть, ему все же удастся найти дом? Просто оставлю письмо под дверью и уйду, решил он, стараясь не думать о том, что будет делать после возвращения в город: тело с самого утра напоминало ему о долгой истории его отношений с алкоголем, изнутри поднималось глухое и навязчивое желание выпить. Чего угодно — пива, вина, виски. Почки нещадно ныли, его все еще потряхивало. Прогулка пойдет мне на пользу, уговаривал он себя, приветствуя кивком проходящих мимо улыбающихся женщин в широкополых шляпах.

Небо над Антибом пылало ярко-синим огнем, на белом песчаном пляже было полно отдыхающих. Энтони вспомнил, что на этой развязке они повернули налево, на дорогу, вдоль которой в ряд выстроились

отделанные керамической плиткой виллы. Затем дорога уходила наверх по холмам — значит, все правильно. Солнце нещадно обжигало его шею и покрытую шляпой голову, он снял пиджак и, закинув его на плечо, пошел вперед.

Однако стоило ему выйти за пределы города и углубиться в холмы, как он тут же заблудился. Свернув налево у показавшейся ему знакомой церкви, Энтони начал подниматься вверх по склону холма. Сосны и пальмы попадались все реже, а потом и вообще исчезли, забрав с собой спасительную тень и оставив его беззащитным, скалы и асфальт практически плавилась на солнце. Он чувствовал, как кожу начинает стягивать, — вечером наверняка будет ожог.

Время от времени мимо проезжали машины, фонтаны гравия вырывались из-под колес и летели в пропасть. Вчера ему показалось, что до их дома совсем недалеко, — они с Мариеттой шли не торопясь, наслаждаясь вечерней прохладой и ароматами диких трав, а теперь он смотрел на уходящую вдаль дорогу, и его уверенность в том, что он идет правильно, таяла на глазах.

Похоже, что я заблудился, подумал Энтони, вытирая лоб носовым платком. Дон Франклин пришел бы в восторг: Энтони, который объездил всю Африку, пересек множество границ, потерялся в двух шагах от детской площадки какого-то миллионера. Он сделал шаг в сторону, пропуская очередную машину, но тут вдруг раздался скрип тормозов, машина остановилась и, шурша по гравиям, сдала назад. Из «Даймлера SP250» высунулась Ивонна Монкрифф и, сдвинув на лоб солнцезащитные очки, крикнула:

— Вы с ума сошли?! Поджариться хотите?

Энтони удивленно уставился на нее, а потом разглядел сидящую за рулем Дженнифер Стерлинг. Она взглянула на него поверх огромных темных очков с совершенно непроницаемым выражением лица.

— Добрый день, — поздоровался он, снимая шляпу, и вдруг осознал, что его мятая рубашка насквозь пропиталась потом, а лицо блестит от влаги.

— Как вас занесло в такую даль, мистер О'Хара? — спросила Дженнифер. — Ищете очередную сенсацию?

— Я... — замялся Энтони, доставая из кармана пиджака письмо и протягивая его ей, — я хотел отдать вам...

— Что это?

— Извинения.

— Извинения?

— За мое недостойное поведение вчера вечером.

— Дженнифер, тебе передать? — недоуменно взглянула на подругу Ивонна Монкрифф, заметив, что Дженнифер не собирается протягивать руку за письмом.

— Нет. А вы можете прочитать его вслух, мистер О'Хара?

— Дженнифер!

— Раз мистер О'Хара смог написать эти слова, думаю, он вполне в состоянии произнести их вслух, — невозмутимо произнесла Дженнифер, не снимая очков.

Энтони отвернулся, взглянув сначала на пустую дорогу, а потом на изнывающую под палящими лучами солнца деревню далеко внизу, и сказал:

— Я все-таки предпочел бы...

— Это мало похоже на извинения, мистер О'Хара, вам так не кажется? — мягко перебила его она. — Написать пару строк каждый может.

Ивонна Монкрифф, опустив глаза, неодобрительно покачала головой. Дженнифер же в упор смотрела на Энтони — его силуэт отражался в ее очках.

Он вскрыл конверт, достал оттуда листок бумаги и прочел свое письмо неожиданно громким раскатистым голосом. Закончив, он убрал письмо в карман. Повисла тишина, нарушавшаяся лишь приглушенным рокотом мотора. Энтони смиренно стоял и ждал ее ответа.

— Мой муж, — наконец заговорила Дженнифер, — сегодня утром уехал в Африку.

— Тогда я почти за честь пригласить вас и миссис Монкрифф пообедать. Точнее, поужинать, — поправился он, взглянув на часы.

— К сожалению, вынуждена отказаться — обещала Фрэнсису посмотреть с ним вечером какую-то яхту. Мечтать не вредно, но я уже пообещала.

— Мы отвезем вас в город, мистер О'Хара. — Дженнифер кивком указала ему на крошечное заднее сиденье. — Не хочу нести ответственность за смерть distinguished корреспондента газеты «Нэйшн» от солнечного удара и уж тем более от алкогольной интоксикации.

Ивонна вышла из машины, пропуская Энтони на заднее сиденье, села обратно, а потом, порывшись в бардачке, достала оттуда носовой платок и кинула его Энтони:

— Держите. Вы, кстати, шли совсем не в ту сторону, мы живем вон там, — сообщила она, показывая на обрамленный деревьями холм по

другую сторону шоссе.

По ее едва заметной улыбке он понял, что прощен, и тут обе женщины расхохотались. Энтони О'Хара с облегчением надел шляпу, и машина понеслась по узкой дороге, ведущей в город.

Сначала они завезли Ивонну в отель «Сен-Жорж», а потом тут же встали в пробке. На прощание старшая подруга помахала Дженнифер рукой и с улыбкой сказала:

— Ведите себя хорошо.

Энтони обратил внимание на то, что она произнесла это с таким спокойствием, как будто точно знала, что волноваться не о чем.

Они остались вдвоем, и настроение тут же переменялось. Дженнифер Стерлинг притихла и стала следить за дорогой куда внимательнее, чем двадцать минут назад. Энтони исподтишка взглянул на ее покрытые легким загаром руки, изящный профиль, пока она напряженно вглядывалась в задние фонари медленно ползущей перед ними машины. Кажется, она злится на меня куда сильнее, чем я думал, встревоженно подумал он.

— И когда ваш муж вернется из Африки? — спросил он, чтобы хоть как-то прервать тяжелое молчание.

— Наверное, через неделю. Он редко задерживается там надолго, — ответила она, высовываясь из машины, чтобы разглядеть, откуда здесь взялась такая пробка.

— Наверное, обидно ехать так далеко, чтобы провести там так мало времени?

— Вам лучше знать, мистер О'Хара.

— Мне?

— Вы же знаете об Африке все, — иронически приподняла бровь Дженнифер, — сами вчера так сказали.

— Все?

— Вы знаете, что большинство мужчин, которые имеют там свой бизнес, настоящие проходимцы.

— Я так сказал?

— Да, в разговоре с месье Лафайетом.

— Миссис Стерлинг, — в ужасе начал Энтони, сползая вниз по сиденью.

— Да не волнуйтесь. Лоренс не слышал. Фрэнсис слышал, но у него там совсем маленький бизнес, поэтому он не принял ваши слова на свой счет.

Машины медленно поползли вперед.

— Пожалуйста, разрешите мне пригласить вас пообедать. Я хочу, чтобы вы увидели, что я не такой отъявленный негодяй. Ну хоть на полчаса.

— Думаете, вам удастся так быстро заставить меня изменить свое мнение? — улыбнулась она.

— Спорим? Ну что, подскажите, куда лучше пойти?

Официант принес ей высокий стакан с лимонадом, она сделала глоток и поудобнее расположилась в кресле, задумчиво глядя на море.

— Прекрасный вид, — заметил Энтони.

— Да, — согласилась Дженнифер.

Шелковистые пряди светлых волос почти касались ее плеч, окружая голову золотистым нимбом. Вообще-то, блондинки были не в его вкусе. Энтони нравились менее стандартные женщины, в которых был какой-то более тонкий шарм.

— Вы не будете пить?

— Мне нельзя, — признался он, глядя на стакан.

— Жена не разрешает?

— Бывшая жена, — поправил он. — Нет, врачи запретили.

— Так значит, вчерашний вечер и вправду показался вам невыносимым?

— Я не часто бываю в светском обществе, — пожал он плечами.

— Случайный гость?

— Признаться, я куда меньше боюсь вооруженных столкновений, чем подобных вечеринок.

— Значит, вы настоящий мистер Бут,^[7] — вдруг улыбнулась она, и в ее глазах заплясали озорные искорки. — Как же вас угораздило попасть в зону военных действий Ривьеры?

— Бут? — переспросил он и вдруг обнаружил, что при упоминании незадачливого персонажа книги Во впервые за весь день искренне улыбнулся. — Думаю, у вас есть полное право обозвать меня куда менее лестно...

В ресторан вошла внушительных объемов дама, прижимавшая к своей необъятной груди крошечную собачку. Дама прошла мимо столиков с какой-то утомленной уверенностью, словно стараясь не думать ни о чем, кроме места, куда направлялась. Присев за свободный столик недалеко от них, она тихонько с облегчением вздохнула, поставила собачку на пол, и та замерла, поджав хвост и дрожа всем телом.

— Итак, миссис Стерлинг...

— Дженнифер.

— Ах да... Итак, Дженнифер, расскажите мне о себе, — попросил он, наклонившись к ней через столик.

— Пойдите, по-моему, это вы собирались мне что-то рассказать, точнее — показать.

— Что?

— Что вы не отъявленный негодяй, и, насколько я помню, у вас на это ровно полчаса.

— Вот как? И сколько же минут у меня осталось?

— Примерно девять, — сообщила она, взглянув на часы.

— И как, по-вашему, у меня получается?

— Ну, вы же не ожидаете, что я вам вот так сразу все и скажу?

Они замолчали. Энтони просто не знал, что сказать, а такое с ним случалось нечасто, а Дженнифер, похоже, пожалела о своей резкости. О'Хара вспомнил свою последнюю любовницу — жену его дантиста: рыжеволосая барышня с полупрозрачной кожей, он даже боялся лишний раз посмотреть на нее. А вдруг увидишь то, что скрывается под кожей? Муж уже давно охладел к ней, и Энтони подозревал, что она так легко поддалась на его ухаживания скорее из желания отомстить супругу, чем из искренней симпатии.

— Чем вы обычно занимаетесь, Дженнифер?

— Вынуждена вас разочаровать, — ответила Дженнифер. — У меня так мало стоящих занятий, — добавила она, заметив удивленное выражение лица Энтони, — что, боюсь, вы станете порицать меня еще больше, — закончила она, давая ему понять, что ни капельки этого не боится.

— Ну, вы ведете хозяйство на два дома...

— Нет. Здесь мы нанимаем прислугу, а в Лондоне у меня есть миссис Кордоза, которая справляется с хозяйством куда лучше меня.

— Так чем же вы занимаетесь?

— Устраиваю коктейльные вечеринки, званые ужины. Делаю вещи красивыми. Украшаю общество своим присутствием.

— Это вам прекрасно удастся.

— А вы, значит, эксперт по таким делам... Да, это дело непростое.

Энтони просто не мог оторвать от нее глаз, смотрел бы и смотрел. Его взгляд то и дело скользил по тому месту, где ее слегка вздернутая верхняя губа соединялась с нежной кожей под носом. Эта часть лица наверняка как-то называется, подумал он, если смотреть на нее долго-долго, в какой-то момент обязательно вспомню.

— Я сделала то, к чему меня готовили с детства: отхватила богатого мужа и делаю его счастливым, — неожиданно сказала Дженнифер, и улыбка исчезла с ее лица.

Возможно, менее опытный мужчина этого бы не заметил: небольшая напряженность во взгляде, намекающая на то, что под внешним антуражем скрывается нечто куда более сложное, чем могло показаться на первый взгляд.

— А я вот собираюсь выпить, если вы не против, — произнесла она.

— Конечно-конечно. Я буду наслаждаться опосредованно.

— Опосредованно... — удивленно повторила она, подзывая официанта, и заказала мартини со льдом.

Просто освежающий аперитив, с некоторым разочарованием подумал он, она не пытается что-то скрыть или забыться под действием алкоголя.

— Если вам от этого легче, — весело заговорил он, — то единственное, что я умею делать, — так это работать.

— Вполне возможно, — ответила она, — что мужчинам куда проще работать, чем иметь дело с чем-то еще.

— С чем именно?

— С суетой повседневной жизни. С людьми, которые ведут себя не так, как тебе хочется, и испытывают чувства, которые тебе неприятны. На работе можно добиваться результатов, быть мастером своего дела. Люди делают все так, как вы говорите...

— Ну, это не про меня, — рассмеялся он.

— Зато вы можете написать статью, а на следующий день она уже лежит во всех газетных киосках. Разве у вас не возникает определенного чувства гордости?

— Раньше вызывало, а сейчас нет — это проходит со временем. Не думаю, что сделал что-то такое, чем могу по-настоящему гордиться. Все, что я пишу, недолговечно, завтра в эту газету в магазине завернут рыбу.

— А зачем вам тогда так много работать?

Энтони нервно сглотнул, пытаясь отогнать вставший перед глазами образ сына. Внезапно он ощутил непреодолимое желание выпить, однако взял себя в руки, натянуто улыбнулся и ответил:

— По той самой причине, о которой вы говорили, — это гораздо легче, чем разбираться с чем-то еще.

Их взгляды встретились, на какой-то момент улыбка пропала с ее лица, а в глазах промелькнуло что-то новое и непонятное. Дженнифер слегка покраснела и соломинкой неторопливо помешала лед в бокале с мартини.

— Опосредованно... — медленно произнесла она. — Энтони, вам

придется объяснить мне, что это значит.

Она с такой непринужденностью назвала его по имени, что ему показалось, будто они давным-давно знакомы и наверняка скоро увидятся снова.

— Просто, — облизнув пересохшие губы, ответил он, — ты получаешь удовольствие оттого, что удовольствие получает кто-то другой.

Дженнифер подвезла Энтони до отеля. Он поднялся к себе в номер, лег на кровать и битый час смотрел в потолок. Потом спустился в вестибюль, попросил у администратора открытку и, подписав ее, отправил своему сыну. Интересно, Кларисса хотя бы передаст ему?

Вернувшись в номер, он обнаружил, что под дверью лежит записка:

Дорогой Бут!

Пока что Вам не удалось до конца убедить меня в том, что Вы не отъявленный негодяй, но я собираюсь дать Вам еще один шанс. У меня были планы на сегодняшний вечер, но они внезапно переменились. Я собираюсь поужинать в отеле «Калипсо» на улице Сен-Жак и буду рада Вашей компании. В 8 вечера.

Энтони дважды перечитал записку, быстро сбежал по лестнице и отослал Дону телеграмму следующего содержания:

ВЫБРОСЬ ПОСЛЕДНЮЮ ТЕЛЕГРАММУ ТЧК ОСТАЮСЬ
РАБОТАТЬ
НАД СЕРИЕЙ РЕПОРТАЖЕЙ О ВЫСШЕМ СВЕТЕ
РИВЬЕРЫ ТЧК
ПРО МОДУ НАПИШУ ТЧК

Ухмыльнувшись, Энтони сложил бланк и передал его администратору, представляя себе, как вытянется лицо редактора, когда тот прочтет телеграмму, а потом стал в панике думать, как успеть отдать костюм в чистку, чтобы к вечеру быть во всеоружии.

В тот вечер Энтони О'Хара блистал очарованием: он был таким, каким ему стоило показать себя накануне. Таким, каким ему стоило быть со своей бывшей женой: остроумным и обходительным джентльменом. Она никогда не бывала в Конго — муж сказал, что «такие поездки не для нее», поэтому Энтони ощутил непреодолимое желание быть непохожим на Стерлинга во

всем и изо всех сил старался заставить ее полюбить эту страну. Он рассказывал ей об элегантных бульварах Леопольдвилья, о бельгийских поселенцах, привозивших с собой купленные по баснословным ценам консервы и замороженные полуфабрикаты и готовых на все, что угодно, лишь бы не есть роскошные местные продукты. Он рассказывал ей о том, как европейцы были шокированы восстанием гарнизона в Леопольдвиле, в результате которого им пришлось ретироваться в относительно безопасный Стэнливилль.

Ему хотелось предстать перед ней в лучшем свете, хотелось, чтобы она смотрела на него с восхищением, а не со сквозившими во взгляде жалостью и раздражением. И тут произошло чудо: пытаясь показаться ей обаятельным и жизнерадостным незнакомцем, он вдруг обнаружил, что постепенно становится самим собой. В детстве мама говорила ему: «Улыбнись, и тебе станет веселее», но тогда он не верил ей.

Дженнифер тоже вела себя непринужденно. Она больше слушала, чем говорила, как и положено умеющей правильно общаться женщине, смеялась над его шутками, и тогда он старался рассмешить ее еще сильнее. Энтони мысленно поздравил себя с тем, что остальные посетители ресторана поглядывали на них с восхищением: «Вы только взгляните на эту веселую парочку за шестнадцатым столиком». Удивительно, но, похоже, Дженнифер абсолютно не волновало, что ее видят в компании постороннего мужчины. Возможно, так устроена светская жизнь Ривьеры — постоянное общение с чужими мужьями и женами. О второй причине, почему она вела себя так непринужденно, Энтони старался не думать: возможно, человек его статуса, его социального уровня просто не представляет угрозы для ее репутации.

Им уже принесли горячее, и тут к их столику подошел высокий мужчина в безупречно скроенном костюме. Они с Дженнифер расцеловались, обменялись любезностями, а потом она без тени улыбки сказала:

— Ричард, дорогой, познакомься — это мистер Бут. Он пишет статью о Ларри для одной английской газеты.

Я рассказываю ему все, что знаю, и пытаюсь доказать, что промышленники и их жены не самые занудные создания на свете.

— Не думаю, Дженни, что кому-то может прийти в голову обвинить тебя в занудстве, — произнес мужчина и протянул Энтони руку: — Ричард Кейс.

— Энтони... Бут. Светская жизнь Ривьеры совершенно не кажется мне скучной. Мистер и миссис Стерлинг чудесно приняли меня, —

дипломатично ответил он.

— Может быть, мистер Бут и про тебя что-нибудь напишет. Ричард — владелец отеля на холме, откуда открываются самые красивые виды. Он всегда в самом эпицентре событий Ривьеры, правда, дорогой?

— Возможно, в следующий приезд вы остановитесь у нас, мистер Бут? — вежливо улыбнулся Ричард.

— Это было бы просто прекрасно, но сначала мне надо узнать, понравилось ли мистеру Стерлингу то, что я написал о нем. Вдруг меня сюда больше не пустят, — ответил Энтони, подумав, что они с Дженнифер все время упоминают Лоренса, как будто он, невидимый, постоянно стоит между ними.

В тот вечер она просто сияла: от нее исходила вибрирующая энергия, которая, как ему казалось, предназначена ему одному. «Это все из-за меня?» — спрашивал себя Энтони, глядя на Дженнифер. Или она просто рада редкой возможности вырваться от ревнивого мужа? Вспомнив о том, как пренебрежительно разговаривал с ней вчера Стерлинг, Энтони поинтересовался ее мнением о рынках сбыта, о мистере Макмиллане и королевской свадьбе, стараясь сделать так, чтобы она не соглашалась с ним, а говорила, что думает на самом деле. Дженнифер мало знала о том, что происходит в мире, зато хорошо разбиралась в человеческой природе и искренне интересовалась тем, что он рассказывал, — словом, была идеальной собеседницей. На мгновение он вспомнил Клариссу, которая всегда язвительно отзывалась об их общих знакомых и чувствовала себя глубоко оскорбленной при малейшем проявлении пренебрежения. Энтони подумал, что уже много лет не получал такого удовольствия от вечера, проведенного в компании дамы.

— Мне пора собираться домой, — вдруг сказала она, взглянув на часы, когда им принесли кофе и небольшое серебряное блюдо с красиво разложенными на нем птифурками.

— Ни в коем случае, — заявил он, испытав страшное разочарование, и отложил в сторону салфетку. — Я так до конца и не понял, удалось ли мне загладить то жуткое первое впечатление, которое я на вас произвел.

— Правда? Знаете, вот в чем дело... — проговорила Дженнифер, многозначительно кивнув в сторону стоявшего у бара с друзьями Ричарда Кейса, — тот сразу же отвел взгляд, пытаясь сделать вид, что не смотрит на нее.

Дженнифер пристально посмотрела Энтони в глаза, словно испытывая его. Видимо, он выдержал испытание, потому что она наклонилась к нему и прошептала:

— Вы умеете грести?

— Грести?

Они спустились на набережную. Дженнифер долго разглядывала лодки, как будто была не уверена, что узнает ее, если не прочтает названия, и в конце концов показала на маленькую весельную шлюпку. Энтони спустился на борт, помог Дженнифер и усадил ее напротив себя. Дул теплый морской бриз, в чернильной темноте уютно мигали огоньки рыбацких баркасов.

— Каков пункт назначения? — спросил он, снимая пиджак, кладя его рядом с собой и берясь за весла.

— Поплыли в ту сторону. Когда будем на месте, я скажу.

Он принялся грести медленными ритмичными движениями, слушая, как волны бьются о борт лодки. Она сидела напротив, закутавшись в плащ, и словно не замечала его, стараясь следить за тем, чтобы лодка не сбилась с курса.

Энтони ни о чем не думал. В обычных обстоятельствах его мозг был бы занят разработкой стратегии и отчаянно придумывал следующий ход в ожидании предстоящей ночи. Но, несмотря на то что они остались одни, несмотря на то что это она позвала его кататься на лодке по ночному морю, у него не было никакой уверенности в том, как продолжится этот многообещающий вечер.

— Вот, — сказала она, показывая пальцем на яхту. — Вот она.

— Вы вроде говорили про лодку, — оправившись от изумления при виде элегантной белой яхты, произнес Энтони.

— Так это и есть лодка, правда большая, — нехотя признала она. — Я не особенно люблю морские прогулки, бываю на ней всего пару раз в год.

Они пришвартовали шлюпку и поднялись на борт. Дженнифер предложила ему сесть на скамейку с подушками, ушла в рубку и вернулась через несколько минут с подносом. Энтони заметил, что она сняла туфли, и изо всех сил старался не смотреть на ее невероятно миниатюрные ступни.

— Я сделала вам безалкогольный коктейль, — сказала она, протягивая ему бокал. — Решила, что на минеральную воду вы уже смотреть не можете.

Даже здесь, довольно далеко от берега, было тепло, волны мягко, едва заметно покачивали яхту. Энтони посмотрел на мерцающие огни города, по набережной проехала машина. Он вспомнил Конго, и ему показалось, что из ада он неожиданно попал прямиком в рай.

Дженнифер налила себе еще один бокал martinis и аккуратно присела

на краешек скамейки напротив Энтони.

— Итак, — начал он, — как вы с мужем познакомились?

— С мужем? Мы что, все еще работаем над статьей?

— Нет, но я заинтригован.

— Чем же?

— Тем, как ему... Да нет, мне просто интересно, как люди оказываются вместе, — взял себя в руки он.

— Познакомились на благотворительном балу. Ларри пожертвовал крупную сумму денег получившим ранения военным. Сел за мой столик, пригласил меня поужинать, ну и все.

— Ну и все?

— Он был довольно прямолинеен. Через несколько месяцев сделал мне предложение, и я согласилась.

— Вы были так молоды...

— Двадцать два. Мои родители пришли в восторг.

— Потому что он богат?

— Потому что они считали его подходящей парой — надежный, с прекрасной репутацией.

— А для вас это важно?

— Это важно для всех, разве нет? — спросила она, нервно теребя край юбки. — Бут, теперь моя очередь задавать вопросы. Сколько лет вы были женаты?

— Три года.

— Не очень-то долго.

— Я довольно быстро понял, что мы совершили ошибку.

— А она согласилась на развод?

— Это была ее инициатива, — ответил Энтони, а Дженнифер быстро взглянула на него, и ему показалось, что она пытается понять, чем он такое заслужил. — Я был не самым верным мужем, — добавил он, сам не понимая, зачем рассказывает об этом.

— Вы, должно быть, скучаете по сыну.

— Да. Иногда я думаю, как бы поступил, если бы знал, что буду так сильно по нему скучать.

— Вы из-за этого пьете?

— Даже не пытайтесь, миссис Стерлинг, — криво усмехнулся он. — Слишком много добродетельных женщин пытались спасти мою грешную душу...

— А кто сказал, что я собираюсь вас спасти? — опустив глаза и уставившись на свой бокал, спросила она.

— Ну, от вас так и веет... милосердием. Я сразу начинаю нервничать.

— Если у человека горе, то этого не скроешь.

— А вы откуда знаете?

— Я не дура. Никто не может иметь все, что хочет, и мне это известно не хуже вашего.

— Ну почему же, вот ваш муж имеет все.

— Как мило с вашей стороны.

— Я говорю это не для того, чтобы показаться милым.

Дженнифер пристально посмотрела ему в глаза, а потом отвернулась, глядя на море. В воздухе нарастало напряжение, как будто они злились друг на друга, но молчали. Стоило им немного отдалиться от городской суеты и условностей реальной жизни, как отношения между ними тут же изменились. Я хочу ее, подумал он, и практически убедил себя в том, что ничего такого в этом нет.

— Сколько раз вы спали с замужними женщинами? — неожиданно резко спросила она.

— Наверное, проще сказать, что я довольно редко сплю с незамужними, — едва не подавившись коктейлем, ответил Энтони.

— Считаете нас более безопасным вариантом? — предположила она.

— Да.

— А почему эти женщины соглашались спать с вами?

— Не знаю. Наверное, потому, что были несчастны.

— А вы, значит, их осчастливили?

— Ну, на какое-то время — да. Ненадолго.

— Так значит, вы — жиголо? — В уголках ее рта снова заиграла та самая улыбка.

— Нет, просто мужчина, которому нравится заниматься любовью с замужними женщинами.

На этот раз она молчала так долго, что по его коже пробежал холодок. Он бы заговорил сам, но совершенно не знал, что сказать.

— Я не стану вашей любовницей, мистер О'Хара. Он дважды повторил про себя эту фразу, прежде чем понял, о чем она говорит, и глотнул коктейля, чтобы взять себя в руки, а потом ответил:

— Хорошо.

— Правда?

— Нет, — вымученно улыбнулся он. — Нехорошо. Но придется как-то смириться.

— Я недостаточно несчастна, чтобы переспать с вами. Господи, она что, видит его насквозь? Энтони это не нравилось.

— С тех пор как я вышла замуж, я ни разу не поцеловала другого мужчину. Ни разу, — добавила Дженнифер.

— Это достойно восхищения.

— Вы мне не верите?

— Отчего же, верю. Просто вы — редкий случай.

— Значит, вы думаете, что я жуткая зануда. — Дженнифер встала, подошла к капитанскому мостику и повернулась к Энтони. — А ваши замужние женщины влюбляются в вас?

— Немножко.

— Они расстраиваются, когда вы их бросаете?

— Откуда вы знаете, что не они бросают меня, а я — их? — спросил Энтони. — А насчет того, влюбляются ли они, — продолжал он, так и не дождавшись ответа, — так мы с ними потом не общаемся.

— Вы их избегаете?

— Нет, но я часто уезжаю за границу. Не люблю долго сидеть на одном месте. К тому же у них есть мужья, есть своя жизнь... Вряд ли кто-то из них всерьез подумывал о том, чтобы уйти от мужа. Я для них был просто развлечением... так, очередная интрижка.

— Вы любили кого-то из них?

— Нет.

— А вашу жену?

— Да. По крайней мере, раньше мне так казалось, сейчас — не уверен.

— А вы вообще кого-нибудь любили по-настоящему?

— Моего сына.

— Сколько ему лет?

— Восемь. Из вас вышел бы отменный журналист, Дженнифер.

— Все никак не можете смириться с тем, что я ничего не умею делать? — рассмеялась она.

— Я думаю, что вы впустую тратите свою жизнь.

— Правда? И что, по-вашему, я должна делать? — Она подошла к нему поближе, и Энтони увидел, как лунный свет отражается на ее бледной коже, отбрасывая голубоватые тени на плечи и грудь. — Что вы там говорили, Энтони? — тихо спросила она, как будто кто-то мог их услышать. — «Не пытайтесь меня спасти»?

— С чего мне вдруг спасать вас? Вы ведь сами сказали, что не считаете себя достаточно несчастной, — прерывисто дыша, прошептал он.

Она была так близко, их взгляды скрестились, и Энтони вдруг показалось, что он пьян, все чувства обострились, как будто он подсознательно пытался запечатлеть каждую черточку ее лица в своей

памяти. Он вдохнул цветочный аромат ее восточных духов.

— Я думаю, — медленно сказала Дженнифер, — что все, о чем вы говорили мне сегодня, вы говорите всем вашим замужним женщинам.

— Ошибаетесь, — возразил он, но в глубине души знал, что она совершенно права.

Он едва сдерживался, чтобы поцелуем не заставить ее замолчать, не впиться в ее губы. Никогда в жизни он не чувствовал такого возбуждения.

— Я думаю, — продолжала она, — что мы с вами можем сделать друг друга ужасно несчастными.

От этих слов внутри у Энтони все перевернулось, как будто он признал свое поражение.

— А я думаю, — медленно произнес он, — что очень хотел бы этого.

Остаюсь в Греции, в Лондон не вернусь, потому что ты меня пугаешь — в хорошем смысле этого слова.

Мужчина — женщине, в открытке

Женщины снова застучали по стеклу. Их было видно из окна ее спальни: одна — брюнетка, другая — с огненно-рыжими волосами. Они сидели у окна угловой квартиры на первом этаже, и как только мимо проходил мужчина, начинали стучать по стеклу, а если бедняге случалось обратить на них внимание, то тут же принимались призывно махать и улыбаться.

Лоренса эти женщины приводили в бешенство. Некоторое время назад в ходе одного из разбирательств в Верховном суде судья предостерег подобных женщин от такого поведения. Лоренс считал, что их приставания, пусть и ненавязчивые, вредят репутации района. Он не понимал, почему все закрывают глаза на столь явное нарушение закона.

Дженнифер они неудобства не причиняли. Ей казалось, что эти женщины находятся в тюрьме со стеклянными стенами. Однажды она даже помахала им рукой, но они посмотрели на нее с таким безразличием, что она тут же отвернулась и ускорила шаг.

За исключением таких маленьких происшествий, ее жизнь шла своим чередом. Утром она вставала вместе с Лоренсом и, пока он брился и одевался, готовила ему кофе с тостами и приносила из холла свежую газету. Часто она вставала даже раньше его, чтобы успеть сделать прическу и макияж, — тогда, двигаясь по кухне в пеньюаре, она производила впечатление очаровательной, собранной женушки, в тех редких случаях, когда он отрывался от своей газеты и смотрел на нее. Куда приятнее начинать день, если твой муж не вздыхает с нескрываемым раздражением.

Позавтракав, он вставал из-за стола, она помогала ему надеть пальто, и где-то в начале девятого раздавался тихий стук в дверь — за Лоренсом приезжал водитель. Дженнифер стояла на пороге и махала рукой на прощание до тех пор, пока машина не исчезала за поворотом.

Минут через десять приходила миссис Кордоза. Экономка ставила чайник, жалуясь на стоящие морозы, а Дженнифер погружалась в изучение списка вещей, которые необходимо сделать за день. Сначала шли обычные

домашние дела: пропылесосить, вытереть пыль, постирать белье, что-нибудь починить, например пришить оторвавшуюся от манжеты рубашки Лоренса пуговицу, или почистить его ботинки. Иногда она поручала миссис Кордозе рассортировать постельное белье в комоде или отполировать серебряный сервиз, что та беспрекословно выполняла, сидя за покрытым газетой кухонным столом и слушая радио.

Дженнифер в это время принимала ванну и одевалась. Иногда она заходила на чашечку кофе к жившей по соседству Ивонне, или выбиралась пообедать с мамой, или брала такси и ехала в центр города, чтобы закупить все необходимое к Рождеству.

Возвращаться она всегда старалась пораньше — именно в это время ей обычно приходило в голову еще какое-нибудь поручение для миссис Кордозы: поехать на автобусе в магазин и купить материал для занавесок, найти особый сорт рыбы, который, по словам Лоренса, может прийтись ему по вкусу. Она старалась отпускать экономку пораньше, чтобы провести дома хотя бы час-два в полном одиночестве и попробовать найти остальные письма.

С того дня, как она обнаружила первое письмо, прошло две недели, и за это время она сумела отыскать еще два. Они тоже были отправлены на абонентский ящик, но явно адресованы ей. Тот же почерк, та же страстная прямолинейная манера изложения — эти слова эхом отзывались в сердце Дженнифер. В письмах описывались события, которых она не помнила, однако ей казалось, будто она кожей чувствует, о чем идет речь, — словно где-то вдалеке после долгого перерыва вновь зазвонил огромный колокол.

Все письма были подписаны просто Б. Она перечитывала их столько раз, что практически выучила наизусть.

Дорогая моя девочка.

Уже четыре утра, а я все не могу заснуть и думаю о том, что сегодня он возвращается домой. Я схожу с ума, представляя, как он лежит рядом с тобой, как он с чувством полного права прикасается к тебе, обнимает тебя, — боже, я отдал бы все на свете ради того, чтобы это право принадлежало мне.

Ты так разозлилась, застав меня за бутылкой в «Альберто», обвинила в том, что я потакаю своим слабостям, и боюсь, мой ответ был непростительно груб. Когда мужчины приходят в бешенство, плохо от этого прежде всего им самим, и я думаю, ты прекрасно понимаешь, что твои слова ранили меня куда больше, чем все те жуткие глупости, которые я наговорил тебе в ответ. Когда ты ушла, Фелипе назвал меня

идиотом, и был совершенно прав.

Я пишу тебе обо всем этом, потому что хочу, чтобы ты знала: я собираюсь стать другим человеком. Ха, поверить не могу, что употребляю это избитое выражение, но тем не менее. Ради тебя мне хочется измениться, хочется стать лучшей версией самого себя. Я просидел не один час, глядя на бутылку с виски, и вот, минут пять назад, я наконец встал и вылил все это чертово пойло в раковину. Я стану другим человеком ради тебя, дорогая. Я хочу жить так, чтобы ты могла гордиться мной. Если нам с тобой суждено довольствоваться лишь редкими часами встреч, то я хочу, чтобы каждая минута запечатлелась в моей памяти с удивительной ясностью, чтобы в тяжелые времена, когда наступит темная ночь души, я мог отчетливо вспомнить эти моменты.

Прими его, раз так надо, любимая моя, но не люби его. Прошу, только не люби его!

Твой эгоистичный

Б.

Читая последние строки, она чуть не разрыдалась. Не люби его. Прошу, только не люби его! Теперь ситуация прояснилась: значит, ей не зря кажется, что они с Лоренсом безумно далеки друг от друга. Оказывается, она влюбилась в другого мужчину. Найденные любовные письма все объясняли — в отличие от Лоренса, этот мужчина по-настоящему открыл ей свою душу. Она читала его письма с замиранием сердца, покрываясь мурашками с головы до ног. Эти слова были ей знакомы! Но, несмотря на это, за ними крылась огромная боль...

Бесчисленные вопросы грозили свести ее с ума: сколько времени они встречались? Давно ли это было? Спала ли она с этим мужчиной? Неужели из-за него она испытывает к мужу такое физическое отвращение?

Ну и конечно же, самый главный и загадочный вопрос: кто он?

С тщанием, достойным детектива, Дженнифер раз за разом перечитывала три письма в поисках хоть какой-нибудь подсказки, но никто из ее знакомых, имя которых начиналось на «Б», не подходил. Таких было всего двое: Билл и бухгалтер ее мужа Бернард — в последнего она не смогла бы влюбиться ни при каких условиях. Интересно, приходил ли таинственный Б. в клинику, когда она еще не пришла в себя и плохо различала лица посетителей? Наблюдает ли он за ней с расстояния? Возможно, он ждет, что она с ним свяжется? Он где-то существует, и только он может ответить на все вопросы, он — ключ ко всему.

Каждый день она пыталась вспомнить, какой была раньше: что это за

женщина, у которой есть такие тайны? Где бы она спрятала остальные письма? Где найти подсказки, которые приведут ее к жизни до аварии? Два письма оказались спрятаны в книгах, другое — в сложенном виде было аккуратно спрятано в чулок. В таких местах ее мужу никогда бы не пришлось в голову искать улики. Я, оказывается, умная, подумала она сначала, а потом с некоторым смущением: умная и двуличная.

— Мама, — обратилась Дженнифер к матери, сидя за столиком на верхнем этаже универмага «Джон Льюис», — а кто был за рулем, когда я попала в аварию?

Мать внимательно посмотрела на нее. В ресторане не было свободных мест, повсюду сидели люди в зимних пальто, с множеством пакетов, над столиками стоял гул оживленно беседующих голосов и звон посуды.

— Дорогая, опять ты за свое. Зачем ворошить прошлое? — быстро оглянувшись по сторонам, ответила она, как будто Дженнифер спросила у нее что-то неприличное.

— Я так мало помню о том, что произошло, — попивая чай, спокойно объяснила Дженнифер. — Мне кажется, если я узнаю больше подробностей, то быстрее вспомню все остальное.

— Но ты же чуть не умерла. Я не хочу даже думать об этом.

— Но что произошло? Я сама была за рулем?

— Не припомню, — уставившись в тарелку, упрямо ответила мать.

— Если за рулем была не я, то что случилось с водителем? Он наверняка тоже пострадал?

— Понятия не имею, ну откуда мне знать? Лоренс всегда заботится о своих служащих, правда ведь? Наверное, травмы были не серьезные. Если ему потребовалась медицинская помощь, Лоренс наверняка все оплатил.

Дженнифер подумала о водителе, который забирал ее из клиники: усталый мужчина лет шестидесяти, аккуратные усики и лысеющая голова. Непохоже, чтобы он недавно получил серьезную травму, да и на роль ее любовника он точно не тянул.

— Спроси у него сама, — добавила мать, отодвигая тарелку с недоеденным сэндвичем.

— Обязательно спрошу, — соврала Дженнифер. — Но Лоренс хочет, чтобы я поменьше думала.

— Что ж, он совершенно прав, дорогая. Возможно, тебе стоит последовать его совету.

— А ты знаешь, куда я ехала?

— Понятия не имею, — оправившись от замешательства, ответила

мать, явно насторожившись от таких настойчивых расспросов. — Наверное, по магазинам... Постой, кажется, авария произошла где-то недалеко от Мэрилебон-роуд, машина врезалась в автобус. Или автобус врезался в машину. Дженни, дорогая, это был настоящий кошмар. Мы думали только о том, чтобы ты поскорее поправилась, — добавила она, поджав губы и давая Дженнифер понять, что разговор окончен.

В дальнем углу зала женщина, укутанная в темно-зеленое пальто, улыбаясь, смотрела в глаза мужчине, который нежно проводил пальцем по ее профилю. Когда он добрался до губ, она прикусила кончик его пальца. Они так открыто и естественно проявляли свою близость, что у Дженнифер по спине побежали мурашки. Казалось, кроме нее, больше никто не обращает внимания на эту пару.

Миссис Верриндер приложила к губам салфетку, а потом снова заговорила:

— Дорогая, какая, в конце концов, разница? Автокатастрофы случаются: чем больше машин, тем опаснее ездить. Думаю, больше половины из тех, кто за рулем, и водить-то толком не умеют. По крайней мере, не так, как твой отец, вот он всегда водил очень аккуратно. Дженнифер... — повторила она, заметив, что дочь ее не слушает. — С тобой ведь уже все в порядке? Все гораздо лучше, да, дорогая?

— Все прекрасно, — радостно улыбнулась Дженнифер матери, — просто прекрасно.

Они с Лоренсом часто ходили на званые ужины или коктейльные вечеринки, и Дженнифер заметила, что непроизвольно начала смотреть на широкий круг их друзей и знакомых другими глазами. Как только чей-то взгляд задерживался на ней чуточку дольше положенного, она просто не могла отвести глаз от этого мужчины — а вдруг это он? Что он имел в виду, когда сказал, что искренне рад меня видеть? Он подмигнул мне, или показалось?

Если предположить, что «Б» было первой буквой прозвища, а не имени, то пока что Дженнифер сузила круг потенциальных кандидатов до троих мужчин. Во-первых, Джек Эмори — глава компании по производству автомобильных двигателей, не женат, каждый раз при встрече демонстративно целует ей руку, хотя при этом чуть ли не подмигивает Лоренсу... А вдруг он ведет двойную игру?

Следующий кандидат — Реджи Карпентер, кузен Ивонны, которого иногда приглашали поужинать за компанию. Темные волосы, немного усталые, но задорно смотрящие глаза, несколько моложе, чем

предполагаемый автор писем, но зато обаятельный, милый и к тому же всегда старается сесть рядом с ней, если Лоренса нет на горизонте.

Ну и конечно же, Билл... Билл, все шутки которого предназначались исключительно ей, который постоянно заявлял, что без ума от нее, даже в присутствии Вайолет. Он, безусловно, к ней равнодушен. Но разве это взаимно?

Дженнифер стала уделять больше внимания внешности: регулярно ходила к парикмахеру, купила несколько новых платьев, стала куда более разговорчивой — «совсем как раньше», одобрительно заметила Ивонна. Первые недели после аварии Дженнифер пыталась спрятаться за спины подруг, а теперь задавала вопросы, мягко, но настойчиво добивалась ответов, пытаясь найти ту ниточку, которая приведет ее к истине. Иногда она бросала двусмысленные фразы в ходе общей беседы, спрашивала, не хочет ли кто-нибудь еще виски, а затем внимательно отмечала реакцию всех присутствующих в комнате мужчин. Однако Лоренс никогда не оставлял ее надолго одну, так что даже если кто-то из них и понимал ее намеки, у него просто не было шансов ответить.

Возможно, муж замечал, что она стала с особым интересом беседовать с их общими друзьями, но, в любом случае, никак это не прокомментировал. Он вообще мало что комментировал. С той самой ночи, когда они поссорились, он воздерживался от физической близости с ней, вел себя вежливо, но отстраненно. Лоренс допоздна работал в своем кабинете и нередко уходил до того, как Дженнифер просыпалась. Несколько раз, проходя мимо гостевой комнаты, она замечала смятую постель, — видимо, он предпочитал проводить ночи в одиночестве, оставляя для нее немый укор. Дженнифер знала, что ее, наверное, должна мучить совесть, но таким образом она обрела свободу, необходимую для того, чтобы полностью погрузиться в параллельный мир, принадлежащий лишь ей одной, — мир, где она могла посвятить все свое время поискам таинственного, страстного любовника, где она могла посмотреть на себя глазами обожающего ее мужчины.

Где-то там, говорила она себе, где-то там он все-таки есть. Б. ждет меня.

— Это документы на подпись, а на шкафу — подарки, которые доставили сегодня утром. Ящик шампанского от «Ситроен», корзина с деликатесами от цементного завода в Питерборо и коробка шоколадных конфет от отдела бухгалтерии. Знаю, вы не любите конфеты с помадкой, поэтому я подумала, что можно раздать их сотрудникам — Элси

Мажински, к примеру, обожает пралине...

— Конечно, Мойра, — ответил шеф, даже не взглянув на нее, и секретарша сразу поняла, что мысли мистера Стерлинга очень далеки от рождественских подарков.

— Надеюсь, вы не подумаете, что я слишком много на себя беру, но я уже начала подготовку к рождественской вечеринке в офисе. Вы сказали, что, поскольку компания сильно расширилась, лучше провести праздник в офисе, а не в ресторане, поэтому я заказала небольшой шведский стол в кейтеринговой фирме.^[8]

— Прекрасно. На какую дату?

— Двадцать третье, по окончании рабочего дня. Это пятница перед рождественскими каникулами.

— Да-да...

Чем же он так обеспокоен? Почему у него такой несчастный вид? Дела идут просто великолепно, спрос на их товар неуклонно растет. Даже учитывая последние кредитные рестрикции, компания «Акме минерал энд майнинг» имеет одни из лучших показателей по бухгалтерской отчетности.

Неприятных писем больше не поступало, а пришедшие за последний месяц она так ему и не показала, засунув поглубже в ящик письменного стола.

— Еще я подумала, что, возможно, вы...

Внезапно хлопнула входная дверь, и мистер Стерлинг наконец оторвал взгляд от бумаг. Мойра обернулась и от удивления чуть было не открыла рот: в офис вошла она. Волосы безупречно уложены гладкими волнами, крошечная красная шляпка надета слегка набок, туфли идеального цвета и фасона. Но что она тут делает? Миссис Стерлинг огляделась, словно в поисках кого-то, тут же подошел мистер Стивенс из бухгалтерии и пожал ей руку. Они перекинулись парой фраз, а потом обернулись в сторону кабинета начальника. Миссис Стерлинг увидела мужа и помахала ему рукой.

Мойра непроизвольно поправила волосы. Ну как это некоторым женщинам удастся выглядеть так, словно они сошли с обложки глянцевого журнала? Дженнифер Стерлинг именно из таких. Мойру это не особенно задевало — ей всегда куда больше нравилось вкладывать силы в работу, в настоящие достижения. Но когда эта женщина, слегка разругавшись от мороза, входит в офис, сверкая ослепительными бриллиантами в ушах, сложно не почувствовать себя по сравнению с ней унылой серой мышью. Дженнифер Стерлинг напоминала идеально упакованный подарок на Рождество, сверкающую елочную игрушку.

— Добрый день, миссис Стерлинг, — вежливо поздоровалась Мойра.

— Добрый день.

— Какой неожиданный сюрприз, — немного сдержанно, однако не скрывая удовольствия, поприветствовал ее мистер Стерлинг.

Словно двоечник, на которого вдруг обратила внимание королева школы, подумала Мойра и тут же почувствовала себя неловко, стоя между ними:

— Мне оставить вас наедине? Я могла бы пока заняться документами...

— О нет, что вы! Прошу вас, не стоит. Я всего на минутку, — заверила ее миссис Стерлинг, оборачиваясь к мужу. — Проходила мимо и решила спросить, не собираешься ли ты сегодня работать допоздна. Если да, то можем встретиться у Харрисонов — они приглашали на глинтвейн.

— Я... Да, конечно. Если закончу рано, то там и увидимся.

— Было бы замечательно, — ответила Дженнифер.

От нее едва уловимо пахло новым ароматом от Нины Риччи. Мойра попробовала их на прошлой неделе в универмаге «Эванс», но решила, что духи все-таки дороговаты. Теперь секретарша жалела, что не купила их.

— Постараюсь сильно не задерживаться.

Миссис Стерлинг, похоже, не спешила уходить. Она стояла перед мужем, но смотрела не столько на него, сколько по сторонам, с каким-то напряженным вниманием разглядывая офис и сидящих за столами сотрудников, как будто видела их впервые.

— Давненько ты сюда не заходила, — произнес он.

— Да, похоже на то, — коротко ответила она и замолчала. — О, кстати, а как зовут твоих водителей?

— Водителей? — недоуменно нахмурился он.

— Я подумала, вдруг ты хочешь, чтобы я придумала им какие-нибудь небольшие подарки к Рождеству, — пожалала плечами она.

— Подарки? — ошеломленно переспросил он. — Ну, дольше всех у меня работает Эрик. Обычно я покупаю ему бутылку бренди, по крайней мере последние лет двадцать. Иногда его подменяет Симон — он не пьет, поэтому я просто даю ему небольшую прибавку к зарплате. Не думаю, что тебе стоит волноваться на этот счет.

— Но я с удовольствием помогу тебе, — с некоторым разочарованием в голосе настояла на своем миссис Стерлинг. — Куплю бренди, — добавила она, нервно сжимая в руках сумочку.

— Приятно, что ты решила позаботиться об этом, — ответил он.

— Ну ладно, — произнесла она, обводя взглядом офис, — ты,

наверное, жутко занят. Просто я на самом деле была неподалеку и решила зайти. Была рада повидаться, мисс... — Она осеклась, смущенно улыбаясь.

Мойру до глубины души возмутило столь явное пренебрежение. Они же сто раз виделись за последние пять лет. А она даже не удосужилась просто запомнить, как ее зовут.

— Мойра, — подсказал ей мистер Стерлинг, когда пауза окончательно затянулась.

— Ах да, Мойра. Ну конечно же. Была рада снова повидаться.

— Я скоро вернусь, — бросил Стерлинг через плечо, провожая жену к выходу.

Мойра посмотрела им вслед: они обменялись еще несколькими фразами, а потом она махнула ему изящной ручкой в перчатке и ушла.

Секретарша сделала глубокий вдох, стараясь не принимать произошедшее близко к сердцу. Мистер Стерлинг неподвижно стоял и смотрел вслед жене.

Плохо понимая, что делает, Мойра вышла из кабинета, села за свой стол, достала из кармана ключ, открыла ящик стола и стала рыться в многочисленных письмах, пока наконец не нашла то, что искала. Она успела вернуться в кабинет мистера Стерлинга до него самого.

Он прикрыл за собой дверь, взглянул за стеклянную перегородку, как будто проверяя, не возвращается ли жена. Казалось, выражение его лица немного смягчилось и расслабилось.

— На чем мы там остановились? Вы что-то говорили о рождественской вечеринке? — слегка улыбаясь, спросил он, садясь в кресло.

— Вообще-то, — начала Мойра, задыхаясь от волнения и облизывая пересохшие губы, — есть кое-что еще.

— Кое-что? И что же? — спросил Стерлинг, беря один из документов и уже готовясь поставить свою подпись.

— Эти письма доставили пару дней назад, — сообщила Мойра, протягивая ему конверты с написанным от руки адресом доставки. — На тот самый абонентский ящик. Я отслеживала его, как вы просили, — добавила она.

Не говоря ни слова, Стерлинг уставился на письма, потом перевел взгляд на секретаршу и моментально побледнел. Мойра испугалась, что он потеряет сознание.

— Вы уверены? Этого не может быть.

— Но...

— Наверное, вы ошиблись номером ящика, Мойра...

— Уверяю вас, я не ошиблась. Номер тринадцать. Я представилась миссис Стерлинг, как вы... предложили.

Он разорвал один из конвертов, вытащил письмо и склонился над ним. Она стояла с другой стороны стола, стараясь скрыть любопытство. Чувствуя, как в воздухе возрастает напряжение, Мойра уже пожалела о том, что сделала.

Когда он поднял глаза и посмотрел на Мойру, ей показалось, что он постарел на несколько лет. Стерлинг откашлялся, в гневе скомкал письмо и швырнул его в корзину для бумаг.

— Наверное, ошибка почтовой службы. Об этом никто не должен знать, поняли меня?

— Да, мистер Стерлинг, — пробормотала она, пятясь назад. — Конечно.

— Закройте этот абонентский ящик.

— Сейчас? Но отчет для аудиторской проверки...

— Сегодня же! Делайте что хотите, но закройте его сегодня же. Ясно?

— Да, мистер Стерлинг! — отчеканила Мойра. Забрав свою папку с документами, она вышла из кабинета, схватила пальто и сумочку и отправилась на почту.

Дженнифер решила пойти домой. Она устала, поездка в офис к мужу ничего не дала, начался дождь, и пешеходы дружно ускорили шаг, подняв воротники и наклонив головы. Однако, выйдя из офиса, она поняла, что просто не может вернуться в этот безмолвный дом.

Она спустилась по лестнице, подняла руку, и к ней, мигнув желтыми фарами, тут же подъехало такси. Дженнифер села в машину, стряхнула капельки дождя с красного пальто и, наклонившись к окошку, отделявшему ее от водителя, спросила:

— Вы знаете заведение под названием «Альберто»?

— А в какой части Лондона оно находится?

— К сожалению, не знаю. Как раз хотела у вас спросить.

— Клуб с таким названием есть в Мейфэре, — нахмурился тот. — Могу отвезти вас туда, но не знаю, открыто ли там.

— Прекрасно, — согласилась она, поудобнее устраиваясь на сиденье.

Они добрались до места за пятнадцать минут. Такси притормозило, и водитель махнул рукой на здание напротив:

— Это единственное заведение под названием «Альберто», которое я знаю. Не уверен, что вам там понравится, мэм.

Дженнифер протерла окно рукавом и выглянула: металлические поручни у входа в подвальчик, ведущая вниз темная лестница.

На выдавшей виды вывеске было написано название бара, с обеих сторон от входа стояли две большие кадки с покосившимися тисовыми деревцами.

— Это оно?

— Да, мэм. Думаете, вам сюда?

— Что ж, не проверишь — не узнаешь, — натянуто улыбнулась она.

Расплатившись с таксистом, Дженнифер осталась на тротуаре одна под моросящим дождем.

Приоткрытую дверь бара подпирал мусорный бак. Она зашла внутрь и чуть не задохнулась от удушающего запаха алкогольных паров, сигаретного дыма, пота и духов.

Постепенно глаза привыкли к тусклому освещению, и Дженнифер увидела слева гардероб — пустые вешалки, никого, только пивная бутылка и связка ключей на стойке. Пройдя по узкому коридору, она открыла двустворчатые двери и оказалась в огромном пустом зале: перед крошечной сценой стояли круглые столики с поднятыми вверх стульями.

Пожилая женщина пылесосила зал, бормоча под нос что-то явно неодобрительное. Вдоль противоположной от входа стены, за стойкой бара сидела другая женщина — она курила и говорила с мужчиной, расставлявшим бутылки на полках с подсветкой.

— Эй, вы куда? — спросила женщина, заведя ее. — Чем могу вам помочь, милочка?

— Вы работаете? — растерянно спросила Дженнифер, чувствуя на себе ее оценивающий и далеко не дружелюбный взгляд.

— А что, похоже на то?

— Простите, тогда я зайду в другой раз, — взяв себя в руки и прижав к животу сумочку, выдавила Дженнифер.

— Кого-то ищете, леди? — спросил мужчина, выпрямляясь.

Темные, зализанные назад волосы, бледное одутловатое лицо — такое бывает у людей, которые слишком много времени проводят за бутылкой и слишком мало — на свежем воздухе. Она посмотрела на него, стараясь понять, видела ли она его раньше.

— Вы... вы меня здесь раньше видели? — наконец спросила она.

— Это как леди будет угодно, — удивленно ответил он.

— У нас тут вообще плохо с памятью на лица, — склонив голову набок, добавила женщина.

— Вы знаете человека по имени Фелипе? — спросила Дженнифер, подходя поближе к барной стойке.

— А вы кто такая? — требовательно спросила женщина.

— Это... неважно.

— Зачем вам понадобился Фелипе? — напряженно поинтересовался мужчина.

— У нас есть общий друг.

— А почему же ваш «общий друг» не рассказал вам, что Фелипе теперь далеко отсюда?

— Мы не очень часто... — прикусив губы, начала Дженнифер, пытаюсь сообразить, как бы ей объяснить свои странные расспросы.

— Он умер, леди.

— Что?

— Фелипе умер, и теперь у этого заведения новые хозяева. К нам частенько заходят разные типы, говорят, он им задолжал, так что могу сразу вам сказать — ничего вы от нас не получите.

— Нет-нет, у меня и в мыслях не было...

— Если не покажете расписку за его подписью, ничего не получите, — подтвердила женщина, пристально разглядывая ее одежду, украшения, как будто пытаюсь понять, зачем Дженнифер явилась сюда. — Недвижимость достанется родственникам, то есть его жене, — язвительно добавила она.

— Я не была лично знакома с мистером Фелипе. Примите мои соболезнования, — сдержанно ответила на эту тираду Дженнифер, развернувшись, быстро направилась к выходу и, поднявшись по лестнице, вышла на серый дневной свет.

Мойра рылась в коробках с рождественскими украшениями, пока наконец не нашла то, что искала, рассортировала и разложила все содержимое, а потом развесила на всех дверях мишуру и села за стол. Более получаса она разматывала бумажные гирлянды, запутавшиеся в коробке, чтобы закрепить их над столами. Вдоль стены секретарша натянула бечевку и развесила на ней поздравительные открытки от деловых партнеров, накинула на люстры блестящий дождик, проследив, чтобы он не касался самих лампочек, — не дай бог, пожар!

За окном уже стемнело, на улицах один за другим зажигались огни фонарей, а служащие «Акме минерал энд майнинг» один за другим покидали офис. Первыми ушли машинистки Филлис и Элси — они всегда уходили ровно в пять, с поразительной пунктуальностью, которой совершенно не отличались по утрам. Следующим ушел Дэвид Мортон из бухгалтерии, а вскоре после него — Стивенс, сразу же завернувший в паб за углом, чтобы хлопнуть несколько стаканчиков виски перед тем, как идти домой.

Остальные служащие уходили маленькими группками, кутаясь в шарфы и пальто, забирая их с вешалки в углу, некоторые из них махали на прощание рукой, проходя мимо кабинета мистера Стерлинга. Фелисити Харвуд из расчетного отдела жила в одной остановке от Мойры, в Стритхэме, но никогда не предлагала ей поехать домой вместе.

Фелисити поступила к ним на службу в мае, и тогда Мойра подумала, что будет приятно поговорить с кем-нибудь по дороге домой, поменяться кулинарными рецептами или поболтать в душном автобусе о том, что произошло за день. Однако с первого же дня Фелисити уходила из офиса, даже не взглянув на нее. Однажды они с Мойрой случайно оказались в одном автобусе, но Фелисити уткнулась в дамский роман и всю дорогу не поднимала глаз, хотя Мойра наверняка знала, что та ее заметила.

Мистер Стерлинг ушел без пятнадцати семь. Всю вторую половину дня он провел в крайне рассеянном и нетерпеливом состоянии, позвонил управляющему заводу, отругал его за большое количество больничных, а потом отменил назначенную на четыре встречу. Когда Мойра вернулась с почты, он молча взглянул на нее, чтобы убедиться в том, что она сделала все, как он просил, и вернулся к работе.

Мойра вытащила из бухгалтерии два пустых стола, застелила их праздничными скатертями и приколотла по низу скатерти дождик. Через десять дней здесь накроют праздничный стол, а пока что можно складывать сюда подарки от поставщиков и рождественский почтовый ящик, куда служащие могут опускать открытки друг для друга.

К восьми вечера Мойра закончила оформление офиса и довольно огляделась — скучное помещение теперь выглядело празднично и сияло, словно елочная игрушка. Секретарша разгладила смявшуюся юбку и представила себе, как завтра утром все, заходя в офис, будут восторженно улыбаться.

Ей, разумеется, никто не заплатит за сверхурочную работу, но именно такие мелочи и отличают хорошего работника.

Другие секретарши и понятия не имеют, что работать личным ассистентом — это не просто печатать на машинке личную корреспонденцию и держать в порядке документы, а куда более важное занятие: надо убедиться, что дела в офисе не просто поставлены на поток, но и сделать так, чтобы служащие чувствовали себя... чувствовали себя как одна семья. Рождественский почтовый ящик и яркие елочные игрушки — вот что делает коллектив по-настоящему дружным, а работодателя — привлекательным.

Рождественская елочка в углу смотрелась гораздо лучше. Мойра

принесла ее из дома — там на нее все равно некому смотреть, а здесь она порадует многих людей. Если кто-то вдруг спросит, где она взяла такого чудесного ангелочка или покрытые искусственным инеем шарики, то она как ни в чем не бывало расскажет им, что это любимые елочные игрушки ее мамы.

Мойра надела пальто, собрала свои вещи, повязала шарф и аккуратно положила ручку и карандаш на середину стола, чтобы с утра все было под рукой. Подошла к кабинету мистера Стерлинга, чтобы запереть дверь, но в последний момент передумала, зашла внутрь, беззвучно скользнула в комнату, подошла к столу и, наклонившись, пошарила в корзине для бумаг.

За считанные секунды Мойра на ощупь нашла написанное от руки письмо. После недолгих колебаний она взглянула за стекло и, убедившись в том, что никого нет, разгладила скомканный лист бумаги и начала читать.

Прочитав, она застыла словно статуя.

Потом перечитала письмо еще раз.

Колокола церкви неподалеку пробили восемь. Мойра вздрогнула от неожиданности, взяла корзину для бумаг, вышла из кабинета Стерлинга и выставила ее в коридор — скоро придут уборщики и уберут ее. Секретарша положила письмо в нижний ящик и, заперев его, убрала ключ в карман.

В кои-то веки поездка на автобусе до Стритхэма пролетела незаметно — Мойре Паркер было над чем подумать.

Спасибо за твои слова. Однако надеюсь, что когда ты будешь читать это письмо, то поймешь всю глубину (sic!^[9]) моего раскаяния — насколько я сожалею о том, как обошелся с тобой и каким путем предпочел пойти... Наши отношения с М. обречены, и так было с самого начала. Жаль, что мне понадобилось целых три года, чтобы понять, что курортный роман должен был остаться просто курортным романом и не более.

Мужчина — женщине, в письме

Они встречались каждый день в летних кафе или ездили по выжженным солнцем холмам на ее маленьком «даймлере», останавливаясь пообедать в случайных, неизвестных им обоим местечках. Дженнифер рассказала ему о своем детстве, проведенном в Хемпшире и Итон-Плейсе, о пони, школе-интернате — о крохотном, уютном мирке, которым ограничивалась ее жизнь до замужества. Рассказала о том, что уже в двенадцать лет начала задыхаться в этой клетке и уже тогда знала, что хочет увидеть настоящий, большой мир, но еще и не подозревала, что огромная Ривьера, по сути, представляет собой такую же строгую, жестко контролируемую систему.

Она рассказала ему о том, как в пятнадцать лет влюбилась в парня из соседней деревни и как отец, узнав об их отношениях, увел ее во флигель и выпорол подтяжками.

— За то, что ты влюбилась?! — в ужасе спросил он, не понимая, как она может говорить об этом с такой легкостью.

— За то, что влюбилась не в того, в кого надо. О, думаю, я была сущим наказанием. Они сказали тогда, что я могла запятнать честь семьи, что я аморальная и беспринципная и, если не задумаюсь над своим поведением, ни один приличный мужчина на мне не женится, — грустно рассмеялась она. — И конечно, мало кого волновало, что у моего отца на протяжении многих лет была любовница, — это ведь совсем другое дело.

— И тут появился Лоренс...

— Да, — хитро улыбнулась она. — Повезло, правда?

Энтони говорил с ней так же искренне, как люди иногда рассказывают

свои самые сокровенные тайны попутчикам в поездах, потому что знают: скорее всего, они никогда больше не увидятся, поэтому такие излияния никого ни к чему не обязывают. Рассказал, что три года проработал корреспондентом «Нэйшн» в Центральной Африке: сначала решил, что это отличный повод уехать подальше от стремительно разваливающегося брака, но оказался совершенно не готов к творящимся там зверским бесчинствам.

Путь Конго к независимости был устлан тысячами трупов. Постепенно он стал завсегдатаем Клуба иностранных корреспондентов в Леопольдвиле, пытаясь заглушить боль виски или, того хуже, пальмовой водкой. Ужасы, которые ему довелось увидеть, и приступ желтой лихорадки едва не свели его в могилу...

— У меня случилось что-то вроде нервного срыва, — сказал он, пытаясь подражать ее непринужденной манере, — однако окружающие, конечно же, тактично помалкивали, винили во всем желтую лихорадку и наперебой уговаривали меня остаться в Лондоне и не возвращаться в Конго.

— Бедный Бут.

— Да, бедный я, бедный. К тому же моя жена сочла это еще одним поводом не позволять мне видеться с сыном.

— А я-то думала, что ты просто постоянно изменял ей. Прости, — произнесла она, касаясь его руки, — это шутка. Просто не хотелось говорить какие-нибудь банальности.

— Тебе со мной скучно?

— Ну что ты. Наоборот, я так редко провожу время в компании мужчины, который хочет со мной поговорить.

При Дженнифер он больше не пил, и это его совершенно не смущало. Общение с ней было вполне достойной заменой алкоголю, к тому же в ее присутствии ему хотелось контролировать свое поведение. После возвращения из Африки Энтони редко рассказывал о своих переживаниях, боясь, что это может шокировать людей, что он может показаться им слабаком, и сейчас ощущал настоятельную потребность выговориться. Ему нравилось, как она смотрит на него, слушая его рассказы. Казалось, что бы он ни рассказал, ее мнение о нем не изменится, какие бы страшные тайны он ни поведал, она никогда не воспользуется этими сведениями против него.

— И что же становится с бывшими военными корреспондентами, когда они устают от беспокойной жизни? — спросила она.

— Они выходят на пенсию, сидят в самом темном углу редакции и

достаю́т всех рассказа́ми о днях былой славы. Или оста́ются на поле брани, пока их в конце концов не убива́ют.

— И какой вариант выбрал ты?

— Пока не знаю, я еще не настолько устал от беспокойной жизни, — глядя ей в глаза, ответил он.

Энтони быстро погрузился в размеренную жизнь Ривьеры: долгие обеды, прогулки на свежем воздухе, постоянные беседы с едва знакомыми людьми. Раньше он чувствовал себя не от мира сего, а теперь взял обыкновение совершать длительные прогулки по утрам, наслаждался морским воздухом, приветливо здоровался с прохожими — постоянное похмелье и недосып остались в прошлом. Впервые за много лет он почувствовал себя легко и свободно. Дон бомбардировал его телеграммами, в которых в красках описывал, что его ждет, если он срочно не пришлет какой-нибудь стоящий материал, но Энтони лишь отмахивался от его угроз.

— Тебе не понравилось мое интервью? — спросил он у редактора.

— Интервью отличное, но его опубликовали в разделе «Деловая жизнь» в прошлый вторник, и бухгалтерия интересуется, почему ты все еще посылаешь им счета за личные расходы, хотя с момента публикации прошло уже четыре дня.

Дженнифер свозила его в Монте-Карло: машина медленно ползла вверх по головокружительным горным серпантинам, а он не мог отвести глаз от ее изящных рук, легко управлявшихся с рулем, и представлял, как подносит к губам по очереди каждый ее пальчик. Там они сходили в казино, Энтони поставил на рулетку лишь несколько фунтов, а выиграл довольно ощутимую сумму, после чего Дженнифер посмотрела на него таким взглядом, что он почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Она ела устриц в кафе на набережной, аккуратно, но решительно раскрывая ракушки, а он терял дар речи. Дженнифер так стремительно и незаметно вошла в его жизнь, что он не просто не мог думать ни о чем, кроме нее, но даже и не пытался. Оставаясь в одиночестве, Энтони мысленно прокручивал миллионы возможных вариантов развития событий и поражался тому, что какой-то женщине удалось настолько очаровать его.

А все из-за того, что она была редким существом, недоступным со всех точек зрения. Ему давно следовало перестать думать о ней, но стоило ему заметить, что портье просунул под дверь очередную записку, в которой она приглашала его выпить вместе по коктейлю на пьядце или прокатиться в Ментону, как сердце начинало выпрыгивать из груди.

И что тут такого, уговаривал он себя, мне тридцать лет, и я уже не помню, когда в последний раз так много смеялся. Почему бы не

насладиться, пусть ненадолго, веселым времяпрепровождением, которое многие люди воспринимают как должное? Все происходящее было так далеко от его привычной жизни, что казалось просто-напросто нереальным.

В пятницу вечером пришло известие, которого он с ужасом ожидал уже несколько дней: в телеграмме сообщалось, что на завтра для него забронирован билет на поезд и в понедельник утром ему следует явиться в редакцию «Нэйшн». Прочитав телеграмму, Энтони ощутил некоторое облегчение: вся эта история с Дженнифер Стерлинг зашла слишком далеко — ему несвойственно тратить столько времени и сил на женщину, если исход дела не предрешен заранее. Конечно, мысль о том, что они больше не увидятся, расстраивала его, но, с другой стороны, ему не терпелось вернуться к привычной жизни и снова стать самим собой.

Он достал с полки чемодан и положил его на кровать, решив сначала упаковать вещи, а потом послать ей записку с благодарностью за проведенное вместе время и предложением позвонить ему по возвращении в Лондон, если она вдруг надумает пообедать вместе. Если она позвонит ему когда очарование этого чудесного места уже потеряет свою магию, и они встретятся в Лондоне, возможно, она станет для него такой же, как все: приятным и необременительным развлечением.

Энтони уже убрал ботинки в чемодан, как вдруг позвонил консьерж и сообщил, что у стойки его ожидает какая-то дама.

— Блондинка?

— Да, сэр.

— Вы не могли бы передать ей трубку?

Далее последовал короткий разговор по-французски, а потом в трубке раздался ее голос:

— Это Дженнифер. Я просто подумала... — неуверенно, дрожащим голосом произнесла она, — может, сходим куда-нибудь? Ненадолго.

— С радостью, но я еще не одет, но если вы можете подняться ко мне и немного подождать...

Он быстро запихнул раскиданные по полу вещи под кровать, вставил лист бумаги в печатную машинку, как будто работал над статьей — хотя на самом деле отправил ее по телеграфу еще час назад, — надел чистую рубашку, но не успел застегнуть пуговицы, как раздался тихий стук в дверь.

— Какой приятный сюрприз! — воскликнул он. — Мне нужно еще кое-что доделать, но проходите, проходите, пожалуйста.

— Если хотите, я могу подождать внизу, — смущенно предложила она, взглянув на его голую грудь и тут же отведя глаза.

— Нет, что вы. Это займет всего пару минут.

Дженнифер вошла в номер и огляделась. На ней было золотистое платье без рукавов с воротничком-стойкой. Плечи слегка покраснели после поездки на кабриолете под палящими лучами солнца. Волосы свободно падали на плечи, слегка растрепавшись от ветра, как будто она спешила.

Она обвела взглядом заваленную блокнотами кровать и наполовину собранный чемодан. Оба смущенно молчали, впервые оказавшись вдвоем в столь интимной обстановке.

— Может, предложите мне что-нибудь выпить? — собравшись с духом, нарушила молчание она.

— Какое непростительное упущение с моей стороны, конечно! — воскликнул он, позвонил консьержу и заказал джин с тоником, который принесли за считанные секунды. — А куда мы пойдем?

— Куда пойдем?

— Я успею побриться? — спросил он, исчезая в ванной.

— Конечно, не торопитесь.

Я поступил так намеренно, вспоминал он впоследствии, мне хотелось, чтобы она видела, как я бреюсь. Взглянув на себя в зеркало, Энтони отметил, что стал куда лучше выглядеть: пропал желтушный цвет кожи, разгладились глубокие морщины вокруг глаз. Поглядывая в зеркало на гостью, он открыл кран с горячей водой и принялся намыливать подбородок.

Дженнифер казалась рассеянной и погруженной в свои мысли. Проводя бритвой по подбородку, он смотрел, как она мечется по комнате, словно беспокойный зверь.

— С вами все в порядке? — крикнул он, промывая бритву.

— Да-да, все отлично. — Она уже выпила один бокал джин-тоники и налила себе второй.

Побрившись, он насухо вытер лицо полотенцем, сбрызнул щеки одеколоном, который приобрел здесь, в *pharmacie*,^[10] — резкий аромат с нотками лимона и розмарина, — застегнул рубашку и, стоя перед зеркалом, поправил воротничок. Ему нравились такие моменты — адская смесь желания и потенциальных возможностей. Энтони вдруг ощутил странное ликование. Он вышел из ванной и увидел, что Дженнифер стоит на балконе. На Ривьеру опускались сумерки, вдали мерцали огни набережной. Она держала в одной руке бокал с коктейлем, а другой обнимала себя за талию, словно защищаясь.

— Совсем забыл: вы чудесно выглядите, — заговорил он, подходя к ней. — Вам очень идет этот цвет. Платье просто...

— Завтра возвращается Ларри. — Она ушла с балкона и повернулась к Энтони. — Сегодня прислал мне телеграмму. Во вторник мы летим в Лондон.

— Понятно, — ответил он, глядя на тонкие золотистые волосинки на ее руке — они слегка подрагивали от морского бриза.

— Я не несчастная, — вдруг сказала она, пристально глядя ему в глаза.

— Знаю.

Дженнифер внимательно, с серьезным выражением лица посмотрела на него, прикусила губу, а потом повернулась спиной и, замерев, приказала:

— Верхнюю пуговицу.

— Простите?

— Расстегните верхнюю пуговицу. Мне самой — никак.

Почти с облегчением Энтони ощутил нестерпимый жар в груди — это должно было произойти. Вот женщина, о которой он мечтал бессонными ночами, и она станет его. Ее отстраненность, ее сопротивление просто ошеломляли его, и теперь он хотел испытать то облегчение, которое приходит лишь вместе с оргазмом, хотел извергнуться в нее и наконец удовлетворить давно мучившее его желание.

Он взял у Дженнифер из рук бокал, и она приподняла волосы, обнажив шею. Молча подчиняясь ее указаниям, он дотронулся до ее кожи. Обычно столь уверенные руки сейчас почему-то отказывались слушаться. Словно со стороны, он наблюдал за своими неуклюжими попытками расстегнуть обтянутую шелком пуговицу и, когда ему это наконец удалось, заметил, что пальцы немилосердно дрожат. Энтони остановился и посмотрел на ее голую шею: Дженнифер слегка склонила голову, словно смирилась с неизбежным. Он жаждал прикоснуться к ней губами, предвкушая нежность золотистой, покрытой светлыми веснушками кожи, но для начала лишь нежно дотронулся рукой, стараясь растянуть удовольствие. Она едва слышно вздохнула, так тихо, что он скорее почувствовал, чем услышал ее вздох. И тут у него внутри что-то оборвалось.

Опустив взгляд, он посмотрел на ее тонкие пальцы, приподнимавшие волосы, и вдруг с поразительной отчетливостью понял, что будет дальше.

Энтони О'Хара крепко зажмурился, а потом с удивительной решительностью застегнул пуговицу обратно и сделал шаг назад.

Дженнифер не двигалась, словно пытаясь сообразить, что происходит, почему прикосновения вдруг прекратились, а потом повернулась к нему, продолжая поддерживать волосы. Вопросительно взглянув на Энтони, она вдруг покраснела.

— Простите... — начал он. — Я... я не могу...

— О боже! — Дженнифер вздрогнула, словно от боли, прикрыла рукой рот, и краска смущения залила ее шею. — О боже...

— Нет-нет, Дженнифер, вы не понимаете. Дело не в том...

Она оттолкнула его, схватила свою сумочку, и не успел Энтони закончить фразу, как она уже рывком распахнула дверь и бегом бросилась по коридору.

— Дженнифер! — крикнул он ей вслед. — Дженнифер, стойте! Я вам все объясню.

Но она уже скрылась из виду.

Французский поезд шел в Лион по выжженным палящим солнцем равнинам и полям так медленно, словно машинист хотел дать Энтони достаточно времени подумать о том, что он сделал неправильно, а также обо всем, что он не смог бы изменить, даже если бы захотел. Несколько раз в час он решал заказать большую бутылку виски из вагона-ресторана, наблюдал за тем, как проводники танцующей походкой ходят туда-сюда по вагону, разнося на серебряных подносах бокалы и разливая напитки. Он знал, что стоит ему просто поднять руку, и источник утешения окажется в его полном распоряжении. Впоследствии Энтони и сам не понимал, почему так и не сделал этого.

Ночью он прилег на свой диван, с безупречной сноровкой разложенный для него проводником. Под мерный стук колес Энтони включил ночник и достал роман в мягкой обложке, оставленный в отеле кем-то из прежних постояльцев. Перечитав несколько раз одну и ту же страницу, он так ничего и не понял и с отвращением отшвырнул книгу. Еще у него была с собой французская газета, но в купе не хватало места, чтобы нормально развернуть ее, к тому же шрифт был такой мелкий, что разглядеть его при тусклом свете ночника казалось маловероятным. Он то ненадолго впадал в забытие, то просыпался вновь, Англия становилась все ближе и ближе, и неизбежность будущего замаячила на горизонте темной грозовой тучей.

Когда рассвело, он достал наконец бумагу и ручку. Никогда раньше он не писал женщине настоящего письма — не короткую благодарственную записку матери за присланный на день рождения подарок, не деловое письмо Клариссе по финансовым вопросам, не краткий текст с извинениями вроде того, что он написал Дженнифер после вечера их знакомства. Гнетущая тоска поглотила его, его преследовал убитый взгляд Дженнифер, но в то же время он понимал, что вряд ли они когда-нибудь увидятся, поэтому взял на себя смелость написать все как есть и объяснить

ей свое поведение.

Любимая,

я не успел сказать тебе все, что хотел, — вчера ты так быстро убежала... Я не хотел оттолкнуть тебя, поверь. Ты была так далека от истины, что мне даже больно думать об этом.

Если ты хочешь правды, то вот она: ты не первая замужняя женщина, с которой я занимался любовью. Ты знаешь, как я живу, и, если честно, такого рода отношения раньше меня вполне устраивали. Мне не хотелось настоящей близости, и, когда мы с тобой познакомились, сначала я решил, что ты не станешь исключением...

...Именно поэтому, любимая, я снова застегнул пуговицу на твоём платье. Именно поэтому я провел уже две бессонные ночи, ненавидя себя за единственный порядочный поступок за всю свою жизнь.

Прости меня!

Б.

Он аккуратно сложил листок, положил его в нагрудный карман и наконец-то уснул.

Дон потушил сигарету и погрузился в изучение машинописного листа, а молодой человек тем временем стоял рядом с его столом и смущенно переминался с ноги на ногу.

— Да вы даже не можете правильно написать слово «бигамия». Бигамия, ^[11] а не «бегамия»... — Выйдя из себя, он перечеркнул написанное карандашом. — И что это за история? Мужчина, который женат на трех женщинах по имени Хильда, и все они живут в радиусе пяти миль от его дома?! Да я скорее стану читать отчет правительственной комиссии по работе городской канализации, чем этот бред.

— Прошу прощения, мистер Франклин.

— К черту ваши извинения! Срочно переделайте. Это для утреннего выпуска, а сейчас уже без двадцати четыре. «Бегамия», ну надо же! Берите пример с О'Хара: он проводит столько времени в Африке, что мы все равно не понимаем половины из того, что он пишет! — воскликнул Дон, швыряя листок молодому человеку. Тот быстро поднял его и вышел из кабинета.

— Итак, — нетерпеливо заговорил Дон, поворачиваясь к Энтони, — ну и где же, твою мать, эксклюзивный материал? «Секреты богатых знаменитостей Ривьеры»?

— Скоро будет готов, — соврал Энтони.

— Тебе лучше поторопиться. Я отвел на него полразворота в субботнем номере. Как отдохнул?

— Хорошо.

— Ну да, похоже на то, — прищурившись, взглянул на него Дон. — Ладно, к делу: есть хорошие новости.

Дон так много курил в кабинете, что те, кто по незнанию имел неосторожность прислониться к стеклянной стене, отделявшей кабинет от остальной редакции, тут же обнаруживали желтые пятна на рукавах рубашки. Энтони взглянул на редактора сквозь золотистый туман. Уже два дня он носил письмо в кармане, пытаясь придумать способ передать его.

Ее лицо, переполненное ужасом в тот момент, когда она поняла, что совершила ошибку, стояло у него перед глазами.

— Тони?

— Да.

— У меня для тебя хорошие новости.

— Да-да, я тебя слушаю.

— Я поговорил с иностранным отделом. Им нужен корреспондент в Багдаде. Взгляни на этого человека: сотрудник посольства Польши, говорят, супершпион. Сложная задачка, сынок. Как раз в твоём духе. Сможешь уехать туда на недельку-другую.

— Мне сейчас никак, дела.

— За пару дней разберешься?

— Не знаю, это личное...

— Мне что, попросить алжирцев ещё немного не возобновлять военные действия? Ну, так, просто чтобы Энтони успел уладить домашние дела. О'Хара, ты в своём уме?!

— Прости, Дон. Ты же можешь послать кого-нибудь другого.

— Я тебя не понимаю! — воскликнул Дон, нервно щелкая кнопкой шариковой ручки. — Ты слоняешься по офису и ноешь, что тебе надо уехать туда, где можно писать о «настоящих новостях». Я предлагаю тебе просто конфетку, за которую Петерсон отгрыз бы себе правую руку, а ты вдруг заявляешь, что хочешь остаться здесь!

— Прости, я уже все объяснил.

Обомлев от удивления, Дон молча уставился на него, потом встал, тихо прикрыл дверь своего кабинета, чтобы их никто не услышал, и сел обратно за стол.

— Тони, послушай, это потрясающий материал. Ты же должен просто оторвать его у меня с руками и ногами. Более того, тебе нужен этот материал. Покажи начальству, что они могут на тебя рассчитывать. Что с

тобой? — спросил он, пристально глядя на Энтони. — Потерял интерес к работе? Или тебе теперь стали нравиться семейные хроники?

— Нет, я просто... Дай мне пару дней.

— Боже правый... — потрясенно произнес Дон, прикуривая и делая глубокую затяжку, — снова женщина? Точно, так и есть! — воскликнул он, когда Энтони промолчал в ответ. — Ты познакомился с женщиной. Ну и что тут такого? Не можешь уехать, пока бастионы не падут?

— Она замужем.

— Разве раньше тебя это останавливало?

— Она замужем за... за Стерлингом.

— Ну и?

— И она слишком хороша.

— Слишком хороша для него? И что дальше?

— Слишком хороша для меня. Не знаю, что делать.

— Приступ совести? — приподняв бровь, съязвил Дон. — А я-то думаю, почему ты так кошмарно выглядишь, — покачал он головой, словно обращаясь к кому-то третьему. — Глазам своим не верю. О'Хара влюбился! Неслыханно. Ладно, — смягчился он, кладя ручку на стол, — значит, слушай сюда: встретиться с ней, сделай все, что должен, и забудь об этом. Вылетаешь завтра после обеда. Иностранному отделу я скажу, что ты вылетел сегодня вечером. Так что жду приличный материал, вот и все. Договорились?

— Забудь об этом. Дон, ты неисправимый романтик.

— А какие варианты?

— Я у тебя в долгу, — ответил Энтони, нащупывая в кармане письмо.

— Да, друг мой, причем по уши.

Найти адрес Стерлинга оказалось проще простого. Энтони взял в редакции журнал «Кто есть кто» и в конце статьи прочитал: «женат на Дженнифер Луизе Верриндер, 1934 года рождения». После работы он поехал в район Фицровия и припарковался на площади в нескольких ярдах от дома с лепниной. Фронтон в стиле английского ампира поддерживали колонны, особняк походил скорее на эксклюзивный офис на Харли-стрит, чем на жилой дом. Он сидел в машине, смотрел на окна с задернутыми шторами и гадал, чем она сейчас занимается: возможно, читает журнал или смотрит перед собой пустым взглядом, вспоминая упущенный в гостиничном номере шанс. Около половины шестого из дома, застегивая на ходу пальто, вышла женщина средних лет и взглянула на небо, словно проверяя, не собирается ли дождь. Она надела непромокаемую шапочку и

быстрым шагом пошла по улице. Невидимая рука отдернула шторы, сгустились сумерки, но Энтони сидел в своем «хиллмане» и смотрел на номер дома — тридцать два.

Он чуть было не уснул, но около девяти вечера наконец-то открылась входная дверь. Он выпрямился, выглянул в окно и увидел ее. На ней было белое платье без рукавов, плечи прикрывала короткая накидка. Дженнифер осторожно спустилась по лестнице, словно ноги плохо держали ее, за ней вышел Стерлинг, что-то сказал ей, она кивнула и вместе с мужем села в большую черную машину. Двигатель заработал, машина тронулась с места, Энтони тут же повернул ключ в зажигании и последовал за ними, держась на небольшом расстоянии.

Уехали она недалеко: водитель остановил машину около казино «Мейфэр». Она поправила прическу и зашла внутрь, на ходу снимая накидку.

Энтони дождался, пока Стерлинг пройдет в казино следом за ней, остановился за черной машиной, вышел на улицу, подозвал швейцара и, протягивая ему ключи от машины и десять шиллингов, сказал:

— Будьте любезны, припаркуйте мою машину.

— Сэр, могу ли я увидеть вашу клубную карту? — крикнул работник в униформе вслед Энтони, когда тот прошел мимо него по фойе. — Сэр?..

Супруги Стерлинг уже садились в лифт, он видел, как в толпе мелькнуло платье Дженнифер.

— Мне просто нужно кое с кем поговорить, это займет всего пару минут.

— Сэр, боюсь, что я не имею права пропустить вас без...

Энтони выгреб все, что было у него в карманах — бумажник, ключи от дома, паспорт, — и пихнул в руки служащему:

— Берите, берите все. Обещаю вернуться через две минуты.

Служащий уставился на него с открытым ртом, а Энтони, расталкивая толпу, вошел в лифт перед самым закрытием дверей.

Энтони оказался прямо слева от Стерлинга, поэтому тут же надвинул шляпу, прикрывая лицо, прошел чуть дальше и, убедившись в том, что мужчина не заметил его, прислонился к дальней стенке лифта.

Все стояли лицом к дверям. Стерлинг оживленно разговаривал с кем-то из знакомых прямо у Энтони перед носом — говорили, кажется, о рынках, кризисе кредитования, знакомый согласно кивал. Кровь стучала у Энтони в ушах, по спине струился пот. Изящными руками в тонких перчатках Дженнифер сжимала сумочку и сосредоточенно смотрела перед собой. Из аккуратно уложенного на затылке узла выбилась одна светлая

прядь — единственное, что нарушало ее совершенство и доказывало, что она обычный человек, а не мираж.

— Второй этаж.

Двери открылись, два человека вышли, один вошел, остальные подвинулись, любезно позволяя ему пройти. Стерлинг продолжал говорить своим низким, звучным голосом. Вечер выдался теплый. Стоя в тесном лифте, Энтони с поразительной четкостью ощущал близость тел, запахи духов, лосьонов и бриолина, наполнявшие липкий воздух и слегка ослабевавшие, лишь когда двери открывались, впуская в лифт поток свежего воздуха.

Немного вытянув шею, Энтони разглядывал Дженнифер — она стояла всего в ярде от него, так близко, что он ощущал пряный аромат ее духов, видел каждую крошечную веснушку на ее плечах. Он не мог отвести от нее взгляд, но тут она слегка повернула голову и заметила его. В ее глазах промелькнуло изумление, она зарделась, но муж был настолько поглощен разговором, что ничего не заметил.

Дженнифер посмотрела себе под ноги, а потом вновь взглянула на Энтони. По ее неровному дыханию он понял: эта неожиданная встреча сильно взволновала ее. На несколько мгновений их взгляды встретились, и ему удалось без слов рассказать ей обо всем: о том, что он никогда не видел более потрясающего существа, что мысли о ней преследуют его каждую минуту, что все переживания и чувства, которые были у него до встречи с ней, теперь казались тусклыми и совершенно неважными по сравнению с грандиозностью того, что происходило с ним сейчас.

Его взгляд кричал: «Я люблю вас!»

— Третий этаж.

Дженнифер моргнула и сделала шаг в сторону. Стоявший позади нее мужчина, извинившись, прошел между ними и протиснулся к выходу. Двери лифта захлопнулись, Энтони засунул руку в карман, нащупал письмо, сделал шаг вправо и за спиной мужчины в элегантном костюме протянул ей конверт. Тот закашлялся, и они оба вздрогнули, опасаясь, что Стерлинг повернется в их сторону, но тот лишь покачал головой в ответ на реплику своего собеседника, а потом оба мужчины сдержанно рассмеялись. На долю секунды Энтони испугался, что Дженнифер не возьмет письмо, но изящная ручка в перчатке быстро схватила конверт и незаметно убрала его в сумочку.

— Четвертый этаж, — провозгласил лифтер, — ресторан.

Все, кроме Энтони, двинулись к выходу. Стерлинг оглянулся, видимо наконец-то вспомнив о жене, и равнодушно протянул руку, однако не для

того, чтобы помочь ей, отметил Энтони, а просто чтобы слегка подтолкнуть ее в сторону выхода. Двери лифта захлопнулись за ее спиной, Энтони остался в одиночестве, лифтер крикнул: «Первый этаж!», и кабина медленно двинулась вниз.

На ответ Энтони особенно не рассчитывал, поэтому проверил почту лишь перед выходом из дома и неожиданно для себя обнаружил на коврике перед дверью два письма. Прочитав их, он схватил чемодан, вылетел из дома и сломя голову понесся по улице, расталкивая многочисленных прохожих — пациентов и медсестер, выходивших из огромного здания больницы Святого Варфоломея. Ему нужно было оказаться в аэропорту Хитроу в половине третьего, но сейчас он сильно сомневался, что ему удастся не опоздать. От одного вида ее почерка его пробрала дрожь, а когда он понял, что сейчас уже десять минут двенадцатого, а он все еще на другом конце Лондона, то впал в настоящую панику.

Парк почтальонов. В полдень.

Все такси, разумеется, оказались заняты. Часть пути Энтони проехал на метро, часть прошел пешком — вернее, пробежал. Тщательно отглаженная перед отъездом рубашка облепила спину, волосы прилипли к вспотевшему лбу. Он на бегу извинился перед женщиной в босоножках на высоких каблуках, которая раздраженно взвизгнула, когда он чуть не сбил ее с ног. Впереди остановился какой-то автобус, выпуская клубы фиолетового дыма, кондуктор зазвонил в колокольчик, давая сигнал к отправлению.

Энтони пришлось подождать, пока толпа пассажиров немного рассосется, тем временем он попытался отдышаться и взглянул на часы: четверть первого. А вдруг она решила, что он не придет, и ушла?

Какого черта он творит? Если он опоздает на самолет, Дон самолично проследит, чтобы на ближайшие десять лет его сослали в отдел «Золотые свадьбы и другие годовщины». Они воспримут это как очередное доказательство того, что он не способен к нормальной работе, и следующий интересный материал попадет в руки Мёрфетта или Фиппса.

Задышавшись, он бежал по Кинг-Эдвард-стрит и наконец добрался до крошечного зеленого оазиса в самом центре деловой части города. Парк почтальонов представлял собой небольшой сквер, созданный по инициативе безымянного филантропа Викторианской эпохи, чтобы отдать дань уважения героическому повседневному труду представителей этой

профессии. Тяжело дыша, Энтони направился в центр сквера и оказался в царстве синего цвета.

У него перед глазами колыхалось целое синее море: почтальоны в синей униформе гуляли, лежали на траве, сидели на скамейках перед мемориальными досками производства компании «Далтон», посвященными различным героическим подвигам. Сбросив тяжелые сумки и на время прервав бесконечный обход адресатов, почтальоны Лондона наслаждались полуденным солнцем, поглощая бутерброды, беседуя, предлагая друг другу попробовать свой ланч, отдыхая на траве в густой тени деревьев.

Энтони наконец-то отдышался, поставил чемодан, выудил из кармана платок, вытер лоб, а затем медленно огляделся по сторонам: заросли папоротников, стена церкви, островки офисных зданий. Он напряженно смотрел вокруг, пытаясь разглядеть изумрудное платье, отблеск золотистых волос или еще что-то до боли знакомое.

Ее нигде не было.

Энтони взглянул на часы: двадцать минут первого, она наверняка не дождалась его и ушла. А может, и вовсе передумала и осталась дома. А вдруг Стерлинг нашел его злосчастное письмо? Энтони вспомнил о втором полученном сегодня письме, от Клариссы, — его он запихнул в карман, выходя из дома. Он до сих пор не мог спокойно смотреть на почерк бывшей жены — в ушах тут же звучал ее напряженный, обиженный голос, перед глазами вставали застегнутые до самого верха пуговицы ее блузки — как будто ему хотелось бы увидеть ее декольте — как бы не так!

Дорогой Энтони,

я пишу тебе из вежливости, исключительно для того, чтобы сообщить, что я выхожу замуж.

Он ощутил, что слегка уязвлен в собственнических чувствах: неужели Кларисса может быть счастлива с кем-то другим? А он-то думал, что ни один мужчина не может сделать ее счастливой...

Я встретила достойного мужчину, который владеет сетью магазинов тканей и желает позаботиться о нас с Филлипом. Он хороший человек и обещает обращаться с ним как с родным сыном. Свадьба состоится в сентябре. Мне неловко писать тебе об этом, но, возможно, тебе следует серьезно подумать над тем, хочешь ли ты продолжать общаться с мальчиком. Я хотела бы, чтобы Филлип рос в нормальной

семье, поэтому, как ты понимаешь, нерегулярные встречи с тобой будут ему только мешать.

Пожалуйста, подумай над этим и напиши мне свои соображения.

Твоя финансовая поддержка нам больше не понадобится, так как теперь нас будет обеспечивать Эдгар. Прилагаю наш новый адрес.

Всего наилучшего,

Кларисса.

Он перечитал письмо дважды, но лишь с третьего раза понял, что именно она предлагает: Филлип, его мальчик, станет сыном какого-то честного торговца занавесками и больше не нуждается в «нерегулярных встречах» с родным отцом. Слишком много событий для одного короткого дня, подумал Энтони, внезапно ощутив непреодолимое желание выпить и тут же заприметив какой-то отель, через дорогу от сквера.

«Господи!» — произнес он вслух обессиленным голосом.

Энтони сидел на скамейке, согнувшись в три погибели и опустив голову на руки, и пытался собраться с мыслями. Сердце бешено стучало в груди. Наконец он вздохнул, заставил себя встать, и вдруг перед ним возникла она.

Белое платье с огромными красными розами, крупные солнечные очки. Она медленно сдвинула их на макушку, и он задохнулся от удивления.

— Я не могу остаться, — начал он, постепенно приходя в себя, — мне надо лететь в Багдад. Самолет вылетает через... Не знаю, успею ли я...

Дженнифер была так прекрасна, что затмевала собой даже великолепные цветы, окружавшие аллеи.

Почтальоны восхищенно смотрели на нее, прервав все разговоры.

— Не знаю... Я могу тебе обо всем написать... Увидимся, когда я...

— Энтони... — тихо произнесла она, словно пытаясь убедить саму себя в том, что он действительно пришел.

— Я вернусь через неделю или около того. Если ты согласишься встретиться со мной, обещаю, что все тебе объясню. Мне так много нужно тебе сказать...

Она не дослушала его, протянула к нему руки, погладила по лицу и, недолго думая, поцеловала прямо в губы. Поцелуй оказался страстным и на удивление требовательным. Энтони и думать забыл о самолете. О парке.

О потерянном сыне и бывшей жене. Забыл о статье, которая, по мнению его начальника, должна была заставить его потерять сон и аппетит. Забыл, что эмоции, исходя из его собственного опыта, куда опаснее, чем вражеские пули, и позволил себе сделать то, что требовала Дженнифер:

отдаться ей целиком, без остатка.

— Энтони... — повторила она и одним словом подарила ему не только саму себя, но и новую, улучшенную версию его собственного будущего.

Между нами все кончено.

Женщина — Джанетт Уинтерсон, в эсэмэске

Он снова перестал с ней разговаривать! Для столь сдержанного мужчины в последнее время у Лоренса Стерлинга чересчур часто случались необъяснимые перепады настроения. Дженнифер молча наблюдала за мужем, пока тот читал за завтраком утреннюю газету. Она спустилась раньше его, приготовила завтрак, как он любит, но за последние тридцать три минуты он не то что слова не сказал — даже не взглянул на жену.

Дженнифер поправила пеньюар, проверила, в порядке ли прическа, — нет, все идеально. Она знала, что шрам на руке вызывает у него отвращение, поэтому всегда надевала одежду с длинным рукавом. Ну чем она провинилась? Может, надо было дождаться его вчера вечером? Он вернулся так поздно, что она лишь сквозь сон услышала, как хлопнула входная дверь. Может, что-то не то сказала во сне?

Стрелки часов уныло приближались к восьми — мерное тиканье нарушалось лишь шелестом газеты, которую читал Лоренс. С улицы слышались шаги почтальона, скрежет заиндевевшей крышки почтового ящика, а потом — жалобный голос проходившего под окнами ребенка.

Она попробовала заговорить с ним: сказала что-то насчет снегопада и газетных заголовков о росте цен на бензин, но Лоренс лишь раздраженно вздохнул в ответ, и она замолчала.

Мой любовник никогда бы так не поступил, подумала она, намазывая маслом тост. Он бы улыбнулся, обнял меня за талию, проходя мимо, на свое место на кухне. И вообще, мы бы наверняка не завтракали на кухне: он принес бы поднос со всякими вкусностями в постель и приготовил бы мне чашечку кофе, а потом разбудил бы меня радостными, легкими поцелуями. В одном из писем он написал следующее:

Когда ты ешь, то отдаешься этому переживанию целиком. Когда мы с тобой ужинали в первый раз, я смотрел на тебя и мечтал, чтобы ты с такой же радостью отдавалась мне.

— Сегодня вечером Монкриффы приглашают на коктейль, потом рождественская вечеринка в офисе. Не забыла? — Голос Лоренса внезапно оторвал ее от сладких воспоминаний.

— Нет, не забыла, — не поднимая глаз, ответила она.

— Я вернусь около половины седьмого, Фрэнсис уже будет ждать нас.

Она почувствовала на себе его пристальный взгляд, который словно надеялся на ответ, но продолжала упрямо молчать. Потом Лоренс ушел, оставив Дженнифер одну в пустом, безмолвном доме, наедине с ее мечтами об идеальном романтическом завтраке.

Помнишь тот ужин? Я вел себя как последний идиот, и ты прекрасно понимала это. А ты была просто само очарование, моя дорогая Д., даже тогда, когда я так ужасно поступил с тобой.

В тот вечер я безумно разозлился. Сейчас мне кажется, что я любил тебя уже тогда, но мы, мужчины, редко можем разглядеть что-то дальше собственного носа. Сорваться на тебя оказалось куда легче, чем разобраться в собственных чувствах.

Теперь в распоряжении Дженнифер было уже семь писем — она обнаружила их в потайных уголках по всему дому. Семь писем, прочитав которые она поняла, что у нее была настоящая любовь, изменившая всю ее жизнь. В этих написанных от руки посланиях она отражалась, словно в зеркале, и отражений было бесчисленное множество: она оказалась импульсивной, страстной, вспыльчивой, но отходчивой.

Он казался ее полной противоположностью: постоянно бросал ей вызов, провозглашал что-то, давал обещания. Казалось, что он постоянно занимает позицию внимательного наблюдателя — по отношению к ней, ко всему окружающему миру. Он ничего не скрывал. Судя по всему, она стала его первой настоящей любовью. Перечитывая написанные им строки, она думала о том, что, наверное, тоже никогда никого так не любила.

Когда ты смотрела на меня своими бездонными, «абсорбирующими» глазами, я никак не мог понять, что же ты во мне нашла. Теперь я знаю, что раньше совсем не понимал, что такое любовь! Мы с тобой просто не сможем перестать любить друг друга — ведь Земля не может перестать вращаться вокруг Солнца.

Дата стояла не на всех письмах, однако Дженнифер все же удалось расположить их в предполагаемом хронологическом порядке: одно письмо

пришло вскоре после их знакомства, другое — после какой-то ссоры, третье — после страстного воссоединения. Он хотел, чтобы она ушла от Лоренса, — эта просьба повторялась в нескольких письмах, а она явно сопротивлялась. Но почему?! Дженнифер подумала об этом холодном человеке, с которым еще недавно сидела за одним столом, о давящей тишине их дома. Почему же я не ушла от него?

Словно одержимая, она раз за разом перечитывала все семь писем, ища хоть какую-то подсказку, хоть один намек, который помог бы ей понять, кто же он. Последнее письмо пришло в сентябре, всего за пару недель до аварии. Почему он не связался с ней? Судя по всему, они никогда не звонили друг другу, какого-то определенного места встреч у них не было. Прочитав на конвертах, что письма отправлены на абонентский ящик, Дженнифер пошла на почту в надежде обнаружить там новые письма, но оказалось, что ящик закрыт и писем для нее нет.

Она не сомневалась, что рано или поздно он обязательно свяжется с ней. Мужчина, который писал такие письма, испытывал такие сильные чувства, просто не сможет сидеть сложа руки и ждать. Дженнифер вычеркнула Билла из списка потенциальных кандидатов: она вполне могла бы влюбиться в него, но никогда не смогла бы поступить так по отношению к Вайолет, даже если бы он того и захотел. Значит, остаются Джек Эмори и Реджи Карпентер, но Джек Эмори только что объявил о помолвке с мисс Викторией Нельсон из Кимберли, графство Суррей, думала Дженнифер, заканчивая укладывать волосы.

— Вы не могли бы погладить к вечеру мое темно-синее шелковое платье? Оно на кровати, — попросила она вошедшую в комнату миссис Кордозу, надевая бриллиантовое кольцо на бледную шею, посмотрела на себя в зеркало и тут же вспомнила строчки из его письма:

Я просто не могу смотреть на твою шею, не желая поцеловать твою спину.

— Сию минуту, миссис Стерлинг, — ответила миссис Кордоза, забирая платье.

Реджи Карпентер флиртовал с ней — по-другому его поведение не назовешь. Кузен Ивонны облокотился на подлокотник кресла Дженнифер, не сводя глаз с ее губ, которые складывались в таинственную улыбку в ответ на шутки, предназначавшиеся ей одной.

Ивонна какое-то время наблюдала за ними, а потом передала Фрэнсису

его коктейль и прошептала мужу на ухо:

— Может, позовешь Реджи в мужскую компанию? Еще немного — и он усядется ей на коленки.

— Я пытался, дорогая, но, боюсь, мне это вряд ли удастся без применения физической силы, а до этого доводить не хотелось бы.

— Тогда отвлеки Морин, а то она разрыдается у всех на виду.

Когда Ивонна открыла дверь Стерлингам — Дженнифер, в норковой шубке и уже навеселе, и Лоренсу, который выглядел мрачнее тучи, — то сразу же поняла, что произойдет нечто ужасное: у нее даже мурашки побежали по спине. Между супругами с самого начала витало жуткое напряжение, а теперь Дженнифер напропалую кокетничала с Реджи.

— Ну почему люди не могут выяснять отношения у себя дома? — пробормотала она.

— Налью Ларри побольше виски, глядишь, он отгадет. Наверное, перетруился в офисе, — успокоил ее Фрэнсис, нежно погладил жену по руке и отправился к столу с напитками.

К копченым колбаскам никто даже не притронулся. Тяжело вздохнув, Ивонна взяла блюдо с закусками и стала предлагать гостям.

— Морин, не стесняйся.

Двадцатилетняя девушка Реджи, одетая в идеально сидящее шерстяное терракотовое платье, даже головы не повернула, словно не расслышала. Она напряженно сидела в кресле и с возмущением поглядывала на расположившуюся справа от нее парочку, которая не обращала на нее ровным счетом никакого внимания. Дженнифер полулежала в кресле, а Реджи, аккуратно пристроившись на подлокотнике, шептал ей что-то на ухо, и время от времени оба заразительно хохотали.

— Реджи? — повысила голос Морин. — Ты же сказал, что мы встречаемся с остальными в центре.

— Да ладно, подождут, — отмахнулся он.

— Но послушай, Барашек, мы же договорились встретиться с ними в «Зеленой комнате» в половине восьмого. Ты же сам говорил.

— Барашек? — резко перестав смеяться, серьезно переспросила Дженнифер.

— Мы так называли его в детстве, — объяснила Ивонна, протягивая ей блюдо с закусками. — Он был таким кудрявым малышом. Тетя говорила, что сначала ей показалось, будто она родила ангелочка.

— Барашек... — повторила Дженнифер.

— Именно. Я неотразим и ласков. Ну разве можно меня не погладить? Я это просто обожаю, — наклонившись к ней, прошептал Реджи.

— Реджи, можно тебя на пару слов?

— Дорогая кузина, что у тебя с лицом? Дженнифер, Ивонна думает, что я с тобой заигрываю.

— И не только она, — холодно вмешалась Морин.

— О, да ладно тебе, Мо! Не будь занудой. — Реджи улыбался, но в голосе сквозило раздражение. — Мы с Дженни не виделись сто лет, наконец-то можно поболтать и рассказать все новости.

— Неужели и правда давно не виделись? — невинно спросила Дженнифер.

— Даже подумать страшно, как давно! — пылко заверил ее он.

— Морин, дорогая, — попыталась отвлечь девушку Ивонна, заметив, как та изменилась в лице, — ты не могла бы помочь мне с коктейлями? И куда запропастился мой растяпа-муж? Вечно его нет под рукой.

— Да вон же он, он...

— Пойдем, Морин. Сюда...

Девушка послушно последовала за ней в столовую и взяла у Ивонны бутылку мятного ликера.

— Что эта дама себе позволяет? — задыхаясь от ярости, спросила она. — Она же замужем!

— Дженнифер ничего такого не хотела, это все не всерьез.

— Да она же глаз с него не сводит! Посмотрите на нее. А если я начну так же вешаться на шею ее мужу? Что она тогда скажет?

Ивонна выглянула в гостиную: Ларри рассеянно слушал что-то оживленно рассказывавшего Фрэнсиса с выражением крайнего недовольства на лице. Что скажет Дженнифер, подумала она. Да она, скорее всего, даже не заметит.

— Я понимаю, что она твоя подруга, Ивонна, но лично я считаю ее настоящей сучкой.

— Морин! Да, Реджи плохо себя ведет, но не смей так говорить о моей подруге. Ты понятия не имеешь, через что ей пришлось пройти. Ну-ка, передай мне бутылку, будь добра.

— А через что она заставляет пройти меня? Это унижительно. Все знают, что мы с Реджи встречаемся, а она заставляет его целовать ей ноги.

— Дженнифер выжила после жуткой автокатастрофы, она недавно вышла из больницы. Говорю тебе, она просто хочет немножко отвлечься.

— Ага, и заодно развлечься.

— Мо...

— Да она пьяна! И вообще, она же старуха. Сколько ей лет? Двадцать семь? Или двадцать восемь? Да мой Реджи младше ее минимум года на

три.

Ивонна глубоко вздохнула, прикурила сигарету, передала ее девушке и, закрыв двери в гостиную, попыталась еще раз:

— Мо...

— Она хочет украсть его у меня. Я, в отличие от тебя, все прекрасно понимаю.

— Послушай, — понизив голос, взмолилась Ивонна, — Мо, дорогая... Флирт флирту рознь, пойми ты наконец. Реджи и Дженнифер веселятся, как в старые добрые времена, но им и в голову не придет изменить. Да, они кокетничают друг с другом, но в комнате, где полно народа, и даже не скрывают этого. Если бы между ними было что-то серьезное, думаешь, Дженнифер стала бы так себя вести на глазах у Ларри? — торжествующе спросила Ивонна, сама почти поверив в собственные слова. — Девочка моя, с возрастом ты поймешь, что легкий флирт и игривые беседы — часть нашей жизни! — провозгласила она, засовывая в рот орешек кешью. — А чем же еще нам утешаться, живя столько лет с одним и тем же мужчиной?

— Наверное, ты права, — неохотно признала девушка, немного успокоившись. — Но все равно я считаю, что настоящие леди так себя не ведут.

Она открыла дверь и вернулась в гостиную, Ивонна вздохнула и пошла вслед за ней.

Коктейли таяли на глазах, разговоры становились все громче и оживленнее. Фрэнсис вернулся в столовую и занялся приготовлением «Снежков», а Ивонна ловко украшала бокалы соломинками и вишенками. В последнее время она ужасно себя чувствовала всего после пары нормальных коктейлей, поэтому ограничилась одним «Блю Кюрасао», а потом и вовсе перешла на апельсиновый сок. Шампанское лилось рекой, Фрэнсис выключил музыку в надежде, что гости поймут намек и начнут расходиться, но Билл и Реджи снова включили проигрыватель и потащили всех танцевать. В какой-то момент мужчины взяли Дженнифер за руки с двух сторон и принялись танцевать вокруг нее. Ивонна бросила взгляд на Фрэнсиса, но тот был поглощен приготовлением коктейлей, поэтому она решила взять дело в свои руки и подсела к Лоренсу, поклявшись, что сможет заставить его улыбнуться.

Он молча пил коктейль, не сводя глаз с жены, а потом, когда молчание стало уже совсем давящим, раздраженно пробормотал:

— Она ведет себя как полная идиотка...

Нет, дорогой, она тебя выставляет идиотом, подумала Ивонна, но

вслух сказала:

— Ларри, она просто веселится. Ей через такое пришлось пройти... Она просто пытается наслаждаться жизнью... Ты же сам говорил: доктор предупреждал, что она может быть сама не своя, — быстро добавила Ивонна, заметив, как напряженно смотрит на нее Лоренс.

— Ты все знала, да? — не сводя с нее глаз, спросил он и сделал еще один глоток.

— Что? Что знала, Ларри?

Тот продолжал в упор смотреть на Ивонну, словно ища в ее лице доказательства вины. Фрэнсис поставил румбу. У них за спиной Билл уламывал Дженнифер потанцевать с ним, а она умоляла его оставить ее в покое.

— Ничего, — сухо ответил Лоренс, допивая коктейль.

— Вам обоим пришлось нелегко. — Ивонна ласково погладила его по руке. — Вам просто нужно время, чтобы...

Ее слова заглушил радостный смех Дженнифер: Реджи зажал в зубах розу и встал на одно колено, приглашая Дженнифер на импровизированное танго. Лоренс аккуратно убрал руку Ивонны со своей, и тут рядом с ними на диван плюхнулся Билл:

— Этот твой Реджи немного перегибает, Ивонна. Может, поговоришь с ним?

Она не решалась поднять глаза на Лоренса, но тот спокойно сказал, глядя вдаль отсутствующим взглядом:

— Не волнуйся, Ивонна, я сам разберусь.

Ивонна обнаружила ее в ванной около половины девятого: Дженнифер поправляла макияж, наклонившись над мраморной раковиной. Ее взгляд на секунду задержался на Ивонне и тут же вернулся к собственному отражению. Да она пьяна, подумала Ивонна, и еще как!

— Хочешь кофе? — предложила она.

— Кофе?

— Перед тем, как ехать к Ларри на работу.

— Перед тем, как ехать к нему на работу, — язвительно ответила Дженнифер, с необычайной тщательностью крася губы, — я бы скорее выпила чего-нибудь покрепче.

— Что ты делаешь?

— Губы крашу, а что, непохоже?

— Что ты творишь с моим кузенком? Ты чересчур напориста, подруга, — сказала Ивонна чуть резче, чем собиралась, но Дженнифер, похоже, не обратила внимания на ее тон.

— Когда мы в последний раз ходили куда-нибудь вместе с Реджи?
— Что?
— Когда мы в последний раз ходили куда-нибудь вместе?
— Понятия не имею, может, летом, когда он ездил с нами во Францию...

— А что он пьет, кроме коктейлей?
— Дженни, дорогая, тебе не кажется, что надо немножко поостыть? — набравшись храбрости, спросила Ивонна.
— В смысле?
— Ну, насчет Реджи. Ты расстраиваешь Ларри.
— О, поверь мне, ему наплевать, — отмахнулась она. — Что пьет Реджи? Ну пожалуйста, это очень важно.
— Не знаю, наверное, виски... Дженни, у вас все в порядке? У вас с Ларри?
— О чем ты?
— Может быть, я лезу не в свое дело, но Ларри выглядит ужасно несчастным...
— Правда?
— Да. Я бы не стала так играть на его чувствах, дорогая.
— На его чувствах? — резко обернулась к ней Дженнифер. — Думаешь, ему есть дело до моих чувств? После всего, что случилось?!
— Дженни, я...
— Да ему наплевать! Я просто должна делать вид, что все в порядке, держать рот на замке и играть роль обожающей его женушки. А он еще и несчастного из себя строит.
— Дженни, если тебе интересно мое мнение...
— Неинтересно. Не лезь не в свое дело, Ивонна. Прошу тебя.

Женщины молча замерли. Воздух между ними вибрировал от напряжения, словно после драки.

— Знаешь что, Дженнифер, — ледяным тоном произнесла Ивонна, — ты, конечно, можешь заполучить любого мужчину в этом доме, но у всего есть свои последствия.
— Что?
— Ах, наша маленькая, беспомощная принцесса просто заигралась! — фыркнула Ивонна, поправляя полотенца на сушилке. — Мы все знаем, что ты красавица, да, Дженнифер? Мы все знаем, что наши мужья тебя обожают. Просто подумай о чувствах других людей — так, для разнообразия.
— То есть вот что ты обо мне думаешь? Что я веду себя как

избалованная принцесса?

— Нет, я думаю, что ты ведешь себя как последняя сучка.

Дженнифер потрясенно уставилась на Ивонну и уже собралась было ответить, но передумала, закрыла тюбик с помадой, гордо расправила плечи, презрительно посмотрела на Ивонну и вышла.

Ивонна устало опустилась на крышку унитаза и всхлипнула, а потом долго смотрела на дверь, ожидая, что она вот-вот распахнется. В изнеможении закрыв лицо руками, она расплакалась.

— С тобой все в порядке, старушка? — послышался из-за двери голос Фрэнсиса. — Я везде тебя ищу. Дорогая? С тобой все в порядке? — встревоженно спросил он, войдя и увидев ее покрасневшее от слез лицо. — Что-то не так с малышом? Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Ивонна с облегчением вздохнула и уткнулась носом в его плечо. Несколько минут они неподвижно сидели рядом, прислушиваясь к доносящимся снизу музыке и голосам. Дженнифер снова звонко рассмеялась. Фрэнсис достал из кармана сигареты, прикурил и протянул жене.

— Спасибо, — поблагодарила она, делая глубокую затяжку. — Фрэнни, — серьезно сказала она, глядя ему в глаза, — пообещай мне, что мы будем счастливы даже после рождения ребенка.

— А что, собственно...

— Просто пообещай, и все.

— Ну ты же знаешь — не могу. — Фрэнсис ласково погладил ее по щеке. — Я всегда гордился тем, что у меня запуганная и несчастная жена.

— Ты чудовище, — улыбнулась она.

— Стараюсь. — Он встал и разгладил помявшиеся брюки. — Слушай, думаю, ты жутко устала. Попробую выставить эту веселую компанию, и мы с тобой пойдем в кроватку. Что скажешь? — спросил он, помогая ей встать.

— Иногда, — радостно отозвалась Ивонна, — мне кажется, что ты все-таки не зря потратился на такое красивое обручальное кольцо.

Они вышли на пустую, холодную улицу, но Дженнифер не мерзла — алкоголь согревал ее, слегка кружа голову.

— Думаю, здесь нам такси не поймать, — весело заявил Реджи, поднимая воротник пальто. — А вы, ребята, как поедете? — спросил он, и из его рта вырвалось облачко пара.

— У Ларри есть машина с водителем, — ответила Дженнифер, даже не посмотрев на мужа, стоящего на краю тротуара. — Только вот водитель, похоже, пропал, — добавила она и неожиданно для самой себя

захихикала — ну до чего же смешно!

— Я дал ему выходной, — пробормотал Лоренс. — Поведу сам. Стой здесь, я схожу за ключами, — приказал он и исчез в доме.

Дженнифер поплотнее закуталась в шубку, не сводя глаз с Реджи. Это он! Барашек, наверняка он. Весь вечер от нее не отходил, все время говорил полунамеками: «Мы с Дженни не виделись сто лет» — он сказал это как-то по-особенному. Или она все придумывает? Но он же пьет виски. Барашек... Господи, как голова кружится... Слишком много выпила, ну и что? Главное — убедиться в том, что это действительно он.

— Мы ужасно опаздываем, — мрачно заявила девушка Реджи, и он тут же заговорщически подмигнул Дженнифер.

— Ой, а мы уже, наверное, опоздали, — протянул он, взглянув на часы. — Они, должно быть, пошли куда-нибудь ужинать.

— И что же нам делать?

— Кто знает? — пожал плечами он.

— А ты бывал в «Альберто»? — внезапно спросила Дженнифер.

— Бывал, и вам это прекрасно известно, миссис Стерлинг. — Лицо Реджи расплылось в хитрой улыбке.

— Известно? — переспросила она, чувствуя, как колотится сердце, словно вот-вот выскочит из груди.

— По-моему, я видел вас в «Альберто», когда заходил туда в последний раз, разве нет? — задорно и с некоторым злорадством спросил он в ответ.

— Ну, когда-то, наверное, видел, — недовольно вмешалась Морин, поглубже засовывая руки в карманы и с ненавистью глядя на Дженнифер.

О, как бы я хотела, чтобы ты исчезла, подумала Дженнифер и вдруг выпалила:

— Поехали с нами.

— Куда?

— К Лоренсу на вечеринку. Там, конечно, будет ужасно скучно, но, думаю, вы хоть немного развеселите этих зануд. Поехали, ребята, там будет что выпить, — добавила она.

— Мы согласны! — радостно воскликнул Реджи.

— А меня кто-нибудь спросил? — резко обратилась к нему Морин.

— Да ладно тебе, Мо, поехали. Повеселимся. А что еще нам светит? Вечер вдвоем в каком-нибудь дурацком ресторане?

В глазах Морин мелькнуло отчаяние, Дженнифер ощутила едва заметные угрызения совести, но тут же взяла себя в руки: главное — узнать правду.

— Лоренс! — крикнула она. — Лоренс, дорогой, Реджи и Морин поедут с нами — правда здорово?

Лоренс застыл на лестнице с ключами в руке и обвел пристальным взглядом всю троицу.

— Просто чудесно, — бросил он на ходу и открыл заднюю дверь большого черного автомобиля.

Приехав в офис «Акме минерал энд майнинг», Дженнифер быстро поняла, что недооценивала офисных работников и их умение веселиться. Возможно, свою роль сыграло изобилие еды и напитков, а может быть, опоздание начальника, но когда они приехали, вечеринка уже шла полным ходом. Кто-то принес граммофон, в зале потушили свет, столы отодвинули к стене, и офис превратился в настоящий танцпол, на котором целая толпа сходила с ума под песни Конни Фрэнсис.

— Ларри, почему ты скрывал от нас, что твои сотрудники такие стилиаги?! — воскликнул Реджи.

Дженнифер оставила мужа в дверях, а сама тут же присоединилась к танцующим. У него на лице было написано все, что он думает: его офис, его территория, его единственное убежище изменилось до неузнаваемости, сотрудники вышли из-под контроля. Сейчас Лоренс ненавидел их всех, вместе взятых. Краем глаза она заметила, что его секретарша встала со стула, на котором, видимо, просидела всю вечеринку, быстро подошла к нему и что-то сказала. Он кивнул и попытался изобразить улыбку.

— Коктейль, срочно! — крикнула Дженнифер, желая оказаться как можно дальше от Лоренса. — Реджи, вперед! Давай напьемся.

Сквозь алкогольный туман она все же заметила удивленные взгляды сотрудников ее мужа — большинство из них ослабили галстуки, разгорячившись от выпивки и танцев. Они многозначительно поглядывали то на нее, то на Лоренса.

— Здравствуйте, миссис Стерлинг, — поздоровался с ней бухгалтер, с которым она беседовала в офисе пару недель назад.

Дженнифер узнала его и улыбнулась: его лицо блестело от пота, он обнимал за талию хихикающую девушку в клоунской шляпке.

— Привет-привет! Покажете нам, где тут наливают?

— Вон там, в машбюро.

На столе стояла огромная чаша с пуншем, пунш наливали в бумажные стаканчики и передавали по рукам. Реджи протянул Дженнифер стаканчик, она залпом выпила содержимое, закашлялась — напиток оказался куда крепче, чем она ожидала, — и снова бросилась на танцпол, теряясь в

океане тел. Реджи улыбался и время от времени приобнимал ее за талию. Лоренс стоял у стены и бесстрастно наблюдал за ней. Вскоре к нему подошел пожилой, относительно трезвый мужчина и заговорил с ним. Дженнифер хотелось оказаться где-нибудь подальше от мужа, вот бы он поехал домой и оставил ее здесь танцевать. Морин куда-то пропала — не исключено, что девчонка и правда ушла. Очертания предметов расплывались, время растягивалось, стремясь к бесконечности. Дженнифер было так весело, так жарко, она размахивала руками и наслаждалась музыкой, не обращая внимания на любопытные взгляды других женщин. Реджи крутил и вертел ее, и она хохотала от радости. Господи, наконец-то я чувствую себя живой! Вот как все должно быть. Впервые ей показалось, что она не чужая в этом мире, что это действительно ее жизнь.

Реджи дотронулся до ее руки, и она вздрогнула, словно от удара током. Он многозначительно смотрел на нее, таинственно улыбаясь. Барашек. Он что-то сказал ей, но она не расслышала и переспросила, убирая с лица мокрый от пота локон:

— Что?

— Жарко. Надо найти что-нибудь выпить.

Реджи обнял ее за талию, тело под его рукой завибрировало, она прижалась к нему — в толчее на танцполе все равно никто не заметит, тем более что, поискав глазами Лоренса, Дженнифер решила, что его нигде нет. Наверное, ушел в кабинет, подумала она, заметив, что там зажегся свет. Конечно, он все это терпеть не может, ее муж не выносит веселья во всех его проявлениях. Последнее время Дженнифер казалось, что он ненавидит и ее тоже.

Реджи протянул ей еще один стаканчик пунша и крикнул:

— Воздух! Мне нужно на воздух!

Наконец-то оставшись вдвоем, они вышли в коридор — там было прохладно и тихо, дверь в офис закрылась, и звуки вечеринки стихли.

— Сюда, — сказал он, беря ее под руку и проводя мимо лифта к пожарному выходу. — Давай выйдем на лестницу.

Некоторое время Реджи сражался с дверью, наконец она поддалась, и они оказались на улице, вдыхая прохладный ночной воздух. Дженнифер сделала жадный вдох, словно пытаясь утолить невыносимую жажду. Внизу сияли огни фонарей и фары редких автомобилей.

— Я весь мокрый, — показал на свою рубашку Реджи. — И понятия не имею, где мой пиджак.

— Зато весело, — прошептала она, не сводя глаз с его тела, контуры которого четко проступали под мокрой рубашкой.

— Еще как! А вот старина Ларри, кажется, на танцпол не вышел...

— Он не танцует, — объяснила Дженнифер с неожиданной для себя самой уверенностью, — никогда.

Некоторое время они молча смотрели на ночной город — доносился отдаленный шум машин, где-то за их спинами приглушенно грохотала музыка. Дженнифер ужасно волновалась, задыхаясь от предвкушения.

— Держи. — Реджи достал из кармана пачку сигарет, прикурил одну и протянул ей.

— Но я не... — Дженнифер осеклась на полуслове — откуда ей знать? Может, она сотни сигарет выкурила, просто не помнит этого. — Спасибо, — поблагодарила она, аккуратно взяла сигарету двумя пальцами, затянулась и тут же закашлялась.

Реджи рассмеялся, а она смущенно улыбнулась:

— Прости, по-моему, у меня не получается.

— Попробуй еще, от них так приятно голова кружится.

— У меня и так голова кружится, — призналась она, немного покраснев.

— Это все из-за того, что я рядом, да? — ухмыльнулся он, подходя к ней поближе. — Я все ждал, когда мы с тобой наконец останемся наедине, — тихо сказал он, касаясь ее запястья. — Там толком не поговоришь, приходится какими-то намеками обходиться.

Сначала Дженнифер решила, что не расслышала, но потом взяла себя в руки и с облегчением сказала:

— Да. Господи, я хотела тебе раньше сказать... но мне было так сложно... Я потом все тебе объясню, но какое-то время... Обними меня, Барашек, просто обними меня.

— С радостью.

Он подошел к ней, обнял и привлек к себе. Она молча пыталась понять, что чувствует, находясь в его объятиях, закрыла глаза, вдыхая запах мужского пота, дотронулась до его неожиданно узкой груди и замерла в ожидании чуда. Я так долго ждала тебя, повторяла она про себя, подставляя губы для поцелуя.

Сначала у нее захватило дух от одного прикосновения его губ, но поцелуй вдруг стал навязчивым и неуклюжим, они стукнулись зубами. Реджи грубо поцеловал ее в засос, и Дженнифер отстранилась.

Реджи ничего не заметил — его руки скользнули по ее бедрам, прижимая ее к себе. Он посмотрел на нее затуманенным от желания взглядом и спросил:

— Снимем номер в отеле? Или... прямо здесь?

Дженнифер ошарашенно посмотрела на него. Нет-нет, это наверняка он, все сходится. Но как же Б. может быть настолько не похож на человека, которого она представляла себе, читая письма?

— Что с тобой? — спросил он, заметив, что она изменилась в лице. — Тут слишком холодно? Не хочешь в отель? Боишься?

— Я... — Дженнифер умолкла, осознав, что ошиблась, и высвободилась из его объятий. — Прости, я не думаю, что... — Она в ужасе потеряла виски.

— Не хочешь заниматься этим здесь?

— Реджи, — нахмурившись, спросила Дженнифер, — ты знаешь, что такое «абсорбирующий»?

— Абсо... Что?..

Дженнифер на секунду прикрыла глаза, а потом посмотрела на него и, внезапно протрезвев, пробормотала:

— Мне пора.

— Но тебе же нравятся все эти игры. Ты же горячая штучка!

— Я — кто?

— Ну, я же не первый, правда?

— О чем ты? — непонимающе заморгала она.

— Ой, только не надо притворяться невинным ангелом, Дженнифер! Я же видел тебя с ним, разве ты забыла? С твоим кавалером.

— С моим кавалером?

— То есть ты решила играть вот так? — прошипел Реджи, бросая сигарету и со злостью туша ее каблуком. — Да что с тобой? Я что, не гожусь тебе в любовники, потому что не понимаю какое-то идиотское слово?

— С кем ты меня видел? — повысила голос Дженнифер, схватив Реджи за рукав. — О ком ты говоришь?

— Прекрати эти свои штучки! — Он сердито сбросил ее руку.

— Нет! — взмолилась она. — Пожалуйста, мне нужно знать, с кем ты меня видел!

— Господи! Надо было пойти с Мо. Она, по крайней мере, уважает мужчин. И в отличие от некоторых не динамщица! — раздраженно огрызнулся он.

Его красное сердитое лицо внезапно озарилось светом из коридора. Дженнифер обернулась и увидела стоящего у пожарного выхода Лоренса. Он внимательно наблюдал за спектаклем, который разыгрался между его женой и чужим мужчиной. Реджи, опустив голову, протиснулся в дверь мимо Лоренса и молча пошел по коридору, вытирая рукой рот.

— Лоренс, это не то, что ты...

— Иди внутрь.

— Я просто...

— Иди внутрь. Немедленно, — тихо повторил он с невероятным спокойствием.

После минутного колебания она спустилась по лестнице, подошла к двери, готовясь вернуться к танцующим. Ее все еще трясло от растерянности и шока. Когда они проходили мимо лифта, Лоренс схватил ее за запястье и развернул к себе. Она потрясенно посмотрела на его руку, а потом подняла взгляд.

— Не вздумай унижать меня, Дженнифер, — тихо сказал он.

— Отпусти меня.

— Я серьезно. Я не дурак, которым можно...

— Отпусти. Мне больно! — дернулась она.

— Слушай, что я тебе говорю! — повысил голос Лоренс, и на щеке у него задергался мускул. — Я этого не потерплю. Поняла меня? Не потерплю! — скрипнув зубами, злобно прошипел он.

— Лоренс!

— Ларри! Для тебя я Ларри! — крикнул он, заноса кулак, но тут внезапно открылась дверь, и в коридор вышел тот самый бухгалтер. Смеясь, он обнимал за талию девушку, с которой танцевал до этого. Увидев эту семейную сцену, он тут же перестал улыбаться и смущенно сказал:

— Извините, сэр... мы... мы просто вышли подышать воздухом...

Лоренс отпустил Дженнифер, та воспользовалась моментом и, не оборачиваясь, бросилась вниз по лестнице.

Я многое в тебе люблю и многое ненавижу. Хочу, чтобы ты знала, что сейчас я все чаще и чаще думаю о том, что в тебе меня настораживает.

О том, как ты безжалостно прикончила того лобстера.

Как ты кричала и махала руками на коров, чтобы прогнать их с дороги. Ведь мы могли просто подождать, пока они пройдут... Ну опоздали бы в кино, и что?

Как неаккуратно ты режешь овощи.

О твоём вечно негативном отношении ко всему.

Мне пришлось покрыть стену краской в три слоя, чтобы закрасить то место, где ты написала красным карандашом свой телефон. Я, конечно, все равно делал ремонт, но это был лишний перевод краски.

Мужчина — женщине, в письме

Энтони допил кофе и теперь сидел за барной стойкой, не выпуская из рук пустую чашку. Он напряженно смотрел на лестницу, ведущую в бар, стараясь не пропустить пару стройных ног, элегантно спускающихся по ней. Время от времени в «Альберто» заходили парочки, громко жалуясь на нетипичную для этого времени года жару и дикую жажду. Гардеробщица Шерри совсем заскучала и уснула на стуле с книжкой в руках. Он медленно провожал пары взглядом и отворачивался.

Сейчас уже 7.15, а она обещала прийти в половине седьмого. Энтони достал из кармана письмо, разглядел его и взгляделся в крупные округлые буквы, которые складывались в слова, убеждавшие его в том, что она придет.

С любовью, Д.

Они переписывались уже пять недель: он писал ей на абонентский ящик 13 почтового отделения на Лэнгли-стрит, который она открыла специально для него. Никто никогда не выбирает номер 13, заверила ее заведующая отделением. За это время они виделись всего пять или шесть раз, встречи всегда были короткими — слишком короткими, — ведь приходилось выбирать время, когда их с Лоренсом часы работы не совпадали.

Но то, что ему не удавалось сказать ей при встрече, он всегда излагал в письмах. Энтони писал почти каждый день, рассказывая ей обо всем без тени стыда или смущения. Казалось, внутри его прорвало плотину, которая много лет сдерживала напор воды. Он писал о том, как скучает по ней, рассказывал о своей жизни за границей, о том, как он до недавних пор не мог долго усидеть на одном месте, словно все время пытаясь подслушать разговор людей, находившихся где-то очень далеко.

О'Хара не скрывал от нее своих недостатков: эгоист, упрямец, часто не проявляет должного внимания, — а потом рассказывал о том, что благодаря ей ему захотелось избавиться от них. Снова и снова писал, что любит ее, получая удовольствие даже от самого процесса написания этих слов.

Ее же письма, напротив, были краткими и деловыми. «Давай встретимся там-то». Или: «Нет, давай на полчаса позже». Или просто-напросто: «Да. Я тоже». Сначала он боялся, что такая краткость означает,

что она не так сильно любит его, и никак не мог совместить эти краткие, сухие записки с образом женщины, с которой встречался: нежная, ласковая, ироничная, заботящаяся о его благополучии.

Тем вечером Дженнифер сильно опоздала. Оказалось, что Лоренс явился домой куда раньше обычного, и ей пришлось соврать, что у нее заболела подруга, так как другого повода выйти из дома не нашлось. Когда она пришла, Энтони уже успел основательно набраться.

— Ты все-таки пришла? Как мило с твоей стороны, — с издевкой сказал он, поднимая бокал. Он прождал ее два часа и за это время успел выпить четыре двойных виски.

Она молча сняла с головы шарф, заказала себе мартини, но тут же передумала и отменила заказ.

— Как, уже уходишь?

— Я не хочу видеть тебя в таком состоянии.

И тут он словно с цепи сорвался, начал обвинять ее во всем: у нее никогда нет времени, она ему мало пишет — словом, ему не хватает ее во всех отношениях. Бармен Фелипе предостерегающе взял его за плечо, но Энтони не обращал внимания. Его пугали собственные чувства, и он хотел отомстить ей, причинить ей боль.

— Да что с тобой такое? Боишься написать что-нибудь, что может быть использовано против тебя в суде? — Он ненавидел себя за эти слова, знал, что выглядит отвратительно и жалко, отчаянно пытаясь скрыть от нее свою слабость.

Дженнифер развернулась на каблуках, легкой походкой поднялась по лестнице, не обращая внимания на его крики, когда он умолял ее остаться.

Утром он оставил ей короткую записку в абонентском ящике, два дня промучился жутким чувством вины, а потом наконец получил ответ.

Бут, мне сложно доверять свои чувства бумаге. Мне вообще сложно чему-либо доверять. Для тебя мир слов — родная стихия, и я ценю и радуюсь каждому слову, которое ты написал мне. Но прошу, не суди о моих чувствах по тому, что я не могу ответить тебе в такой же форме.

Боюсь, разочарую тебя, если я попробую писать как ты. Я уже говорила, у меня редко спрашивают, что я думаю — особенно по таким важным вопросам, — и мне нелегко самой сделать первый шаг. Попробуй поверить тому, что я здесь. Попробуй поверить мне, глядя на мои поступки, на мои эмоции — это моя валюта.

Твоя,

Д.

Прочитав это письмо, он заплакал от стыда и облегчения. Впоследствии он часто думал о том, что, возможно, ее поведение было связано и с тем, что она так и не смогла забыть унижение, которое пережила, придя к нему в отель на Ривьере, хотя он изо всех сил старался убедить ее, что не стал заниматься с ней любовью по совершенно другим причинам. Ему никак не удавалось убедить ее в том, что она не просто очередная замужняя дама, с которой он решил завести интрижку.

— Твоя девушка не придет? — присаживаясь на соседний стул, спросил Фелипе.

В клубе почти не осталось свободных мест, над столиками стоял гул голосов, в углу играл пианист, через полчаса на сцену должен был выйти Фелипе — он играл на трубе. Над их головами лениво вращались лопасти вентилятора.

— Надеюсь, на этот раз ты не станешь так нажираться, — продолжал бармен.

— Видишь — кофе пью.

— Будь осторожен, Тони.

— Я же сказал — пью кофе.

— Я не об этом. Однажды ты влюбишься не в ту женщину, и когда-нибудь ее муж покажет тебе, где раки зимуют.

— Я, конечно, польщен, Фелипе, — ответил Энтони, заказывая еще кофе, — что ты так серьезно обеспокоен моим благополучием, но, во-первых, я всегда очень тщательно выбираю партнерш, — ухмыльнулся он. — Поверь мне, я многому научился с последней красоткой: ее муж-дантист лечил мне зубы всего через час после того, как я... имел честь развлекать его жену.

— Ах ты, бесстыдник! — расхохотался Фелипе.

— Вот и нет. Во-вторых, я больше не буду встречаться с замужними женщинами.

— Только со свободными, да, дружок?

— Нет. Других женщин не будет. Она — Единственная, и других после нее не будет.

— Не будет? До следующей недели? Или до следующего месяца? — хохотнул Фелипе. — Ну, давай, срази меня окончательно: ты подумываешь изучать Библию?

В этом-то и заключалась ирония его положения: чем больше он ей писал, стараясь убедить ее в искренности своих чувств, тем меньше значения она придавала словам, которые с такой легкостью слетали с

кончика его пера. Она не раз дразнила его на этот счет, однако за шутками скрывалась неприглядная, жесткая правда.

Дженнифер, как и Фелипе, видела в Энтони человека, не способного любить по-настоящему. Человека, который желает получить запретный плод, только и всего.

— Однажды, Фелипе, я удивлю тебя, и тогда ты, друг мой...

— Тони, ты достаточно давно сюда ходишь, какие уж тут сюрпризы. О, гляди-ка, легка на помине. Вон твой подарочек. А как красиво завернут!

Энтони посмотрел на лестницу и увидел пару туфельек из изумрудного шелка, спускающихся вниз. Дженнифер шла медленно, держась одной рукой за перила, совсем как в тот день, когда он впервые увидел ее. Дюйм за дюймом она приближалась к нему и наконец очутилась совсем близко. Она слегка покраснелась, он взглянул на нее, и сердце болезненно сжалось в груди.

— Прошу прощения, — извинилась Дженнифер, поцеловав его в щеку и беря за руку Энтони почувствовал теплый аромат ее духов, прикосновение влажной щеки. — Возникли непредвиденные... непредвиденные обстоятельства. Мы можем где-нибудь посидеть?

Фелипе проводил их в отдельную кабинку. Дженнифер села за столик, пытаясь привести в порядок прическу.

— А я уж думал, ты не придешь, — сказал Энтони после того, как Фелипе, поставив перед ней бокал с мартини, вышел.

— К нам в гости вдруг ни с того ни с сего явилась мама Лоренса. Она такая болтушка. Я сидела, подливала ей чай и боялась, что вот-вот закричу.

— А он где? — спросил Энтони, беря ее за руку под столом — господи, что за ощущение!

— В Париже по делам. Встречается с представителями «Ситроен» насчет каких-то там тормозных колодок...

— Если бы ты была моей, я бы ни на минуту не оставлял тебя одну.

— Ты, наверное, всем девушкам так говоришь.

— Перестань!

— Да ладно, не притворяйся. Ты наверняка уже испробовал все самые эффектные фразы на других женщинах. Я тебя знаю, Бут: ты же сам мне рассказывал, помнишь?

— Вот и будь после этого честным, — вздохнул он. — Неудивительно, что раньше мне такое даже и в голову-то не приходило...

Дженнифер подвинулась ближе, прижалась к нему, и что-то внутри Энтони сразу же расслабилось. Она выпила свой мартини, потом еще один, а он наслаждался ощущением, что хотя бы здесь, в этой уютной кабинке,

она принадлежит только ему. На сцену вышла группа, Фелипе заиграл на трубе, Дженнифер смотрела на музыкантов, в мягком свете свечей ее лицо сияло от удовольствия. Тайком наблюдая за ней, Энтони с непостижимой уверенностью осознавал, что ни одна другая женщина никогда не вызовет у него таких чувств.

— Потанцуем?

В полумраке танцпола уже кружились несколько пар. Энтони обнял Дженнифер, вдыхая запах ее шелковистых волос, прижал к себе, и окружающий мир исчез: остались только музыка и ее нежная кожа.

— Дженни?

— Да?

— Поцелуй меня.

С тех пор как она впервые поцеловала его в Парке почтальонов, им всегда приходилось целоваться тайком: в его машине, на тихой улочке в предместьях Лондона, за столиком в дальнем углу ресторана. Он ожидал, что она с ужасом посмотрит на него и скажет: «Здесь? На глазах у всех этих людей?!» Скажет, что это слишком рискованно. Но похоже, что она заметила, как он смотрит на нее, и что-то в ее сердце отозвалось — выражение лица стало нежным и ласковым, она дотронулась до его щеки и страстно поцеловала.

— С тобой я чувствую себя счастливой, — тихо шепнула она, наконец признаваясь в своих чувствах, и настойчиво, крепко взяла его за руку. — Теперь я знаю, что такое счастье...

— Тогда уходи от него, — не подумав, выпалил он.

— Что?

— Уходи от него. Переезжай ко мне. Мне предлагают уехать в командировку, мы с тобой можем просто исчезнуть.

— Не надо...

— Что — не надо?

— Не надо так говорить. Ты же знаешь — это невозможно.

— Почему? — настаивал он. — Почему невозможно?

— Мы ведь совсем друг друга не знаем.

— Еще как знаем. Еще как!

Энтони наклонился к ней и снова поцеловал. Сначала она немного сопротивлялась, но он прижал ее к себе крепче, так что их тела практически слились воедино. Музыка стихла, он погладил ее по затылку, слегка приподнимая влажные волосы, посмотрел на нее и замер: Дженнифер прикрыла глаза, слегка наклонила голову набок, губы чуть приоткрылись.

Внезапно она взглянула на него своими голубыми глазами и своенравно улыбнулась, давая понять, что хочет его. Часто ли женщины так смотрят на мужчин? Часто ли в их взгляде сквозит нетерпение, привязанность, чувство долга, словно они говорят: «Да, конечно, дорогой, если ты хочешь — пожалуйста». Дженнифер Стерлинг хотела его, хотела так же сильно, как и он ее.

— Здесь ужасно жарко, — не сводя с него глаз, произнесла она.

— Тогда пойдем подышим.

Он взял ее за руку и, осторожно пробираясь между танцующими парами, вывел с танцпола. Она дотронулась до его взмокшей спины, пытаясь отлепить рубашку, и засмеялась. Они вышли в коридор, где почти не было людей, и он заглушил ее смех поцелуями, с наслаждением впиваясь в ее горячие губы. Она отвечала ему все более страстно, не отстраняясь, даже когда слышала звук чьих-то шагов. Руки скользнули к нему под рубашку, ее прикосновение дарило ему такое неземное наслаждение, что на мгновение он совершенно потерял способность мыслить логически. Что делать? Что же делать?! Поцелуи становились все более долгими и нетерпеливыми. Если я не возьму ее прямо сейчас, то меня просто разорвет, подумал он. Он слегка отстранился и пристально посмотрел ей в глаза. Дженнифер покраснела.

Энтони огляделся — справа, за стойкой гардероба, читала книжку Шерри, клиентов не было — в августе гардероб не пользуется популярностью. На целующуюся пару она не обращала ровным счетом никакого внимания — за годы работы в «Альберто» чего только не насмотришься.

— Шерри, а ты не хочешь пойти попить чайку? — спросил у нее Энтони, доставая из кармана купюру в десять шиллингов.

— Десять минут, — отрезала Шерри и, подмигнув ему, вышла из-за стойки.

Он увлек хихикающую Дженнифер за собой в гардероб и задернул за ними темную занавеску, закрывавшую альков от посторонних глаз.

В полной темноте запах тысяч побывавших здесь пальто ощущался еще острее. Они набросились друг на друга, постепенно продвигаясь в дальний угол и задевая на ходу все проволочные вешалки, тихонько позвякивавшие над их головами, словно тарелки на барабанной установке. Он не видел ее лица, но слышал, как она исступленно шепчет его имя, прижимаясь спиной к стене. В глубине души Энтони знал, что если возьмет ее сейчас, то падение будет быстрым и неизбежным, если только она, конечно, не откажется.

— Скажи мне остановиться, — шепнул он, глядя ее грудь и задыхаясь от возбуждения. — Скажи мне остановиться, — повторил он, но она, не говоря ни слова, лишь покачала головой. — О господи... — простонал он.

Дальше началось полное безумие: задыхаясь, она закинула ногу ему на бедро, его рука скользнула под платье, забираясь под шелковые с кружевной отделкой трусики, одной рукой Дженнифер обнимала его за шею, другой — расстегнула ему брюки, и Энтони поразился тому, какой вулкан страстей скрывается под этой сдержанной светской оболочкой.

Время остановилось, казалось, они плавают в невесомости и дышат через одни легкие. Освободив ее и себя от ненужной одежды, он сжал ее влажные бедра, немного приподнял и — о боже! — оказался внутри ее. Все замерло: дыхание, движения, весь мир — казалось, даже их сердца на мгновение перестали биться. Она едва слышно выдохнула, а затем их тела стали двигаться в едином ритме, окружающий мир перестал существовать, исчезли звуки позвякивающих вешалок, приглушенная музыка за стеной, голоса посетителей, приветствовавших друг друга в коридоре. На всем свете остались только они с Дженнифер и их движение: сначала медленное, потом все ускоряющееся, она крепко обнимала его, целуя в шею и касаясь горячим дыханием уха. Он почувствовал, как ее движения стали резче, как она растворилась в какой-то известной лишь одной ей вселенной, однако понимал, что им надо вести себя тихо. Сейчас она закричит, подумал он, Дженнифер изогнулась, приоткрыла рот, и он тут же заглушил ее стон наслаждения поцелуем, в буквальном смысле впитав ее в себя.

«Опосредованно».

Нежно обнимая ее за талию, он аккуратно опустил ее на пол, поцеловал и ощутил соленый привкус слез на ее щеках. Дженнифер трясло, она с трудом держалась на ногах. Впоследствии Энтони никак не мог вспомнить, что именно говорил ей тогда: «Я люблю тебя... Люблю тебя... Никогда не отпускай меня... Ты такая красивая...» Зато навсегда запомнил, как нежно вытирал ее слезы, как она шептала ему слова любви, и, конечно, — поцелуи, поцелуи, поцелуи...

Вдруг, словно из другого конца бесконечно длинного тоннеля, послышалось выразительное покашливание Шерри. Дженнифер поправила одежду, Энтони разгладил ей юбку, она взяла его за руку и неуверенно сделала шаг вперед — к свету, к реальному миру. Он шел за ней нетвердой походкой, все еще задыхаясь и уже начиная скучать по этому темному уголку, где он впервые узнал, что такое рай.

— Пятнадцать минут, — уточнила Шерри, не отрываясь от книги, когда Дженнифер вышла из-за занавески — платье в идеальном порядке,

лишь по слегка сбившейся прическе можно было догадаться, что произошло.

— Как скажешь, — согласился он и протянул девушке еще одну купюру.

— Моя туфелька! — вскрикнула Дженнифер, повернувшись к Энтони и показала ему ногу в одном чулке.

Все еще раскрасневшаяся, она заливисто рассмеялась, прикрывая рот рукой. Энтони радостно улыбнулся, глядя на ее веселье, — он боялся, что она вдруг загрустит или начнет сожалеть о том, что сделала.

— Сейчас принесу, — заверил ее он, направляясь к гардеробу.

— Ну и кто говорит, что рыцарей больше нет? — пробормотала себе под нос Шерри.

Он зашел за занавеску и стал шарить по полу в поисках изумрудной шелковой туфельки, одновременно проводя рукой по волосам и пытаясь понять, заметно ли по нему то, что случилось между ними. Ему показалось, что он ощущает мускусный запах секса, смешивающийся с ароматом ее духов. Никогда в жизни с Энтони не случилось ничего подобного. Он непроизвольно прикрыл глаза, вспоминая ее тело, ее...

— Миссис Стерлинг, какая неожиданность! Добрый вечер, — сказал какой-то мужской голос по другую сторону занавески.

Энтони наконец нашел туфельку под перевернутым стулом, услышал, как Дженнифер что-то тихо отвечает незнакомцу, и вышел на свет. У гардероба молодой человек с сигаретой в зубах обнимал за талию темноволосую девушку, которая радостно хлопала в такт музыке и тянула его в зал.

— Как твои дела, Реджи? — спросила Дженнифер, протягивая ему руку.

— Все отлично. Мистер Стерлинг тоже здесь? — спросил парень, быстро взглянув на Энтони.

— Лоренс в командировке, — не моргнув и глазом, ответила Дженнифер. — Познакомься: это Энтони, наш друг. Он любезно согласился составить мне компанию сегодня вечером.

— Приятно познакомиться. — Натянуто улыбаясь, Энтони протянул руку молодому человеку.

Реджи с подозрением посмотрел на растрепанные волосы Дженнифер, потом на ее раскрасневшиеся щеки и, опустив глаза, многозначительно сказал:

— Кажется, вы туфельку потеряли...

— Ах, это мои танцевальные туфли. Сдала их в гардероб, а потом

получила две разные туфли, так глупо! — спокойно сказала Дженнифер, не изменившись в лице.

— Вот, нашел. — Энтони протянул ей туфельку. — Вашу уличную обувь поставил под пальто.

Шерри сидела неподвижно, словно истукан, уткнувшись в книгу.

Реджи глупо ухмылялся, наслаждаясь тем, что застал их врасплох. Энтони посмотрел на него, пытаясь понять, чего тот ждет: что ему предложат выпить или сесть за их столик? Да только через мой труп, подумал он.

К счастью, спутница Реджи уже окончательно заскучала и потянула его за рукав:

— Реджи, пойдем. Смотри, вон Мел пришла.

— Долг зовет! — махнул им рукой на прощание Реджи, лавируя между столиками. — Хорошо вам... потанцевать! — обернувшись, крикнул он.

— Черт! — тихо сказала она. — Черт его побери, что же делать?

— Пойдем закажем чего-нибудь, — предложил Энтони и, взяв ее под руку, повел за столик.

От экстаза, который они испытали всего десять минут назад, не осталось и следа. Парень Энтони сразу не понравился, к тому же он умудрился все испортить — убить его мало! Дженнифер залпом выпила martini. При других обстоятельствах он счел бы это забавным, но сейчас это был просто жест отчаяния.

— Не волнуйся. Ты все равно ничего не можешь сделать.

— А вдруг он расскажет Лоренсу?

— Тогда ты уйдешь от Лоренса, вот и все.

— Энтони...

— Ты не можешь вернуться к нему, Дженни... после того, что между нами... Не можешь!

Она достала из сумочки пудреницу и стала вытирать размазавшуюся под глазами тушь, а потом с явным раздражением щелкнула крышкой.

— Дженни?

— Думай что говоришь. Ведь я потеряю все, что у меня есть: мою семью, мою жизнь, я буду опозорена.

— Но зато у тебя буду я. Со мной ты будешь счастлива, ты же сама говорила...

— У женщин все не так просто, я...

— Мы поженимся.

— Думаешь, Лоренс даст мне развод? Думаешь, он отпустит меня?! — помрачнев, воскликнула она.

— Но он не тот, кто тебе нужен. Тебе нужен я! Ты счастлива с ним? Такой жизни ты хочешь? — не дожидаясь ответа, продолжал Энтони. — Хочешь быть узницей в золотой клетке?

— Я не узница, не говори чушь.

— Ты просто не понимаешь.

— Нет, это ты не понимаешь. Ларри неплохой человек.

— Ты еще не понимаешь этого, Дженни, но если ты останешься с ним, то с каждым днем будешь становиться все более и более несчастной.

— Ой, неужели наш писака еще и умеет предсказывать будущее?

— Он раздавит тебя, лишит всего, что делает тебя тобой! — окончательно сорвался Энтони. — Дженнифер, этот мужчина — идиот. Опасный идиот! А ты слишком слепа, чтобы увидеть это.

— Да как ты смеешь?! — вскрикнула она. — Что ты себе позволяешь?! — Ее глаза заблестели от слез, и Энтони тут же пришел в себя. Он достал из кармана платок и попытался вытереть ей слезы, но она оттолкнула его руку и прошептала: — Не надо. Вдруг Реджи увидит.

— Прости, я не хотел доводить тебя до слез. Пожалуйста, не плачь.

Погрузившись в грустные размышления, они молча смотрели на музыкантов, а потом Дженнифер прошептала:

— Просто это так тяжело... Я-то думала, что счастлива. Думала, что у меня чудесная жизнь. И тут появляешься ты, и все остальное становится бессмысленным. Все мои планы — дом, дети, праздники, — мне ничего больше не нужно. Я потеряла сон. Потеряла аппетит. Постоянно о тебе думаю. А теперь я все время буду думать о том, что произошло там, — добавила она, кивнув в сторону гардероба. — Но уйти от Лоренса, — всхлипнула она, — это как прыжок в бездну.

— Прыжок в бездну?

— Мне пришлось бы дорого заплатить за право любить тебя, — высморкавшись, призналась Дженнифер. — Мои родители отрекутся от меня. Я останусь ни с чем. Энтони, я же ничего не умею делать. Я не умею жить по-другому. А если я даже не смогу вести хозяйство?

— Думаешь, мне есть до этого дело?

— Сейчас — нет, а потом? Испорченная маленькая тай-тай — так ты назвал меня в первый вечер, и был совершенно прав. Единственное, что я умею, — заставлять мужчин влюбляться в меня, и все. Все! — воскликнула она, и нижняя губа предательски задрожала.

Энтони ругал себя за то, что когда-то позволил себе так отозваться о ней. Молча они наблюдали за играющим на сцене Фелипе, но мысли обоих были далеки от музыки.

— Мне предложили работу, — наконец сказал он, — освещать деятельность ООН в Нью-Йорке.

— Ты уезжаешь?! — резко обернулась к нему Дженнифер.

— Дай мне договорить. Много лет я был неудачником. Пребывание в Африке окончательно доконало меня, но находиться дома я просто не мог. Места себе не находил, пытаюсь избавиться от постоянного ощущения, что должен быть где-то в другом месте, заниматься чем-то совсем другим, а потом, — взяв ее за руку, ласково произнес он, — я встретил тебя. У меня вдруг появилось будущее. Я могу обрести покой, могу пустить корни. Работа в ООН меня вполне устраивает, главное — чтобы ты была рядом.

— Но я не могу, ты просто не понимаешь...

— Чего?

— Я боюсь.

— Боишься его?! — с гневом в голосе спросил Энтони. — Думаешь, он пугает меня? Думаешь, я не смогу тебя защитить?

— Нет, не его. Пожалуйста, не кричи.

— А кого же?! Этих пустых людишек, с которыми ты проводишь время? Тебе действительно есть дело до того, что они думают? Никчемные, глупые людишки...

— Перестань. Дело не в них.

— А в чем же? Кого ты боишься?

— Я боюсь тебя...

— Но... но я никогда... — растерянно пробормотал Энтони.

— Я боюсь того, что чувствую к тебе. Мне страшно оттого, как сильно я тебя люблю, — с трудом выговорила Дженнифер, нервно комкая салфетку изящными пальцами. — Я люблю Лоренса, но не так. Иногда он мне нравится, иногда я презираю его, но большую часть времени мы живем вполне нормально, у меня все устроено, и я знаю, что могу жить так и дальше. Понимаешь? Знаю, что могу прожить так всю жизнь и все будет неплохо. Многим женщинам живется куда хуже.

— А со мной? Со мной? — повторил Энтони, не дождавшись ответа.

— Если я позволю себе любить тебя, я пропала. В моей жизни не останется ничего, кроме тебя. Я все время буду бояться, что ты разлюбишь меня. А потом, если это случится, я... я умру.

Энтони поднес ее руки к губам и принялся целовать кончики пальцев, не обращая внимания на ее протесты, пытаясь впитать ее в себя целиком. Ему хотелось обнять Дженнифер и никогда не отпускать.

— Я люблю тебя, Дженни, и так будет всегда. До тебя у меня не было такой любви — не будет и после.

— Это ты сейчас так говоришь...

— Я так говорю, потому что это правда. Я не знаю, как еще тебя убедить, — покачал он головой.

— Никак. Ты все уже сказал. Я храню все твои чудесные письма, все прекрасные слова любви. — Она высвободила руку, взяла бокал с мартини и сделала глоток. — Но от этого не легче, — произнесла она, словно обращаясь сама к себе, и немного отодвинулась от него.

— Не говори так, — взмолился он, ощутив почти физическую боль оттого, что она отдалилась. — То есть ты любишь меня, но у нас ничего не получится? — спросил он, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

— Энтони, думаю, нам обоим прекрасно известно... — изменившись в лице, заговорила она, но не закончила фразу.

Да и зачем?

Артур Джеймс убрал статус «Состоит в отношениях с...»

Мужчина — женщине, обновление страницы на Фейсбуке — имя изменено

Она заметила, что миссис Стерлинг исчезла с вечеринки, мистер Стерлинг вскоре раздраженно поставил на стол бокал и вышел вслед за ней в коридор. Мойре Паркер не терпелось пойти за ним и посмотреть, чем обернется вся эта история, но ей хватило самообладания не двинуться с места. Никто, кроме нее, не заметил, что начальник вышел.

Через некоторое время он вернулся. Мойра украдкой наблюдала за ним через толпу людей: он казался совсем потерянным, по лицу сложно было прочесть его чувства, но таким напряженным она видела его впервые.

Что у них там произошло? Что делала Дженнифер Стерлинг с тем молодым джентльменом?

Мойра вдруг удовлетворенно улыбнулась и погрузилась в мечты. Воображение завело ее далеко: возможно, он наконец-то понял, что его жена — настоящая эгоистка. Мойре было прекрасно известно, что стоит ей обронить пару слов, когда все выйдут на работу после праздников, и о его жене будет говорить весь офис. Однако, с грустью сказала себе Мойра, сплетни пойдут не только о ней, но и о мистере Стерлинге. Ее сердце сжалось от одной мысли, что этот храбрый, во всех отношениях достойнейший мужчина станет предметом пустых пересудов каких-то там секретарш. Разве можно унижать его в месте, где он занимает самое высокое положение?

Мойра беспомощно стояла на другом конце комнаты. Подойти к начальнику и утешить его она боялась, но, с другой стороны, шумное веселье коллег было ей настолько чуждо, что их как будто разделяла невидимая стена. Мистер Стерлинг подошел к импровизированному бару, поморщившись, взял стакан с каким-то напитком, отдаленно напоминавшим виски, выпил залпом и потребовал еще. После третьего стакана он кивнул стоящим рядом с ним сотрудникам и ушел к себе в кабинет.

Мойра с трудом протиснулась сквозь толпу людей. Часы показывали

без четверти одиннадцать. Музыку выключили, народ засобирался. Кто по домам, а кто — продолжать вечеринку в другом месте, подальше от взглядов коллег. За вешалкой Мойра увидела Стивенса — он целовался с той рыжей машинисткой, совершенно не беспокоясь о том, что их могут заметить. Юбка бесстыжей девчонки задралась, и Стивенс, пыхтя, пытался расстегнуть пояс для чулок телесного цвета. А мальчишка-разносчик, кстати говоря, пошел сажать Элси Мажински на такси и не вернулся. Надо будет намекнуть Элси, чтобы та поняла, что Мойра, в отличие от всех остальных, все прекрасно заметила. Ну почему все так одержимы собственной плотью? Все, кроме Мойры. Неужели за их вежливыми приветствиями и любезными беседами скрывается дионисийская натура, столь чуждая ей самой?

— Мы собираемся в «Кошачий глаз». Пойдем с нами, Мойра! Развлечемся на славу.

— Ой, бросьте, она все равно не пойдет, — презрительно сказала Фелисити Харвуд.

На мгновение Мойре захотелось взять и назло сказать: «Ну почему же, с радостью присоединюсь к вам», но в кабинете мистера Стерлинга все еще горел свет, поэтому Мойра поступила так, как поступил бы любой ответственный личный ассистент генерального директора: осталась наводить порядок после вечеринки.

Когда она закончила, было уже почти час ночи. Справедливости ради надо признать, что ей не все пришлось делать самой: новенькая из отдела бухгалтерии помогла ей собрать пустые бутылки, а глава отдела продаж, высокий мужчина из Южной Африки, выкинул бумажные стаканчики, громко напевая и поглядывая на дамскую комнату. Однако оттирать пятна на линолеуме и подметать пол, выковыривая застрявший в щелях между паркетинами арахис, ей пришлось самой. Подвинуть обратно столы она решила попросить мужчин, когда сотрудники выйдут на работу после праздников, — в остальном, не считая нескольких гирлянд из цветной фольги, офис снова выглядел как подобает.

Она взглянула на потрепанную новогоднюю елку: игрушки разбились или потерялись, а маленький почтовый ящик слегка сплюснулся — на него кто-то умудрился сесть, — из него со всех сторон свисали клочья гофрированной бумаги. Хорошо, что мама, царствие ей небесное, не видит, что они сделали с ее любимыми шарами, подумала Мойра, складывая их в коробку.

И тут она увидела мистера Стерлинга. Он сидел в своем кожаном кресле, опустив голову на руки. На столике рядом с дверью стояли остатки

напитков, Мойра практически инстинктивно налила в стакан виски, на два пальца — ни больше ни меньше, подошла к кабинету и постучалась в дверь. Шеф не снял галстук — официален, даже в столь неурочное время.

— Я просто задержалась, чтобы прибраться, — извиняющимся тоном сказала Мойра, когда он недоуменно посмотрел на нее.

Мистер Стерлинг посмотрел в окно, и секретарша поняла, что он даже не заметил, что она осталась в офисе.

— Очень мило с вашей стороны, Мойра, спасибо, — поблагодарил он, взял стакан с виски и медленно выпил.

Стоя около его стола, Мойра как замороженная смотрела на измученное лицо начальника, на его дрожащие руки, почему-то в полной уверенности, что имеет право находиться здесь. На столе ровными стопками лежали письма, которые она положила ему на подпись сегодня утром. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

— Хотите еще? Там в бутылке еще немного осталось.

— Думаю, мне хватит, — отозвался он и замолчал. — Что мне делать, Мойра? — качая головой, вдруг спросил он, словно продолжая какой-то внутренний диалог, начала которого она не слышала. — Я дал ей все. Все! Ей никогда не приходилось просить меня о чем-то... — надломленным голосом пробормотал он. — Говорят, женщинам теперь нужно что-то другое. Бог знает, что именно. Почему все меняется?

— Не все женщины меняются, — тихо возразила она. — Множество женщин мечтают о муже, который будет обеспечивать их, о котором они смогут заботиться и создавать домашний уют.

— Думаете? — Он взглянул на нее усталыми, покрасневшими глазами.

— Уверена. Они мечтают о мужчине, которому можно сделать коктейль, когда он вернется домой с работы, покормить его и окружить вниманием. Я... Это было бы замечательно, — покраснев, добавила она.

— А почему же... — со вздохом начал он.

— Мистер Стерлинг, — перебила его Мойра, — вы прекрасный начальник. Вы прекрасный человек, правда. Ей так повезло, что у нее есть вы. И вы не заслуживаете... не заслужили... — Она осеклась, поняв, что зашла слишком далеко и нарушила негласное соглашение между ними. — Прошу прощения, — произнесла она после долгой, неловкой паузы. — Мистер Стерлинг, я не хотела...

— Это несправедливо, — сказал он так тихо, что Мойра едва смогла разобрать слова. — Что плохого в том, что мужчина подает женщине шубу? Разве после этого он перестает быть мужчиной?

У Мойры на глаза навернулись слезы, но за ними скрывалось нечто

более острое и ощутимое. Она подошла к нему и тихо обняла его за плечи. Боже, какое наслаждение прикоснуться к нему. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном костюме. Она знала, что будет вспоминать это до самой смерти — его тело, такое близкое и далекое одновременно... Мойра едва держалась на ногах от счастья.

Он не оттолкнул ее, и тогда она наклонилась и, затаив дыхание, положила голову ему на плечо, выражая сочувствие, солидарность с ним.

Так вот каково это, задыхаясь от блаженства, подумала она.

На секунду ей захотелось, чтобы кто-нибудь сфотографировал их в столь интимной позе. Внезапно он посмотрел на нее, и ее тут же охватили тревога и стыд.

— Мне так жаль, простите, я пойду... — выпрямившись, пробормотала она.

И тут он взял ее за руку. Тепло. Близость.

— Мойра, — с полузакрытыми глазами хрипло прошептал шеф, задыхаясь от отчаяния и желания, а потом взял секретаршу за подбородок, привлек к себе и настойчиво, решительно поцеловал.

С ее губ сорвался едва слышный вздох удивления и восторга, а затем она ответила на его поцелуй. Во второй раз в жизни она целовалась с мужчиной, но этого поцелуя она терпеливо ждала много лет. Внутри бушевала настоящая буря, кровь текла по венам с огромной скоростью, сердце выскакивало из груди.

Он положил ее на стол, что-то хрипло и нетерпеливо шепча ей на ухо, расстегнул воротничок блузки, коснулся ее груди, ключиц, горячо дыша ей в шею. Мойра была неопытна в таких делах и не очень знала, куда деть руки, но вдруг обнаружила, что крепко прижимает его к себе, желая доставить ему удовольствие и теряясь в новых, неизведанных ощущениях. «Я обожаю вас, — сказала она про себя. — Возьмите то, что вам нужно».

Однако, даже погрузившись в удовольствие, какой-то частью сознания Мойра старалась запоминать все, что с ней происходит. Даже когда он раздвинул ей ноги и, задрав ее юбку, вошел в нее и на столешнице рядом с ней зазвенела чернильница, Мойра прекрасно понимала, что она не конкурентка Дженнифер Стерлинг. Женщины вроде Дженнифер для мужчин всегда остаются желанным призом в большой игре, но у Мойры Паркер было одно существенное преимущество: она была благодарным существом, в отличие от Дженнифер Стерлинг и прочих женщин, которым все досталось на блюде. Она понимала, что даже одна ночь счастья может стать драгоценнейшим подарком, а если эта ночь вдруг изменит ее судьбу, то она должна запомнить все до мельчайших деталей и бережно

хранить в памяти. Когда все закончится, ей будет что вспомнить бесконечно долгими, одинокими вечерами.

Когда Лоренс вернулся домой, Дженнифер сидела в большой гостиной в парадной части дома. На ней было короткое расклешенное малиновое пальто и шляпка, черная кожаная сумочка и перчатки аккуратно лежали на коленях. Она услышала, как машина подъехала к дому, увидела, как погасли фары, встала, подошла к окну, отдернула занавеску: муж сидел за рулем, погруженный в свои мысли. Дженнифер взглянула на стоящие посреди комнаты чемоданы и отошла от окна.

Лоренс вошел, бросил пальто на кресло в холле, кинул ключи в предназначенную для этого вазу, и вдруг что-то со стуком упало. Их свадебная фотография? На секунду он задержался перед входом в гостиную, а потом открыл дверь.

Он посмотрел на чемоданы — те самые чемоданы, в которые она упаковывала вещи перед выпиской из клиники всего несколько недель назад.

— Думаю, мне лучше уйти, — произнесла Дженнифер.

— Думаешь, тебе лучше уйти?..

— Мы оба несчастны, — собравшись с духом, начала она свою речь, которую репетировала последние два часа, — и прекрасно знаем это.

Лоренс прошел мимо нее к бару и налил себе на три пальца виски. Глядя, как дрожат его руки, она подумала: интересно, сколько он успел выпить за то время, что мы не виделись? С хрустальным бокалом в руках, он тяжело опустился в кресло и пристально посмотрел на нее. Дженнифер с трудом стояла на ногах от волнения.

— И о чем же еще ты думаешь? О том, что сделает тебя счастливой? — с неприятной издевкой спросил он.

Под действием алкоголя Лоренс говорил с ней очень грубо, но Дженнифер не боялась. Она наконец-то поняла, что не может связать с ним свое будущее. Они посмотрели друг на друга, словно два заклятых врага.

— Ты ведь знаешь, правда? — спросила она.

— Что знаю, Дженнифер? — уточнил он, попивая свой виски и не сводя с нее глаз.

— Что я люблю другого, — глубоко вздохнув, ответила она. — И это не Реджи Карпентер, упаси господи, — добавила она, нервно крутя в руках сумочку. — Сегодня я все поняла. Я ошиблась, это не Реджи, это неправда. Но ты все время злишься на меня, с того самого дня, как я вернулась из клиники. Потому что тебе, как и мне, прекрасно известно, что есть человек,

который любит меня и не боится говорить мне об этом. Поэтому тебе не нравится, когда я задаю слишком много вопросов, поэтому моя мать и все остальные так хотят, чтобы я просто жила привычной жизнью. Ты не хотел, чтобы я все вспомнила.

Дженнифер ожидала приступа ярости, но Лоренс просто кивнул, а потом поднял бокал, словно собираясь произнести тост в ее честь.

— И... когда же твой любовник приедет за тобой? — спросил он, взглянув на часы, а потом на чемоданы. — Я так понимаю, что он заедет за тобой.

— Он... — нервно сглотнула она, — все не совсем так...

— Значит, вы с ним где-нибудь встретитесь? — спокойно продолжал он, как будто наслаждаясь происходящим.

— Когда-нибудь, я надеюсь...

— Когда-нибудь? А почему не сейчас?

— Я... я не знаю, где он...

— Не знаешь, где он... — повторил Лоренс, допил свой виски и, с трудом встав, налил себе еще.

— Я не могу вспомнить. Ты прекрасно знаешь, что я не могу вспомнить. Кое-что начинает проясняться, я еще не все вспомнила, но зато я точно знаю, что все это, — показала она на комнату, — не для меня. Все это не для меня, потому что я люблю другого. Прости меня, но я должна уйти. Это единственное верное решение для нас обоих.

— Позволь спросить, а что есть у этого джентльмена — твоего любовника, — чего нет у меня? — кивнув, спросил он, глядя, как за окном мерцают фонари.

— Не знаю, — призналась она. — Но я люблю его, а он — меня.

— Значит, любишь его... А что еще ты знаешь? Где он живет? Чем зарабатывает на жизнь? Как он будет содержать тебя, с твоим-то экстравагантным вкусом? На что будет покупать тебе новые платья и украшения? Есть ли у него деньги, чтобы нанять экономку?

— Мне все это неважно.

— А раньше тебе это было очень даже важно.

— Я изменилась. Он любит меня, и это самое главное. Можешь издеваться сколько угодно, Лоренс, но ты не знаешь...

Лоренс вдруг вскочил с кресла и набросился на нее.

— Ошибаешься, Дженни, я знаю о нем все! — взревел он, доставая из кармана смятый конверт и тряся им у нее перед лицом. — Ты действительно хочешь знать, что случилось?! Хочешь знать, где твой любовник?! — крикнул он, с ненавистью глядя на жену, которая замерла,

едва дыша от волнения. — Ты уже не в первый раз уходишь от меня, о нет! Я знаю об этом, потому что нашел это письмо в твоей сумочке после несчастного случая.

Дженнифер взглянула на конверт и сразу же узнала до боли знакомый почерк.

— Это письмо от него, он просит, чтобы ты встретилась с ним. Хочет сбежать с тобой. Только вы вдвоем, подальше от меня, чтобы начать новую жизнь вместе. — Лицо Лоренса исказилось от гнева и горя. — Вспоминаешь, дорогая? — Он швырнул ей письмо.

Дрожащими пальцами Дженнифер достала листок из конверта и прочитала:

Моя дорогая, единственная моя!

Я говорил серьезно. Я пришел к выводу, что нам остается лишь один выход: кто-то из нас должен решиться на отчаянный шаг. Я правда так думаю...

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон...

— Ну как, Дженни, припоминаешь?

— Да, — прошептала она, пытаясь уследить за стремительно мелькающими в сознании образами.

Темные волосы... Мятый льняной пиджак... Маленький парк, где гуляет множество людей в синей форме...

Бут.

— Ты ведь знаешь его? Вспомнила?

— Да, вспомнила... — пробормотала Дженнифер, пытаясь различить черты лица темноволосого мужчины, — казалось, он так близко.

— Но видимо, ты вспомнила не все.

— Что ты хочешь этим...

— Он умер, Дженнифер. В той аварии. Ты выжила, а твой друг погиб. Смерть наступила практически мгновенно — так сказали полицейские. Так что никто тебя там не ждет. На вокзале Паддингтон никого нет. Тебе некого вспоминать, дорогуша.

Комната закружилась, пол ушел из-под ног. Она слышала голос мужа, но слова не складывались в предложения, не имели смысла.

— Не может быть, — дрожа, сказала она.

— О, боюсь, что может! Если тебе нужны доказательства, могу покопаться в старых газетах — там наверняка об этом писали. По

понятным причинам мы с твоими родителями постарались уберечь дело от огласки. Твое имя нигде не упоминается, а вот о его смерти журналисты написали.

— Нет! — закричала она, колотя кулаками в его грудь. — Нет, нет, нет! Я не хочу это слышать.

— Он умер на месте.

— Перестань! Замолчи!

Дженнифер набросилась на Лоренса с дикой, неконтролируемой яростью и закричала. Она слышала свой голос как будто издалека, лишь смутно осознавая, что пытается ударить его кулаком по лицу и в грудь, а потом, в какой-то момент, сильные руки схватили ее за запястья, лишая возможности двигаться.

Муж стоял неподвижно. То, что он сказал, тоже застыло в неподвижности.

Он умер.

Дженнифер обессиленно упала в кресло, и тогда Лоренс отпустил ее.

Ей показалось, что она тысячекратно уменьшилась в размерах, как будто комната увеличилась и поглотила ее. Моя дорогая, единственная моя! Она склонила голову, уставившись в пол, слезы капали с кончика носа на дорогой ковер.

Наконец она подняла голову и взглянула на мужа. Лоренс сидел с закрытыми глазами, не желая смотреть на это отвратительное зрелище.

— Если ты все знал, если ты видел, что я начинаю вспоминать, почему... почему не сказал мне правду?

Лоренс уже отошел, гнев уступил место ощущению полного поражения. Сидя напротив нее, он тихо произнес:

— Потому что надеялся... Когда я понял, что ты ничего не помнишь, я решил, что мы можем оставить это в прошлом. Я надеялся, что мы сможем жить дальше, как будто ничего не случилось.

Моя дорогая, единственная моя!

Мне некуда идти, подумала Дженнифер. Бут мертв. Все это время он был мертв. Она чувствовала себя глупой девчонкой, как будто она все выдумала.

— К тому же я не хотел, чтобы ты чувствовала себя виноватой в том, что он умер из-за тебя, — добавил Лоренс после долгой паузы. Она побледнела от внезапно пронзившей ее острой боли. — Что бы ты там ни думала обо мне, Дженнифер, я хотел, чтобы ты была счастлива.

Тикали часы. Впоследствии Дженнифер не могла вспомнить, сколько времени прошло. Часы? Минуты? Лоренс встал, налил себе очередной

стакан виски, выпил словно воду, даже не поморщившись, а потом аккуратно поставил бокал на серебряный поднос.

— И что же будет дальше? — безжизненным голосом спросила она.

— Я иду спать. Нет, серьезно, я ужасно устал. — Он развернулся и пошел к двери. — Предлагаю тебе сделать то же самое.

Лоренс ушел, а она еще некоторое время не вставала с кресла, прислушиваясь к его тяжелым от усталости и алкоголя шагам наверху, скрипу кровати. Он лег спать в хозяйской спальне. В ее спальне.

Дженнифер еще раз перечитала письмо. В нем говорилось о будущем, которое ей теперь не суждено прожить. О любви, без которой жизнь казалась невыносимой. Она перечитала слова мужчины, который любил ее больше жизни, а она невольно оказалась причиной его смерти. Наконец ей удалось вспомнить его лицо: оживленное, полное надежды и любви. Дженнифер Стерлинг упала на пол, свернулась клубочком, прижав письмо к груди, и тихо заплакала.

*Дорогой Д... знаю, я вела себя как полная дура, прости меня. Завтра ты приедешь домой, но меня уже не застанешь. Мы с Дэвидом собираемся пожениться в ***, и ты меня больше никогда не увидишь. В глубине души я все еще люблю тебя, но Дэвида я люблю сильнее. Прощай, Г.*

Женщина — мужчине, в письме

Он увидел их через окно, даже в этот летний вечер запотевшее от пара. Сын сидел за ближайшим к окну столиком и, болтая ногами, читал меню. Он на секунду остановился, разглядывая длинные руки и ноги мальчика и отмечая, что его фигура стала более худощавой и угловатой, ушла детская пухлость. Энтони подумал о том, каким сын станет, когда вырастет, и его сердце сжалось. Держа под мышкой подарок, он вошел в кафе.

Место встречи назначила Кларисса — большое, шумное заведение, официантки одеты в старомодную униформу и белые передники. Она называла его «кондитерской», как будто стесняясь произносить слово «кафе».

— Филлип!

— Папа!

Энтони остановился рядом со столиком, удовлетворенно подумав о том, что мальчик улыбнулся, едва завидев его.

— Кларисса, здравствуй, — спохватился он.

Она выглядела куда менее сердитой, чем обычно, сразу же заметил он. Последние несколько лет Энтони постоянно испытывал чувство вины, глядя на ее вечно напряженное лицо, а теперь она смотрела на него с любопытством: так наблюдают за незнакомцами, от которых не знаешь, чего ожидать, — пристально и с безопасного расстояния.

— Прекрасно выглядишь, — заговорил он.

— Спасибо.

— Как же ты вырос! Господи, мне кажется, ты дюйма на четыре вымахал за эти два месяца.

— За три месяца, — поправила его Кларисса. — Да, в этом возрасте дети быстро растут, — с хорошо знакомым ему легким укором в голосе

добавила она, поджав губы.

На мгновение Энтони подумал о губах Дженнифер: кажется, он никогда не видел, чтобы у нее было такое выражение лица, — возможно, она просто от природы не способна на такую гримасу.

— А ты как... нормально? — спросила она, наливая ему чай.

— Более чем, спасибо. Много работаю.

— Как всегда.

— Ну да. Как дела, Филлип? Как в школе? — спросил Энтони, но сын не мог оторваться от меню.

— Ответь отцу, — строго сказала Кларисса.

— Нормально.

— Вот и хорошо. Как оценки?

— Вот его табель, я подумала, вдруг ты захочешь посмотреть. — Она порылась в сумочке и достала тонкую папку.

Энтони с неожиданной для самого себя гордостью пролистал табель: «достойное поведение», «рвение в учебе».

— А еще он капитан футбольной команды, — с нескрываемым удовольствием сообщила Кларисса.

— Какой молодец! — потрепав сына по плечу, воскликнул Энтони.

— Он делает домашнее задание каждый вечер, я за этим строго слежу.

Филлип не поднимал глаз на отца. Неужели Эдгар уже занял его место, заполнил ту пустоту, которая существовала в жизни мальчика? Играет с ним в крикет? Читает ему вслух? Энтони помрачнел и, глотнув чая, попытался взять себя в руки.

— Самое большое блюдо пирожных, пожалуйста, — подзвав официантку, попросил он. — У него скоро день рождения.

— Аппетит перед ужином испортит, — запротестовала Кларисса.

— Ну ладно тебе, день рождения — только раз в году, — отмахнулся Энтони, и она отвернулась, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не наговорить лишнего.

Кафе постепенно заполнялось людьми, гул голосов становился все громче. Наконец принесли пирожные в серебряной менажнице. Мальчик с восторгом посмотрел на пирожные и вопросительно взглянул на отца, прежде чем взять.

— Мне предлагают новую работу, — сообщил Энтони, чтобы хоть как-то разрядить напряженную обстановку.

— В «Нэйшн»?

— Да, но в Нью-Йорке: наш корреспондент при ООН уходит на пенсию, и его место предложили мне. Контракт на год, они оплачивают

квартиру в центре города.

Когда Дон сообщил Энтони об этом предложении, сначала тот просто не поверил. Неужели они настолько верят в него, как говорит Дон? Если он их, конечно, правильно понял. Вполне возможно, что через год ему снова придется сорваться с места.

— Очень мило. — Кларисса взяла маленькое пирожное с кремом и положила его себе на тарелку.

— Немного неожиданно, но это отличный шанс.

— Ну да, конечно. Ты ведь всегда любил путешествовать.

— Дело не в путешествиях, я буду работать в городе.

Когда Дон сообщил ему об этом, Энтони испытал нечто похожее на облегчение. Предложение нешуточное — совсем другая зарплата, а значит, Дженнифер тоже сможет приехать, и они вместе начнут новую жизнь. А если она вдруг не захочет уехать с ним, то у него, по крайней мере, останется путь к отступлению, но об этом Энтони старался не думать. Каждый уголок Лондона теперь неумолимо напоминал ему о Дженнифер, со всех сторон на него глядели воспоминания о встречах с ней.

— В любом случае я собираюсь несколько раз в год приезжать в город и, несмотря на то, о чем ты просила, хотел бы иметь возможность писать Филлипу письма.

— Ну, не знаю...

— Мне бы хотелось рассказывать ему, как я живу в Америке. Возможно, он даже сможет приехать ко мне в гости, когда немного подрастет.

— Эдгар считает, что для всех нас будет лучше, если мы не будем усложнять ситуацию. Ему не нравится... беспорядок.

— Эдгар ему не отец.

— Он ему отец намного больше, чем ты.

Родители сердито уставились друг на друга. Филлип смотрел на лежащее на тарелке пирожное, но не решался притронуться к нему.

— Давай не сейчас. Вообще-то, у Филлипа завтра день рождения. Ну что, малыш, — резко сменив тон, обратился он к сыну, — полагаю, тебе охота получить свой подарок?

Мальчик молчал. Господи, подумал Энтони, что же мы с ним делаем?! Он наклонился и достал из-под стола большую красивую коробку.

— Можешь открыть в день рождения, если хочешь, но мама сказала, что вы... что вы все завтра куда-то собираетесь, поэтому я подумал, может быть, тебе захочется посмотреть сразу, — сбивчиво пробормотал он, протягивая сыну подарок.

Филлип взял коробку и осторожно взглянул на мать.

— Хорошо, можешь открыть сейчас, завтра у тебя не будет времени, — натянуто улыбаясь, разрешила она. — Прошу меня простить, мне надо отлучиться.

Кларисса пробиралась между столиков в сторону дамской комнаты, а Энтони смотрел ей вслед, гадая, сильно ли задела ее перепалка. Может, она вообще пошла к телефону-автомату, чтобы позвонить Эдгару и пожаловаться на своего безрассудного бывшего мужа?

— Ну что же ты, открывай, смелее, — подбодрил он сына.

Без постоянно контролирующего взгляда матери Филлип стал вести себя чуть поживее. Он разорвал коричневую оберточную бумагу и замер от восхищения, увидев, что оказалось в коробке.

— Это «Хорнби», ^[12] самая лучшая, какая только есть. А это «Летучий шотландец», слышал про такой?

Филлип ошарашенно кивнул.

— Там прилагаются еще запасные пути и человечки, которых можно посадить в здание вокзала, — вон в том пакете. Сможешь сам собрать?

— Попрошу Эдгара помочь, — ответил мальчик.

Энтони показалось, что его ударили ниже пояса, но он постарался взять себя в руки — ведь ребенок-то ни в чем не виноват.

— Да, — процедил он, плотно стиснув зубы, — он наверняка поможет.

Отец и сын некоторое время молчали, а потом Филлип вдруг схватил пирожное и с нескрываемым удовольствием запихнул его в рот. Потом взял еще одно, с шоколадным кремом, и быстро подмигнул отцу, прежде чем съесть и его.

— Так ты все-таки рад видеть папу?

Филлип залез к нему на колени и прижался щекой к груди. Энтони обнял его, крепко прижал к себе, вдыхая запах его волос, ощущая инстинктивное притяжение, которое так долго пытался отрицать.

— Тебе уже лучше? — с улыбкой спросил мальчик, слегка отстраняясь, и Энтони заметил, что у него выпал передний молочный зуб.

— Прости, что ты сказал?

— Мама сказала, что ты был сам не свой, поэтому и не писал, — объяснил Филлип, доставая из коробки паровозик.

— Вот как... Да, мне гораздо лучше.

— А что с тобой случилось?

— Пока я был в Африке, там происходили очень... очень неприятные вещи. Меня это сильно расстраивало. Я заболел, а потом повел себя очень глупо и много выпил.

— Да, и правда глупо.

— Да-да. Так и есть. Я так больше не буду.

К столику подошла Кларисса. Вздвогнув от неожиданности, Энтони повернулся к ней и увидел, что у нее слегка покраснели нос и глаза. Он попытался улыбнуться ей, она вымученно улыбнулась в ответ.

— Ему понравился подарок, — сказал Энтони.

— Боже мой! Ничего себе подарок! — ахнула Кларисса, глядя на то, как сын в полном восхищении разглядывает сверкающий паровозик. — Филлип, надеюсь, ты не забыл сказать спасибо?

Энтони положил Клариссе пирожное, взял одно себе, и они снова замолчали, как будто напряженно пытаясь позировать для семейного фотоальбома.

— Разреши мне писать ему, — наконец нарушил молчание Энтони.

— Энтони, я пытаюсь начать новую жизнь, — прошептала она умоляющим тоном. — Начать все сначала.

— Это всего лишь письма. Как письмо может усложнить вам жизнь?

Они посмотрели друг другу в глаза, слегка наклонившись над пластиковым столиком. Рядом их сын вертел колеса нового паровозика и что-то довольно бормотал себе под нос.

Дженнифер развернула оставленную Лоренсом на столе газету и открыла на следующем развороте. Он стоял в коридоре перед зеркалом и поправлял галстук.

— Не забудь, что мы сегодня ужинаем у Хенли. Жены тоже приглашены, так что начинай думать, что надеть. Дженнифер, ты меня слушаешь? — раздраженно повысил он голос. — Сегодня вечером. Столы поставят в шатре.

— Я думаю, целого дня вполне достаточно, чтобы выбрать платье, — отозвалась она.

— Чего это ты вдруг? — нахмурившись, спросил он, зайдя на кухню и заметив в руках у Дженнифер газету.

— Газету читаю.

— А тебе-то это зачем? Журналы вовремя не пришли?

— Просто... просто я подумала, что надо почитать новости. Узнать, что происходит в мире.

— Ничего из того, что происходит в мире, тебя, моя дорогая, не касается! — отрезал Лоренс, не обращая внимания на миссис Кордосу, которая мыла посуду и делала вид, что не слышит, о чем идет разговор.

— Сейчас я читаю о судебном процессе по поводу «Любовника леди

Чаттерлей»,^[13] — медленно, с вызовом произнесла Дженнифер, не отрываясь от газеты. — Вообще-то, очень увлекательно! — провозгласила она и тут же почувствовала, что эта тема мужу неприятна. — Понять не могу, чего все так носятся с этим процессом. Ведь речь идет всего лишь о книге. Насколько я поняла, там просто история любви мужчины и женщины, что тут такого?

— Конечно, тебе этого не понять! Это же пропаганда разврата! Монкрифф прочел книгу и сказал, что она верх неприличия.

Миссис Кордоза принялась с удвоенной силой тереть сковородку, тихонько напевая себе под нос. На улице поднялся ветер, за окном по воздуху пронеслось несколько листьев имбирного дерева.

— Мы должны иметь право делать такие выводы самостоятельно, мы же все взрослые люди. Те, кто считает эту книгу оскорбительной, могут ее просто не читать.

— Вот как. Понятно. Сделай мне одолжение, не пытайся блистать своим доморощенным интеллектом на сегодняшнем ужине, договорились? Люди не оценят, если женщина начнет разглагольствовать о том, в чем она совершенно не разбирается.

— Что ж, тогда я попрошу Фрэнсиса дать мне почитать книгу, — набравшись храбрости, ответила Дженнифер. — Чтобы разобраться в том, о чем говорю. Устроит? — с вызовом спросила она и так сильно стиснула зубы, что левая скула слегка задрожала от напряжения.

— Последнее время ты по утрам сама не своя, — пренебрежительно бросил ей Лоренс, забирая свой дипломат. — Надеюсь, вечером ты будешь более покладиста. Если на тебя так влияет чтение газет, то, похоже, придется распорядиться, чтобы их доставляли не сюда, а ко мне в офис.

Дженнифер не встала со стула, чтобы, как обычно, поцеловать его на прощание, а лишь, прикусив губу, смотрела в газету до тех пор, пока не хлопнула входная дверь, возвещающая, что муж наконец-то ушел на работу.

Последние три дня она потеряла сон и аппетит. Ей было не заснуть до самого утра, она неподвижно лежала в постели, ожидая, что небеса вдруг разверзнутся и раздастся глас Божий. Медленно, но верно внутри ее нарастала тихая ярость: внезапно она стала смотреть на Лоренса глазами Энтони и пришла к выводу, что их мнения совпадают. Затем ее охватила ненависть к Энтони — как он мог заставить ее относиться так к собственному мужу! — а потом бессильная ярость из-за того, что не может сказать ему об этом. По ночам она вспоминала руки Энтони, его губы, на рассвете представляла, как они занимаются любовью, заливаясь румянцем

смущения. Однажды, в отчаянной попытке положить конец всем этим мучениям, она повернулась к мужу, закинула свое белоснежное бедро на его тело и попробовала разбудить поцелуями. Но он с отвращением посмотрел на нее, спросил, что это взбрело ей в голову, а потом просто-напросто оттолкнул и отвернулся к стене. Она тихо плакала в подушку от унижения.

В эти бессонные часы, наполненные ядовитой смесью желания и чувства вины, Дженнифер перебирала в уме все возможные варианты: можно уйти от мужа, как-то справиться с чувством вины, пережить потерю денег и семейный позор. Можно продолжать встречаться с любовником, найти какой-то уровень, на котором они с Энтони смогут быть вместе, жить двойной жизнью, ведь леди Чаттерлей наверняка не первая и не последняя. В их кругах только и говорят о том, кто кому и с кем изменяет. Можно положить всему конец и стать примерной женой. Раз с ее браком что-то не так, значит она просто недостаточно старалась, это ее вина. Тем более с подобными проблемами вполне можно справиться, по крайней мере, так пишут в женских журналах: надо просто быть немного ласковее, больше любить его, стараться выглядеть как можно лучше. Как говорила ее мама, «от добра добра не ищут»...

Подошла очередь Дженнифер.

— Успеете отправить это письмо вечерней почтой? И еще, проверьте, пожалуйста, мой абонентский ящик: Стерлинг, номер тринадцать.

С того вечера в «Альберто» она ни разу не приходила сюда, убеждая себя, что так будет лучше. Все зашло слишком далеко, превращаясь в куда более серьезную историю, чем ей бы того хотелось. Надо немного остыть и подумать спокойно на трезвую голову. Но после утренней ссоры с мужем она не смогла устоять перед искушением и на скорую руку, закрывшись в гостиной, пока миссис Кордоза пылесосила, написала ему письмо, в котором просила понять ее. Написала, что не знает, как быть: она не хочет причинять ему боль... но жизнь без него просто невыносима.

Я замужем. Мужчине гораздо легче уйти от жены, чем женщине — от мужа. Сейчас я кажусь тебе идеальной. Ты видишь во мне лишь мои самые лучшие стороны, но я знаю, что наступит день, когда все изменится. Я не хочу, чтобы ты увидел во мне те черты, которые презираешь в других людях.

Письмо вышло сбивчивым и запутанным, в спешке она писала небрежно и неровно.

Служащая почты взяла у нее письмо, ненадолго ушла, а затем принесла ей другое.

Сердце до сих пор замирало, стоило ей увидеть его почерк, его слова, столь искусно сплетающиеся в фразы. Иногда Дженнифер повторяла их наизусть, словно стихи. Нетерпеливо вскрывая конверт прямо у стойки, она слегка подвинулась, чтобы уступить место у окошка следующему клиенту. На этот раз слова оказались не такими, как она привыкла.

Никто не заметил, что, дочитав письмо, блондинка в голубом пальто слегка побледнела и схватилась за стойку, чтобы не упасть, — люди были слишком заняты бланками и посылками. Однако с ней произошла разительная перемена.

Еще немного постояв у стойки, она дрожащей рукой засунула письмо в сумочку и нетвердой походкой медленно вышла на залитую солнцем улицу.

Остаток дня Дженнифер бродила по центру Лондона, рассеянно разглядывая витрины магазинов. Не в силах заставить себя вернуться домой, она пыталась бороться с мыслями, блуждая по переполненным прохожими улицам. Спустя несколько часов она все-таки вернулась, в холле ее встретила миссис Кордоза с двумя платьями в руках.

— Вы не сказали, что желаете надеть на сегодняшний ужин, миссис Стерлинг. Я погладила эти два. Может быть, какое-то из них подойдет?

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила Дженнифер и закрыла за собой дверь.

Персиковый солнечный свет, заливавший коридор, тут же померк, и в доме стало мрачно и серо. Она прошла мимо экономки на кухню. На часах почти пять — он, наверное, уже пакует чемоданы.

Дженнифер достала из сумочки письмо. Она перечитала его три раза, проверила дату: все сходится, сегодня вечером. Как он мог так быстро принять решение? Да как он вообще мог так поступить?! Она проклинала себя за то, что не зашла на почту раньше. Теперь она уже не может взмолиться, чтобы он передумал.

Я не такой сильный человек, как ты: когда мы с тобой познакомились, я думал, что ты хрупкое создание, которое нуждается в моей защите, а теперь я понимаю: все не так. Ты сильный человек, ты можешь продолжать жить, зная, что настоящая любовь возможна, но у нас никогда не будет на нее права.

Прошу, не осуждай меня за мою слабость. Для меня единственный способ пережить это — уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с

ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставлять меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минуту за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Сначала Дженнифер ужасно разозлилась на Энтони за то, что он поставил ей ультиматум, но ее тут же охватил жуткий страх, что он уедет. Как она сможет жить дальше, зная, что они больше никогда не увидятся? Как она сможет жить дальше, понимая, что потеряла?

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и ничто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Если ты не придешь, я пойму, что, несмотря на все наши чувства друг к другу, все-таки их недостаточно. Я ни в чем не упрекну тебя, дорогая. Знаю, последние недели были для тебя невыносимыми, и прекрасно понимаю, каково тебе. Я ненавижу себя за то, что стал причиной твоего несчастья.

Она слишком сильно открылась ему: не надо было признаваться в том, что она в замешательстве, что не спит по ночам. Если бы он не думал, что она так переживает, то не стал бы так поступать.

Помни, что мое сердце и мое будущее — в твоих руках.

Снова, снова эта поразительная нежность. Энтони не хочет видеть ее униженной, хочет защитить ее от ее же собственных чувств и поэтому предлагает ей простой выбор: уехать с ним или остаться здесь, зная, что он любит ее и ни в чем не винит. Он сделал для нее все, что мог.

Но как же можно принять судьбоносное решение за столь краткое время? Дженнифер подумала было поехать к нему домой, но вдруг его там не окажется? Потом решила пойти в редакцию, но испугалась, что ее увидит кто-нибудь из рубрики «Светская хроника», а затем напишет статейку и посмеется над ней или, чего доброго, опозорит Энтони. К тому же как уговорить его передумать? Ведь все, что он написал, — чистая правда. Другого выхода нет, он предложил ей единственно правильное решение.

— Звонил мистер Стерлинг, просил передать, что заедет за вами без пятнадцати семь. Он немного задерживается на работе, прислал водителя

за смокингом.

— Да-да, — рассеянно отозвалась она и, внезапно ощутив жар и легкое головокружение, схватилась за перила.

— Миссис Стерлинг, с вами все в порядке?

— Да-да, не беспокойтесь.

— По-моему, вам нужно немного отдохнуть, — встревоженно предложила миссис Кордоза, аккуратно раскладывая выглаженные платья на кресле и принимая у Дженнифер пальто. — Набрать вам ванну? А я пока заварю вам чай, если хотите.

— Да... Наверное, да. Вы сказали — без пятнадцати семь? — спросила Дженнифер и, не дожидаясь ответа, пошла наверх.

— Миссис Стерлинг? Так какое вы наденете платье?

— О, понятия не имею! Выберите сами.

Дженнифер лежала в горячей воде, погружившись в забытие, совершенно не понимая, что происходит. Я хорошая жена, повторяла она себе. Сегодня я пойду на прием, буду мила и обворожительна и не стану разглагольствовать о вещах, в которых ничего не понимаю.

Как там написал Энтони в одном из писем? Достойные поступки приносят удовольствие. Даже если сейчас ты этого не понимаешь.

Дженнифер вышла из ванны, расслабиться ей так и не удалось, надо срочно отвлечься. Внезапно ей захотелось просто принять снотворное и проспять следующие два часа. А еще лучше — следующие два месяца, мучительно размышляла она, снимая с крючка полотенце.

Выйдя из ванной, она увидела, что миссис Кордоза положила на кровать два платья: слева — синее платье цвета ночного неба, которое она надевала в день рождения Лоренса. Тогда они прекрасно повеселились в казино: Билл выиграл в рулетку кучу денег и угощал всех шампанским направо и налево. Она слегка перебрала, практически ничего не ела и с трудом держалась на ногах. Сейчас в тишине спальни Дженнифер вспоминала другие части вечера, о которых обычно намеренно не думала: о том, как Лоренс отругал ее за то, что она потратила слишком много денег на фишки. Она не думает, в какое неловкое положение его ставит, сердито ворчал он, пока Ивонна не подошла к нему и не заявила с очаровательной улыбкой, что нельзя быть таким скрягой. Он раздавит тебя, лишит тебя всего, что делает тебя тобой. Дженнифер вспомнила, как муж стоял в дверях кухни сегодня утром и презрительно смотрел на нее. «А тебе-то это зачем? Надеюсь, вечером ты будешь более покладиста».

Она взглянула на второе платье: бледно-золотистое кружево, воротник-

стойка, без рукавов. Это платье было на ней в тот самый вечер, когда Энтони О'Хара отказался заняться с ней любовью.

И тут ей показалось, будто с ее глаз спала тяжелая пелена: она бросила полотенце, быстро оделась и начала вываливать на кровать вещи — нижнее белье, обувь, чулки. Господи, да что же берут с собой люди, когда уезжают навсегда?!

Плохо понимая, что делает, Дженнифер дрожащими руками вытащила с верхней полки шкафа чемодан и, открыв его, побросала туда все вещи, боясь, что если хоть на секунду остановится, то ничего не получится.

— Вы куда-то собираетесь, мадам? Помочь вам со сборами? — раздался за спиной голос миссис Кордозы, которая стояла в дверях с чашкой чая в руках.

— Нет... Нет... — прикрыв от неожиданности рот рукой, прошептала Дженнифер, пытаясь заслонить лежащий на кровати чемодан. — Я просто обещала принести миссис Монкрифф кое-что из вещей... То, что я больше не буду носить. Это для ее племянницы.

— В прачечной висит несколько платьев, которые вам уже не годятся. Хотите, принесу?

— Нет, спасибо, я сама.

— А как же ваше золотистое платье? — удивилась миссис Кордоза. — Вы ведь так его любите.

— Миссис Кордоза, прошу вас... Позвольте мне самой разобрать свои вещи! — отрезала Дженнифер.

— Простите, миссис Стерлинг, — растерянно пробормотала экономка и с обиженным видом удалилась.

Дженнифер расплакалась, рыдания сотрясали ее тело, уродливо искажая лицо. Она забралась на постель, сжала голову руками и завывала — вся ее жизнь висела на волоске. У нее в ушах зазвучал голос матери, а перед глазами встало ее оскорбленное лицо, когда она узнает, что дочь навлекла позор на всю семью. Прихожане в церкви будут шептаться и с наслаждением делиться последней сплетней. А ведь Дженнифер хотела детей, она думала, что появление ребенка смягчит Лоренса, сделает его менее холодным, подарит им радость и тепло. А что ее ждет теперь? Постоянные переезды с одной съемной квартиры на другую, Энтони все время будет на работе, а она будет сидеть дома, одинокая и никому не нужная в этой чужой стране. Она уже представляла, как Энтони, устав от ее неряшливого вида, присмотрит очередную замужнюю дамочку.

Я никогда не разлюблю тебя. Я никого не любил до тебя и никого не полюблю после.

Дженнифер наконец поднялась с кровати, увидела стоящую в ногах миссис Кордозу, вытерла глаза и нос и уже приготовилась просить прощения за свою резкость, но тут заметила, что пожилая женщина кладет в чемодан какие-то вещи.

— Я положила туда ваши туфли без каблуков и коричневые слаксы — их не надо гладить.

Дженнифер посмотрела на нее, все еще всхлипывая.

— А вот белье и ночная рубашка.

— Я... я не...

Миссис Кордоза молча продолжала складывать вещи в чемодан, заворачивая их в оберточную бумагу с той же нежностью и тщательностью, с какой матери купают новорожденных. Дженнифер заворуженно следила за плавными движениями ее рук, перекладывающих вещи так, чтобы они занимали меньше места.

— Миссис Стерлинг, — не глядя на нее, заговорила миссис Кордоза, — я расскажу вам кое-что, о чем никогда не говорила. В Южной Африке, откуда я родом, есть обычай посыпать окна пеплом, когда у женщины умирает муж. Когда мой муж умер, я не стала этого делать. Более того, я отмыла окна так, что они сверкали. — Убедившись, что завлечла вниманием Дженнифер, она продолжала складывать вещи: пришла очередь туфель, подошва к подошве, в тонких тканевых сумочках, пара белых теннисок, щетка для волос. — В юности я была влюблена в своего мужа, но он не был добрым человеком. Мы повзрослели, и с каждым днем он становился все более и более безразличным ко мне. Да простит меня Господь, но когда он внезапно умер, мне показалось, что я наконец-то обрела свободу... — Она замолчала, глядя на заполненный наполовину чемодан. — Если бы много лет назад кто-нибудь предложил мне уйти от него, я бы ушла. Думаю, тогда моя жизнь сложилась бы совсем иначе. — Миссис Кордоза положила последний сверток с одеждой в чемодан, закрыла крышку, защелкнула замки с обеих сторон от ручки и добавила: — Сейчас половина седьмого. Если вы помните, мистер Стерлинг заедет за вами без пятнадцати семь, — и с этими словами выпрямилась и вышла из комнаты.

Дженнифер взглянула на часы, потом на разбросанную повсюду одежду, вскочила с кровати, надела первые попавшиеся туфли, подошла к туалетному столику, пошарила в верхнем ящике — там она хранила спрятанными в чулке немного денег на черный день, засунула банкноты в карман и взяла несколько колец и ожерелий. Потом схватила чемодан и бросилась вниз по лестнице.

Миссис Кордоза ждала ее внизу с плащом в руках.

— Такси проще всего поймать на Нью-Кэвендиш-стрит. Можно, конечно, пойти на Портленд-плейс, но, по-моему, через нее обычно едет водитель мистера Стерлинга.

— Нью-Кэвендиш-стрит...

Женщины на мгновение замерли в шоке от происходящего, от того, на что они решились. Наконец Дженнифер сделала шаг вперед и порывисто обняла миссис Кордозу:

— Спасибо! Я...

— Я сообщу мистеру Стерлингу, что, насколько мне известно, вы ушли по магазинам.

— Да-да, спасибо вам!

С улицы повеяло вечерней прохладой. Воздух был наполнен предвкушением чего-то важного. Дженнифер, внимательно глядя под ноги, спустилась по лестнице и оглядела площадь. Как назло, ни одного такси. Схватив чемодан, она побежала по темной улице.

Она ощущала поразительное облегчение: больше не нужно быть «той самой миссис Стерлинг», не нужно одеваться, вести себя и любить только так, как положено. Совершенно неизвестно, где она окажется через год и что будет делать. Подумав об этом, Дженнифер чуть не рассмеялась от радости.

На улицах было полно народу, один за другим в сгущающейся темноте зажигались уличные фонари. Дженнифер бежала, чемодан бился о колени, сердце гулко стучало в груди. Почти без пятнадцати семь. Она представила себе, как Лоренс приезжает домой и раздраженно зовет ее, миссис Кордоза повязывает на голову платок и мимоходом замечает, что мадам, должно быть, забыла о времени, гуляя по магазинам. Пройдет еще полчаса, прежде чем он по-настоящему забеспокоится, а она к этому времени уже будет на платформе.

Я иду к тебе, Энтони, молча повторяла она про себя, и ее сердце разрывалось то ли от предвкушения, то ли от страха — наверное, от всего вместе.

По платформе туда-сюда шныряли люди, закрывая обзор. Иногда кто-нибудь останавливался прямо перед ним, приветственно махая рукой своим попутчикам, и тогда Энтони на мгновение отвлекался. Рядом с литой железной скамьей стояли его чемоданы, он в тысячный раз посмотрел на часы — почти семь. Если бы она решила прийти, то наверняка уже была бы здесь.

Он бросил взгляд на табло отправлений, потом на поезд, следующий до Хитроу. Держись, парень, сказал он себе, она обязательно придет.

— Сэр, вы едете на семь пятнадцать? — раздался из-за плеча голос проводника. — Поезд вот-вот отправится, если вы хотите уехать на нем, лучше пройти в вагон.

— Я кое-кого жду, — ответил Энтони, вглядываясь в турникеты перед выходом на платформу.

Какая-то старушка рылась в сумке в поисках билета, сокрушенно качая головой. По ней было видно, что в недрах ее сумочки далеко не впервые исчезают важные документы. Рядом с ней оживленно болтали друг с другом два носильщика. Больше около турникетов никого не было.

— Поезд ждать не станет, сэр. Следующий идет в девять сорок пять, если вам это поможет.

Энтони нервно шагал взад-вперед между двумя скамейками, пытаясь не смотреть на часы. Он вспомнил выражение лица Дженнифер в ту ночь в «Альберто», когда она сказала, что любит его. В ее словах не было ни капли лицемерия, лишь полная искренность — она просто-напросто не умела врать. Он не решался даже представить себе, каково это: каждое утро просыпаться рядом с ней, с радостью понимая, что она любит тебя, и иметь право любить ее в ответ.

Да, ставки высоки, и он решился рискнуть: письмо, которое он отправил ей, ставило ее перед выбором. В ту ночь он окончательно понял, что она права — больше так продолжаться не может. Оба они испытывали друг к другу настолько сильные чувства, что рано или поздно чувства эти превратятся в яд. Они станут презирать друг друга за неспособность сделать то, чего им обоим так хочется. В худшем случае, если она не придет, уговаривал он себя, я, по крайней мере, повел себя достойно. Но ведь этого не случится, она наверняка придет. Внутренний голос подсказывал ему, что она обязательно придет.

Энтони снова взглянул на часы, нервно пригладил волосы, напряженно разглядывая пассажиров, проходящих через турникет на платформу.

— Тебе выпал прекрасный шанс какое-то время пожить спокойно, — сказал ему Дон, а Энтони почему-то показалось, что редактор втайне испытывает облегчение, отсылая его на другой конец света.

Возможно, подумал он, возможно, ты прав, и, отойдя с дороги целой толпы суетливых бизнесменов, зашел в вагон. Узнаем через пятнадцать минут, так ли это.

Просто невероятно. Как только она дошла до Нью-Кэвендиш-стрит,

небо сначала стало какого-то рыжевато-красного цвета, а потом потемнело, и начался дождь. Все такси, как назло, оказались заняты. Фары всех черных машин светили приглушенным светом, какие-то мистические пассажиры уже направлялись в свои пункты следования. В любом случае, Дженнифер встала у края тротуара и подняла руку. Ей хотелось закричать: «Разве вы не понимаете?! Это срочно! От этой поездки зависит вся моя жизнь!»

Дождь хлестал все сильнее, постепенно превращаясь в тропический ливень. Вокруг нее один за другим раскрывались зонтики, то и дело норовя уколоть ее. Дженнифер переминалась с ноги на ногу и вскоре промокла до нитки.

Минутная стрелка часов медленно подползала к семи, и радостное предвкушение превратилось в холодный комок страха: она не успеет. Лоренс в любую минуту может хватиться ее. Пешком ей тоже не добраться, даже если бросить чемодан.

Тревога накрыла ее огромной волной, мимо неслись машины, беззаботно обрызгивая грязью ее чулки.

Она посмотрела на какого-то прохожего в красной рубашке, и тут ее осенило. Дженнифер бросилась бежать, расталкивая людей на своем пути, впервые в жизни не думая о том, как выглядит со стороны. Миновав несколько знакомых улиц, она наконец-то добралась до клуба, оставила чемодан у лестницы и с развевающимися волосами сбежала вниз.

Фелипе стоял за барной стойкой и протирал стаканы. Кроме него и гардеробщицы Шерри, в клубе еще никого не было. Несмотря на тихо играющую фоновую музыку, в баре стояла мертвая тишина.

— Его здесь нет, леди, — произнес Фелипе, даже не взглянув на нее.

— Я знаю, — задыхаясь, с трудом вымолвила она. — Это очень важно. У вас есть машина?

— Возможно, а что? — не очень-то дружелюбно взглянул на нее бармен.

— Вы не могли бы отвезти меня на вокзал? На вокзал Паддингтон?

— Вы просите меня подвезти вас? — Он с удивлением посмотрел на ее промокшую одежду и волосы, с которых ручьями текла вода.

— Да-да! У меня всего пятнадцать минут. Прошу вас!

Фелипе пристально разглядывал ее. Дженнифер заметила, что перед ним стоит большой, наполовину пустой стакан скотча.

— Пожалуйста! Я не стала бы вас просить, но это очень важно. Я должна там встретиться с Тони. Послушайте, я вам заплачу! — взмолилась она, доставая из сумочки слипшиеся, мокрые купюры.

— Не нужны мне ваши деньги, — процедил сквозь зубы бармен,

снимая с крючка за дверью ключи.

— Благодарю, благодарю вас... — прошептала она. — Скорее, у нас остается меньше пятнадцати минут.

Машина Фелипе стояла недалеко от бара, но пока они добрались до нее, он тоже успел изрядно промокнуть. Он не открыл ей дверь, поэтому она сделала это сама, с трудом закинув мокрый чемодан на заднее сиденье.

— Пожалуйста, поехали! — воскликнула она, убирая мокрые пряди с лица, но бармен сидел за рулем в задумчивости.

О боже, хоть бы он не успел выпить лишнего, взмолилась про себя Дженнифер. Пожалуйста, только не говори мне, что ты не в состоянии вести машину, что кончился бензин, что ты передумал.

— Пожалуйста, у нас мало времени! — изо всех сил сдерживаясь, попросила она еще раз.

— Миссис Стерлинг, я отвезу вас, но позвольте сначала задать вам один вопрос.

— Да?

— Мне надо знать... Тони — хороший человек, но...

— Я знаю, что он был женат. Я знаю про его сына. Я все знаю! — нетерпеливо перебила она его.

— Он куда более раним, чем вам кажется.

— Что?

— Не разбивайте ему сердце. Я никогда не видел, чтобы он так вел себя с женщиной. Если вы не уверены, если вам кажется, что вы можете передумать и вернуться к мужу, пожалуйста, не делайте этого.

Крупные капли дождя гулко стучали по крыше крохотной машины. Дженнифер положила руку Фелипе на плечо и уверенно сказала:

— Я... Я не такая, как вы думаете. Правда. Я просто хочу быть с ним. Я бросила все ради него. Кроме Энтони, мне никто не нужен, никто! — с жаром повторила она и чуть было не рассмеялась от страха и тревоги. — А теперь поехали, пожалуйста.

— Ладно, — согласился он, вдавливая педаль газа в пол так, что двигатель бешено взревел. — Куда едем? — спросил он, выезжая на Юстон-роуд и раздраженно барабанил по выключателю, — дворники почему-то отказали.

Дженнифер вдруг вспомнила о миссис Кордозе, которая до блеска надраила окна после смерти мужа, а потом вытащила из конверта письмо.

Моя дорогая, единственная моя!

Я говорил серьезно. Я пришел к выводу, что есть лишь один выход:

кто-то из нас должен решиться на отчаянный шаг. Я правда так думаю...

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон...

— Платформа номер четыре, — крикнула она. — У нас одиннадцать минут. Как вы думаете, мы...

Часть 2

НЕ ЖДУ, НЕ ПРИЕЗЖАЙ

*Мужчина — женщине, которая ждала его из
армии, в телеграмме*

Лето 1964 года

Медсестра медленно шла по отделению, толкая перед собой тележку, уставленную аккуратными рядами бумажных стаканчиков с разноцветными таблетками.

— Господи, снова? — прошептала больная, лежавшая на койке 16-с.

— Ну-ну, мы ведь не будем капризничать, правда? — отозвалась медсестра, ставя стакан с водой на тумбочку рядом с койкой.

— Меня уже трясет от этих таблеток.

— Понимаю, но нам ведь надо как-то снизить давление, да, дорогая?

— Правда надо? А я не думала, что это так важно...

Сидевшая на стуле рядом с кроватью Дженнифер подала Ивонне Монкрифф стакан. Огромный живот подруги возвышался под одеялом, смотрясь нелепо на фоне ее в остальном стройной фигуры.

Вздохнув, Ивонна положила таблетки в рот, послушно проглотила их и насмешливо улыбнулась молоденькой медсестре, которая с довольным видом двинулась к следующей пациентке родового отделения.

— Дженни, дорогая, сделай что-нибудь. Разработай план побега. Я не выдержу здесь еще одну ночь. Все эти стоны и крики, ты себе не представляешь, что тут творится.

— Я думала, Фрэнсис хотел положить тебя в частную клинику.

— Да, но это было до того, как они сообщили, что мне придется провести здесь несколько недель. Ты же знаешь, как он относится к деньгам. «Дорогая, ну зачем нам частная клиника, если здесь тебе совершенно бесплатно предоставят прекрасный уход? К тому же тебе будет с кем поболтать», — передразнила мужа Ивонна и, фыркнув, слегка кивнула на крупную веснушчатую женщину на соседней койке. — О да, конечно! У меня так много общего с Лило Лил. Тринадцать детей, тринадцать! Я-то думала, что трое детей за четыре года — это чересчур, но

не тут-то было. По сравнению с ней я жалкая любительница.

— Я тебе кое-что принесла, — перебила ее Дженнифер, доставая из сумки журналы.

— О, «Вог»! Спасибо, милая, но его лучше забери обратно. Пройдет не один месяц, прежде чем я смогу влезть хотя бы в одно из этих платьев, так что лучше забери, а то буду тут обливаться горячими слезами. Закажу новый корсет, как только этот малыш уже наконец родится... Расскажи мне что-нибудь интересное.

— Интересное?

— Что будешь делать на этой неделе? Ты не представляешь себе, что значит оказаться запертой на неопределенный срок в четырех стенах, когда ты размером с кита, тебя заставляют есть молочный пудинг, а ты даже понятия не имеешь, что творится в мире.

— Да так... Ничего особенного, скукота... Вечером идем в посольство на коктейль. Я бы осталась дома, но Ларри настоял, чтобы я пошла с ним. В Нью-Йорке провели какую-то конференцию, говорят, асбест вреден для здоровья, поэтому Ларри хочет пойти и объяснить им, что он думает об этом господине Селикове, от него одни неприятности.

— А как же коктейли, наряды?

— Если честно, я бы лучше свернулась клубочком на диване в обнимку с «Мстителем». Сейчас слишком жарко, чтобы наряжаться.

— Ой, да не говори! Мне кажется, будто меня положили в маленькую духовку и закрыли крышку, — погладив себя по животу, поддержала ее Ивонна. — Кстати, слышала новость? Ко мне вчера Мэри Один заходила и рассказала, что Кэтрин и Томми Хаутон разводятся. Ни за что не угадаешь, как они представят дело в суде. «Отельный развод». То есть если он признает, что его застали в отеле с другой женщиной, тогда весь процесс пройдет куда быстрее, но это еще не все.

— Да ты что?! Рассказывай.

— Мэри говорит, что женщина, которая согласилась позировать для фотографий, и правда его любовница. Та самая, которая ему письма писала. Бедняжка Кэтрин думает, что он кому-то заплатил за эти письма. Она использует одно из тех писем как улику в суде, а он сказал ей, что письмо написал по его просьбе какой-то друг. Нет, ну ты слышала когда-нибудь о таких ужасах?!

— Кошмар...

— Остается молиться, что Кэтрин не придет в голову навестить меня. Я просто не выдержу и все ей расскажу. Бедная женщина, ведь все знают, кроме нее.

Дженнифер рассеянно листала журнал, мимоходом разглядывая рецепты и новые выкройки платьев. В какой-то момент подруга замолчала, и Дженнифер встревоженно посмотрела на нее и, положив руку на покрывало, спросила:

— Ты в порядке? Принести тебе что-нибудь?

— Приглядывай за ним, ладно? — спокойным голосом произнесла Ивонна, комкая опухшими пальцами край простыни.

— За кем?

— За Фрэнсисом. Любые неожиданные гости, женского пола разумеется, — объяснила она, отвернувшись к окну и не глядя на подругу.

— О, я уверена, что Фрэнсис...

— Дженни, просто сделай, как я прошу, хорошо?

— Конечно, — немного помолчав, ответила Дженнифер, разглядывая приставшую к юбке нитку.

— Ну ладно, а теперь расскажи, что ты сегодня наденешь, — сменила тему Ивонна. — Ох, жду не дождусь, когда снова смогу ходить в приличной одежде. Я тебе говорила, что у меня ноги так опухли, что стали на два размера больше? Еще немного, и придется выходить отсюда в резиновых сапогах.

— Чуть не забыла, — вставая, добавила Дженнифер и взяла в руки висевшую на спинке стула сумочку. — Вайолет обещала зайти к тебе вечером.

— О боже мой! Она же мне расскажет во всех подробностях о том, как у маленького Фредрика болит животик.

— Зайду завтра, если получится.

— Веселись, дорогая. Я бы все отдала за то, чтобы оказаться на коктейльной вечеринке, а не лежать тут, слушая нудные рассказы Вайолет, — вздохнула Ивонна. — Будь добра, передай мне вон тот номер «Куин», пока не ушла. Что ты думаешь о прическе Джин Шримптон? У тебя была похожая на том жутком ужине у Мейси Бартон-Хюльме.

Дженнифер зашла в ванную, заперла за собой дверь и скинула на пол халат. Она уже решила, что наденет вечером: платье-рубашку с воротничком-стойкой, из натурального шелка цвета хорошего кларета и шелковый палантин. Волосы уберет наверх и наденет рубиновые сережки, которые Лоренс подарил ей на тридцатилетие, а то он жаловался, что она слишком редко надевает их. По его мнению, раз он тратит на нее деньги, она должна хотя бы демонстрировать это окружающим.

Приготовив платье, Дженнифер решила сначала полежать в ванне, а

потом нарисовать ногти. Затем надо одеться, и к приходу Лоренса она уже почти закончит наносить макияж. Она открыла кран и посмотрела на свое отражение в зеркальном шкафчике с лекарствами, протерев запотевшее стекло. Вскоре оно снова запотело, но Дженнифер опять протерла его, продолжая разглядывать свое лицо. Потом открыла шкафчик и нашла то, что ей было нужно, среди множества коричневых бутылочек на верхней полке. Два валиума — и запить водой из стаканчика для зубных щеток. Она неуверенно взглянула на бутылочку с пентобарбиталом, но решила, что это чересчур — плохо сочетается с алкоголем, а Дженнифер определенно намеревалась выпить.

Она залезла в ванну, услышала, как внизу хлопнула дверь — миссис Кордоза вернулась из парка, — и погрузилась в убаюкивающую теплую воду.

Лоренс позвонил ей и сообщил, что задерживается. Дженнифер сидела на заднем сиденье. Эрик, его водитель, уверенно вел машину по раскаленным, пересошим от жары улицам, пока они наконец не добрались до парковки перед офисом ее мужа.

— Желаете подождать в машине, миссис Стерлинг?

— Да, благодарю вас.

Молодой человек быстро взбежал по лестнице и исчез в вестибюле. Сама Дженнифер больше не появлялась у мужа на работе. В этой обстановке она смотрелась довольно странно: она, конечно, согласилась зайти поздравить персонал с Рождеством, но ей было неприятно находиться здесь. Его секретарша смотрела на нее с любопытством и осуждением, как будто Дженнифер что-то ей сделала. А может, так и есть? Последнее время она вообще плохо понимала, что делает.

Лоренс, в своем темно-сером твидовом костюме, вышел из офиса в сопровождении шофера. Даже в тридцатиградусную жару Лоренс Стерлинг одевался подобающе, считая новые веяния мужской моды совершенно недопустимыми.

— А, ты здесь, — равнодушно сказал он, открыв дверь и впуская в машину волну душливого зноя, сел на заднее сиденье рядом с ней.

— Да.

— Дома все в порядке?

— В порядке.

— Приходили мыть лестницу?

— Да, сразу после твоего ухода.

— Хотел закончить к шести, но эти чертовы международные звонки...

Вечно они звонят позже, чем обещают.

Дженнифер молча кивнула, понимая, что ответа от нее не требуется.

Машина медленно ползла по оживленной вечерней Мэрилебон-роуд, вдали, словно зеленый мираж, маячил Риджентс-парк. По сверкающим тротуарам туда лениво стекались стайки смеющихся и радостно болтающих девушек. С недавних пор Дженнифер начала ощущать себя старой матроной по сравнению с этими куколками, которые не носят корсетов, ходят в коротких, вызывающих юбках и ярко красятся. Казалось, им совершенно все равно, что подумают о них люди. Они всего на десять лет младше меня, размышляла Дженнифер, а такое впечатление, что я им в матери гожусь.

— Чего ты вдруг надела это платье? — неодобрительно спросил он.

— Я не знала, что оно тебе не нравится.

— Мне все равно. Просто я считаю, тебе лучше носить платья, в которых ты не выглядишь как... как скелет.

Опять он за свое... Ей казалось, что ее сердце защищено прочной фарфоровой скорлупой, но ему всегда удастся найти способ задеть ее.

— Скелет? Спасибо. Боюсь, с этим я ничего поделать не могу.

— Не надо, Дженнифер. Вообще-то, ты могла бы побольше думать о том, как ты выглядишь. Намазала бы этого... ну как это у вас там называется, вот сюда. — Он показал на ее круги под глазами. — Ты выглядишь усталой. Давай, Эрик, — крикнул он шоферу, зажигая сигару, — поехали. Хочу быть там к семи.

Машина послушно рванулась вперед. Дженнифер смотрела в окно и молчала.

Изящная, сдержанная, спокойная — так о ней отзывались друзья и коллеги Лоренса. Миссис Стерлинг — образец женской добродетели, всегда держит себя в руках, никогда не опускается до возбуждения или истерики, как большинство жен людей попроще. Если кто-то говорил об этом в присутствии Лоренса, он обычно с усмешкой отвечал:

— Идеальная жена? Ах, если бы вы только знали! Правда, дорогая?

Мужчины смеялись над удачной шуткой, Дженнифер послушно улыбалась. Обычно именно такие вечера заканчивались плохо. Иногда Лоренс что-то резко отвечал ей, и Дженнифер видела, как переглядываются Ивонна с Фрэнсисом, как краснеет от возмущения Билл, — судя по всему, их отношения часто обсуждали у нее за спиной.

Но напрямую никто вопросов не задавал: в конце концов, это дела семейные. Они добрые друзья и, конечно же, не станут лезть, куда их не

просят.

— А вот и наша красавица миссис Стерлинг. Как всегда, неотразима! — воскликнул посол ЮАР, беря Дженнифер за руки и целуя в щеку.

— Не похожа на скелет? — невинно спросила она.

— Что?

— Ничего-ничего, — улыбнулась Дженнифер. — Вы прекрасно выглядите, Себастьян. Женитьба пошла вам на пользу.

— Смотри, я тебя предупреждал! — Лоренс похлопал молодого человека по плечу.

Мужчины рассмеялись, и Себастьян Торн, все еще искренне сияющий от радости, как и подобает молодоженам, гордо сообщил:

— Дженнифер, вон Полин. Хотите, я вас представлю? Ей ужасно не терпится с вами познакомиться.

— Конечно, — с готовностью согласилась она, радуясь возможности побыстрее избавиться от компании Лоренса, — прошу меня простить.

С той аварии прошло четыре года. Четыре года, на протяжении которых Дженнифер боролась с горем, чувством вины, потерей любимого человека, которого она помнила лишь смутно, и пыталась спасти свой брак.

Иногда она все же вспоминала о произошедшем и уговаривала себя, что от этих любовных писем у нее просто случилось временное помутнение рассудка. Вспоминала о своем маниакальном желании узнать, кто же такой Бут, о том, как подумала на Реджи и чуть было не влипла в историю с ним. Сейчас ей казалось, как будто все это происходило не с ней. Сейчас она даже представить не могла такую глубокую страсть, такое сильное желание. Она искренне раскаивалась в том, что предала Лоренса, и всеми силами старалась быть ему хорошей женой — меньшего он не заслуживал. Она посвятила себя этой задаче и выкинула из головы посторонние мысли. Оставшиеся письма она давно убрала в обувную коробку и спрятала в дальнем углу шкафа.

Однако Дженнифер даже не подозревала, что гнев Лоренса продлится так долго и отравит жизнь им обоим. Она умоляла его понять ее, дать ей второй шанс, а он с извращенным удовольствием постоянно напоминал ей о нанесенном оскорблении. Мужу не нравилось говорить о ее измене напрямую — ведь это в каком-то смысле означало бы, что он признает свое поражение, — а Лоренс, как она теперь понимала, всегда стремился контролировать свою жизнь целиком. Зато он не упускал случая ежедневно напоминать ей обо всех ее недостатках. Ему не нравилось, как она одевается. Не нравилось, как она ведет хозяйство. Не нравилось то, что она

неспособна сделать его счастливым. Иногда Дженнифер казалось, что она обречена до конца дней своих расплачиваться за ошибку.

В этом году он немного успокоился, Дженнифер подозревала, что муж завел любовницу. Ее это совершенно не волновало. Скорее, она испытывала облегчение. Он стал меньше требовать от нее, реже наказывать. Что же до колких замечаний, они просто вошли в привычку, от которой Лоренс не собирался избавляться.

Как и обещал мистер Харгривз, таблетки ей помогали. Правда, от них она становилась какой-то вялой и пассивной, но что поделать, все имеет свою цену. Да, она может быть ужасно скучной, как частенько говорил Лоренс. Да, она больше не блистает на светских вечеринках, но зато благодаря таблеткам не рыдает в неподходящий момент и по утрам не испытывает затруднений, чтобы просто встать с кровати. Дженнифер уже не боялась плохого настроения мужа и не обращала внимания, когда по ночам он проявлял к ней интерес. А главное — перестала испытывать острую, пронизывающую все тело боль от потери, от собственной ответственности за гибель Энтони.

О нет, Дженнифер Стерлинг с достоинством проживала свою жизнь, с идеальной прической и макияжем, а также играющей на губах очаровательной улыбкой. Элегантная, уравновешенная миссис Стерлинг устраивала изысканные званые ужины, содержала в порядке их чудесный дом и знала лучших людей Лондона — идеальная жена для человека его положения.

Ну и конечно же, ее усилия вознаграждались.

— Я так рада, что у нас теперь есть свой дом. А вы тоже радовались, когда вышли за мистера Стерлинга?

— Не помню... Это было так давно, — ответила Дженнифер, взглянув на Лоренса, который беседовал с Себастьяном, не выпуская изо рта свою вечную сигару.

Под потолком лениво гудели вентиляторы, женщины сбивались под ними в сверкающие бриллиантами группки и время от времени вытирали шею тонкими батистовыми платочками.

— Мы остановились на современной мебели, — зашебетала Полин Торн, доставая небольшой альбом с фотографиями нового дома. — Себастьян сказал, что все будет так, как я захочу.

Дженнифер вспомнила, как выглядит ее собственный дом — тяжелая мебель из красного дерева, мрачные интерьеры. Фотографии Полин восхитили ее: простые белые стулья округлой формы, напоминающие яичную скорлупу, яркие разноцветные коврики, картины современных

художников на стенах. Лоренс считал, что дом должен отражать его личность — нечто великое, преданное традициям и верное корням, но когда Дженнифер смотрела на эти фотографии, их собственный дом казался ей помпезным и застывшим. Мертвым. Нехорошо так думать, мысленно отругала себя она, многие люди мечтали бы жить в таком доме.

— Эти снимки появятся в журнале «Ваш дом» в следующем месяце. Мама Себа наш дом терпеть не может. Говорит, что каждый раз, заходя в гостиную, боится, что ее похитят инопланетяне! — рассмеялась девушка, и Дженнифер не смогла сдержать улыбку. — Я сказала, что, возможно, из одной спальни мы когда-нибудь сделаем детскую, а она ответила, что, судя по нашим интерьерам, ребенок, видимо, появится на свет из пластмассового яйца.

— Планируете детей?

— Пока нет, еще слишком рано... Надеюсь, вы не осудите меня, если я кое-что расскажу вам... — смущенно произнесла Полин, дотрагиваясь до руки Дженнифер. — Мы только-только вернулись из свадебного путешествия. Перед отъездом мать со мной «серьезно поговорила»... Ну, вы понимаете, про то, как я должна делать то, что хочет Себ, что это может быть немного неприятно... Она действительно думала, будто это больно и неприятно, представляете? Ой, я, наверное, не должна вам такое рассказывать, простите...

— Ну что вы, — вежливо ответила Дженнифер, потягивая коктейль и чувствуя, что на ее лице застыло ужасающе равнодушное выражение. — Не желаете еще коктейль, Полин? — спросила она, когда к ней вернулся дар речи. — Мой бокал, похоже, уже пуст.

Дженнифер зашла в дамскую комнату, открыла сумочку и достала коричневый пузырек. Всего одна таблетка валиума, и все. Ну, может быть, еще один коктейль. С бешено колотящимся сердцем Дженнифер присела на крышку унитаза, пытаясь успокоиться, и достала пудреницу, хотя поправлять макияж не было никакой надобности.

Полин, кажется, обиделась, когда она оставила ее одну после всех ее признаний. Совсем юное, жизнерадостное создание в восторге оттого, что наконец-то оказалась в этом неизвестном мире взрослых людей...

Чувствовала ли я когда-нибудь что-то подобное к Лоренсу, мимоходом спросила себя Дженнифер. Иногда она бросала взгляд на свадебную фотографию в коридоре и с трудом узнавала запечатленных на ней людей. Чаще всего она старалась просто не обращать на нее внимания. Если бы она снова, по выражению Лоренса, «была не в себе», то крикнула бы этой

доверчивой девочке с большими глазами, чтобы она вообще никогда не выходила замуж. Ведь сейчас многие так поступают — у женщин есть работа и деньги, они не обязаны следить за всем, что говорят и делают, чтобы, не дай бог, не оскорбить того единственного мужчину, который решает, что плохо, а что хорошо.

Дженнифер старалась не думать о том, что будет с Полин Торн через десять лет, когда Себастьян перестанет петь ей любовные серенады, когда работа, дети, финансовые затруднения или же просто монотонные серые будни заставят ее яркое сияние померкнуть. Нельзя быть такой циничной, пусть девочка радуется, пока у нее есть такая возможность. Вдруг у нее все сложится иначе?

Дженнифер тяжело вздохнула и подкрасила губы.

Вернувшись на вечеринку, она обнаружила, что Лоренс разговаривает с другой компанией. Она стояла в дверях и смотрела, как он здоровается с незнакомой ей молодой женщиной. Та что-то говорила ему, он внимательно слушал и кивал. После очередной ее фразы все мужчины рассмеялись. Лоренс что-то шепнул ей на ухо, и женщина с улыбкой кивнула. Похоже, она считает его обаятельным, подумала Дженнифер.

Времени было уже без пятнадцати десять, она с радостью ушла бы домой, но знала, что Лоренса лучше не дергать. Он сам решит, когда им собираться.

К ней подошел официант с серебряным подносом, уставленным бокалами с шампанским:

— Мадам?

— Спасибо, — поблагодарила она, взяла бокал, и дом вдруг показался ей чем-то очень-очень далеким.

И тут она увидела его. Он стоял за декоративными пальмами. Сначала она посмотрела на него отсутствующим взглядом, и у нее мелькнула мысль: он похож на кого-то из моих знакомых, те же длинные волосы... Какое-то время — возможно, год или больше — он мерещился ей повсюду: его фигура, его волосы, его смех.

Его собеседник расхохотался, мотая головой, словно умоляя его не продолжать, они чокнулись, а потом он обернулся.

Сердце Дженнифер остановилось. Комната замерла у нее перед глазами, а потом покачнулась. Она даже не почувствовала, что бокал выскользнул у нее из рук, лишь смутно расслышала в гулком атриуме звон бьющегося стекла, короткий момент молчания, а затем быстрые шаги официанта, который поспешил к ней, чтобы прибрать. Стоящий неподалеку Лоренс отпустил какое-то язвительное замечание. Замерев, Дженнифер

стояла на месте, словно громом пораженная, пока официант не взял ее под локоть, повторяя: «Мадам, прошу вас, отойдите, пожалуйста, мадам».

В зале снова стало шумно, гости возобновили прерванную беседу, заиграла музыка, и в этот момент темноволосый мужчина, от которого она глаз не могла отвести, наконец посмотрел на нее.

Дам тебе один совет: когда найдешь себе очередную мать-одиночку, не надо сразу знакомиться с ее ребенком.

*Не надо водить вышеупомянутого ребенка на футбол. Не надо изображать счастливое семейство в пиццерии. Не надо говорить, как тебе нравится проводить время вместе, а потом сваливать, потому что, как ты сказал ***, **ВООБЩЕ-ТО, ТЫ С САМОГО НАЧАЛА СОМНЕВАЛСЯ, ЧТО ОНА ТЕБЕ НРАВИТСЯ.***

Женщина — мужчине, в открытке

— Ну, не знаю... Мне казалось, ты поставил крест на этой части света. С какой радости тебя опять туда понесло?

— Это сенсация, а я самый подходящий человек для этой работы.

— Ты прекрасно справляешься со своими обязанностями при ООН, наверху тобой довольны.

— Но настоящая сенсация — в Конго, Дон, и ты это знаешь.

Несмотря на катаклизмы в редакции, несмотря на то что Дон Франклин перестал быть главой новостного отдела и занял пост ответственного редактора, и его кабинет, и он сам мало изменились с тех пор, как Энтони О'Хара покинул Англию. Раз в год Энтони приезжал повидаться с сыном и заглянуть в редакцию, и с каждым годом слой никотина на стеклянных перегородках становился все толще, а на столе возвышалось все больше и больше штабелей газетных вырезок. Когда у Дона спрашивали, почему он не велит уборщице помыть окна, редактор обычно отвечал: «А мне и так неплохо. На что там смотреть? На это жалкое зрелище?!»

Донельзя запущенный и заваленный бумагами кабинет Дона теперь стал исключением из правил. «Нэйшн» менялась: страницы становились более яркими и смелыми, предназначенными для молодежной аудитории. Появились разделы, посвященные советам по макияжу и обсуждению последних музыкальных течений, письма читателей о способах предохранения и хроника светской жизни, в которой обсуждались внебрачные связи знаменитостей.

По офисным помещениям теперь расхаживали не только мужчины в рубашках с закатанными рукавами, но и девушки в коротких юбках, постоянно занимающие копировальный аппарат и о чем-то болтающие с подругами в коридоре. Когда он проходил мимо, они резко замолкали и пристально смотрели на него. Лондонские девушки стали куда более смелыми. Приезжая домой, Энтони редко оставался один.

— Тебе прекрасно известно, что только у меня есть необходимый опыт и знания по Африке. И дело не в том, что в заложники взяли сотрудников американского консульства, — белые по всей стране в опасности. Доходят жуткие слухи о том, что лидерам симбы вообще наплевать, что творят повстанцы. Да ладно тебе, Дон, ты же не думаешь, что Фиппс или Макдональд сделают эту работу лучше, чем я?

— Я не знаю, Тони...

— Поверь мне, американцам не нравится, что миссионера Карлсона^[14] используют как козырную карту при переговорах. Говорят, они планируют спасательную операцию, — наклонившись вперед, тихо произнес Энтони, — говорят о некоем агенте по имени Красный Дракон.

— Тони, я не думаю, что редакция хочет кого-то посылать туда. Эти повстанцы совсем сбрендили.

— У кого есть столько связей, как у меня? Кто знает больше о Конго и ООН? Я провел в этом гадюшнике четыре года, Дон. Четыре года, твою мать! Я нужен вам там. Я должен быть там!

Непоколебимость Дона пошатнулась. Годы, проведенные Энтони за пределами редакции, придали ему лоска, добавили веса его заявлениям. На протяжении четырех лет он добросовестно писал о политических интригах и закулисном лабиринте ООН.

В течение первого года он мало о чем задумывался. Главное — встать с утра и сделать свою работу. Но вскоре в нем созрела убежденность в том, что настоящая игра происходит в другом месте, что его собственная жизнь — где-то далеко отсюда. Сейчас, после убийства Лумумбы, судьба Конго повисла на волоске, ситуация стала взрывоопасной, и легкий гул недовольства постепенно превратился в отчаянный вой сирен.

— Там сейчас все изменилось — другие игры, и мне это не нравится. Я не уверен, что нам стоит посылать кого-то в Конго, пока там все немного не успокоится, — увещевал его Дон, прекрасно понимая, что Энтони прав: освещение ситуаций в конфликтных точках всегда было непростой задачей.

Оказываясь в гуще событий, журналист сразу понимает, кто прав, кто виноват, уровень адреналина зашкаливает, вас переполняет юмор, безрассудство и братство. Этот огонь может спалить тебя дотла, но любой,

кто побывал в такой ситуации, впоследствии с трудом возвращается к рутине повседневной жизни.

Каждое утро Энтони звонил знакомым, выискивал в газетах скупые заметки касательно Конго, пытаясь понять, что же там происходит на самом деле. Это будет настоящая сенсация, в этом у него не было никаких сомнений, и он должен поехать туда, ощутить вкус жизни, передать его в словах.

Четыре года он чувствовал себя полумертвым, эта поездка — единственное, что может снова дать ему ощущение жизни.

— Послушай, — наклонившись к Дону, заговорил Энтони, — Филмор сказал, что редактору нужен именно я. Ты ведь не хочешь разочаровать его?

— Конечно нет, — прикурив, ответил Дон, — но он у нас еще не работал, когда ты... — Он постучал сигаретой о край переполненной окурками пепельницы.

— Ну-ка, ну-ка! Значит, ты просто боишься, что я снова психану? — Он взглянул на Дона, тот смущенно закашлялся, и Энтони понял, что не ошибся. — Я уже несколько лет не пью. Веду себя безупречно. Сделал прививку от желтой лихорадки, если тебе интересно.

— Я просто беспокоюсь за тебя, Тони. Это дело рискованное. А как же твой сын?

Энтони получал от сына в лучшем случае пару писем в год. Кларисса, конечно, думает лишь о благе Филлипа: для него лучше не общаться с отцом лично, чтобы лишний раз не переживать, поэтому он сдержанно ответил:

— Мой сын тут ни при чем. Отпусти меня на три месяца, все говорят, что к концу года эта история закончится...

— Не знаю...

— Я хоть раз сдал статью не вовремя? Я же хорошо пишу, и ты это знаешь. Ради бога, Дон, я нужен тебе там! Я нужен газете! Нужен человек, который знает местные нравы, имеет связи. Ты только представь себе, — театрально взмахнув рукой, словно подчеркивая воображаемый заголовок, воскликнул Энтони, — «Наш корреспондент в Конго рассказывает о спасении белых заложников»! Дон, сделай это для меня, а потом поговорим.

— Все тебе не сидится на одном месте...

— Я знаю, где мое место.

— Ладно, я поговорю с главным. — Дон надул щеки, словно хомяк, и шумно выдохнул. — Ничего не могу тебе обещать, но я поговорю с ним.

— Спасибо, — вставая, поблагодарил Энтони.

— Тони, подожди.

— Что?

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

— Я серьезно. Не хочешь сегодня сходить в бар? Ты, я и еще кое-кто из старой компании? Бар «Миллер». Возьмем по пиву, ну или там содовой, кока-колы, какая, к черту, разница.

— Я обещал появиться на каком-то рауте с Дугласом Гардинером.

— Вот как?

— Какой-то прием в посольстве ЮАР, надо поддерживать связи.

— Гардинер, значит? — покачал головой Дон. — Передай ему, что для его писанины даже оберточной бумаги жалко.

Около шкафа с папками стояла новая секретарша новостного отдела Шерил. Когда Энтони шел на выход, она подмигнула ему. Не он ей, а она — ему. О'Хара с удивлением подумал, что за время его отсутствия и правда многое изменилось...

— Она тебе подмигнула? Тони, сукин ты сын, вот везунчик! Скажи спасибо, что она тебя за шкафом не прижала.

— Меня не было всего несколько лет, Дагги, страна не так уж изменилась.

— Ошибаешься, дружок, — заверил его Дуглас, обводя зал взглядом. — Лондон теперь центр Вселенной. Все вертится вокруг него. И равноправие между мужчинами и женщинами — это еще цветочки.

В словах Дугласа была доля истины, нехотя признал Энтони.

Город даже выглядел по-другому: строгие улицы, элегантные фасады домов, отголоски послевоенной нищеты — все это уступило место неоновым вывескам, женским магазинам с названиями вроде «Пати гёрл» или «Джет Сет», экзотическим ресторанам и небоскребам. Каждый год, приезжая в Лондон, он все сильнее чувствовал себя чужим: знакомые ориентиры исчезали, а те, что оставались, были едва заметными на фоне Почтовой башни и других образчиков футуристической архитектуры. Здание, где он снимал квартиру, снесли и на его месте построили нечто дикое в модернистском стиле. Бар «Альберто» превратился в рок-н-рольный клуб. Люди стали ярче одеваться. Старое поколение, одетое в коричневый и темно-синий, казалось вышедшим в тираж и куда более древним, чем на самом деле.

— Скучаешь по экстремальным условиям?

— Да нет... Рано или поздно нам всем придется снять жестяные каски, так ведь? В нашей профессии стало больше симпатичных женщин — это

точно. А как Нью-Йорк? Что думаешь о Джонсоне?

— Ну он, конечно, не Кеннеди... И чем ты теперь занимаешься? Пытаешься проникнуть в высший свет?

— Тони, с тех пор как ты уехал, все изменилось. Жены послов и все эти военные тайны никого больше не интересуют, всем нужны поп-звезды — «Битлз» и Силла Блэк. Аристократическое происхождение никого не волнует.

Раздался звук бьющегося стекла, гулко прозвучавший в просторном зале. Мужчины замолчали.

— Похоже, кто-то перебрал, — заметил Дуглас. — Вот видишь, некоторые вещи не меняются: дамы так и не научились пить.

— Ну, не знаю, по-моему, некоторые барышни из редакции легко меня перепили бы, — поежился Энтони.

— Ты совсем завязал?

— Больше трех лет назад.

— Ну, иначе ты бы долго не протянул, с нашей-то работой. Выпить-то желание есть?

— Еще какое.

Дуглас вдруг замолчал и посмотрел куда-то за спину Энтони, тот оглянулся.

— Тебе надо с кем-то пообщаться? — спросил Энтони, вежливо делая шаг в сторону.

— Нет. Я думал, она на меня смотрит, но, по-моему, на тебя, — с завистью в голосе объяснил он. — Ты ее знаешь?

Энтони обернулся. Сначала у него в глазах потемнело, а потом он с горечью осознал, что так и должно было случиться. Ну конечно, она здесь. Женщина, которую он так долго пытался выкинуть из головы. Женщина, которую он надеялся никогда больше не увидеть. Ну надо же, приехать в Англию меньше чем на неделю — и вот пожалуйста, наткнуться на нее в первый же вечер.

Он разглядывал темно-красное платье, идеальную осанку, отличавшую ее от всех остальных дам в зале. Их взгляды встретились, и она пошатнулась.

— Нет, наверное, не на тебя смотрела, — заметил Дуглас, — видишь, на балкон пошла. Я знаю, кто она. Это... погоди-ка... — Он щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить имя. — Стерлинг. Точно. Жена того самого Стерлинга, асбестового магната. Давай подойдем. Может, напишу пару строк. Пару лет назад она была королевой светской жизни. Хотя редактор наверняка предпочтет заметку об Элвисе Пресли, но вдруг...

— Конечно, — нервно сглотнув, согласился Энтони, поправил воротничок, сделал глубокий вдох и последовал за другом на балкон, пробираясь через толпу гостей.

— Миссис Стерлинг?

Стоя у перил балкона спиной к ним, она смотрела на оживленные улицы Лондона. Искусно уложенные крупными блестящими локонами волосы, на шее — рубиновое ожерелье.

Она медленно обернулась, а затем прикрыла рукой рот.

Рано или поздно это должно было произойти, сказал себе Энтони.

Возможно, встретившись с ней, он наконец-то сможет оставить все позади и обретет покой. Но что же ей сказать? Вежливо обменяться светскими репликами? Если она, конечно, просто не уйдет под каким-нибудь благовидным предлогом. Интересно, она переживала из-за того, что произошло? Чувствовала свою вину? Влюбилась в другого мужчину? Все эти мысли шквалом обрушились на него.

Дуглас протянул ей руку, и Дженнифер пожала ее, но при этом она, смертельно побледнев, не сводила глаз с Энтони.

— Миссис Стерлинг? Меня зовут Дуглас Гардинер, газета «Экспресс». Если не ошибаюсь, летом мы встречались с вами в Аскоте.

— Да-да, — дрожащим голосом прошептала она. — Простите, мне... мне...

— С вами все в порядке? Вы ужасно побледнели.

— Да... Я не очень хорошо себя чувствую...

— Хотите, схожу за вашим мужем? — взяв ее под локоть, предложил Дуглас.

— Нет! Не надо... — Она с трудом дышала. — Просто принесите мне, пожалуйста, стакан воды, если вам несложно.

Дуглас быстро взглянул на Энтони заговорщическим взглядом, словно говоря: «Так-так-так, очень интересно».

— Тони... побудешь пока с миссис Стерлинг? Я быстро. — И вернулся в зал.

Дверь за ним закрылась, звуки музыки стихли, и они остались наедине. Она с ужасом смотрела на него широко открытыми глазами, потеряв дар речи.

— Неужели тебе так неприятно видеть меня? — спросил он, не удержавшись от легкого оттенка язвительности в голосе.

Она заморгала, отвернулась, потом снова посмотрела на него, словно пытаясь убедиться в том, что это действительно он.

— Дженнифер? Хочешь, я уйду? Прости, я бы не стал тебя беспокоить, просто Даг захотел...

— Они сказали... Они сказали мне... что ты... погиб, — нервно кашляя, выдавила она.

— Погиб?!

— В той аварии...

Она задыхалась, кожа стала бледной и блестящей. На секунду ему показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Он подошел к ней, подвел к перилам, положил на пол свой пиджак и усадил ее. Она закрыла лицо руками и тихо простонала, словно обращаясь к самой себе:

— Этого не может быть!

— Чего? Я не понимаю, о чем ты, — растерялся Энтони, в голове на мгновение мелькнула мысль, что она сошла с ума.

— Мы были в машине... Попали в аварию. Как ты оказался жив? Этого не может быть... — прошептала она, разглядывая его руки, как будто боялась, что они вот-вот растают в воздухе.

— Авария? — переспросил он, присаживаясь на корточки рядом с ней. — Дженнифер, в последний раз мы с тобой виделись не в машине, а в клубе, — начал он, но она лишь непонимающе качала головой. — Я написал тебе письмо, помнишь?

— Да.

— Просил тебя уехать со мной.

— Да, — кивнула она.

— Я ждал тебя на вокзале, но ты так и не пришла, и я решил, что ты приняла решение. Потом мне переслали твое письмо, в котором ты все время повторяла о том, что, вообще-то, ты замужем.

Он старался говорить спокойно, словно о каком-то незначительном событии, будто он ждал старого друга, а тот почему-то не пришел. Как будто ее отсутствие не сделало его несчастным на все последующие четыре года.

— Но я ехала к тебе... — Дженнифер посмотрела ему в глаза, а потом снова закрыла лицо дрожащими руками.

Энтони встал, обернулся, чтобы посмотреть на освещенный балльный зал, а затем положил руку ей на плечо.

Она вздрогнула, как от ожога. Глядя на ее спину, обтянутую дорогой тканью платья, Энтони почувствовал комок в горле и потерял способность мыслить логически. Да что там — вообще способность мыслить.

— И все это время... все это время, — повторила она со слезами на глазах, — ты был жив...

— Я думал... думал, что ты просто не захотела уехать со мной.

— Смотри! — Она закатала рукав, обнажая искривленную выпуклую серебристую линию, рассекающую ее руку. — Я потеряла память. На несколько месяцев. Я до сих пор плохо помню все, что было до аварии. Он сказал мне, что ты умер. Он сказал мне...

— Но разве ты не видела моего имени в газете? Я пишу почти каждый день.

— Я больше не читаю газеты. Никогда. Зачем?

Энтони постепенно начал понимать, что она говорит, и у него слегка закружилась голова. Дженнифер отвернулась к запотевшим от дыма окнам, а потом вытерла рукой глаза.

Он предложил ей свой носовой платок, она взяла его с некоторой опаской, как будто боялась случайно прикоснуться к человеку, которого много лет считала погибшим.

— Мне нельзя здесь оставаться, — взяв себя в руки, произнесла она, а Энтони едва удержался, чтобы не стереть нежным прикосновением размазавшуюся под ее глазами тушь. — Он начнет меня искать.

Вокруг глаз у нее появились новые морщинки, кожа стала не такой бархатной, более тонкой. Очарование юности уступило место зрелой красоте, утонченной изысканности. Энтони не мог отвести от нее глаз.

— Как я могу с тобой связаться? — спросил он.

— Никак, — ответила она, слегка покачав головой, словно пытаясь прояснить мысли.

— Я остановился в отеле «Риджент». Позвони мне завтра. — Он достал из кармана визитку и нацарапал на ней телефон.

Дженнифер посмотрела на нее, словно пытаясь запомнить все до мельчайших подробностей.

— А вот и я! — Между ними неожиданно возник Дуглас со стаканом воды в руках. — Ваш муж с кем-то разговаривает прямо у выхода на балкон. Хотите, позову его?

— Нет-нет, со мной все в порядке, — заверила его Дженнифер, делая глоток воды. — Большое вам спасибо. Энтони, мне пора.

«Энтони». Она назвала его по имени, и он вдруг обнаружил, что улыбается. Вот она, всего в дюймах от него. Она любила его, оплакивала его смерть. Действительно собиралась уехать с ним тем вечером. Энтони показалось, что все несчастья этих четырех лет испарились, словно по мановению волшебной палочки.

— Так вы знакомы? — спросил Дуглас и двинулся к дверям, но Энтони практически не расслышал.

Дженнифер пила воду, не сводя с него глаз. Он знал, что в ближайшие часы будет проклинать богов, которые решили так подшутить над ними, разлучить их таким странным способом, будет оплакивать потерянное время. Однако сейчас он чувствовал лишь переполняющую радость оттого, что ему вернули то, что он считал навеки потерянным.

Дженнифер поправила прическу и спросила:

— Я... я нормально выгляжу?

— Ты выглядишь... — начал Энтони, но Дуглас перебил его, открывая перед ней дверь:

— Миссис Стерлинг, вы, как всегда, выглядите великолепно.

Дженнифер едва заметно улыбнулась, и у Энтони сжалось сердце. Проходя мимо него, она протянула изящную ручку и дотронулась до его локтя, а потом вышла в переполненный гостями зал.

Как только дверь за ней закрылась, Дуглас, удивленно приподняв бровь, посмотрел на Энтони:

— Только не говори, что она тоже пала к твоим ногам. Ах ты, старый донжуан. Всегда получал что хотел.

— Нет, — тихо отозвался Энтони, глядя вслед Дженнифер, — не всегда...

Всю недолгую дорогу до дома Дженнифер молчала. Лоренс предложил подвезти незнакомого ей коллегу, а значит, она могла позволить себе сидеть тихо, пока мужчины разговаривали.

— Ну конечно, Пип Маршан опять взялся за свое: вложил все деньги в один проект.

— Вечно он испытывает судьбу, совсем как его папаша.

— Думаю, если проследить его генеалогию века до восемнадцатого, там и до «Пузыря Южных морей»^[15] недалеко.

— И не одного. Причем все наполнены горячим воздухом.

Салон большой черной машины застилала клубы сигарного дыма. Лоренс был многословен и категоричен — такое с ним часто случалось в окружении других бизнесменов или под воздействием слишком большого количества виски. Дженнифер едва слышала, о чем он говорит, погрузившись в то, что узнала. Глядя в окно на пустынные улицы, по которым скользил автомобиль, она видела не красоту престижного района, не редких прохожих, спешивших домой в столь неурочный час, а лицо Энтони, его карие глаза, напряженно вглядывающиеся в нее. На лице появились новые морщины, но это делало его лишь еще более привлекательным, более спокойным. Она до сих пор ощущала прикосновение теплой руки к спине.

«Как я могу связаться с тобой?»

Прошло целых четыре года. Он, оказывается, жив. Он жив, он дышит, пьет кофе и печатает на машинке. Он жив! Она может написать ему, поговорить с ним, уйти к нему, наконец.

Дженнифер нервно сглотнула, пытаясь сдержать разрывающие сердце эмоции. Настанет время, когда ей придется разобраться с тем, как она попала сюда, в эту машину, рядом с мужчиной, который не считал нужным даже замечать ее присутствие. Но это все будет потом, а сейчас кровь бурлила в жилах и каждая клеточка тела пела от радости: он жив!

Автомобиль вывернул на Аппер-Уимпол-стрит. Мартин, их водитель, вышел и вежливо открыл пассажирскую дверь. Бизнесмен вылез на улицу, дымя сигарой:

— Крайне обязан, Ларри. Будешь в клубе на неделе? Я угощу тебя ужином.

— Буду ждать с нетерпением.

Мужчина с трудом дошел до дома, и дверь тут же распахнулась, как будто кто-то ожидал его. Лоренс посмотрел ему вслед, а потом обернулся к водителю и, устраиваясь поудобнее, сказал:

— Едем домой, Эрик. — И, взглянув на жену, неодобрительно заметил: — Какая-то ты неразговорчивая.

— Разве? Просто мне нечего было добавить к вашей беседе.

— Да-да... Ну что ж, в целом вечер удался, — откинувшись на спинку кресла и довольно кивая, провозгласил он.

— Да, — тихо согласилась она. — В целом удался.

*Прости, но нам с тобой придется расстаться.
Ты ни в чем не виновата. Дейв сказал, что он хотел бы попробовать, если ты не против. Но прошу тебя, не делай этого, потому что я все равно хочу видеть тебя время от времени.*

Мужчина — женщине, в эсэмэске

У тебя в отеле, в полдень. Д.

Энтони пораженно уставился на письмо, состоявшее из одной-единственной строчки.

— Доставили сегодня утром, — сообщила ему новая секретарша редакции Шерил. — Я не знала, стоит ли вас беспокоить, а потом Дон сказал, что вы зайдете.

Она стояла перед ним, зажав карандаш между средним и указательным пальцем. Короткие, ослепительно-светлые волосы вблизи оказались такими густыми, что Энтони подумал, не парик ли это.

— Да-да, спасибо, — поблагодарил он, аккуратно складывая записку и убирая ее в карман.

— Вполне себе.

— Что, простите?

— Она очень даже ничего.

— Кто?

— Ваша новая девушка.

— Очень смешно, Шерил.

— Нет, ну правда. Хотя, по-моему, для вас она слишком шикарная, — продолжала секретарша, присев на край стола и глядя на Энтони из-под густо накрашенных ресниц.

— Она и правда слишком шикарная для меня, и она не моя девушка.

— Ах да, совсем забыла: у вас же девушка в Нью-Йорке. А эта дама замужем, да?

— Мы с ней старые друзья.

— Ага, есть у меня такие друзья. Хотите заманить ее с собой в Африку?

— А я разве еду в Африку? — Он откинулся на спинку стула, заложив руки за голову. — А вы, барышня, суετε нос не в свое дело.

— Вообще-то, мы работаем в газете, если вы не заметили: совать нос не в свое дело — наша работа.

Энтони почти не спал, все чувства и ощущения обострились до предела. В три часа ночи он понял, что дело — труба, спустился в бар и долго пил кофе, раз за разом прокручивая в голове их разговор, пытаясь сложить все обрывки информации воедино. Под утро он едва сдерживался, чтобы не взять такси, не поехать к ее дому и не усесться перед дверью, радуясь тому, что она находится всего в нескольких ярдах от него.

«Я ехала к тебе».

Очнувшись от воспоминания, Энтони заметил, что Шерил не спускает с него глаз, и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Да, — ответил он наконец. — Не знаю, но мне кажется, все слишком интересуются чужой личной жизнью.

— Значит, все-таки дела любовные. Кстати, в одном из наших приложений есть такая рубрика.

— Послушайте, Шерил...

— Уж простите, по утрам копировать ничего не нужно, вот и сижу без дела. А что там в письме? Где вы встречаетесь? В каком-нибудь приятном ресторане? Она платит? У нее же все неплохо с деньгами.

— Боже правый, Шерил!

— Ну, значит, она не очень опытна в делах такого рода. Скажите ей, что если она соберется еще кому-нибудь передать записку, пусть сначала снимет обручальное кольцо.

— Да, барышня, секретарша из вас никудышная, — вздохнул Энтони.

— Если скажете, как ее зовут, отдам половину выигрыша в лотерею — деньги, кстати, немалые! — шепнула она.

— Боже, сделай так, чтобы меня отправили в Африку! Специальное подразделение конголезской армии — ничто по сравнению с вами.

Секретарша рассмеялась низким гортанным смехом и снова села за печатную машинку.

Он развернул записку. От одного взгляда на ее крупный округлый почерк Энтони тут же переносился во Францию, вспоминал записки, которые просовывали ему под дверь в течение той идеальной недели, с которой, казалось, прошел миллион лет. Какая-то часть его всегда знала, что рано или поздно она с ним свяжется. Скрипнула дверь, О'Хара подпрыгнул от неожиданности, поднял глаза и увидел Дона.

— Тони, на пару слов к главному.

— Сейчас?

— Нет, во вторник недели через три. Конечно, сейчас. Да, он хочет поговорить о твоём будущем. Нет, к сожалению, тебя не разделают под орех. Думаю, он пытается решить, стоит ли снова посылать тебя в Африку. Эй! — ткнул его в бок Дон. — Глухая тетеря! Возьми себя в руки.

Энтони не слушал его, ведь на часах было уже четверть двенадцатого. Редактор — человек обстоятельный, торопиться не любит, скорее всего, беседа с ним займет около часа. Энтони обернулся и крикнул Шерил:

— Эй, блонди, сделай одолжение: позвони в мой отель и скажи им, чтобы они передали Дженнифер Стерлинг, которая будет ждать меня там с двенадцати, что я опоздаю, но обязательно приду, пусть подождет. Я приду. Главное, чтобы она не ушла.

— Миссис Дженнифер Стерлинг? — довольно улыбаясь, уточнила Шерил.

— Я же говорю — мы старые друзья.

Энтони вдруг заметил, что на Доне надета вчерашняя рубашка. Впрочем, как всегда. И как всегда, редактор укоризненно качал головой:

— Господи Иисусе! Опять эта Стерлинг?! Мало ты от нее натерпелся?

— Мы просто друзья.

— Ага, а я — просто Твигги.^[16] Ладно, иди к Большому Белому Вождю и объясни ему, почему он должен позволить тебе пасть жертвой повстанцев симбы.

Ворвавшись в отель, Энтони с облегчением увидел, что она не ушла. Он опоздал больше чем на полчаса. Дженнифер сидела за маленьким столиком в экстравагантно оформленной гостиной: гипсовая лепнина напоминала глазурь на вычурном новогоднем торте. Большинство столиков были заняты пожилыми вдовами, которые тихо, но возмущенно шушукались между собой, сетуя на ужасные нравы современной молодежи.

— Я заказала чай, — сказала она, когда он наконец сел напротив нее, успев за это время извиниться не менее пяти раз. — Надеюсь, ты не против.

Распущенные волосы, черный свитер и брюки горчичного цвета. Она заметно похудела. Наверное, теперь так модно, подумал он.

Энтони старался дышать спокойно. Сколько раз он представлял себе этот момент. Он заключает ее в объятия, и разлученные влюбленные вновь воссоединяются. В реальности же он ощущал себя крайне неловко на фоне ее безупречного самообладания и формальности обстановки.

К ним подошла официантка с тележкой, на которой стояли чайник,

молочник, чашки, блюдца и тарелки с идеально нарезанными сэндвичами. Энтони подумал, что сможет засунуть в рот как минимум четыре таких сэндвича одновременно.

— Спасибо.

— Ты... ты пьешь без сахара? — нахмурившись, припомнила она.

— Да.

Они молча пили чай. Несколько раз он уже открывал рот, чтобы заговорить, но слова не приходили. Украдкой разглядывая ее, Энтони обращал внимание на детали: знакомую форму ногтей, тонкие запястья, то, как она время от времени расправляла плечи, как будто чей-то голос безмолвно приказывал ей сидеть ровно.

— Вчера я долго не могла прийти в себя, — наконец произнесла Дженнифер, ставя чашку на блюдце. — Я должна... извиниться за свое поведение. Ты, наверное, решил, что я ненормальная.

— Тебя можно понять — не каждый день видишь человека, восставшего из мертвых.

— Да, ты прав, — слегка улыбнулась она.

Они взглянули друг другу в глаза и тут же отвернулись. Дженнифер налила в чашки еще чая.

— Где ты сейчас живешь?

— Я жил в Нью-Йорке.

— Все это время?

— А зачем мне было возвращаться?

После долгого молчания она заговорила снова:

— Ты хорошо выглядишь. Очень хорошо.

Она была права: невозможно жить на Манхэттене и выглядеть как попало.

На этот раз он вернулся в Англию с целым гардеробом дорогих костюмов и набором новых привычек: горячее бритье, начищенные ботинки и полный отказ от алкоголя.

— А ты — просто замечательно, Дженнифер.

— Спасибо. Надолго в Англию?

— Возможно, что и нет. Наверное, снова уеду за границу, — сообщил он, вглядываясь в ее лицо и пытаясь угадать ее реакцию, но Дженнифер лишь потянулась за молочником. — Нет-нет, спасибо, — поднял руку он.

Рука застыла в воздухе, как будто Дженнифер ругала себя за забывчивость.

— И что тебе предлагают на этот раз? — спросила она, кладя сэндвич ему на тарелку.

— Они предлагают мне остаться здесь, но я хотел бы вернуться в Африку — ситуация в Конго вышла из-под контроля.

— Значит, там сейчас опасно?

— Дело не в этом...

— Хочешь снова оказаться в гуще событий?

— Да. То, что там происходит, очень важно. К тому же меня бросает в дрожь от одной мысли остаться за письменным столом. Последние несколько лет... — Энтони запнулся, пытаясь подыскать подходящее выражение: «Последние несколько лет в Нью-Йорке не дали мне сойти с ума?», «Научили меня жить без тебя?», «Не дали мне броситься на гранату в какой-нибудь войне?» — Последние несколько лет я провел с пользой, — закончил он. — Редактору нужно было увидеть меня в ином свете, и это произошло. Но сейчас я хочу двигаться дальше, хочу вернуться к своему призванию.

— А твое призвание обязательно связано с опасностью? Ты не можешь выбрать что-нибудь поспокойнее?

— Я похож на человека, который перебирает бумажки и переставляет папки с места на место?

— А как же твой сын? — с улыбкой спросила она.

— Мы почти не видимся. Его мать хочет, чтобы я держался от него подальше, — ответил он, глотая чай. — Какая ему разница, куда писать: в Нью-Йорк или в Конго...

— Наверное, это тяжело...

— Да... да, тяжело.

В углу заиграл струнный квартет, и Дженнифер обернулась.

Несколько долгих секунд он мог безнаказанно разглядывать ее профиль, слегка вздернутую верхнюю губу. С болью в сердце Энтони понял, что никогда не полюбит никого так, как любил Дженнифер Стерлинг. Прошедшие четыре года ничего не изменили, пусть пройдет еще десять — вряд ли что-то станет иначе. Она снова повернулась к нему, но он молчал, понимая, что стоит ему открыть рот, как он расскажет ей все, вывернется наизнанку, словно смертельно раненный солдат, которому уже нечего терять.

— Тебе понравился Нью-Йорк?

— Думаю, там мне было лучше.

— Где ты жил?

— На Манхэттене. Знаешь, где это?

— Не совсем... — призналась она. — Ты... ты женился?

— Нет.

— А девушка есть?

— Да, мы встречаемся.

— Она американка?

— Да.

— Замужем?

— Нет, как ни странно.

— У вас серьезные отношения? — не моргнув и глазом, продолжала она.

— Пока не решил.

— Ты совсем не изменился, — робко улыбнулась она.

— Ты тоже.

— Неправда, — тихо произнесла Дженнифер.

Он умирал от желания прикоснуться к ней, смахнуть весь чертов сервиз со столика и обнять ее. Внезапно он пришел в ярость от этой дурацкой обстановки, от всех этих формальностей. Вчера вечером она вела себя странно, но, по крайней мере, он видел, что она находится во власти искренних чувств.

— А ты как? Все хорошо? — спросил он, поняв, что она не собирается заговаривать первой.

— Хорошо? — переспросила она сонным голосом. — Не знаю. И хорошо, и плохо. Как у всех.

— Все еще ездешь на Ривьеру?

— По возможности стараюсь больше там не появляться.

«Из-за меня?» — чуть было не спросил он. Дженнифер показалась ему совершенно безжизненной. Где же ее чувство юмора? Куда делась страсть? Куда ушло сияющее очарование, переполнявшее ее до краев и прорывавшееся наружу то неожиданным взрывом хохота, то бесконечными поцелуями? Она стала какой-то бесцветной, как будто не осталось ничего, кроме холодных, идеальных манер.

Струнный квартет на мгновение умолк. Едва сдерживая гнев, Энтони спросил:

— Дженнифер, зачем ты меня сюда пригласила?

Она безумно устала, вдруг понял он, но при этом ее лихорадит — на скулах проступили пятна румянца.

— Прости, — продолжал он, — но мне не нужны сэндвичи. Я не хочу сидеть тут и слушать эту дурацкую струнную музыку. Если я чего и заслуживаю, восстав из мертвых после четырех лет забвения, так это права не сидеть с жеманным видом, попивая чай, и не вести светскую беседу.

— Я... я просто хотела увидеть тебя...

— Знаешь, когда я вчера увидел тебя там, в зале, я все еще злился на тебя... Все это время я думал, что ты предпочла мне его — его и тот образ жизни, который он может тебе предложить. Я постоянно спорил с тобой, ругал тебя за то, что ты не ответила на мои последние письма...

— Не надо, прошу тебя! — подняла руку она.

— И тут я встречаю тебя, и ты говоришь мне, что собиралась уехать со мной. Мне приходится заново обдумать все, что крутилось у меня в голове последние четыре года, все оказалось неправдой.

— Энтони, давай не будем об этом, не говори о том, как бы все могло быть, — умоляющим тоном попросила она, кладя руки на стол перед собой, словно выкладывая игральные карты. — Я не выдержу...

Они сидели напротив друг друга: безупречно одетая, элегантная женщина и напряженный мужчина. С горькой усмешкой Энтони подумал, что со стороны они, видимо, кажутся достаточно несчастными, чтобы их сочли супружеской парой.

— Скажи мне одно, — снова заговорил он. — Почему ты так предана ему? Почему ты осталась с человеком, который не может сделать тебя счастливой?

— Наверное, потому, что я предала его. — Она посмотрела ему в глаза.

— Думаешь, он будет так же предан тебе?

Дженнифер долго смотрела ему в глаза, а потом взглянула на часы:

— Мне пора.

— Прости, — поморщился он. — Я ничего больше не скажу, просто я хочу знать...

— Дело не в тебе, правда. Мне действительно пора.

— Конечно, прости, — взяв себя в руки, произнес он. — Я же сам опоздал. Извини, что впустую потратил твое время, — с плохо сдерживаемой яростью добавил он.

Энтони проклинал своего редактора — ведь из-за него он потерял эти драгоценные полчаса, проклинал себя за упущенную возможность, за то, что позволил себе соприкоснуться с силой, которая может сжечь его дотла.

Она встала, рядом возник официант с пальто в руках. К ней на помощь всегда будет приходить кто-то другой, рассеянно подумал он, такая уж это женщина.

Словно парализованный, Энтони не мог встать из-за стола.

Неужели он ошибся в ней? Неужели сила чувств во время их недолгого пребывания вместе существовала лишь в его памяти? Его глубоко опечалила мысль о том, что это конец. Возможно, он был бы более счастлив, если бы воспоминания о ней остались идеальными и

незапятнанными этой непонятной, разочаровавшей его встречей.

Официант подал ей пальто. Дженнифер просунула руки в рукава, низко склонив голову.

— Значит, все кончено?

— Прости, Энтони. Мне правда пора идти.

— Мы так и не поговорим? После всего, что между нами было? Ты хоть вспоминала обо мне? — грубо спросил он, вставая из-за столика.

Не дожидаясь продолжения, она резко развернулась и вышла из кафе.

В пятнадцатый раз Дженнифер умылась ледяной водой, пытаясь успокоить покрасневшие и опухшие глаза. Из зеркала на нее смотрела женщина, проигравшая сражение с жизнью. Женщина, так разительно отличавшаяся от маленькой тай-тай, которой она была пять лет назад, что казалось, они не просто разные люди, но и разные биологические виды.

Она провела кончиками пальцев по темным кругам под глазами, по новым морщинкам на лбу и подумала: интересно, какой он увидел меня?

Он раздавит тебя, лишит тебя всего, что делает тебя тобой.

Дженнифер открыла шкафчик с лекарствами и посмотрела на аккуратный ряд коричневых пузырьков. Она не смогла рассказать Энтони, что так боялась встречи с ним, что приняла двойную дозу валиума. Не могла рассказать, что его слова доносились до нее сквозь пелену густого тумана, она плохо понимала, что делает, и едва могла удержать в руках чайник. Она не могла признаться, что, сидя так близко от него, видя каждую морщинку на его руках, вдыхая аромат его одеколона, полностью потеряла способность двигаться.

Открыв горячую воду, Дженнифер смотрела, как струя разбивается о фарфор, утекает в слив и брызгается, оставляя темные пятнышки на ее светлых брюках. Взяв с верхней полки валиум, Дженнифер открыла пузырек.

Ты сильный человек, ты можешь продолжать жить, зная, что настоящая любовь возможна, но у нас никогда не будет на нее права.

Ошибаешься, Бут... я вовсе не сильная.

Снизу послышался голос миссис Кордозы, Дженнифер заперла дверь в ванную, оперлась на раковину. Способна ли я на это?

Она высыпала содержимое пузырька в раковину и долго смотрела, как вода смывает крошечные белые таблетки. Затем открыла следующий пузырек и, практически не глядя, сделала то же самое. Мои «маленькие

помощники». Все их принимают, беспечно сообщила ей Ивонна, когда Дженнифер в первый раз расплакалась, сидя у нее на кухне, и никак не могла остановиться. Доктора с радостью выписывали ей новые и новые рецепты. Таблетки выровняют ваше состояние, говорили они. Да, они выровняли меня настолько, что уже вообще ничего не осталось, подумала она, беря в руки следующий пузырек.

Закончив начатое, Дженнифер посмотрела на пустую полку, а потом на свое отражение — последние таблетки унесло потоком воды.

В Стэнливиле начались беспорядки. Из иностранного отдела «Нэйшн» в «Риджент» пришла телеграмма на имя Энтони, в которой говорилось, что конголезские повстанцы, самозваная армия симбы, захватывают все новых и новых белых заложников, собирая их в отеле «Виктория», в знак протеста против правительственных военных сил Конго и белых наемников. В телеграмме также говорилось: «Собирай чемоданы. Потрясающая история. Редактор лично одобрил твой отъезд. При условии, что тебя не убьют и не возьмут в плен».

Однако Энтони не бросился в офис, чтобы проверить последние новостные сводки, не стал набирать телефоны знакомых в ООН и армии. Лежа на кровати в гостиничном номере, он думал о женщине, которая любила его достаточно сильно, чтобы уйти от мужа, а потом, за четыре года, просто исчезла.

В дверь постучали. Энтони вздрогнул — что опять нужно этой горничной? Она же прибиралась всего полчаса назад. Его ужасно раздражало, что она работает, насвистывая, не давая ему спокойно заниматься своими делами.

— Зайдите попозже, — крикнул он и перевернулся на другой бок.

Неужели ее так потрясла их встреча просто из-за того, что она считала его погибшим? Неужели сегодня она поняла, что чувства, которые когда-то испытывала к нему, испарились? Наверное, она решила встретиться с ним, просто чтобы соблюсти приличия, как поступила бы с любым старым знакомым после нескольких лет разлуки, — ее манеры всегда были безупречны.

В дверь снова постучали, на этот раз более настойчиво. Энтони рассердился еще больше, чем если бы девчонка просто вошла в номер — тогда он мог хотя бы накричать на нее. Он встал, рывком открыл дверь и крикнул:

— Ну знаете что! Лучше вам... — Он осекся.

Перед ним стояла Дженнифер. Пояс подчеркивал осиную талию, глаза

горели.

— Каждый день, — произнесла она.

— Что?!

— Каждый месяц. Каждый день. Каждый час... Как минимум каждый час, — помолчав, добавила она. — В течение четырех лет. Я думала, что ты умер, Энтони, — гулко зазвучали ее слова в тишине коридора. — Я оплакивала тебя... Оплакивала жизнь, которую могла бы провести с тобой. При одной мысли, что я виновата в твоей смерти, я ненавидела себя так сильно, что не знаю, как вообще выжила. Если бы не... — Дженнифер замолчала. — А потом на приеме, куда я вообще не хотела идти, я вдруг вижу тебя... Тебя! И ты спрашиваешь меня, зачем я хотела с тобой встретиться? — глубоко вздохнув, чтобы хоть немного успокоиться, спросила она.

На другом конце коридора слышались шаги, Энтони протянул руку и произнес:

— Заходи.

— Я не смогла усидеть дома. Я должна была сказать тебе все, прежде чем ты снова уедешь. Должна была.

Он сделал шаг назад, пропуская ее в номер, она прошла мимо него в большую спальню — огромные размеры комнаты и расположение отеля подтверждали его новый статус в редакции. Энтони порадовался, что в комнате в кои-то веки порядок, на спинке стула висела выглаженная рубашка, парадные ботинки аккуратно стояли у стены.

Сквозь открытое окно с улицы доносился шум машин, Энтони прикрыл его. Дженнифер положила сумочку на стул и повесила сверху пальто.

— Для меня это большой шаг вперед. Когда я приехал сюда впервые, меня поселили в хостеле на Бейсуотер-роуд. Хочешь чего-нибудь выпить? — предложил он, внимательно наблюдая, как она села за столик. — Заказать тебе что-нибудь? Как насчет кофе? — продолжал он, думая лишь о том, что мечтает прикоснуться к ней.

— Я не спала, — отозвалась она, потирая виски ладонями. — Как только я увидела тебя, я перестала понимать, что происходит. Я стараюсь разобраться, как это произошло. Все потеряло смысл.

— Тем вечером, четыре года назад... ты ехала в автомобиле с Фелипе?

— Фелипе?... — недоуменно переспросила она.

— Мой друг, бармен из «Альберто». Он погиб в автокатастрофе сразу после моего отъезда. Утром я просмотрел газетные вырезки: пишут, что в машине находилась женщина, личность которой не установлена. По-

другому я не могу объяснить то, что случилось.

— Не знаю. Вчера я говорила тебе, что до сих пор не могу вспомнить все. Если бы я не нашла твои письма, то могла вообще никогда бы не вспомнить о тебе... Могла бы никогда не узнать...

— Но кто сказал тебе, что я умер?

— Лоренс. Не смотри на меня так. Он не настолько жесток, наверное, он думает, что так и есть. Он знал... знал, что у меня кто-то есть, — с трудом произнесла она. — Он прочитал твое последнее письмо... Наверное, после аварии для него все встало на свои места и он понял...

— Мое последнее письмо?!

— Ну да, то самое, в котором ты просишь меня приехать на вокзал. Оно было при мне, когда произошла авария.

— Подожди, я не понимаю... Вообще-то, это было не последнее письмо...

— Энтони, не надо, — перебила его она. — Пожалуйста, прошу тебя...

— И что дальше? — спросил он. — Дженнифер, я...

Не сводя с него глаз, она сделала шаг вперед и подошла так близко, что даже в тусклом освещении номера он мог разглядеть каждую крошечную веснушку на ее лице, каждую ресницу, которая, словно изогнутый меч, грозила пронзить сердце любого мужчины. Она была так близко и вместе с тем далеко, — казалось, она принимает какое-то внутренне решение.

— Бут, — нежно заговорила она, — ты все еще злишься на меня?

Бут... Услышав свое прозвище из ее уст, Энтони нервно сглотнул и ответил:

— Как я могу злиться на тебя?

Дженнифер подняла руку и, едва касаясь, провела кончиками пальцев по его лицу.

— Бут, мы занимались этим? Я имею в виду — раньше, — пояснила она, увидев его недоуменный взгляд. — Я не помню. У меня есть только твои слова.

— Да, — хрипло ответил он. — Мы занимались этим, — подтвердил он, ощущая прикосновения ее прохладных пальцев и вспоминая ее родной запах.

— Энтони, — прошептала она с невыносимой нежностью, в которой заключалась любовь и боль потери, столь хорошо знакомые им обоим.

Дженнифер прижалась к нему и тихонько вздохнула, Энтони почувствовал ее дыхание на своих губах. Казалось, вокруг них все замерло. Она прикоснулась губами к его рту, и в его груди что-то раскрылось. Энтони с ужасом осознал, что у него в глазах стоят слезы.

— Прости, — замерев, прошептал он. — Прости, я не знаю, отчего это...

— Я знаю, — успокоила она его, — я знаю.

Дженнифер обняла его за шею, целуя мокрые от слез щеки, шепча слова любви ему на ухо. Они вцепились друг в друга в отчаянии, не в силах поверить, что судьба совершила очередной неожиданный поворот.

Время замерло, поцелуи становились более страстными, слезы высыхали.

Он снял с нее свитер и беспомощно смотрел, как она расстегивает пуговицы на его рубашке. Освободившись от лишней одежды, он радостно прижал ее к себе, они очутились на кровати в объятиях друг друга, их тела жаждали соединения с яростной, не принимающей отказа силой.

Целуя ее, он понимал, что пытается таким образом передать глубину своих чувств. Даже когда он растворился в ней, зарывшись лицом в ее волосы, когда целовал ее повсюду, он понимал, что происходит: наконец-то две разлученные половинки единого целого снова встретились.

Дженнифер отвечала на его ласки, возбуждая его все больше и больше.

Он целовал шрам на ее плече, не обращая внимания на ее стеснение, пока она наконец не приняла то, что он таким образом говорил ей: этот серебристый рубец для него был подтверждением ее любви — подтверждением того, что она хотела уехать с ним.

Он покрывал его поцелуями, потому что для него она была совершенством, самым обожаемым существом на свете.

Он наблюдал за тем, как в ней просыпается желание — бесценный подарок, предназначенный лишь им двоим, смотрел на то, как меняется выражение ее лица, видел ее открытость и беспомощность, как будто она боролась с чем-то внутри себя, но когда она наконец открыла глаза, Энтони ощутил себя на седьмом небе.

Он кончил и снова заплакал, потому что в глубине души всегда знал, хоть и пытался не верить этому ощущению, что лишь такие переживания важны по-настоящему. Он не смел даже надеяться на то, что радость близости снова вернется к нему.

— Я тебя знаю, — прошептала она, всхлипывая и прижимаясь к его липкой от пота шее, — я правда тебя знаю.

На мгновение он потерял дар речи и молча глядел в потолок, ощущая прикосновение прохладного воздуха к разгоряченному телу, чувствуя ее влажные бедра, прижатые к его телу.

— Дженни... Слава богу!

Постепенно ее дыхание успокоилось, она приподнялась на локте и

посмотрела на него. В ней что-то изменилось: лицо просветлело, разгладились морщинки вокруг глаз.

Энтони заключил ее в объятия и прижал к себе так сильно, что их тела буквально срослись друг с другом. Он почувствовал, что снова желает ее, и она улыбнулась.

— Так хочется что-нибудь тебе сказать, но все как-то... не соответствует моменту...

— Мне никогда в жизни не было так хорошо, — перебила его Дженнифер с довольной и слегка удивленной улыбкой.

Он внимательно посмотрел на нее, приподняв одну бровь.

— Погоди... значит, было?

Он кивнул.

— Что ж... тогда... Тогда я должна сказать тебе спасибо.

Он рассмеялся, и она, хохоча, прильнула к его плечу.

Четырех лет как не бывало. Он вдруг с поразительной ясностью увидел, какой будет его дальнейшая жизнь: он останется в Лондоне, расскажет все Еве — девушке, с которой встречался в Нью-Йорке. Она милая девушка, ветреная и беззаботная, но Энтони прекрасно понимал, что все женщины, с которыми он встречался за эти четыре года, были лишь жалким подобием той, что сейчас находилась рядом с ним. Дженнифер уйдет от мужа, он станет заботиться о ней — второй раз они свой шанс не упустят. Он вдруг увидел ее со своим сыном — они втроем на каком-то семейном празднике, и будущее внезапно показалось ему неожиданно светлым.

Она оторвала его от размышлений, сосредоточенно целуя его грудь, плечо, шею.

— Надеюсь, ты понимаешь, — начал он, перекатившись на нее и удобно устраиваясь между ее ног, — что нам придется заняться этим снова. Вдруг ты еще не до конца вспомнила?

Вместо ответа, Дженнифер прикрыла глаза.

На этот раз он занимался с ней любовью очень медленно, разговаривая на языке тела. Он чувствовал, как остатки зажатости покидают ее, как их сердца начинают биться в такт, он миллион раз шептал ее имя — ведь это такая роскошь, просто произносить его вслух. Шепотом он рассказал ей все о своих чувствах к ней.

Когда она сказала, что любит его, у него чуть не остановилось сердце. Мир замедлил движение и уменьшился в размерах — остались лишь они вдвоем на смятых простынях, объятия, поцелуи, волосы и тихие стоны.

— Ты самая потрясающая... — заговорил он, когда она медленно

открыла глаза и смущенно посмотрела на него, давая понять, что побывала в раю. — Я бы делал это с тобой сотни раз лишь ради того, чтобы иметь удовольствие смотреть на твое лицо. Опосредованно, — вдруг произнес он, когда она ничего не ответила. — Забыла?

Потом он не мог вспомнить, сколько времени они провели в постели, пытаясь впитать друг друга кожей. С улицы доносился шум, в коридоре время от времени раздавались шаги, иногда слышались чьи-то голоса. Он чувствовал, как она ровно дышит, лежа у него на груди. Он поцеловал ее в макушку, глядя спутанные волосы. Энтони ощущал всепроникающий покой во всем теле. Наконец-то я дома, подумал он, наконец-то. Дженнифер пошевелилась в его объятиях.

— Давай закажем что-нибудь выпить, — предложил он, целуя ее ключицу, подбородок, за ухом. — Надо отметить. Мне — чай, тебе — шампанское. Согласна?

Она вдруг помрачнела, лицо словно накрыло тенью, и он сразу понял, что ее мысли где-то далеко от него.

— Боже, сколько времени? — спросила она, садясь в постели.

— Двадцать минут пятого, — ответил он, взглянув на часы, — а что?

— О нет! Я должна быть внизу в половине! — воскликнула она, спрыгивая с кровати и хватая на ходу одежду.

— К чему такая спешка?

— Я встречаюсь с миссис Кордозой.

— С кем?

— За мной придет моя экономка. Я сказала, что пойду по магазинам.

— Значит, опоздаешь. Разве магазины — это так важно? Дженнифер, нам нужно поговорить, надо решить, что делать дальше. Мне надо сказать редактору, что я не поеду в Конго.

Она с поразительной скоростью натягивала одежду: бюстгальтер, брюки, пуловер. Тело, совсем недавно принадлежавшее ему, скрылось из виду.

— Дженнифер? — Он встал с кровати, надел брюки и застегнул ремень. — Ты не можешь вот так уйти. Нам нужно поговорить, решить, как мы будем действовать дальше.

— Нечего тут решать, — повернувшись к нему спиной, сказала она, достала из сумочки щетку и принялась яростно расчесывать волосы короткими, резкими движениями.

— Что? О чем ты говоришь?

— Энтони, — произнесла она спокойно и повернулась к нему совершенно чужим лицом, — прости, но мы с тобой больше не увидимся.

— Что?!

Дженнифер достала пудреницу и принялась вытирать размазавшуюся под глазами тушь.

— Ты не можешь так поступить после того, что между нами было. Ты не можешь просто взять и забыть об этом. Что ты творишь?!

— Все будет в порядке, — бесстрастно сказала она. — С тобой все будет в порядке. Как всегда. Послушай, мне пора. Прости меня.

Она схватила сумочку и пальто и выскочила в коридор, хлопнув дверью. Энтони бросился за ней:

— Не делай этого, Дженнифер! Не оставляй меня снова! — кричал он, и его слова эхом разносились по пустому коридору, отражаясь от дверей других номеров. — Это не шутки. Я не стану ждать тебя еще четыре года.

Он застыл, в шоке от происходящего, а потом, громко ругаясь, бросился в номер и, натянув рубашку и ботинки, схватив пиджак, побежал по коридору. Сердце выскакивало из груди, он слетел вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и выбежал в холл. Двери лифта открылись, и он увидел ее. Она прошла мимо, стуча каблучками по мраморному полу, сосредоточенная и удивительно непохожая на женщину, которой была всего несколько минут назад. Он хотел окликнуть ее, но тут вдруг раздался детский голос:

— Мамочка!

Дженнифер с протянутыми руками подошла к женщине средних лет, которая держала за руку маленькую девочку. Малышка бросилась к Дженнифер, та подняла ее на руки, и девочка, заливаясь смехом, защебетала:

— Мамуля, а мы пойдем в «Хэмлис»? ^[17] Миссис Кордоза сказала, что пойдем.

— Да, дорогая, прямо сейчас и пойдем. Я только оставлю кое-что у администратора.

Дженнифер опустила дочку на пол и взяла ее за руку. Не глядя на Энтони, она прошла мимо него к стойке регистрации, а потом обернулась и посмотрела ему в глаза с мольбой о прощении, в ее взгляде читалась вина.

Она отвернулась, быстро что-то написала, поставив сумочку на стойку, и отдала записку администратору. Еще пара мгновений — и она вышла сквозь стеклянные двери на залитую солнцем улицу, девочка, все время болтая, семенила рядом.

Постепенно до Энтони дошло, что он увидел, и ему показалось, будто он погружается в зыбучие пески. Он подождал, пока она исчезнет из виду, и, словно очнувшись от долгого сна, надел пиджак, уже собираясь выйти на

улицу, но тут к нему подбежал консьерж:

— Мистер Бут? Леди попросила передать вам кое-что, — тихо сказал он, протягивая ему записку. Он развернул листок бумаги с гербом отеля:

Прости меня. Мне нужно было убедиться, что это правда.

В глубине души мы не собираемся брать кого-то себе в мужья, ибо в высшей степени склонны к жизни в уединении.

Королева Елизавета I — Эрику, принцу Швеции, в письме

Мойра Паркер зашла в кабинет машинисток и в четвертый раз за эту неделю выключила стоящий на кипе телефонных каталогов транзистор.

— Эй! — возмутилась Энни Джессоп. — Я, вообще-то, слушаю.

— В офисе не положено слушать популярную музыку на такой громкости, — отчеканила Мойра. — Отвлекать мистера Стерлинга такой ерундой совершенно непозволительно. Это же рабочее место.

— Правда? А больше похоже на похоронное бюро. Перестань, Мойра. Ну, хочешь, мы сделаем потише? С музыкой день тянется не так долго.

— День тянется не так долго, если усердно работать, — ответила Мойра, но вызвала лишь громкий хохот девушек. — Вам всем не помешает усвоить, — сказала она, гордо поднимая голову и расправляя плечи, — что в «Акме минерал энд майнинг» карьеру можно сделать исключительно благодаря профессиональному отношению к работе.

— И подвязкам для чулок, — пробормотал кто-то за ее спиной.

— Прошу прощения? Что вы сказали?

— Ничего, мисс Паркер. Давайте включим «Песни военных лет», вас это устроит? «We're Going to Hang out the Washing on the Siegfried Line...», [18] — пропела одна из девушек, и остальные дружно расхохотались.

— Я отнесу радио в кабинет к мистеру Стерлингу. Можете сами спросить у него, какую музыку он предпочитает.

Мойра вышла из кабинета, девушки недовольно зашептались у нее за спиной, но она сделала вид, что не слышит их. Компания бурно росла, а вот уровень подготовки персонала неуклонно падал: люди перестали уважать начальство, рабочую этику и достижения мистера Стерлинга. Часто секретарша возвращалась домой в таком отвратительном настроении, что ей не помогало даже любимое вязание крючком. Иногда ей казалось, что только она и мистер Стерлинг — ну, может быть, еще миссис Кингстон из бухгалтерии — знают, как ведут себя приличные люди.

А как они одеваются! Называют себя куколками, и этим все сказано.

Постоянно прихорашиваются и чистят перышки, пустышки с детскими личиками — все эти машинистки куда больше заботятся о своей внешности, о коротких юбках и жутком макияже, чем о письмах, печатать которые входит в их обязанности. Вчера Мойре пришлось забраковать целых три письма: орфографические ошибки, неправильные даты, да еще и «искренне ваш» вместо «с уважением», а ведь сколько раз она им говорила. Когда она отругала их за это, Сандра закатила глаза и хмыкнула, прекрасно понимая, что Мойра все видит.

Тяжело вздохнув, Мойра взяла транзистор под мышку и подошла к кабинету мистера Стерлинга. Странно, но дверь оказалась закрыта — обычно во время обеденного перерыва он оставлял ее приоткрытой. Мойра нажала на ручку и вошла.

Напротив мистера Стерлинга сидела Мэри Дрисколл, но не на стуле для посетителей, где обычно сидела Мойра, когда писала под диктовку начальника письма, а прямо на его столе. Зрелище это Мойру потрясло, и она даже не сразу поняла, что, как только она вошла, начальник быстро отошел в сторону.

— А, это вы, Мойра...

— Прошу прощения, мистер Стерлинг, я не знала, что вы не один. Я принесла транзистор, девушки слушали музыку непозволительно громко. Я подумала, что если им придется забирать его у вас, то, возможно, они в следующий раз подумают.

Мойра выразительно взглянула на девушку: да что она о себе возомнила? Эти девчонки совсем с ума посходили.

— Понятно, — отозвался он, садясь в свое кресло.

— Я боялась, что они вам помешают.

Повисла долгая пауза. Мэри не двигалась с места, снимая невидимые соринки с юбки, которая заканчивалась где-то у середины бедра. Мойра ждала, пока она уйдет сама, но первым молчание нарушил мистер Стерлинг:

— Хорошо, что вы зашли, я как раз хотел поговорить с вами наедине. Мисс Дрисколл, вы не оставите нас на минутку?

Девушка с явным нежеланием спрыгнула со стола и прошла мимо Мойры, пристально глядя ей в глаза. Пахнет как парфюмерная лавка, подумала Мойра. Мисс Дрисколл закрыла за собой дверь, оставив их наедине, ну наконец-то!

После той вечеринки мистер Стерлинг еще дважды занимался с ней любовью. Возможно, «занимался любовью» — это некоторое преувеличение: оба раза он был сильно пьян, все происходило быстро и по-

деловому, совсем не так, как в первый раз, а на следующий день он делал вид, что ничего не было.

Мойра изо всех сил старалась, чтобы мистер Стерлинг понял, что она не оттолкнет его: оставляла ему на столе сэндвичи собственноручного приготовления, делала красивые прически, но больше это не повторилось. Однако она знала, что он относится к ней по-особому, и наслаждалась этим тайным знанием, когда коллеги начинали обсуждать начальника за обедом в столовой. Она понимала, что двойная жизнь далась бы ему нелегко, и поэтому уважала его достойную восхищения сдержанность.

В те редкие дни, когда в офис заходила Дженнифер Стерлинг, Мойра уже не поддавалась блестящему очарованию этой леди. «Если бы ты была ему хорошей женой, он никогда бы не обратился ко мне», — думала Мойра. Миссис Стерлинг, казалось, не замечает того, что творится у нее прямо под носом.

— Присаживайтесь, Мойра.

В отличие от этой Дрисколл, она элегантно присела на краешек стула, изящно положив ногу на ногу, и пожалела, что не надела сегодня красное платье. Оно ей шло, начальник не раз говорил ей об этом. Из-за двери доносился смех девушек, и Мойра рассеянно подумала, где им удалось раздобыть еще один транзистор.

— Я прикажу этим девчонкам взять себя в руки, — прошептала она. — Они наверняка ужасно вам мешают.

Стерлинг не слушал ее, перекладывая бумаги на столе, а потом, не глядя ей в глаза, произнес:

— Мэри с сегодняшнего дня переходит на другую должность...

— О, я считаю, что это отличная...

— ...на должность моего личного ассистента.

В комнате воцарилась тишина. Мойра пыталась скрыть свое негодование. С другой стороны, у меня действительно очень много работы, уговаривала себя она. Его можно понять — им и правда не мешает еще одна пара рук.

— Но где будет ее место? — спросила она. — В приемной помещается только один стол.

— Это мне известно...

— Думаю, можно подвинуть Мейси...

— Это не потребуется. Я решил облегчить вашу рабочую нагрузку. Вы переходите в отдел машинописи.

— В отдел машинописи?! — с ужасом воскликнула Мойра, решив, что ослышалась.

— Я сообщил в бухгалтерию, что ваша заработная плата не меняется, поэтому это очень выгодное предложение для вас, Мойра. Возможно, вы наконец-то наладите свою личную жизнь за пределами офиса. У вас будет больше времени для себя.

— Но мне не нужно больше времени для себя.

— Давайте не будем спорить. Как я уже сказал, зарплата остается та же, вы будете старшей среди машинисток, я позабочусь о том, чтобы они это поняли. Вы же сами говорили, что им нужен достойный руководитель.

— Но я не понимаю... — Мойра встала, прижимая транзистор к груди так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Что я сделала не так? — дрожащим голосом спросила она. — Почему вы увольняете меня с моей должности?

— Ничего вы не сделали, Мойра, все так, — раздраженно ответил он. — В любой организации время от времени происходят кадровые перестановки. Времена меняются, и я хочу внести в нашу работу свежую струю.

— Свежую струю?

— Мэри отлично справится.

— Мэри Дрисколл будет делать мою работу? Но она же понятия не имеет, как управлять офисом. Не знает систему заработной платы Родезии, нужные номера телефонов, не умеет бронировать авиабилеты. Она даже систему хранения документов понять не сможет. Мэри проводит половину рабочего дня в дамской комнате перед зеркалом. Она опаздывает. Постоянно. На этой неделе мне уже дважды пришлось объявить ей выговор: вы хоть видели ее карточку регистрации? — выпалила Мойра.

— Уверен, она всему научится. Это всего лишь обычная секретарская работа, Мойра.

— Но я...

— У меня нет времени обсуждать это с вами. Пожалуйста, заберите свои вещи сегодня, и завтра начинаем работу по новой схеме.

Он открыл коробку с сигарами, давая секретарше понять, что разговор окончен.

Мойра встала, держась за край стола. В горле стоял комок, в ушах гулко пульсировала кровь. Ей казалось, что стены офиса вот-вот обрушатся и погребут ее под собой.

Взяв сигару, Стерлинг щелкнул гильотиной и обрезал кончик.

Мойра медленно подошла к двери, открыла ее — разговоры в остальной части офиса тут же стихли — значит, остальные заранее знали, что происходит.

Около ее стола стояла Мэри Дрисколл, вызывающе демонстрируя свои длинные худые ноги в идиотских цветных колготках. Ну как можно принимать всерьез женщину, которая ходит на работу в ярко-синих колготках?

Она схватила со стола сумочку и нетвердой походкой отправилась в дамскую комнату, спиной ощущая любопытные взгляды и недобрые усмешки коллег.

— Мойра! Тут такая песня играет, прямо про тебя: «Can't Get Used to Losing You».

— Сандра, ты такая злючка, — сказала другая девушка, и все дружно рассмеялись.

Дженнифер стояла посреди небольшой детской площадки в парке, наблюдая за замерзшими нянями, щебечущими над колясками фирмы «Сильвер Кросс», слушая крики малышей, которые сталкивались друг с другом и падали на землю, словно кегли.

Миссис Кордоза предложила сама погулять с Эсме, но Дженнифер сказала, что ей нужно подышать свежим воздухом.

Последние сорок восемь часов она не знала, куда себя деть: тело все еще ощущало его прикосновения, она раз за разом прокручивала в голове произошедшее. Теперь Дженнифер слишком хорошо знала, что потеряла. Теперь она больше не могла избавиться от страданий с помощью валиума — это надо просто пережить. Дочь станет для нее вечным напоминанием о том, что она совершила правильный поступок. Ей так много хотелось сказать ему. Она пыталась убедить себя в том, что не собиралась соблазнять его, но прекрасно знала: это неправда. Она хотела забрать с собой частичку его, хотя бы одно прекрасное, драгоценное воспоминание. Откуда ей было знать, что таким образом она лишь откроет ящик Пандоры? Разве могла она предполагать, как сильно ее уход ранит его?

В тот вечер, в посольстве, Энтони выглядел таким собранным. Он наверняка не страдал так, как я, он не знает, что я пережила, убеждала себя Дженнифер, он ведь мужчина, он сильнее меня. А теперь она не могла выкинуть его из головы: его ранимость, его планы на совместное будущее. То, как он смотрел на нее, когда она шла по холлу отеля навстречу дочери.

У нее в ушах вновь и вновь звучал его отчаянный и растерянный крик, метавшийся по гулкому коридору: «Не делай этого, Дженнифер! Я не стану ждать тебя еще четыре года».

Прости меня, повторяла она про себя тысячу раз в день. Прости меня,

Лоренс никогда не позволит мне забрать ее. Я не могу оставить ее — ты должен меня понять!

Время от времени она вытирала уголки глаз, виня во всем сильный ветер или очередную, загадочным образом попавшую в глаз песчинку.

Дженнифер была словно обнаженный нерв — она реагировала перепадами настроения на малейшее изменение температуры.

Лоренс вовсе не плохой человек, уговаривала она себя. В каком-то смысле он прекрасный отец. Да, ему сложно хорошо относиться ко мне, но разве можно его в этом винить? Много ли мужчин смогли бы простить жену за то, что она влюбилась в другого? Иногда она задавалась вопросом: как могла сложиться их жизнь, если бы она так и не забеременела? Наверное, он устал бы от нее и отстранился полностью. Хотя вряд ли: Лоренс, конечно, больше ее не любит, но ему невыносима сама мысль о том, что она будет жить без него.

«Она — мое утешение, — думала Дженнифер, качая дочь на качелях и глядя, как ее ножки устремляются ввысь, как трепещут на ветру локоны. — Ведь у меня есть гораздо больше, чем у многих женщин. Как однажды сказал Энтони, приятно знать, что ты совершил достойный поступок».

— Мама!

Дороти Монкрифф потеряла шапочку, Дженнифер принялась искать ее, девчушки ходили за ней по пятам, заглядывая под скамейки, пока наконец не обнаружили шапочку на голове какого-то незнакомого мальчика.

— Воровать нехорошо, — уверенно заявила Дороти, когда они шли обратно к качелям.

— Нехорошо, — согласилась Дженнифер, — но мне кажется, он ее не крал. Скорее всего, он не знал, что это твоя шапочка.

— Если человек не знает, что хорошо, а что плохо, то он, скорее всего, дурак! — провозгласила Дороти.

— Дурак! — восхищенно повторила Эсме.

— Возможно, ты права, — отозвалась Дженнифер.

Поправив Эсме шарфик, она отправила девочек играть в песочницу, строго-настрого запретив им кидаться друг в друга песком.

Дорогой мой Бут, писала она в одном из тысячи воображаемых писем, которые сочинила за последние пару дней, *прошу тебя, не сердись. Хочу, чтобы ты знал, что если бы я только могла уйти к тебе, то обязательно сделала бы это...*

Ни одного из этих писем она так и не отправила. Что еще она могла сказать ему? Когда-нибудь он простит меня, говорила она себе, с ним все

будет в порядке.

Дженнифер изо всех сил гнала прочь мысли о том, каково придется ей самой. Как она будет жить дальше с этими воспоминаниями? Глаза снова предательски покраснели, Дженнифер достала из кармана платочек и, отвернувшись, чтобы никто не заметил, вытерла слезы. Может быть, ей все-таки стоит зайти к доктору? Ей нужна помощь, чтобы как-то пережить ближайшие пару дней.

И тут Дженнифер увидела женщину в твидовом пальто, решительно шагавшую по детской площадке в ее сторону. Она уверенно шла широкими шагами, словно заводная кукла, ни разу не поскользнувшись на влажной траве. К удивлению Дженнифер, это оказалась секретарша ее мужа.

Мойра Паркер подошла к ней так близко, что Дженнифер инстинктивно сделала шаг назад и поздоровалась:

— Мисс Паркер? Добрый день.

— Ваша экономка сказала, что вы здесь, — поджав губы, произнесла та, сверля Дженнифер глазами. — У вас найдется минутка? Надо поговорить.

— Ммм... Да, конечно. Солнышки! — крикнула Дженнифер девочкам. — Дотти! Эсме! Я отойду ненадолго.

Дети посмотрели на нее и тут же вернулись к лопаткам и ведеркам.

Женщины отошли в сторону, Дженнифер встала так, чтобы видеть девочек. Она пообещала няне Монкриффов привести Дороти домой к четверем, а сейчас было уже почти без четверти.

— Я вас слушаю, мисс Паркер, — выдавив из себя улыбку, произнесла она.

— Это вам, — резко сказала Мойра, доставая из видавшего виды ридикюля толстую папку.

Дженнифер взяла папку, открыла ее и быстро прижала верхний лист рукой, чтобы тот не улетел под порывами ветра.

— Ничего не потеряйте, — приказным тоном проинструктировала ее Мойра.

— Простите, я не совсем понимаю. Что это?

— Это письма от людей, которым он платит за молчание. Мезотелиома, ^[19] — добавила Мойра, видя растерянный взгляд Дженнифер. — Страшное легочное заболевание. Здесь письма от рабочих фабрик, которым он заплатил за молчание, чтобы никто не узнал об их диагнозе.

— Кто — он?! — воскликнула Дженнифер.

— Ваш муж. В конце лежат документы на тех, кто уже умер. Их

семьям пришлось подписать юридический отказ, запрещающий им свидетельствовать против него в суде, за это им была выплачена компенсация.

— Тех, кто уже умер? Отказ? — Дженнифер силилась понять, о чем говорит эта женщина.

— Он заставил их сказать, что он не несет за это ответственности. Заплатил им за молчание. Рабочие в ЮАР получили сущие копейки, а вот местные сотрудники обошлись ему подороже.

— Но асбест не вреден для здоровья. Просто эти скандалисты из Нью-Йорка пытаются найти козла отпущения, Лоренс мне рассказывал.

Мойра не собиралась слушать ее, она показала Дженнифер список на первой странице:

— Фамилии приведены в алфавитном порядке. Не верите — поговорите с родственниками. Напротив большинства имен указан адрес. Он до смерти боится, что газетчики разнюхают про его делишки...

— Но это же все профсоюзы... Он говорил мне...

— У других компаний такие же проблемы, я подслушала несколько телефонных разговоров с американской компанией «Гудасбест» — они проплачивают исследования, которые подтверждают безвредность асбеста...

Женщина тараторила так быстро, что у Дженнифер закружилась голова. Она взглянула на девочек, которые кидались песком. Мойра Паркер многозначительно произнесла:

— Вы должны понимать, что если кто-то узнает об этом, то его бизнесу — конец. Рано или поздно об этом всем станет известно. Так всегда бывает — все тайное становится явным.

Дженнифер с опаской покосилась на папку, словно боясь, что та может быть заражена смертельным вирусом, и спросила:

— Но почему вы отдаете это мне? Почему вы думаете, что я захочу навредить собственному мужу?

— Вот почему, — поджав губы, так что они превратились в тонкую красную ниточку, виновато ответила Мойра Паркер и достала из сумки смятый листок бумаги. — Это письмо пришло через несколько недель после того, как вы попали в аварию, четыре года назад. Он не знает, что я сохранила его.

Дженнифер развернула листок под порывами холодного ветра и увидела до боли знакомый почерк.

Клянусь, я не собирался больше писать тебе. Но прошло шесть

недель, а лучше мне не становится. Вдали от тебя — в тысячах миль от тебя — мне не становится легче. Я думал, что исцелюсь, если меня больше не будет мучить твоя близость, если я перестану каждый день видеть единственную женщину в мире и понимать, что она никогда не станет моей. Но я ошибался. Стало еще хуже. Будущее кажется мне серой, пустынной дорогой.

Я не знаю, что и зачем пытаюсь сказать тебе, моя милая Дженни. Наверное, просто хочу, чтобы ты знала: если ты хоть на секунду засомневаешься в том, что приняла правильное решение, то мои двери всегда открыты для тебя.

Если же ты чувствуешь, что сделала верный выбор, то, по крайней мере, я хочу, чтобы ты знала: где-то на этом свете есть человек, который любит тебя, который видит, какое ты сокровище, какая ты умная и добрая. Этот человек всегда любил тебя и, к сожалению, судя по всему, будет любить тебя всегда.

*Твой
Б.*

Дженнифер уставилась на письмо, смертельно побледнев, и взглянула на дату — почти четыре года назад, сразу после аварии.

— То есть это письмо попало к Лоренсу?

— Он приказал мне закрыть тот абонентский ящик, — опустив глаза, призналась Мойра.

— Он знал, что Энтони жив? — дрожа от отвращения, спросила Дженнифер.

— Я ничего не знаю об этой истории, — с достоинством произнесла Мойра Паркер, подняв воротник пальто и пытаясь смотреть на Дженнифер с осуждением.

У Дженнифер внутри все похолодело, она почувствовала, как ее тело словно окаменело. Мойра Паркер с щелчком захлопнула ридикюль.

— В общем, делайте со всем этим что хотите. Как по мне — так пусть провалится ко всем чертям!

Продолжая бормотать себе под нос, секретарша пошла прочь к выходу из парка. Дженнифер медленно опустилась на скамейку, не обращая внимания на то, что дети уже с радостным визгом сыпят песок друг другу на волосы. Она перечитала письмо еще раз.

Отведя Дороти Монкрифф домой к няне, Дженнифер попросила миссис Кордозу сходить с Эсме в кондитерский магазин и купить девочке леденец и четверть фунта карамелек. Стоя у окна, она смотрела им вслед —

малышка подпрыгивала от нетерпения. Дождавшись, пока они завернут за угол, Дженнифер вошла в кабинет Лоренса — запретную комнату, куда им с Эсме заходить не разрешалось, чтобы малышка, не дай бог, не разбила или не сломала что-нибудь из коллекции отца.

Впоследствии Дженнифер не понимала, зачем ее туда понесло. Она всегда ненавидела эту комнату: мрачные книжные полки из красного дерева, заставленные книгами, которых он никогда даже не открывал, пропитавший все запах сигар, призы и почетные грамоты за достижения, которые в ее глазах яйца выеденного не стоили: «Бизнесмену года», «За лучший выстрел», «Охотнику на оленей — 1959», «Победителю чемпионата по гольфу — 1962». Лоренс и сам редко пользовался этой комнатой: это место предназначалось для его гостей мужского пола. Здесь они могли уединиться, оставшись наконец без жен, здесь, заверял он друзей, находится его островок спокойствия.

По обе стороны от камина, который не зажигали ни разу за восемь лет, стояли два удобных кресла — сиденья блестели как новые. В стеклянной витрине сверкали хрустальные бокалы, в которые ни разу не наливали виски из стоящего рядом графина. Стены были увешаны фотографиями: Лоренс пожимает руку коллеге, встречается с высокопоставленными особами, министром торговли Южной Африки, герцогом Эдинбургским... Это место предназначалось для чужих глаз, для того, чтобы мужчины восхищались им еще больше и говорили: «Лоренс Стерлинг, чертов везунчик!»

Дженнифер стояла в дверях рядом с сумкой с дорожными клюшками для гольфа и тростью-сиденьем. Напряжение, сковавшее ей грудь, превратилось в комок где-то в области трахеи, мешая воздуху проходить в легкие. Задышавшись, Дженнифер вытащила одну из клюшек и вышла в центр комнаты. С ее губ сорвался резкий выдох — такой звук издают марафонские бегуны, наконец завершившие дистанцию. Она подняла клюшку над головой, имитируя идеальный замах, и со всей силы ударила по графину. Осколки хрусталя разлетелись по всей комнате, она замахнулась еще раз и ударила по висевшим на стене фотографиям, сбивая грамоты и призы с полок. Дженнифер колотила кожаные обложки книг, тяжелые хрустальные пепельницы, с холодной яростью, методично уничтожая все, что попадалось ей на пути.

Из шкафов посыпались книги, в камин полетели рамки от фотографий. Замахнувшись клюшкой, словно топором, Дженнифер в щепки разнесла массивный стол Георгианской эпохи, со свистом опуская клюшку на столешницу. Она крушила все вокруг, пока не заболели руки, а потом,

вспотевшая и задыхающаяся, наконец остановилась и огляделась по сторонам — ломать было больше нечего. Под ногами хрустели осколки стекла. Вытирая вспотевший лоб, Дженнифер разглядывала дело рук своих. Очаровательная миссис Стерлинг, само спокойствие. Тихая, незаметная, немногословная. Наконец ее искра погасла.

Дженнифер Стерлинг выронила из рук погнувшуюся клюшку, вытерла руки о юбку, аккуратно положила на пол прилипший к свитеру осколок стекла и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Миссис Кордоза сидела на кухне вместе с Эсме, когда Дженнифер объявила им, что они снова идут гулять.

— Что же, малышка даже чаю не попьет? Она проголодается.

— Я не хочу гулять, — звонко поддержала ее Эсме.

— Мы ненадолго, дорогая, — спокойно ответила Дженнифер. — Миссис Кордоза, вы на сегодня свободны.

— Но я...

— Пожалуйста. Так будет лучше.

Не обращая внимания на потрясенное лицо экономки, она обняла дочку, взяла собранный чемодан и коричневый пакетик с карамелью, вышла из дома, спустилась по лестнице и помахала рукой проезжавшему мимо такси.

Она увидела его сразу, как только вошла. Он стоял у стола в приемной и разговаривал с молодой девушкой. Та вежливо поздоровалась с ней, Дженнифер на удивление сдержанно ответила на приветствие, поражаясь, что ей удастся поддерживать видимость того, что все в порядке.

— Как она выросла!

Дженнифер взглянула на дочь, теребившую ее бусы из жемчуга, а потом на заговорившую с ней женщину:

— Сандра, если не ошибаюсь?

— Да, миссис Стерлинг.

— Могу я попросить вас разрешить Эсме немного поиграть с вашей печатной машинкой, пока я быстренько перекинусь парой слов с мужем?

Эсме пришла в восторг оттого, что ей позволили понажимать на клавиши. Ее тут же окружили сюсюкающие женщины, обрадовавшиеся законному предлогу отвлечься от работы. Дженнифер убрала челку с глаз и пошла к мужу. Войдя в приемную, она увидела его.

— Дженнифер? — удивленно приподнял он бровь. — Не ожидал.

— Можно тебя на пару слов?

— Мне в пять выходить.

— Я не отниму у тебя много времени.

Лоренс провел жену в свой кабинет, прикрыл за собой дверь и предложил ей сесть. К его раздражению, она отказалась, а он тяжело опустился в кожаное кресло.

— Итак?

— Что я тебе сделала? За что ты так ненавидишь меня?

— Что?!

— Я знаю о том письме.

— Каком письме?

— О том, которое ты забрал из моего абонентского ящика четыре года назад.

— Ах, ты об этом, — презрительно сказал он с таким лицом, как будто она напомнила ему о том, что он забыл забрать покупки у бакалейщика.

— Ты все знал и все равно сказал мне, что он умер. Ты заставил меня думать, что я виновата в его смерти.

— Ну, я точно не знал, жив он или нет. Дела давно минувших лет, не надо ворошить прошлое, — ответил Лоренс, доставая сигару из серебряной шкатулки.

Дженнифер на мгновение вспомнила о разбитой сигарной коробке в его кабинете, окруженной осколками хрусталя.

— Дело в том, Лоренс, что ты наказывал меня день за днем, позволял мне мучить себя. Чем я это заслужила?

— Тебе прекрасно известно чем, — отрезал он, кидая спичку в пепельницу.

— Ты внушил мне, что я убила его.

— Меня вообще не касается, что ты там себе напридумывала. В любом случае, зачем ворошить прошлое? Я не понимаю, почему ты...

— Потому что это не прошлое. Он вернулся.

Ей наконец-то удалось привлечь его внимание. Подозревая, что секретарша стоит под дверью и подслушивает, Дженнифер понизила голос:

— Он вернулся. Я ухожу к нему и забираю Эсме.

— Не говори глупостей.

— Я серьезно.

— Дженнифер, ни один судья в этой стране не оставит ребенка матери, которая мало того что изменила мужу, так еще и дня не может прожить без таблеток. Мистер Харгривз с удовольствием подтвердит, какое количество лекарств ты принимаешь.

— Я их выкинула. Все до единой.

— Правда? — усмехнулся он и взглянул на часы. — Поздравляю.

Неужели тебе удалось продержаться целые сутки без медикаментов? Уверен, судья будет просто в восторге, — рассмеялся он, довольный своей шуткой.

— А как ты думаешь, судья будет в восторге от документов, подтверждающих факты легочных заболеваний среди работников шахт?

— Что?! — воскликнул Лоренс, моментально напрягшись, в его взгляде промелькнула неуверенность.

— Твоя бывшая секретарша передала мне кое-какие документы. Теперь у меня есть имена всех твоих сотрудников, которые заболели и умерли за последние десять лет от... как там это называется? Ме-зо-те-ли-о-мы, — произнесла она по слогам непривычное слово.

Лоренс резко побледнел, и Дженнифер показалось, что муж сейчас потеряет сознание. Он встал, подошел к двери, выглянул в коридор, чтобы убедиться, что их никто не слышит, и закрыл дверь поплотнее.

— О чем ты говоришь?!

— У меня на руках вся информация, Лоренс. Включая банковские чеки, которыми ты расплачивался с ними за их молчание.

Лоренс рывком выдвинул ящик стола, перебрал бумаги, а потом выпрямился и потрясенно посмотрел на нее. Затем подошел к жене поближе и посмотрел ей в глаза:

— Если ты погубишь меня, Дженнифер, то погибнешь вместе со мной.

— Думаешь, мне есть до этого дело?

— Я никогда не дам тебе развода.

— Отлично, — решительно ответила она, видя его беспокойство. — Поступим следующим образом: мы с Эсме поселимся неподалеку, ты будешь видеться с ней. На бумаге мы с тобой останемся супругами. Ты будешь выплачивать мне приличное содержание, чтобы я могла обеспечивать Эсме, а я, в свою очередь, не предаю эти сведения огласке.

— Ты шантажируешь меня?!

— Ну что ты, Лоренс, нисколько. У меня на такое не хватило бы ума, ты же сам говорил. Нет, я просто объясняю тебе, какой отныне будет наша жизнь. Можешь оставить себе свою любовницу, дом, состояние и... репутацию. Твоим коллегам необязательно знать, что мы разошлись. Но ноги моей больше не будет в твоём доме.

Похоже, он не подозревал, что ей известно о его любовнице. Бессильная ярость и дикая тревога исказили его лицо, но Лоренс взял себя в руки, попытался улыбнуться и примирительно сказал:

— Дженнифер, ты расстроена. Появление этого парня тебя шокировало. Иди домой, а вечером еще раз все обсудим.

— Бумаги находятся у моего адвоката. Если со мной что-то случится, то он поступит с документами согласно моей инструкции.

Еще никогда Лоренс не смотрел на нее с такой злобой, Дженнифер сжала сумочку покрепче, готовясь защищаться.

— Шлюха! — процедил он сквозь сжатые зубы.

— Да, с тобой я была именно шлюхой, — тихо сказала она. — Я совершенно точно не занималась этим по любви...

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла новая секретарша. Девушка посмотрела на начальника таким взглядом, что Дженнифер тут же все поняла и окончательно воспряла духом:

— В общем-то, это все, что я хотела сказать. Мне пора, дорогой. — Она подошла к нему и поцеловала в щеку. — Созвонимся. До свидания, мисс...

— Дрисколл.

— Дрисколл, — с улыбкой взглянула на девушку Дженнифер. — Ну конечно, как же я могла забыть.

Она прошла мимо секретарши, забрала дочку и с бешено колотящимся сердцем вышла за дверь, ожидая, что он бросится за ней, окликнет ее. Сбежав вниз по двум лестничным пролетам, Дженнифер вышла на улицу, где ее ожидало такси.

— Куда мы едем? — спросила Эсме, когда Дженнифер усаживала ее на заднее сиденье.

Карманы девочки были набиты конфетами, которыми ее подобострастно угостили машинистки. Победно улыбаясь, Дженнифер наклонилась вперед, открыла окошечко и громко заявила, перекрикивая шум машин в час пик:

— В отель «Риджент», пожалуйста. И поскорее.

Впоследствии, вспоминая об этой поездке, занявшей всего двадцать минут, Дженнифер поняла, что смотрела на переполненные прохожими улицы, безвкусные витрины магазинов взглядом туриста, иностранного корреспондента, который впервые оказался в незнакомом городе. Она обращала мало внимания на детали, впитывая скорее общее впечатление, понимая, что, возможно, видит все это в последний раз. Закончился огромный период ее жизни, и ей хотелось петь от счастья.

Дженнифер Стерлинг распростилась со старым образом жизни, с днями, когда она ходила по этим улицам с пакетами, наполненными вещами, которые теряли для нее всякий смысл, как только она возвращалась домой. Именно в этом месте, на Мэрилебон-роуд, она

каждый день ощущала, как ее сердце стягивают невидимые цепи, когда она подходила к дому, который превратился в тюрьму.

Они проехали мимо площади, где стоял ее безмолвный дом — мир, в котором она жила, зная, что не может выражать свои мысли, не может совершить ни единого действия, не подвергаясь критике мужчины, которого она сделала настолько несчастным, что вся его жизнь свелась к тому, чтобы наказывать ее молчанием, презрительными взглядами и холодным отношением, заставлявшим ее мерзнуть даже в разгар лета.

Ребенок может защитить женщину от всего этого, но лишь до определенного момента. Она повиновалась зову сердца, понимая, что окружающие будут презирать ее, но ей хотелось показать дочери, что можно жить по-другому: быть открытой жизни, не пытаясь ежедневно заглушить боль таблетками, жить, не извиняясь каждую секунду за сам факт своего существования.

Она видела окна, в которых стояли проститутки. Девушек, стучащих в окна, привлекая внимание прохожих, перевели в другое место. Надеюсь, ваша жизнь изменилась к лучшему, подумала про себя Дженнифер. Надеюсь, что вы освободились от оков, которые удерживали вас взаперти, — такого шанса достоин каждый.

Эсме увлеченно поглощала конфеты, разглядывая в окно улицы. Дженнифер обняла дочку и прижала ее к себе.

— Мамочка, а куда мы едем? — спросила девочка, разворачивая очередную карамельку и засовывая ее в рот.

— Мы встретимся с одним другом, а потом нас ждет приключение, дорогая, — ответила Дженнифер, дрожа от возбуждения, и подумала: а ведь у меня нет ничего. Ничего!

— Приключение?

— Да. Приключение, которое должно было начаться давным-давно.

Статья на четыре полосы, посвященная переговорам по разоружению, никуда не годится, думал Дон Франклин, пока его заместитель предлагал ему другие варианты. Ну, зачем жена положила сырой лук в сэндвичи с ливерной колбасой? Ведь знает же, что у него от лука изжога.

— Если передвинуть рекламу зубной пасты, то можно напечатать здесь материал о танцующем священнике, — предложил заместитель.

— Дурацкая история.

— Может быть, театральное ревю?

— Оно на восемнадцатой странице.

— Вест-зюйд-вест, босс.

Потирая живот, Франклин обернулся и увидел, как в офис быстрым шагом вошла женщина в коротком черном плаще. Она держала за руку светловолосую девочку. Ребенок в редакции газеты — это почти как солдат в женской юбке, с ужасом подумал Дон, что-то тут не так. Женщина что-то спросила у Шерил, и та махнула рукой на кабинет редактора.

— Простите, что беспокою вас, но мне нужно срочно поговорить с Энтони О'Хара, — открыв дверь, сказала она прямо с порога.

— Простите, а вы кто? — поинтересовался Дон, нервно кусая карандаш.

— Дженнифер Стерлинг. Я его подруга. Я только что была у него в отеле, но администратор сказал, что он уже съехал. — Она с тревогой посмотрела на него.

— Ах, так это вы приносили ему записку пару дней назад, — припомнила Шерил.

— Да, я.

Дон покосился на Шерил, которая с неприкрытым любопытством разглядывала незнакомку с ног до головы. Девочка держала в руках недоеденный леденец, время от времени задевая им рукав маминого плаща и оставляя на нем липкие следы.

— Он уехал в Африку.

— Что?!

— Уехал в Африку.

Женщина с ребенком замерли.

— О нет... — хрипло прошептала она. — Это невозможно... Он же еще ничего не решил...

— Новости быстро меняются, — пожал плечами Дон, вынимая из рта карандаш. — Он улетел вчера, утренним рейсом. Ближайшие несколько дней будет в дороге.

— Но я должна поговорить с ним.

— С ним невозможно связаться, — отрезал Дон, поймав на себе внимательный взгляд Шерил и свирепо взглянув на двух других секретарш, оживленно шептавшихся в углу приемной.

— Но... но ведь должен быть какой-то способ связаться с ним, — побледнев, взмолилась женщина. — Вряд ли он уехал далеко.

— Он может быть где угодно. Это же Конго. Там нет телефонов. Обещал при первой же возможности прислать телеграмму.

— Конго? Но почему же он уехал так быстро? — прошептала она.

— Кто знает, — многозначительно взглянул на нее Дон. — Возможно, ему хотелось поскорее убратся отсюда.

Шерил замешкалась в дверях, притворившись, что перекладывает бумаги с места на место. Женщина, казалось, сейчас потеряет сознание.

Она закрыла лицо дрожащими руками.

На какой-то момент Дон испугался, что она, не дай бог, разрыдается. Если и есть зрелище пострашнее, чем ребенок в редакции, так это рыдающая в редакции женщина. Но она все-таки взяла себя в руки, сделала глубокий вдох и сказала:

— Если он вам позвонит, передайте ему, пожалуйста, мой номер. Мне необходимо поговорить с ним, — попросила она, доставая из сумочки папку с документами, потом несколько помятых конвертов, и после минутного колебания протянула их Дону. — Передайте ему это, пожалуйста. Он поймет, о чем речь.

Она вырвала из записной книжки страницу, что-то быстро написала на ней, засунула в папку и положила ее Дону на стол.

— Конечно.

— Сделайте так, чтобы он получил эту папку, — умоляющим тоном сказала Дженнифер, беря его за руку. — Это очень важно, — добавила она, но Дон смотрел на ее кольцо с бриллиантом размером со старательную резинку «Кох-и-нор». — Вы даже себе не представляете, насколько это важно!

— Понимаю. А теперь прошу меня простить, но мне нужно вернуться к работе. Сейчас самое горячее время, мы должны соблюдать сроки подачи материалов.

— Простите, — пробормотала она. — Но, пожалуйста, передайте ему эту папку, умоляю вас.

Дон кивнул. Дженнифер некоторое время смотрела ему в глаза, пытаясь убедить себя в том, что он говорит правду, потом в последний раз огляделась по сторонам, словно проверяя, нет ли здесь О'Хара, взяла дочь за руку и произнесла:

— Простите, что побеспокоила вас...

Выходя из редакции, дама с ребенком как будто стала ниже ростом. Она медленно шла к дверям, словно не понимая, куда ей идти. Около кабинета Дона собрались несколько человек, провожавших ее любопытными взглядами.

— Конго, значит, — сказала Шерил.

— Мне срочно нужен разворот на четыре полосы! — рявкнул Дон, не отрывая глаз от стола. — Черт с ним, пусть будет танцующий священник.

Три недели спустя кто-то решил прибраться на столе у заместителя

главного редактора. Среди старых корректур и темно-синих листов копировальной бумаги обнаружилась какая-то потрепанная папка.

— А кто такой Б.? — спросила Дора, временно работавшая на должности секретаря. — Это Бентинк, что ли? Так он же уволился пару месяцев назад.

В это время Шерил ругалась по телефону с кем-то из отдела бухгалтерии по поводу оплаты дорожных расходов, но все-таки прикрыла рукой трубку и крикнула ей:

— Если не можешь понять, чье это, отошли в библиотеку. Я делаю так со всеми документами, которые непонятно кому принадлежат. Тогда Дон на тебя не наорет... Ну или наорет, — подумав, поправились она, — но не за беспорядок в бумагах.

Дора кинула папку на тележку для документов, предназначенных для отправки в скрытый в недрах здания архив. Она приземлилась рядом со старым номером газеты «Кто есть кто» и отчетом о заседании парламента.

Эту папку вновь взяли в руки лишь через сорок лет.

Часть 3

М-ду нами все конч.

Мужчина — женщине, в эсэмэске

2003 год

Вторник. Красный Лев? Подходит? Джон. Цел.

Элли ждет его двадцать минут, и вот он наконец входит в бар, принося с собой уличный холод и бесконечное количество извинений — интервью на радио продлилось дольше, чем он ожидал. Оказалось, что Джон знаком со звукорежиссером еще с университетских времен, тому нужно было разузнать все последние новости, сразу встать и уйти было как-то неудобно.

А вот заставлять меня ждать в пабе — удобно, думает она про себя, но, не желая портить ему настроение, просто улыбается.

— Чудесно выглядишь, — говорит он, глядя ее по щеке. — Новая прическа?

— Да нет.

— Ну, значит, просто чудесно, как обычно.

Всего одна фраза, и она уже и думать забыла, что злилась за опоздание.

На нем темно-синяя рубашка и пиджак цвета хаки. Однажды она поддразнила его, что так одеваются все писатели, как будто это униформа, — непринужденно, неброско и дорого. Именно таким она представляет Джона, когда думает о нем.

— Как Дублин?

— Забегался-замотался, — отвечает он, снимая шарф. — У меня новый издатель — Роз. Похоже, она считает, что в ее обязанности входит назначать мне по одной встрече каждые пятнадцать минут. По-моему, она рассчитывает, что я даже в туалет буду ходить по расписанию.

Элли смеется.

— Пить будешь? — спрашивает он, замечая ее пустой бокал, и подзывает официанта.

— Белое вино, — отвечает она.

Вообще-то, Элли собиралась ограничиться всего одним бокалом — пытается пить поменьше, но рядом с ним она чувствует напряжение в животе, которое может снять только алкоголь.

Джон без умолку болтает о поездке, о проданных книгах, о том, как изменилась набережная в Дублине, а она глаз с него не сводит. В какой-то книге Элли прочитала следующее: если вы в первые же минуты знакомства поняли, что за человек перед вами, то дальше следуют лишь поверхностные впечатления, которые определяются тем, что вы об этом человеке думаете. Эта мысль утешает ее по утрам, когда она просыпается с опухшим лицом после очередной гулянки с друзьями или с красными от недосыпа глазами. Для меня ты всегда будешь красивым, решает она про себя.

— А ты, значит, сегодня не работаешь?

— У меня выходной, — отвечает она, пытаясь поддержать разговор. — Я же работала в прошлое воскресенье, помнишь? Но все равно надо заглянуть в редакцию.

— Над чем трудишься?

— Ничего особенного. Нашла одно письмо и хотела порыться в архиве. Вдруг еще что-нибудь такое отыщется...

— Письмо?

— Да... Ничего интересного, — оправдывается она, заметив его удивленно приподнятые брови. — Просто старое письмо, тысяча девятьсот шестидесятого года.

Элли не знает, почему ведет себя так скрытно, но ей не хочется показывать ему этот страстный текст — будет как-то неловко. Вдруг он подумает, что она показывает ему это письмо не просто так, а с намеком?

— А, понятно... Да, тогда были совсем другие нравы. Обожаю писать о том времени: так гораздо проще создать конфликт.

— Конфликт?

— Между чувством долга и велением сердца.

— Да уж, — вздыхает она, разглядывая свои руки, — это я знаю не понаслышке.

— Нарушение границ и запретов... Все эти жесткие нормы поведения в обществе...

— Ну-ка, скажи еще раз, — подмигивает ему она.

— О нет, — улыбаясь, шепчет он. — Только не в ресторане. Какая плохая девочка!

Сила слова велика — Джон никогда не может устоять перед ней. Он

прижимается к ней бедром. Скоро они поедут к ней домой и проведут наедине как минимум час. Этого не хватит. Этого всегда не хватает, но одна мысль о его обнаженном теле кружит ей голову.

— А ты... все еще голоден? — медленно спрашивает Элли.

— Смотря что ты предлагаешь...

Они глядят друг другу в глаза. Для нее в баре нет никого, кроме этого мужчины.

— Кстати, пока не забыл, — заерзав на стуле, сообщает он. — Семнадцатого снова уезжаю.

— Опять турне? — спрашивает она, пытаясь не обращать внимания на то, как он сжимает под столом ее бедра. — Да, твои издатели не дают тебе заскучать.

— Нет, в отпуск еду, — спокойно говорит он. Короткая пауза, а потом — вот оно: физическая боль, как от удара под ребра. Почему всегда бьют по самым уязвимым местам?

— Рада за тебя. — Она убирает ногу. — Куда едешь?

— На Барбадос.

— Барбадос?! — не сдержавшись, восклицает она. Барбадос, а не какой-нибудь там кемпинг в Бретани или дача двоюродного брата в дождливом Девоншире. Барбадос — это вам не нудный семейный отдых, это роскошный отель, белый песок, жена в бикини. Барбадос — это подарок, это означает, что они ценят свой брак. Возможно, они даже займутся там сексом.

— Не думаю, что там будет Интернет, а позвонить вряд ли смогу. Вот, хотел тебя предупредить.

— Режим радиомолчания...

— Что-то вроде того.

Элли не знает, что сказать, но чувствует, как внутри нарастает гнев. Но у нее нет права сердиться на него. Джон никогда ничего ей не обещал, так ведь?

— Хотя, конечно, отпуск с маленькими детьми — все равно не отдых, — говорит он, потягивая свой коктейль. — Так, смена обстановки...

— Правда?

— Ты себе не представляешь, сколько всего надо тащить с собой: чертовы коляски, детские стульчики, памперсы.

— Ничего себе...

Они молча смотрят друг на друга, и тут подходит официант с вином. Он наливает и ставит перед ней бокал. Тишина растет, становясь избыточной, невыносимой.

— Элли, я женат, и с этим ничего не поделаешь, — наконец говорит он. — Прости, если это причиняет тебе боль, но я не могу отказаться ехать в отпуск просто потому...

— Просто потому, что я тебя ревную, — заканчивает за него она.

Элли ненавидит себя за эти слова. Ненавидит себя за то, что ведет себя как обиженный подросток. Но тем не менее продолжает думать об их поездке на Барбадос. На протяжении двух недель ей надо попытаться не представлять себе, как он занимается любовью с женой.

В этой сцене мне стоило бы уйти, говорит она себе, поднимая бокал. В такие моменты разумная женщина собирает остатки самоуважения, заявляет, что заслуживает лучшего, и уходит, чтобы найти другого мужчину, который отдаст ей себя целиком, а не только редкие обеды вместе и тревожные, пустые вечера.

— Ты все еще хочешь, чтобы мы поехали к тебе? — глядя на нее виноватыми глазами, спрашивает он, прекрасно понимая, какую боль ей причиняет.

— Да, — отвечает она, думая, что это не мужчина, а какое-то минное поле.

В иерархии сотрудников газеты библиотекари занимают одну из нижних ступенек — ниже только персонал столовой и охранники. Их даже сравнивать нельзя с колумнистами, редакторами, репортерами отдела новостей. Вот кто лицо любого издания, а библиотекари — обслуживающий персонал, невидимый, недооцененный, в обязанности которого входит исполнять поручения более важных сотрудников. Однако молодому человеку в футболке с длинным рукавом никто, похоже, не объяснил, как обстоят дела:

— Сегодня заявки не принимаем, — говорит он, показывая на написанную от руки записку, приклеенную к стойке скотчем.

Приносим свои извинения. Доступ в архив закрыт до понедельника. Большинство заявок может быть обработано онлайн. Пожалуйста, попробуйте сначала электронный вариант, в исключительных случаях звоните по телефону 3223.

Дочитав, Элли поднимает глаза, но мужчина уже испарился. Его поведение могло бы задеть ее, но пока ее мысли заняты Джоном. Она вспоминает, как полтора часа назад он сказал ей, натягивая через голову и заправляя в брюки рубашку:

— Ничего себе! Никогда раньше не занимался сексом после ссоры.

— Не списывай со счетов, — парировала Элли, немного повеселев после временной разрядки. — Лучше так, чем ссора без секса, — добавила она, лежа поверх одеяла и глядя в окно на серое октябрьское небо.

— А мне понравилось. — Он наклонился к ней и поцеловал. — Классная идея, когда ты используешь меня и я становлюсь просто инструментом, который приносит тебе удовольствие.

Элли кинула в него подушкой. Сейчас Джон выглядел по-другому: смотрел на нее с нежностью, еще принадлежа ей, ее идее, воспоминанию о том, что между ними произошло. Он принадлежал ей.

— Думаешь, было бы легче, если бы секс не удался? — спросила она, убирая волосы с лица.

— И да, и нет.

«Потому что если бы тебе не нравилось заниматься со мной сексом, то тебя бы здесь просто не было?»

— Понятно, — резко произнесла Элли и села на постели, отчего-то вдруг насторожившись. — Мне пора в редакцию. — Она поцеловала его в щеку, а потом, для верности, в ухо. — Когда будешь уходить, захлопни дверь, — закончила она и пошлепала босиком в ванную.

Прекрасно понимая, что он этого не ожидал, она притворила за собой дверь и открыла кран с холодной водой, так, чтобы вода текла как можно громче. Присела на край ванны и прислушалась: Джон прошел через гостиную — наверное, чтобы надеть ботинки, а затем звук шагов раздался прямо под дверью ванной.

— Элли? Элли! — (Она молчала.) — Элли, я ушел.

Главное — молчать.

— Скоро позвоню, красавица. — Он пару раз постучал в дверь и удалился.

Хлопнула входная дверь, а Элли сидела на краю ванны еще минут десять.

Она уже собирается уходить, и тут парень в футболке возвращается. Он несет две коробки, доверху забитые документами, и уже собирается ногой открыть дверь и снова исчезнуть, но замечает ее и спрашивает:

— А, вы все еще здесь?

— Вы неправильно написали слово «сначала», — показывает она на объявление.

— Ну, сейчас за всем не уследишь, правда? — отвечает он, взглянув на стойку, и поворачивается к двери.

— Пойдите. Пожалуйста! — Элли практически ложится на стойку, в отчаянии размахивая папкой, которую он дал ей. — Мне надо взглянуть на выпуски тысяча девятьсот шестидесятого года. И еще я хотела у вас спросить: помните, где вы нашли ту папку, которую дали мне?

— Более или менее... А что?

— Ну... я там нашла одно письмо... Мне кажется, если я раскопаю еще что-нибудь, из этого выйдет отличная статья.

— Сейчас не могу, простите, — качает он головой. — У нас тут с этим переездом такой кавардак.

— Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Мне нужно подготовить материал до конца недели. Я понимаю, что вы ужасно заняты, но вы мне просто покажите где, а я сама поищу.

У него грязные волосы, на футболке повсюду следы пыли — и вообще он больше похож на серфера, чем на библиотекаря. Парень устало надувает щеки и бросает коробку на стойку:

— Ну ладно... что за письмо?

— Вот. — Элли протягивает ему конверт.

— Да, зацепиться особо не за что... Номер абонентского ящика и инициал...

Он ведет себя сдержанно. Элли уже жалеет о том, что указала ему на ошибку в объявлении.

— Знаю, просто я подумала, что если у вас вдруг есть еще письма на этот ящик, то я смогу...

— У меня нет времени...

— Прочитайте! — умоляет она. — Пожалуйста, просто прочитайте... — Она осекается, так как вспоминает, что не знает его имени, — работает здесь уже два года и не знает, как зовут библиотекарей.

— Рори.

— Элли, очень приятно.

— Я и так знаю. Здесь, в архиве, мы знаем журналистов в лицо. А еще, ты не поверишь, мы друг с другом разговариваем. Я правда занят, — говорит он, глядя на письмо, — да и частной перепиской мы не занимаемся. Даже не знаю, как оно к нам попало. — Он протягивает письмо обратно Элли и пристально смотрит ей в глаза. — Сна-ча-ла.

— Две минуты! — восклицает она, запихивая письмо ему в руки. — Ну, Рори, ну пожалуйста!

Библиотекарь со вздохом берет конверт, достает письмо, медленно читает, а потом поднимает глаза.

— Ну как? Только не говори, что тебе неинтересно.

Он молча пожимает плечами.

— Интересно, я же вижу, — улыбается она.

Рори открывает стойку и с обреченным выражением лица пропускает ее в архив.

— Принесу газеты, которые тебе нужны через десять минут. Вообще-то, я уже сложил все ненужное в мешки для мусора и собирался выкинуть, ну да ладно... можешь перерыть их, вдруг что-то попадется. Но ни слова моему шефу. И даже не надейся, что я буду тебе помогать.

Элли сидит в архиве уже три часа, напрочь позабыв о газетах за 1960 год, — сидит в углу пыльного подвала, не обращая внимания на снующих мимо нее мужчин, которые носят коробки с надписями: «Выборы-67», «Железнодорожные катастрофы», «Июнь-июль 1982». Она роется в огромных мешках с пыльной бумагой, то и дело отвлекаясь на рекламу вулканизированной резины, тоников и давно забытых марок сигарет, руки быстро чернеют от пыли и старой типографской краски. Элли сидит на перевернутом контейнере, вокруг нее возвышаются стопки бумаг, но она ищет листок форматом меньше А3, написанный от руки. Она настолько погрузилась в поиски, что даже не смотрит на мобильный, чтобы проверить, не прислал ли Джон эсэмэску. На какое-то время она даже забывает о часе, проведенном дома вместе с ним, хотя обычно воспоминания о свидании не идут у нее из головы еще несколько дней.

Сверху из помещения, где уже почти не размещается отдел новостей, доносится шум: редакция переваривает и выплевывает последние новости дня, постоянно, в течение каждого часа обновляя списки горячих новостей, статьи появляются и удаляются, согласно последним цифровым изменениям. Оттуда так далеко до темных коридоров подвальных помещений, что Элли кажется, будто она оказалась на другом континенте.

В половине шестого к ней подходит Рори с двумя пластиковыми стаканчиками с чаем. Один протягивает ей, а сам, прислонившись к пустому шкафу для документов, дует на свой чай.

— Ну что, как дела?

— Ничего... Узнала много нового об инновационных, полезных для здоровья тониках, результатах чемпионата по крикету среди студентов Оксфорда, но ни одного душещипательного любовного письма...

— Шансов изначально было не много...

— Я знаю, просто оно меня как-то зацепило, — отвечает она, делая глоток. — Не знаю, прочитала это письмо, и оно у меня просто из головы не идет. Я хочу узнать, что случилось. А как твои сборы?

— Почти закончили, — довольно говорит он, присаживаясь рядом с ней на контейнер, и она видит его пыльные руки и грязь на лбу. — Представляешь, мой босс не доверил упаковку специалистам.

Заведующий библиотекой работает в газете дольше всех: он живая легенда. Говорят, он может назвать дату и номер выпуска газеты по самому общему описанию статей.

— Почему не доверил?

— Боится, что они что-нибудь перепутают или коробку потеряют, — вздыхает Рори. — Я говорил ему, что рано или поздно весь архив все равно переведут в цифру, но ты же знаешь, как он относится к оригиналам.

— И сколько коробок получилось?

— Восемьдесят с подшивками, примерно шестьдесят с вырезками и сопутствующими документами. И знаешь, в чем ужас? Он помнит, что лежит в каждой коробке!

— Может быть, рассказать ему об этом письме? — спрашивает Элли, запихивая бумаги обратно в мешок для мусора. — Вдруг он знает, кто его написал?

— Ну, только если ты готова его вернуть, — присвистнув, отвечает Рори. — Он за такими вещами следит, ничего не выкидывает. Парни ждали, пока он уйдет домой, чтобы выкинуть то, что уже совсем никуда не годится, иначе мы бы еще пару комнат коробками заставили. Если бы он знал, что я отдал тебе ту папку, то я бы отсюда в момент вылетел.

— Так значит, я никогда не узнаю правду... — театрально вздохнув, сетует Элли.

— Какую правду?

— Что же стало с моими любовниками, коим суждено было родиться под несчастливой звездой.

— Она отказала ему, — предполагает Рори.

— Да ты неисправимый романтик!

— Ей есть что терять...

— Откуда ты знаешь, что письмо адресовано женщине? — наклонив голову набок, спрашивает его Элли.

— Женщины тогда особенно не работали, кажется.

— Письмо датируется тысяча девятьсот шестидесятым — суфражистки давно в прошлом.

— Ну-ка, дай сюда. Ладно, может, у нее и была работа, — признает Рори, перечитав письмо. — Но там что-то написано про поезд. Мне кажется, вряд ли женщина уезжала куда-то на поезде, потому что сменила работу Вот, смотри, — показывает он на нужную строчку, — он просит ее

уехать с ним. Женщина не стала бы просить мужчину уехать с ней — не те времена были.

— У тебя очень стереотипные представления о мужчинах и женщинах.

— Нисколько. Просто я слишком много времени провел здесь, погрузившись в истории былых лет. Считаю как в другой стране побывал.

— Может быть, письмо адресовано вовсе не женщине, — дразнит его Элли, — а другому мужчине.

— Вряд ли: гомосексуальные связи тогда были запрещены законом. Он писал бы более скрытно...

— Письмо и так скрытное...

— Да это самый обычный адюльтер, чего тут говорить.

— О, какие познания! Личный опыт?

— Э, нет, я в такие игры не играю! — восклицает он, отдавая ей письмо и допивая чай.

У Рори длинные пальцы с квадратными ногтями — руки рабочего, а не библиотекаря, рассеянно отмечает она. Хотя, с другой стороны, откуда ей знать, как выглядят руки библиотекаря?

— Значит, у тебя никогда не было романа с замужней женщиной? Или ты женат, но никогда не изменял? — спрашивает она, поглядывая на его безымянный палец.

— Ответ: нет и еще раз нет. Я в такие истории не ввязываюсь. Мне нравится, когда в жизни все просто, а такие штуки, — кивает он на письмо, которое она как раз убирает в сумочку, — добром не заканчиваются.

— По-твоему, все любовные истории завершаются трагически, если они не просты как три копейки?! — возмущается она, чувствуя, что его слова задела ее.

— Я такого не говорил.

— Говорил. И еще ты сказал, что она наверняка отказала ему.

— Мы закончим минут через десять, — говорит Рори, комкая стаканчик и кидая его в мешок для мусора. — Так что хватай что можешь. Покажи, что не успела просмотреть, я постараюсь отложить до завтра. И кстати... — замечает он с непроницаемым лицом, пока Элли собирает вещи, — бьюсь об заклад, мне все-таки кажется, она ему отказала. Но кто сказал, что это худший из возможных вариантов?

*Я все равно люблю тебя — даже если нет ни меня,
ни любви, ни жизни на земле — я все равно люблю тебя.*

Зельда — Скотту Фицджеральду, в письме

О такой жизни многие могут только мечтать. Элли Хоурт часто напоминает себе об этом, просыпаясь в своей маленькой идеальной квартирке, где никто в ее отсутствие не раскидывает вещи, с похмельем от выпитого накануне белого вина и новым приступом меланхолии. Вообще-то, она очень хочет завести кошку, но боится, что ее станут называть «одинокой дамой с котиками». Элли работает журналистом в национальной газете, ее волосы легко поддаются укладке, тело стройное в одних местах и пышное — в других, она достаточно симпатична, чтобы привлекать внимание мужчин, но притворяется, что это ее оскорбляет. Остра на язык — и даже чересчур, по мнению матери, — обладает быстрым умом, несколькими кредитными картами и небольшой машиной, с которой справляется без помощи мужчин. На встречах с бывшими одноклассниками Элли чувствует, что они завидуют ей, когда она рассказывает о своей жизни: она еще не в том возрасте, чтобы отсутствие мужа или детей расценивалось как полная неудача. Когда она встречается с мужчинами, то сразу замечает, как они составляют список ее достоинств: отличная работа, буфера что надо, чувство юмора в наличии — будто она приз в какой-то игре.

В последнее время Элли стала замечать, что мечта становится какой-то расплывчатой, резкая ирония, которой она всегда славилась, покинула ее с тех пор, как появился Джон, а отношения, которые раньше помогали ощущать себя живой, теперь пожирают ее совершенно незавидным образом. Однако Элли старается гнать такие мысли прочь. Ведь это не так уж и сложно, когда вокруг тебе подобные: журналисты и писатели. Они умеют пить, умеют веселиться, заводят обреченные на провал романы, забывают о том, что дома их ждут несчастные жены и мужья, которые, устав от их пренебрежительного отношения, в конце концов тоже заводят интрижки на стороне. Элли стала одной из них — одной из этой когорты, живущей жизнью со страниц гламурных журналов, — с тех пор, как поняла, что хочет писать. Элли Хоурт — успешная одинокая эгоистка, и

гордится этим. Она абсолютно счастлива — счастливее, чем многие другие.

К тому же нельзя иметь все, уговаривает себя Элли в те минуты, когда вдруг просыпается и пытается понять, на чью же мечту похожа ее жизнь.

— С днем рождения, старая кошелка! — радостно кричат Коринн и Ники, похлопывая по креслу, когда Элли, размахивая сумкой, врывается в кафе. — Давай, давай! Ну как можно так опаздывать. Нам уже пора на работу.

— Простите. Вышла позже, чем собиралась.

Подруги переглядываются, и Элли понимает: они думают, она опоздала из-за Джона. Она решает не говорить им, что на самом деле она ждала почту — хотела узнать, не прислал ли он что-нибудь, — поэтому сейчас чувствует себя полной дурой: зря только опоздала на двадцать минут на встречу с подругами.

— Ну и каково ощущать себя живым ископаемым? — вопрошает Ники. — Я заказала тебе латте на обезжиренном молоке. В твоём возрасте уже пора следить за весом.

Ники подстриглась, и теперь ее светлые волосы напоминают шапку непослушных кудряшек, она похожа на херувимчика.

— Тридцать два — не так уж и много, по крайней мере, я стараюсь убедить себя в этом.

— Жутко боюсь этой даты! — восклицает Коринн. — Когда тебе тридцать один — значит, еще совсем недавно тебе было тридцать, то есть технически тебе еще двадцать с хвостиком. А вот тридцать два зловеще напоминает о том, что скоро будет тридцать пять.

— А от тридцати пяти и до сорока недалеко, — поддерживает ее Ники, разглядывая новую причёску в зеркало, висящее за диванчиком.

— И вас с днем рождения, девочки! — возмущается Элли.

— Да ладно тебе. Мы будем любить тебя, даже когда ты станешь одинокой морщинистой старушкой в огромных трусах телесного цвета. А вот и твои подарки. Учти: обмен и возврату не подлежат.

Элли заглядывает в подарочные пакеты — идеальный выбор, на такое способны лишь старые друзья. Коринн подарила ей кашемировые носки сизого цвета. Они такие мягкие, что Элли едва сдерживается, чтобы не натянуть их на ноги прямо в кафе. А Ники купила подарочный сертификат в до неприличия дорогой салон.

— Он действует на антивозрастные процедуры для лица, — злорадно улыбаясь, поясняет она. — Можно выбрать: либо маски, либо ботокс, но мы-то знаем, что ты уколы терпеть не можешь.

Элли переполняют любовь и благодарность к подругам: сколько вечеров они провели вместе, сколько раз заверяли друг друга, что они одна семья, как боялись, что кто-нибудь из них выйдет замуж и бросит остальных. Сейчас Ники завела себе нового мужчину, и он кажется на удивление перспективным вариантом: платежеспособный, добрый и не дает ей расслабиться. Последние десять лет Ники занималась тем, что старалась держаться подальше от мужчин, которым она небезразлична. А Коринн недавно рассталась со своим мужчиной, прожив с ним год. Говорит, что он был очень мил, но они стали словно брат и сестра, а ей казалось, что до этого люди успевают пожениться и завести парочку детей.

Девушки никогда не говорят всерьез о страхе, что они могут упустить тот самый «поезд», который так любят поминать их мамы и тети. Не говорят о том, что большинство их друзей мужского пола сейчас встречаются с женщинами лет на пять-десять моложе их. Шутят о том, что хотят состариться, потеряв достоинство. Перечисляют друзей-геев, которые обещают поспособствовать им завести детей «лет через десять», если ни один из них не найдет себе пару, хотя все прекрасно понимают, что этому не бывать.

— А он что тебе подарил?

— Кто? — невинным тоном спрашивает Элли.

— Мистер Бестселлер. Или он так долго тебя поздравлял, что ты опоздала?

— То есть уколов она боится, а вот инъекций другого рода — не особенно, — хихикает Коринн.

— Фу, какие вы противные! — восклицает Элли, попивая чуть теплый кофе. — Мы... мы с ним еще не виделись.

— Но он тебя пригласит куда-нибудь вечером? — насторожилась Ники.

— Наверное, да, — отвечает она.

Элли вдруг приходит в ярость от того, с каким пониманием они смотрят на нее. Она злится на себя за то, что не удосужилась заранее придумать Джону оправдание. Злится на него за то, что ей приходится оправдываться.

— Он тебе хоть позвонил, Эл?

— Нет. Но вообще-то, сейчас еще только восемь тридцать утра. Господи, в десять собрание отдела, а у меня ни одной нормальной идеи!

— Да пошел он! — обнимает ее Ники. — Мы купим тебе тортик со свечками, правда, Коринн? Никуда не уходи, сейчас принесу маффин с глазурью, и устроим утреннее деньжожденное чаепитие.

И тут у Элли вибрирует мобильный. Она открывает его и читает.

С днем рождения, красавица! Подарок попозже. Цел.

— Это он? — спрашивает Коринн.

— Да, — улыбается она. — Говорит, подарок будет попозже.

— Вполне в его духе, — фыркает Ники, ставя на столик тарелку с глазированным маффином. — Так куда вы идете?

— Э-э-э... он не написал.

— Ну-ка, покажи. — Ники выхватывает у нее мобильный. — И как прикажешь это понимать?

— Ники... — пытается успокоить ее Коринн, чувствуя неладное.

— Да ты послушай: «Подарок попозже. Целую». Да за кого он тебя держит?!

— Ники, у нее все-таки день рождения.

— Вот именно! Поэтому с какой радости она должна в свой день рождения расшифровывать сомнительные сообщения, которые ее сомнительный любовник пишет на полпути из дома до работы? Элли, дорогая! Что ты творишь?

Элли замирает в ужасе. Ники нарушила негласное правило: никогда не критиковать парней подруг, какими бы странными ни казались их отношения со стороны. Подруги должны поддерживать друг друга, молча соглашаться со всем и уж точно не спрашивать таким тоном: «Что ты творишь?»

— Да все в порядке. Ну правда, — отвечает она.

— Милая, тебе тридцать два, — строго смотрит на нее Ники. — Ты встречаешься с этим мужчиной — нет, ты влюблена в него! — уже почти год, и все, чего ты заслуживаешь в день рождения, — сомнительное сообщение, которое означает или не означает, что, возможно, вы увидите в относительно недалеком или далеком будущем? Любовницам вроде как положено хотя бы дарить дорогое белье. Или возить их в Париж на выходные. Прости, Коринн, — огрызается Ники, заметив, как подруга поморщилась, — но я просто решила для разнообразия сказать то, что думаю. Элли, дорогая, я тебя безумно люблю. Но скажи, зачем тебе все это?

Элли не отрывает глаз от чашки с кофе. Ну вот, день рождения безнадежно испорчен...

— Я люблю его, — тихо произносит она.

— А он тебя любит? Или хотя бы знает, что ты его любишь? — не отстает Ники, и Элли смотрит на нее с неожиданной ненавистью. — Ты же не можешь даже сказать ему об этом. Ладно, — сдается она, — я умываю руки.

В кафе воцаряется звенящая тишина, а может быть, ей просто показалось. Элли нервно ерзает на стуле. Коринн укоризненно смотрит на Ники, которая лишь пожимает плечами и поднимает вверх тарелочку с маффином:

— Ладно, проехали. С днем рождения! Кто хочет еще кофе?

Элли устало опускается в кресло перед компьютером. На столе ничего: ни записки, в которой говорится, что у администратора ее ожидает букет, ни коробки с конфетами, ни шампанского. Открыв почту, она обнаруживает восемнадцать новых писем, не считая спама. Мама купила компьютер в прошлом году, но до сих пор ставит восклицательный знак в конце каждого предложения, она прислала Элли письмо с поздравлением «С днем рождения!» и сообщением, что «песик хорошо себя чувствует после операции на бедре!» и что «прооперировать его оказалось дороже, чем нашу бабушку!» Секретарь редактора прислала напоминание о сегодняшнем собрании. Рори, парень из библиотеки, написал, чтобы она зашла попозже, но не раньше четырех, потому что до этого они будут в новом здании. От Джона — ни строчки, даже стандартного поздравления не прислал. Элли скорбит о своей несчастной судьбе и морщится, замечая, что Мелисса уверенной поступью движется в сторону кабинета, а за ней вприпрыжку бежит Руперт.

У меня проблемы, понимает она, шурша бумагами на столе. Как можно было позволить себе настолько увлечься этими письмами и совсем забыть про статью для выпуска о шестидесятых? Она не успела подобрать примеры из серии «тогда-сейчас», как просила Мелисса. Элли проклинает себя за то, что так засиделась в кафе, приглаживает волосы, хватая первую попавшуюся под руки папку, чтобы хотя бы произвести впечатление девушки, у которой все схвачено, и бежит в кабинет редактора.

— Итак, со страницами здоровья мы вроде как разобрались. Статья про артрит готова? Надо еще сделать боковую полосу с альтернативными способами лечения. Кто из знаменитостей страдает от артрита? Это бы оживило разворот, а то как-то скучновато выглядит.

Элли с серьезным видом листает папку. Уже почти одиннадцать, ну что ему стоило прислать ей цветы? Мог бы расплатиться в цветочном наличкой, раз так боится, что жена прочитает распечатку с кредитной карты.

А может, он уже остыл ко мне? Возможно, поездка на Барбадос — попытка наладить жизнь с женой. Может, это был трусливый способ сказать, что Элли для него уже не так важна, как раньше? Она листает

старые сообщения на телефоне, пытаюсь понять, есть ли какие-то признаки того, что их отношения уже не те, что прежде.

Хорошая статья о ветеранах войны. Цел.

Свободна в обед? Буду неподалеку в 12.30. Д.

Ты просто нечто! Сегодня поговорить не получится. Напишу тебе утром. Цел.

По этим скудным сообщениям невозможно понять, изменилось ли его отношение к ней — слишком мало информации. Элли вздыхает, расстраиваясь от собственных грустных мыслей, вспоминая прямолинейный монолог подруги. «Что же я творю? Мне ведь так мало нужно. Почему мало? Да потому что я боюсь, что если потребую большего, то он почувствует, что его приперли к стенке, и все рухнет в одночасье. Я ведь прекрасно знала, на что иду. Никаких оснований жаловаться. Но неужели мне положено настолько мало?» Одно дело, когда ты знаешь, что мужчина тебя страстно любит, но в силу обстоятельств вы не можете быть вместе. А когда ты и в этом не уверена...

— Элли?

— Да? — Она поднимает глаза и обнаруживает, что на нее уставилось десять пар глаз.

— Ты собиралась рассказать нам о твоих идеях для выпуска в понедельник, — бесстрастно говорит Мелисса, буравя ее взглядом. — Страницы «тогда-сейчас»?

— Да-да, — поспешно отвечает Элли и принимается листать папку, пытаюсь не краснеть. — Так вот... я подумала, что можно сразу перейти к тому, как все было тогда. Можно взять рубрику «Советы психолога» и сравнить, что волновало людей тогда и сейчас.

— Именно это я и попросила тебя сделать на прошлой неделе. Так что ты раскопала?

— Ой, простите, оставила материалы в архиве. Библиотекари в панике с этим переездом, все боятся, что какие-нибудь документы затеряются, — заикаясь, оправдывается она.

— А почему же ты не сняла копию?

— Я...

— Элли, так дело не пойдет. Я думала, что ты закончила с этим материалом еще несколько дней назад, — ледяным тоном сообщает

Мелисса, остальные опускают глаза, чтобы не смотреть на предстоящую публичную экзекуцию. — Я могу отдать это задание кому-нибудь другому. Кому-нибудь из более опытных сотрудниц.

«Она все прекрасно понимает, — думает Элли, — она видит, что в последние месяцы работа отошла для меня на второй план. Мелисса видит, что я витаю в облаках: скомканные простыни в гостиничном номере или оставшийся без присмотра дом чьих-то родственников, я постоянно говорю с мужчиной, которого нет рядом. Без него меня ничего не интересует, и она об этом прекрасно знает».

Мелисса смотрит в потолок.

Элли вдруг с поразительной ясностью осознает непрочность своих позиций.

— Но зато у меня есть кое-что получше, — вдруг заявляет она, доставая из папки конверт и протягивая его начальнице. — Я решила, что это вам больше понравится. Я работаю над зацепками по этой истории.

— Нам известно, кто написал письмо? — спрашивает Мелисса, прочитав текст.

— Пока нет, но я работаю над этим. Думаю, получится отличная статья, если я смогу узнать, что с ними случилось и удалось ли им воссоединиться.

— Да, похоже, тут речь о внебрачной связи, — кивает Мелисса. — Скандалы шестидесятых? Можно использовать это в качестве иллюстрации того, как изменились моральные принципы. Каковы шансы, что ты найдешь этих людей?

— Я навожу справки.

— Узнай, что случилось. Возможно, их подвергли публичному остракизму.

— Если она не ушла от мужа, то, возможно, не захочет, чтобы эту историю предавали огласке, — замечает Руперт. — Тогда таким вещам придавали куда больше значения, чем сейчас.

— Если надо, предложи им анонимность, но в идеале нужны фотографии — хотя бы того периода. Все равно вряд ли кто-то сможет узнать их.

— Я их еще не нашла, — признается Элли, слегка втягивая голову в плечи, и тут же понимает, что этого говорить не стоило.

— Значит, найди. Если хочешь, можешь взять себе в помощь кого-нибудь из новостного отдела, они профи в расследованиях такого рода. Статья нужна мне на следующей неделе, но сначала закончи с «Советами психолога». Мне необходимы примеры на двойной разворот к концу дня,

ясно? Встретимся завтра в то же время, — заканчивает встречу Мелисса и широким шагом направляется к двери, идеально уложенные волосы колыхнутся из стороны в сторону, как в рекламе шампуня.

Рори сидит в столовой. Увидев Элли, он вынимает из ушей наушники и откладывает в сторону путеводитель по Южной Америке. Перед ним пустая тарелка — значит, уже пообедал. Элли садится напротив:

— Привет! Это я, Мисс Орфографическая Зануда. Рори, если серьезно, у меня проблемы.

— Какие? Написала слово «истеблишмент» через букву «э»?

— Я проговорила о письме Мелиссе Бекинге, и теперь мне нужно состряпать «Историю о любви, которая побеждает все» для нашего раздела.

— Ты рассказала ей?!

— Она застала меня врасплох. Мне надо было сказать хоть что-нибудь. Ты бы видел, как она на меня смотрела! Я думала, что она переведет меня в раздел «Свадьбы и похороны».

— Та-а-ак, уже интереснее.

— Хватит издеваться. А еще для начала мне надо просмотреть рубрику «Советы психолога» во всех выпусках шестидесятых годов и найти моральные соответствия в современном мире.

— Ну что ж, довольно четкая задача.

— Но на это нужна куча времени, а у меня еще и другая работа есть, даже если не считать поисков наших загадочных любовников. Слушай, а ты не можешь мне помочь? — с надеждой улыбается она.

— Прости, дорогая, у самого завал. Но когда спущусь в архив, я откопаю тебе все выпуски за шестидесятые.

— Вообще-то, это твоя работа, — протестует она.

— Ага, — ухмыляется он, — а писать статьи и вести журналистские расследования — твоя.

— У меня сегодня день рождения.

— Ну, с днем рождения!

— О, ты такой отзывчивый.

— А ты привыкла всегда получать то, что хочешь, — с улыбкой парирует Рори и, забрав со стола книгу и МРЗ-плеер, уходит.

Если бы ты знал, насколько ошибаешься, думает Элли, глядя ему вслед.

Мне двадцать пять, у меня неплохая работа, но она не позволяет мне сделать то, что я хочу, — купить дом, машину и

жениться.

— А жена, видимо, бесплатное приложение к дому и машине, — бормочет себе под нос Элли, глядя на выцветшую газетную страницу. — Хотя нет, сначала, наверное, все-таки стоит обзавестись стиральной машиной.

Я заметил, что многие из моих друзей стали жить значительно хуже после женитьбы. Я уже три года довольно регулярно встречаюсь с одной девушкой и очень хотел бы жениться на ней. Я попросил ее подождать еще три года, потому что тогда мы сможем позволить себе жить в куда лучших условиях, но она говорит, что не станет меня дожидаться.

Три года, думает Элли, сложно упрекнуть ее в нетерпеливости. Похоже, парень не сгорает от страсти.

Либо мы поженимся в этом году, либо она вообще не выйдет за меня. Я считаю, что это неразумно с ее стороны, ведь я сказал, что не смогу обеспечить ей нужный уровень жизни.

Как вы думаете, какие еще аргументы мне стоит использовать, чтобы убедить ее?

— Э, нет, парень, — произносит она вслух, кладя очередной лист в копировальный аппарат. — Ты и так уже сказал все, что надо.

Она возвращается на свое место и достает из папки скомканное, написанное от руки письмо.

Моя дорогая, единственная моя... Если ты не придешь, я пойму, что, несмотря на все наши чувства друг к другу, все-таки их недостаточно. Я ни в чем не упрекну тебя, дорогая. Знаю, последние недели были для тебя невыносимыми, и прекрасно понимаю, каково тебе. Я ненавижу себя за то, что стал причиной твоего несчастья.

Элли раз за разом перечитывает эти строчки. В них столько страсти, столько силы, даже по прошествии многих лет. Зачем мучиться, выслушивая: «Ведь я сказал, что не смогу обеспечить ей нужный уровень жизни», когда есть те, кто говорит: «Помни, что мое сердце и мое будущее — в твоих руках!» Ей отчаянно хочется, чтобы девушка автора

того письма в газету ушла от него, и поскорее.

Элли в очередной раз от безысходности проверяет почту, потом смотрит на мобильный. Ей тридцать два года. Она любит женатого мужчину. Подруги начинают думать, что это смешно и глупо, и она ненавидит их, потому что они правы.

Она задумчиво грызет карандаш, достает отсканованные страницы, но тут же откладывает их в сторону, открывает почту и начинает писать письмо, стараясь поменьше думать, что делает.

Единственный подарок, который мне хотелось бы получить в день рождения, — узнать, что я значу для тебя. Нам нужно серьезно поговорить, я хочу рассказать тебе о своих чувствах. Мне надо знать, есть ли у наших отношений какое-то будущее.

Немного помедлив, она добавляет:

Я люблю тебя, Джон. Сильнее, чем любила кого-либо за всю свою жизнь, и это сводит меня с ума.

На глаза наворачиваются слезы. Элли передвигает курсор на «Отправить». Стены офиса вдруг начинают давить на нее. Боковым зрением она видит, как Каролина, редактор раздела «Здоровье», болтает с кем-то по телефону за соседним столом, как мойщик окон покачивается за окном в своей люльке, как редактор раздела новостей спорит с одним из репортеров в другом конце офиса, замечает, что под ее столом не хватает одной плитки. Но на самом деле Элли видит только мигающий курсор и написанные слова — на экране мерцает ее будущее.

Я люблю тебя сильнее, чем любила кого-либо за всю свою жизнь.

Если я сделаю это, думает она, то пути назад не будет. Я смогу взять ситуацию под контроль. А если он ответит не то, что я хочу услышать, то, по крайней мере, все будет ясно.

Курсор продолжает мигать на кнопке «Отправить».

«И я никогда больше не дотронусь до его лица, не поцелую его губы, не почувствую прикосновения его рук. Никогда не услышу, как он произносит мое имя, как будто в этих словах есть огромная ценность».

Внезапно раздается звонок, Элли подпрыгивает, смотрит на телефон,

словно забыла, где он стоит, вытирает глаза, расправляет плечи и снимает трубку:

— Алло?

— Привет, именинница! — раздается голос Рори. — Давай-ка спускайся в наши катакомбы, как будет минутка. У меня для тебя кое-что есть. И раз такое дело, то захвати мне кофе. Такова плата за мои бесценные услуги.

Она вешает трубку, оборачивается к монитору и нажимает «Удалить».

Рори весь в пыли, и Элли едва сдерживается, чтобы не взъерошить ему волосы, как ребенку. Нет, она и так уже один раз повела себя как училка, так что не стоит. Вдруг он снова обидится?

— Ну и что ты нашел? — спрашивает она, ставя перед ним стаканчик с кофе.

— Сахар положила?

— Нет, ты же вроде без сахара пьешь...

— Правильно, молодец. Слушай, — шепчет он, наклонившись к ней через стойку, — босс следит за мной. Надо быть осторожными. Во сколько ты заканчиваешь?

— Да когда угодно. Я в принципе закончила.

Рори отряхивает пыль с волос, и над его головой повисает пыльный нимб.

— Черт, я чувствую себя как тот персонаж из «Пинатс», как его там?! А, вспомнил: Пиг Пен, ^[20] ну тот, помнишь? Вокруг которого облако пыли все время летает? Таскаем коробки, к которым сто лет никто не прикасался. Подумать только, неужели нам когда-нибудь понадобятся отчеты о заседаниях парламента тысяча девятьсот тридцать второго года? Ну да ладно: в «Черной лошади» через полчаса?

— В пабе?

— Ну да.

— У меня, вообще-то, могут появиться планы... — неуверенно отвечает Элли, жалея, что нельзя просто попросить его отдать то, что он нашел, но, увы, это будет черная неблагодарность.

— Да мы на десять минут, я потом все равно с друзьями встречаюсь. Но смотри, как знаешь, можно и до завтра подождать.

Она вспоминает, что мобильный поставлен на беззвучный режим и спокойно лежит в заднем кармане. А какой у нее, собственно, выбор? Бежать домой и ждать, пока Джон позвонит ей? Провести еще один вечер перед телевизором, зная, что настоящая жизнь где-то там, за окном? Какого

черта, почему бы и не зайти с ним в бар ненадолго.

— Ну, давай, Элли, полпинты шенди.^[21] Кто не рискует — тот не пьет шампанское.

— Шенди? Хорошо, увидимся.

— У меня в руках будет папка с пометкой «Совершенно секретно», — ухмыляется он.

— Да ты что? Меня ты сразу узнаешь — я буду стоять и орать: «Купите мне выпить! У меня день рождения!»

— А как же красная гвоздика в петлице? Вдруг я тебя не узнаю?

— Никаких тайных знаков. Вдруг ты мне не понравишься, а я выдам себя и не смогу вовремя сбежать.

— Разумно, — одобрительно кивает он.

— То есть даже не намекнешь, что нашел?

— Сюрприз. У тебя ведь день рождения, — подмигивает он ей, исчезая за двойными дверьми среди бесконечных рядов стеллажей.

В женском туалете никого. Элли моет руки, отмечая про себя, что дни этого здания сочтены: компания решила даже не покупать мыло, да и тампоны в автомате давно закончились. На следующей неделе, не дай бог, придется приносить с собой туалетную бумагу.

Она разглядывает свое отражение, подкрашивает ресницы и замазывает мешки под глазами. Красит губы, но тут же стирает помаду. Вид у Элли уставший, но она говорит себе, что все дело в слишком резком освещении, а вовсе не в том, что она стала на год старше. Она садится рядом с раковиной, достает из сумочки телефон и набирает сообщение.

Просто хотела спросить, что значит «позже»? Сегодня или нет? Пытаюсь спланировать вечер. Э.

В сообщении нет ничего навязчивого, надоедливое или даже отчаянного. Так может написать женщина, которой есть из чего выбрать, есть чем заняться, но которая при необходимости все-таки готова поставить мужчину на первое место. Она смотрит на светящийся экран телефона еще минут пять, пытаюсь понять, правильно ли написала, а потом отправляет.

Ответ приходит почти сразу. С замирающим сердцем Элли думает: это он!

Пока сложно сказать. Позвоню позже, если пойму, что получается. Д.

Ее вдруг охватывает возмущение: «И это все?! У меня день рождения, а все, на что ты способен, — это сказать: „Позвоню попозже, если пойму, что получается“?!»

Да не беспокойся, — набирает она, яростно стуча пальцами по кнопкам, — я найду чем заняться.

Впервые за последние несколько месяцев Элли Хоу-орт отключает телефон, прежде чем убрать его в сумочку.

Статья о рубрике «Советы психолога» отняла больше времени, чем Элли предполагала. Она сочиняет интервью с вымышленной женщиной, у которой ребенок болеет редкой формой полиартрита, а потом бежит в «Черную лошадь». Рори уже сидит на другом конце зала. Пыль отряхнута с волос. Она пробирается к нему через толпу, то и дело толкая кого-нибудь и тут же извиняясь, и уже готовится произнести дежурное «прости, что опоздала», но вдруг обнаруживает, что он не один, а с целой компанией незнакомых ей людей, которые не имеют никакого отношения к газете. Он в центре всеобщего внимания, весело смеется. Ей странно видеть его за пределами работы, и она на секунду останавливается, чтобы собраться с мыслями.

— Элли, привет! — машет ей он. — А я уже решил, что ты не придешь.

— Задержалась на работе, прости, — натянуто улыбаясь, отвечает она, подходит к столику и здоровается с его друзьями.

— Давай я тебя чем-нибудь угощу Чего тебе хочется? Ребята, у Элли сегодня день рождения.

Ее наперебой поздравляют люди, которых она видит первый раз в жизни, она смущенно улыбается и мечтает провалиться сквозь землю. Вообще-то, она не рассчитывала вести светские беседы в малознакомой компании. Хочется поскорее сбежать отсюда, но Рори уже возвращается из бара.

— Белое вино, — сообщает он, протягивая ей бокал, — я бы заказал тебе шампанское, но...

— ...но я и так слишком часто получаю все, что хочу.

— В точку! — радостно улыбается он.

— В любом случае — спасибо.

Рори знакомит ее с друзьями, но Элли тут же забывает, как их зовут.

— Слушай... — начинает она.

— Перейдем к делу? Простите, ребята, мы ненадолго, — извиняется он и уводит ее в дальний угол бара, где потише и поменьше народу.

У столика всего один стул, Рори уступает его ей, а сам присаживается рядом на корточки, расстегивает рюкзак и достает папку с пометкой: «Асбест. Клинические случаи: симптоматика».

— А какое отношение...

— Терпение. Я все думал о том письме, которое мы с тобой нашли. Оно ведь было среди документов по асбесту, так? Внизу хранится куча документов по асбесту, в основном от групп правозащитников за последние несколько лет. Я решил порыться в более старых документах и кое-что нашел: эти документы датируются примерно тем же периодом, как и та папка, которую я отдал тебе в прошлый раз. Думаю, они просто случайно попали в разные коробки. Смотри, что я отыскал! — победоносно заявляет Рори, листая страницы профессиональными движениями пальцев, и достает прозрачный пластиковый конверт.

У Элли замирает сердце — там два пожелтевших конверта. Тот же почерк, тот же адрес: абонентский ящик в почтовом отделении на Лэнгли-стрит.

— Ты прочитал их?

— Я что, кажусь тебе образчиком терпения и выдержки? — ухмыляется он. — Конечно прочитал.

— Можно посмотреть?

— Давай.

Первое письмо озаглавлено «Среда»:

Я понимаю, ты боишься быть неправильно понятой, но, поверь мне, тебе нечего бояться. Да, той ночью в «Альберто» я вел себя как дурак и всегда буду вспоминать свою выходку со стыдом, но причиной послужили вовсе не твои слова, а то, о чем ты промолчала. Джесси, разве ты не понимаешь, что я вижу лучшее во всем, что ты говоришь и делаешь? Но человеческое сердце, как и природа, страшится пустоты. Я глупый, неуверенный в себе человек, поэтому мне остается только раз за разом убеждать себя в том, что наши отношения имеют глубокий смысл, хотя мы не знаем, к чему они приведут нас. Мне просто необходимо услышать, что для тебя это так же важно, как и для меня: точнее, что наша любовь и для тебя важнее всего на свете.

Если мои слова повергают тебя в трепет, предлагаю тебе более простой вариант. Просто напиши мне одно слово: «да».

На втором письме стоит дата, но нет обращения. Почерк узнаваем, но неаккуратный, как будто автор писал в спешке, мало задумываясь над

формой.

Клянусь, я не собирался больше писать тебе. Но прошло шесть недель, а лучше мне не становится. Вдали от тебя — в тысячах миль от тебя — мне не становится легче. Я думал, что исцелюсь, если меня больше не будет мучить твоя близость, если я перестану каждый день видеть единственную женщину в мире и понимать, что она никогда не станет моей. Но я ошибался: стало еще хуже. Будущее кажется мне серой, пустынной дорогой.

Я не знаю, что и зачем пытаюсь сказать тебе, моя милая Дженни. Наверное, просто хочу, чтобы ты знала: если ты хоть на секунду засомневаешься в том, что приняла правильное решение, то мои двери всегда открыты для тебя.

Если же ты чувствуешь, что сделала верный выбор, то, по крайней мере, я хочу, чтобы ты знала: где-то на этом свете есть человек, который любит тебя, который видит, какое ты сокровище, какая ты умная и добрая. Этот человек всегда любил тебя и, к сожалению, судя по всему, будет любить тебя всегда.

Твой

Б.

— Дженни, — повторяет Рори. — Она не ушла к нему, — говорит он, не дождавшись какой-либо реакции от Элли.

— Да, ты был прав...

Рори хочет сказать что-то еще, но выражение ее лица заставляет его замолчать.

— Не знаю почему, — вздыхает Элли, — но мне стало очень грустно.

— Но теперь у тебя есть ответ. И есть подсказка, как найти ее, если ты и правда хочешь написать эту статью.

— Дженни... Этого маловато, — задумчиво произносит она.

— Все письма лежали в папках с документами по асбесту. Возможно, она как-то с ним связана. Думаю, тебе стоит просмотреть обе папки. Вдруг еще какую-то зацепку найдешь.

— Ты прав, — соглашается Элли, берет у него папку и, осторожно убрав письма в пластиковый конверт, кладет все в сумочку. — Спасибо тебе огромное. Я знаю, у тебя сейчас и так дел по горло. Спасибо.

Рори пристально разглядывает ее, как будто сканируя файл в поисках нужной информации. «А вот Джон всегда смотрит на меня с виновато-ласковым выражением лица, как будто постоянно просит прощения за то,

кем мы друг другу приходимся».

— Ты и правда расстроилась.

— Да ладно... Просто, как всегда, надеялась на хеппи-энд, — вымученно улыбается она. — Почему-то решила, что ты нашел какое-то доказательство счастливого конца этой истории...

— Не принимай так близко к сердцу, — беря ее за руку, говорит он.

— Ой, да мне все равно, честное слово! — резко отвечает она. — Просто статью всегда лучше заканчивать на оптимистичной ноте, сам понимаешь. Мелисса может и не захотеть, чтобы я писала эту статью, когда узнает, что они расстались, — продолжает Элли, убирая челку с глаз. — Ты же ее знаешь: «Ну-ка, давайте пободрее! Наши читатели и так перегружены всякими ужасами из раздела новостей».

— Ну вот, я испортил тебе день рождения! — кричит он ей в ухо, пока они идут обратно к столику по шумному бару.

— Не переживай! — кричит она в ответ. — Довольно логичное завершение дня.

— Поехали с нами, — берет ее за локоть Рори. — Мы собираемся на каток. Кое-кто не смог присоединиться, так что у нас как раз есть лишний билет.

— На каток?

— Поехали, будет весело.

— Мне тридцать два года. И ты предлагаешь мне поехать на каток?

— Ну и что? — недоверчиво смотрит на нее он. — Да ладно, мы проследим, чтобы ты не упала со своих ходунков, старушка, — понимающе кивает он.

— Я почему-то думала, что на каток ходят только дети, ну, в крайнем случае — подростки...

— Да, мисс Хоурт, а с воображением-то у вас так себе. Допивайте свое вино и собирайтесь, отлично проведем время. Если, конечно, у вас нет других, более важных планов.

Элли хватается за телефон, борясь с искушением включить его, но вдруг понимает, что ей совершенно не хочется читать очередные сообщения с извинениями. Не хочется, чтобы остаток вечера был окрашен отсутствием Джона, его словами, тоской по нему.

— Если я сломаю ногу, то тебе в ближайшие шесть недель придется возить меня на работу и с работы.

— Интересно, машины-то у меня нет. А если я тебя на закорках носить буду, сойдет?

Рори совершенно не в ее вкусе: саркастичный, слегка грубоватый,

возможно, на пару лет младше. Зарабатывает, скорее всего, намного меньше, чем она, и до сих пор снимает квартиру с друзьями. Да у него, наверное, даже водительских прав нет. Но это лучшее, на что она может рассчитывать в четверть седьмого в собственное тридцатидвухлетие, а Элли довольно прагматична и гордится этим.

— А если я упаду и кто-то проедется мне по пальцам, будешь сидеть за моим компьютером и печатать под диктовку.

— Для этого и одного пальца хватит. И еще, кстати, носом можно. Ох уж эти мне журналистки, тоже мне, примадонны! Эй, ребята, допиваем! В билетах написано, что надо быть на катке в половине.

По дороге домой от метро Элли понимает, что бока у нее болят вовсе не от катания, хотя в последний раз она так много падала, когда училась ходить, а оттого, что два часа почти без перерыва она смеялась. Катание на коньках оказалось веселым занятием: сделав первые неуверенные шаги по льду и не упав, она ощутила редкое удовольствие от полного погружения в простую физическую активность.

Рори катался хорошо, как и большинство его друзей.

— Мы ездим сюда каждую зиму, — сказал он, махнув рукой на освещенный фонарями временный каток, притаившийся среди офисных зданий. — Лед заливают в ноябре, мы обычно выбираемся раз в две недели. Перед этим неплохо немного выпить, так легче расслабиться. Ну, давай! Расслабь руки-ноги. Немножко наклонись.

Он ехал перед Элли спиной вперед, протягивая ей руки, чтобы она могла схватиться за него, и безжалостно смеялся, когда она падала. Хорошо, что на его месте не оказался Джон. Ей было ровным счетом наплевать, что подумает о ней Рори, а вот с Джоном она бы все время думала, не покраснел ли у нее нос от холода.

А еще она все время думала бы о том, во сколько ему надо уходить.

— Спасибо, — благодарит она Рори, когда они подходят к ее дому. — День как-то с утра не задался, зато я прекрасно провела вечер.

— Но я же испортил тебе день рождения этим письмом...

— Переживу.

— Кто бы мог подумать? У Элли Хоуорт есть сердце.

— Не верь всяким сплетникам.

— Знаешь, а ты ничего, — заявляет он, и в глазах пляшут смешинки, — для стреляного воробья.

Ей хочется спросить у него, что он имеет в виду: каток или что-то другое, но она боится услышать ответ, поэтому просто отвечает:

— А ты само очарование.

— А ты... — Он осекается и оглядывается, бросая взгляд в сторону метро.

На минуту Элли думает, не пригласить ли его зайти, но тут же отбрасывает эту мысль. Ее голова, ее квартира, ее жизнь принадлежат Джону, а для этого мужчины там просто нет места. Возможно, он нравится ей, но скорее как брат сестре, жаль вот только, что он довольно симпатичный. Рори снова пристально вглядывается в ее лицо, и она пугается, не прочитает ли он ее мысли.

— Мне пора, — говорит он, кивая в сторону друзей, которые ждут его у метро.

— Да-да, спасибо еще раз.

— Без проблем. Увидимся на работе. — Он целует ее в щеку, поворачивается и быстрым шагом идет к метро.

Элли смотрит ему вслед с неожиданной грустью, но потом отворачивается, поднимается по лестнице и достает из сумочки ключи. «Ничего-ничего, сейчас я перечитаю новое письмо, разберусь с этим документами, поищу новые подсказки — в общем, с пользой проведу остаток вечера, я ведь умею правильно направлять энергию». Но тут кто-то берет ее за плечо, и она, вскрикнув, подпрыгивает от неожиданности.

На одну ступеньку ниже стоит Джон с бутылкой шампанского и нелепым огромным букетом под мышкой.

— Меня тут нет, — загадочно говорит он. — Я в Сомерсете, читаю лекцию для группы писателей, большинство из которых начисто лишены таланта, а один к тому же неисправимый зануда. Можешь сказать что-нибудь, — подбадривает он задышающуюся от удивления Элли, — только не говори «уходи».

Она молчит. Джон ставит шампанское и цветы на ступеньку, обнимает ее, целуя теплыми губами, и шепчет:

— Просидел в машине полчаса, не меньше... Уже испугался, что ты вообще сегодня домой не придешь...

Элли постепенно оттаивает, роняет сумку, прижимается к нему, ощущая его кожу, его вес, его размер. Он гладит теплыми руками ее холодное с мороза лицо.

— С днем рождения, — повторяет он, наконец выпуская ее из объятий.

— Сомерсет? — с безумной надеждой в голосе спрашивает она. — Значит...

— На всю ночь.

Сегодня Элли исполняется тридцать два года, а ее любимый мужчина

пришел к ней с шампанским и цветами и собирается провести всю ночь в ее постели.

— Ну так что, можно войти? — спрашивает он.

Она слегка хмурится, словно говоря: «Ну что за вопрос!», берет цветы, шампанское и поднимается по лестнице.

Во вторник буду занят. Если честно, мне не особенно хочется с тобой встречаться.

Мне кажется, лучше написать тебе об этом сейчас, чем встретиться и тут же договориться, что больше этого делать не стоит, — как-то обидно.

Мужчина — женщине, по электронной почте

— Элли, можно тебя на пару слов? — Холодный голос Мелиссы, доносящийся из-за стеклянной двери кабинета, жестоко возвращает ее к реальности.

— Конечно, — вежливо улыбаясь, отвечает она. Элли ставит сумку под стол, волосы еще слегка влажные. Всего полчаса назад она приняла душ, и мысли ее еще очень далеко отсюда. На столе кто-то оставил для нее кофе — он едва теплый, наверное, давно принесли. Под стаканчиком с кофе записка: «Ну что, Джейн Торвил, ^[22] пообедаем?» Но сейчас у нее нет времени думать об этом. Она быстро снимает пальто и заходит в кабинет редактора, с ужасом замечая, что Мелисса не торопится сесть. Элли скромно опускается на краешек стула и ждет, пока редактор медленно обойдет стол и сядет в кресло. На Мелиссе черные вельветовые джинсы и черный свитер с высоким горлом, выгодно подчеркивающий рельеф мышц на руках и животе, — наверное, она каждый день по несколько часов занимается пилатесом. Образ дополняют «авторские украшения», по выражению стилистов из отдела моды, хотя Элли кажется, что этим словом теперь называют любые украшения слишком большого размера.

Мелисса тихонько вздыхает и смотрит на нее своими ярко-фиолетовыми глазами. Наверное, носит цветные контактные линзы. Глаза точно того же оттенка, что и «эксклюзивные» бусы.

— Элли, мне неприятно говорить с тобой об этом, но ты меня вынуждаешь...

— О чем?

— Сейчас без четверти одиннадцать.

— Ах да, просто я...

— Наш отдел, конечно, считается самым демократичным во всей редакции «Нэйшн», но мне казалось, что мы договорились: мои сотрудники

должны быть на местах не позднее без четверти десять.

— Да, я просто...

— Я хочу, чтобы у моих авторов было время подготовиться к конференции: почитать свежую прессу, просмотреть новостные сайты, пообщаться, вдохновить себя и других, — продолжает Мелисса, поворачиваясь к компьютеру, чтобы проверить почту. — Участие в конференции — привилегия, Элли. Многие авторы могут лишь мечтать о такой возможности. Мне непонятно, как ты можешь успеть профессионально подготовиться, если влетаешь в офис за пару минут до начала... да еще и с мокрыми волосами, — добавляет Мелисса, буравя Элли таким взглядом, что у нее по спине бегут мурашки.

— Прошу прощения, Мелисса, но мне пришлось ждать водопроводчика.

— Элли, давай не будем, — тихо прерывает ее Мелисса, — не надо делать из меня дуру. Если ты, конечно, не собираешься убедить меня в том, что водопроводчик ходит к тебе примерно через день. Боюсь, что единственный вывод, который я могу сделать: ты относишься к работе недостаточно серьезно. У нашей газеты есть интернет-версия, и теперь все авторы на виду. Оценивается не только качество работы, но и количество просмотров ваших статей. Твои показатели, Элли, упали за этот год почти на сорок процентов, — сообщает Мелисса, заглянув в лежащую перед ней распечатку.

Элли молчит. В горле пересохло. Редакторы и журналисты толпятся перед кабинетом Мелиссы, сжимая в руках огромные блокноты и пластиковые стаканчики с кофе. Они смотрят на нее через стекло: одни с любопытством, другие — с некоторым смущением, как будто понимают, что происходит. У Элли мелькает мысль: коллеги, наверное, обсуждают ее, и она краснеет от унижения.

— Когда я взяла тебя в отдел, — наклонившись к ней через стол, продолжает Мелисса, — у тебя глаза горели. Ты всегда была на шаг впереди остальных, поэтому из бесчисленного количества региональных корреспондентов, которые продали бы родную мать, лишь бы оказаться на твоём месте, я выбрала именно тебя.

— Мелисса, у меня...

— Меня совершенно не интересует твоя жизнь, Элли. Я не хочу знать, есть ли у тебя проблемы личного характера, умер ли кто-то из родственников, погрязла ли ты в долгах. В особенности мало меня волнует, не заболела ли ты неизлечимой болезнью. Я просто хочу, чтобы ты выполняла работу, за которую тебе платят. В журналистском мире такое

поведение непростительно. Если ты не пишешь статьи, мы не можем привлечь достаточно рекламодателей, а значит наш оборот снизится и мы все окажемся без работы — кто-то раньше, кто-то позже. Я ясно выражаюсь?

— Вполне, Мелисса.

— Отлично. Не думаю, что тебе стоит присутствовать на сегодняшней конференции. Возьми себя в руки и приходи завтра. Как дела со статьей про любовные письма?

— Хорошо, — вставая, с показным оптимизмом отвечает Элли.

— Ладно, завтра покажешь. Пожалуйста, скажи остальным, что они могут заходить.

С трудом дождавшись половины первого, Элли сломя голову несется в библиотеку, сбегая по четырем лестничным пролетам. Настроение оставляет желать лучшего, и все радости предыдущего вечера давно забыты. Библиотека напоминает заброшенный склад. Полки над стойкой опустели, написанная с ошибкой записка исчезла, оставив после себя лишь два кусочка скотча. Из-за двойных дверей доносится шум: там двигают мебель. Главный библиотекарь, сдвинув очки на кончик носа, сосредоточенно изучает таблицу с множеством цифр.

— А Рори здесь?

— Он занят.

— Вы не могли бы ему передать, что я не смогу с ним пообедать?

— Я точно не знаю, где он.

— Ну, вы же все равно его увидите, — настаивает Элли, начиная нервничать, что Мелисса заметит ее отсутствие. — Передайте ему, пожалуйста, что мне придется писать ту статью, я зайду в конце дня.

— Оставьте ему записку.

— Но вы же сказали, что не знаете, где он.

— Прошу прощения, но мы заканчиваем подготовку к переезду, — нахмурившись, отвечает он нетерпеливым тоном, — и у меня совершенно нет времени, чтобы передавать сообщения сотрудникам.

— Отлично. То есть мне пойти в отдел персонала и спросить у них номер его мобильного? Думаете, им больше заняться нечем?

— Хорошо-хорошо, я передам ему, если увижу, — поднимая руку, соглашается библиотекарь.

— Ну что вы, не стоит беспокойства. Простите, что отвлекла.

— Возможно, вы и вам подобные, мисс Хоурт, — строго глядя на нее, заявляет библиотекарь таким тоном, что ее мать позавидовала бы, —

считаете сотрудников библиотеки мелкими сошками, но в моем возрасте я не могу позволить себе быть мальчиком на побегушках. Прошу меня простить, если это как-то осложняет вашу личную жизнь, — добавляет он и уходит в подсобку.

Элли с удивлением вспоминает, как Рори говорил ей, что библиотекарь знает в лицо всех пишущих авторов, а вот она понятия не имеет, как его зовут.

Она краснеет, глядя ему вслед, и проклинает себя за то, что ведет себя как упрямый подросток, а его — за нежелание помочь. Проклинает Мелиссу — из-за ее выговора она не может даже спокойно пообедать с приятелем, а ведь день так хорошо начинался. Джон ушел только в девять: поезд из Сомерсета прибывает в четверть одиннадцатого, объяснил он, так что торопиться некуда. Она приготовила ему тосты с яичницей — единственное блюдо, которое у нее хорошо получается, — а потом сидела рядом с ним на постели и таскала кусочки у него из тарелки.

До вчерашнего дня Джон оставался у нее на ночь всего один раз, когда они только начинали встречаться. Тогда он сказал ей, что она его приворожила. Нежность и страсть сегодняшней ночи напомнили ей о том времени. Казалось, в свете приближающегося отпуска он стал уделять больше внимания ее чувствам.

Она ничего ему не сказала. За последний год Элли твердо усвоила, что жить нужно здесь и сейчас, научилась растворяться в каждом моменте, отказываясь омрачать его размышлениями о том, чего стоит это кратковременное счастье. Падение, как всегда, неизбежно, но обычно Элли успевает накопить достаточно приятных воспоминаний, чтобы смягчить боль.

Элли стоит на лестнице и вспоминает, как обнаженные, покрытые веснушками руки Джона обнимают ее, как во сне он прижимается щекой к подушке, — идеально, все было просто идеально! Тихий голос внутри шепчет: а вдруг однажды он все-таки задумается о том, что так можно прожить всю жизнь?

На такси до почтового отделения на Лэнгли-стрит совсем близко. Перед тем как уйти из офиса, Элли подходит к секретарю Мелиссы и сообщает в лучших традициях профессионального этикета: «Вот номер моего мобильного, если я вдруг понадобится. Меня не будет около часа».

Сейчас обеденный перерыв, но на почте никого нет. Она проходит мимо несуществующей очереди прямо к окошку и послушно ждет, пока электронный голос назовет ее номер: «Пройдите к окну номер четыре».

— Вы не подскажете, с кем я могу поговорить насчет абонентских

ящичков?

— Минутку.

Женщина уходит, потом возвращается и показывает ей на дверь в конце зала:

— Проходите, пожалуйста, там вас встретит Марджи.

Дверь открывается, и оттуда выглядывает молодая женщина с беджем и массивной золотой цепью с крестом. У ее туфель такой высокий каблук, что Элли не понимает, как в них вообще можно стоять, а уж тем более целый день работать. Сотрудница почты улыбается, и у Элли мелькает мысль о том, как же все-таки редко люди в центре Лондона улыбаются друг другу.

— Моя просьба может показаться вам немного странной, но тем не менее не подскажите, как найти человека, который арендовал у вас абонентский ящик несколько лет назад?

— Хозяева абонентских ящичков меняются довольно часто, а вас какой период времени интересует?

Элли не уверена, стоит ли посвящать ее во все подробности, но у Марджи такая милая улыбка, что она достает из сумочки пластиковый конверт с письмами и доверительным тоном объясняет:

— Понимаете, тут такая странная история... Я нашла несколько любовных писем. На конвертах указан абонентский ящик вашего отделения, и я бы очень хотела вернуть их хозяйке, — объясняет она, с удовлетворением замечая, что ей удалось заинтересовать Марджи, которая, видимо, рада заняться чем-то поинтереснее писем из пенсионного фонда и возвратов заказанных по каталогу товаров. — Абонентский ящик номер тринадцать, — добавляет Элли, показывая ей конверт.

— Тринадцать?! — восклицает Марджи.

— Вам это о чем-то говорит?

— О да! — Марджи поджимает губы, стараясь не сболтнуть лишнего. — Этот абонентский ящик числится за одним человеком уже... постойте... уже сорок лет. Хотя в этом, конечно, нет ничего странного.

— А в чем есть?

— Туда никогда не приходят письма. Вообще никогда. Мы много раз связывались с владелицей ящика и предлагали ей закрыть его, но она всегда отказывается. Ну, это дело ее, если ей охота выбрасывать деньги на ветер... — тараторит Марджи, не сводя глаз с конверта. — Любовные письма, говорите? Ах, как грустно.

— А вы не могли бы сказать мне, как ее зовут? — осторожно спрашивает Элли, чувствуя, как от напряжения сжимается желудок. Судя

по всему, статья может получиться куда более интересной, чем она себе представляла.

— К сожалению, нет, — качает головой девушка. — Сами понимаете, конфиденциальность личных данных.

— Ну пожалуйста. Это очень, очень важно, — умоляет ее Элли, представляя себе лицо Мелиссы, когда она положит ей на стол статью «О запретной любви, которая продлилась сорок лет».

— Простите, мне и правда очень жаль, но я не имею права.

Элли тихо проклинает ее и краем глаза замечает возникшую из ниоткуда очередь. Марджи открывает дверь. Где-то позади, отчаянно рыдая, из коляски пытается вылезти малыш.

— В любом случае, спасибо за помощь, — окликает ее Элли, вспомнив о правилах приличия.

— Не за что.

— Погодите минутку! — восклицает вдруг Элли, в панике роясь в сумочке.

— Да-да?

— А я могу оставить... письмо для этого абонента? — с улыбкой спрашивает Элли.

Дорогая Дженифер!

Пожалуйста, простите меня за столь бесцеремонное вторжение в Вашу жизнь, но мне в руки попала переписка личного характера, которая, как я полагаю, принадлежит Вам, и я была бы рада вернуть Вам эти письма при первой же возможности.

Со мной можно связаться по указанным ниже телефонам.

С уважением,

Элли Хоуорт.

Они с Рори сидят в пабе напротив редакции. Еще не поздно, но на улице уже стемнело, и в свете уличных фонарей можно разглядеть зеленые грузовые машины перед главным входом в «Нэйшн»: туда-сюда снуют люди в рабочих комбинезонах. Это продолжается уже несколько недель. Рори сидит на диванчике рядом с Элли, упираясь одной ногой в ножку стола, и читает ее письмо.

— Что-то не так? — спрашивает Элли, глядя на выражение лица Рори. — Я не то написала?

— Да нет.

— А что? У тебя такое лицо...

— Не знаю, не спрашивай. Я же не журналист, в конце концов.

— Ну ладно тебе, колись. Что с лицом?

— Ну... тебе не кажется, что это немного...

— Что?

— Ну не знаю... Это же все такое личное... а ты собираешься попросить ее потрясти грязным бельем на публике...

— Да она, может, и рада будет. Вдруг она снова найдет его, — с притворным оптимизмом возражает Элли.

— А может быть, она замужем и последние сорок лет они с мужем стараются забыть о том злополучном романе.

— Сомневаюсь. В любом случае, с чего ты взял, что это «грязное белье»? Может, они все-таки вместе и у нашей истории счастливый конец.

— Ага, вот она и отказывается сорок лет кряду закрывать абонентский ящик. Не было там никакого счастливого конца, — заявляет он, отдавая ей письмо. — А вдруг она душевнобольная?

— Прекрасно. То есть если ты держишь дверь открытой для того, кого любишь, — значит ты просто свихнулась?

— А ты считаешь, что держать абонентский ящик на протяжении сорока лет и не получить за все эти годы ни одного письма — это нормально?

Доля истины в его словах, конечно, есть, вынуждена признать она. Но ее так завораживает история о Дженнифер и пустом абонентском ящике. К тому же другого материала, из которого можно было бы сделать приличную статью, у нее нет.

— Я подумаю, — отвечает Элли, решая не сообщать Рори, что уже отправила на абонентский ящик копию.

— Ладно. Ну как, тебе вчера понравилось? Не очень все болит сегодня?

— Что понравилось?

— Кататься на коньках?

— А-а-а... Да.

Элли вытягивает ноги, чувствуя напряженные мышцы, и слегка краснеет, случайно задев его коленку. У них уже появились шутки, которые не понимает никто, кроме них двоих. Он называет ее Джейн Торвил, а она его — скромным библиотекарем, готовым ради нее на все. Он пишет ей сообщения с кучей орфографических ошибок: «Не саблагавалит ли дама пропустить по стаканчику после работы в кампании скромного библиатекаря?»

— Мне сказали, что ты меня искала.

— Твой босс — жуткий зануда! — морщится Элли. — Ну правда. Сделал такое лицо, как будто я попросила его принести в жертву собственного первенца, а не передать тебе два слова.

— Да не, он нормальный, — хмурится Рори. — Просто он в таком стрессе. Это его последний проект перед выходом на пенсию. Ты представь, перевезти в правильном порядке сорок тысяч документов, не считая тех, которые мы уже успели отсканировать и перевести в цифру.

— Рори, у нас у всех есть дела, и что дальше?

— Просто он хочет, чтобы все было тип-топ. Старая школа, сама понимаешь, готов на все ради газеты. Он мне нравится. Вымирающий вид.

Элли вспоминает ледяной взгляд и высоченные каблуки Мелиссы и понимает, что Рори прав, а он тем временем продолжает:

— Он знает об этом месте все. Поговори с ним как-нибудь, он расскажет тебе много интересного.

— Вряд ли, по-моему, я не произвела на него должного впечатления...

— А ты попробуй его вежливо попросить.

— Как тебя?

— Нет. Я сказал — «вежливо», — хмыкает Рори.

— А ты займешь его место, когда он выйдет на пенсию?

— Я? — удивляется Рори, поднимая свой бокал. — Не-е-е, я поеду путешествовать в Южную Америку. Вообще-то, я собирался здесь просто летом подработать, но почему-то застрял на полтора года.

— Ты работаешь здесь уже полтора года?

— А ты что, меня не замечала? — с притворной обидой спрашивает он.

— Нет, я просто... — краснея, заикается Элли, — просто странно, что я тебя раньше не видела.

— Да вы, журналюги, вообще видите только то, что хотите. Какое вам дело до нас, невидимой прислуги, которая существует только ради того, чтобы исполнять ваши приказания, — беззлобно смеется Рори, но Элли чувствует, что в каждой шутке есть доля истины.

— То есть я эгоистичная журналюга, которой ни до кого нет дела и которой плевать на нужды истинного рабочего класса? А еще я плохо себя веду с почтенными пожилыми мужчинами, которые не потеряли представления о том, что такое профессиональная этика, так?

— Ну, примерно, — смеется он, а потом смотрит на нее с очень серьезным видом. — И как ты собираешься искупить свою вину?

Элли почему-то на удивление тяжело смотреть ему в глаза. Пока она лихорадочно соображает, что бы ответить, раздается сигнал мобильного.

— Прости, — бормочет она, роясь в сумочке, находит телефон и нажимает на мигающий на экране конвертик.

Приветики! Завтра уезж. в отпуск, напишу, как приеду, береги себя. Д. Цел.

Она разочарована: и это все? После такой потрясающей, романтической ночи? После непреодолимого желания и страсти? И все, что он может ей сказать: «Приветики»?

Элли перечитывает сообщение и начинает уговаривать себя, что, вообще-то, Джон никогда не пишет длинных сообщений. Он сразу сказал ей, что это слишком рискованно. Вдруг жена прочитает какое-нибудь компрометирующее сообщение прежде, чем он успеет его удалить? Ну и вообще: «береги себя» — это же так мило, правда? Значит, ему не все равно и он заботится о ней. Постепенно успокаиваясь, Элли думает о том, насколько вольно она трактует его скупые слова. Ей кажется, будто у них такая необыкновенная связь, что все остальное просто неважно: она и так знает, что на самом деле хочет сказать ей Джон. Но иногда, в такие дни, как сегодня, она сомневается, стоит ли за его словами нечто большее.

Что же ответить? Желать хорошего отпуска как-то странно, ведь на самом деле ей хочется, чтобы отпуск прошел просто ужасно, жена отравилась экзотической едой, дети все время ныли, а погода оказалась на редкость плохой и им пришлось большую часть времени просидеть в четырех стенах. Она хочет, чтобы он сидел в номере и скучал по ней, скучал по ней, скучал по ней...

И ты береги себя. Цел.

Оторвавшись от телефона, Элли видит, что Рори бесстрастно разглядывает грузовики за окном, притворяясь, что ему совершенно неинтересно, чем она там занимается.

— Извини, это по работе, — оправдывается она, убирая телефон в сумку.

«Интересно, почему я не хочу сказать ему правду? Мы могли бы стать друзьями. Мы, собственно говоря, уже друзья. Почему бы и не рассказать ему о Джоне?»

— Как ты думаешь, почему теперь никто больше не пишет таких писем? — спрашивает она, доставая из сумки папку. — В смысле, мы, конечно, пишем сообщения и мейлы и так далее, но никто не пишет таким

языком, правда? Как будто все боятся сказать правду, в отличие от нашего неизвестного любовника.

От редакции отъезжает последний грузовик. Пустой, безжизненный фасад здания, черная зияющая дыра входа, освещенная уличными фонарями. Даже не верится, что в здании все еще находятся сотрудники, которые готовят к выходу утренний выпуск и вносят последние поправки в первую полосу.

— Может, кто-нибудь и пишет, — отвечает он более грубо, чем обычно. — Или мужчины теперь просто не знают, чего от них хотят услышать женщины.

Обеим подругам долго добираться до спортивного зала в районе Суисс-Коттедж, тренажеры там постоянно ломаются, а администратор так злобно смотрит на них, что они считают ее тайным агентом темной стороны. Но ни ей, ни Ники не хочется тратить время на то, чтобы закрыть членские карты и найти другой, более подходящий клуб. Уже несколько лет подряд они встречаются здесь раз в неделю, тяжело дыша, крутят педали велотренажеров, подвергают себя пыткам со стороны сочувственно смотрящих на них двадцатилетних тренеров. Проплыв несколько обязательных кругов в бассейне, они идут в баню или сауну, убеждая друг друга, что это «полезно для кожи», а на самом деле — просто чтобы поболтать.

Ники сегодня опоздала: она готовится к конференции в Южной Африке и задержалась на работе. Они никогда не обижаются друг на друга за опоздания. Что ж, такое случается, карьера — прежде всего. Хотя Элли, вообще-то, так до сих пор и не понимает, чем именно занимается ее подруга.

— А там жарко будет? — спрашивает она, поправляя полотенце на раскалившейся в сауне скамейке.

— Думаю, да, — вытирая глаза, отвечает Ники. — Хотя не уверена, что мне удастся понежиться на солнышке, моя новая начальница — настоящий трудоголик. Хотела взять недельку отпуска по приезду, но она меня не отпустила.

— Ну и как она?

— Да нет, она нормальная, не то чтобы баба с яйцами, но работает на износ и не понимает, почему остальные не хотят так же вкалывать. Знаешь, я скучаю по старине Ричарду, при нем у нас хотя бы по пятницам был длинный обеденный перерыв.

— Ники, у кого сейчас нормальный обеденный перерыв.

— У вас, журналюг, у кого ж еще. Вы же только и делаете, что пьете шампанское за счет редакции, пока берете интервью у очередной знаменитости.

— Ага, как же. Моя начальница мне спуска не дает, — жалуется Элли и рассказывает Ники об утреннем разговоре с Мелиссой.

— Да, тебе надо быть поосторожней, — понимающе кивает она. — Похоже, ты попала в черный список. Статья-то двигается? Может, тогда она от тебя отстанет?

— Пока не знаю, что из этого выйдет... И мне как-то неловко использовать этот материал, — признается Элли, почесывая пятку. — Письма просто чудесные, такие искренние. Если бы мне кто-нибудь написал такое письмо, я бы не хотела, чтобы его читали все, кому не лень.

Элли ловит себя на том, что говорит совсем как Рори, и теперь она уже не так уверена в правильности своего решения. Она и не ожидала, что ему не понравится идея опубликовать письма. Ей казалось, что у всех сотрудников «Нэйшн» общая система ценностей: газета на первом месте — «старая школа».

— Да? А я кричала бы об этом на каждом углу. Не знаю ни одного человека, которому бы писали любовные письма. Ну, разве что моей сестре минимум два раза в неделю писал ее жених, когда переехал в Гонконг в девяностые. Она мне как-то показывала, — фыркает Ники. — Хотя в основном он писал о том, как скучает по ее попке.

Подруги хохочут, но дверь вдруг открывается, и в сауну заходит еще одна женщина. Они вежливо улыбаются друг другу, женщина залезает на верхнюю полку и аккуратно расстилает полотенце.

— Кстати, на прошлых выходных я видела Дага.

— Как он там? Уже осчастливил Лену?

— Он, вообще-то, про тебя спрашивал. Боится, что расстроил тебя. Говорит, вы повздорили.

— Да нет, все в порядке, — отмахивается Элли, вытирая потекшую тушь. — Просто он... живет в другой реальности, — заканчивает она, украдкой взглянув на женщину на верхней полке.

— В мире, где ни у кого нет внебрачных связей.

— Он принялся говорить мне, как плохо я себя веду. Мы разошлись во мнениях по поводу жены Джона.

— В смысле? — спрашивает Ники, но Элли ерзает на полотенце и выразительно смотрит вверх.

— Не обращайтесь на меня внимания, — доносится из клубов пара голос незнакомки. — Все подслушанное в сауне разглашению не подлежит, —

смеется она, и девушки вежливо улыбаются в ответ.

— Ну, он спросил, думаю ли я о ее чувствах, — вполголоса объясняет Элли.

— По-моему, это не твоя забота, а Джона.

— Да, но ты же знаешь Дага. Он же самый добрый мужчина на свете! — восклицает Элли, убирая со лба челку. — Он прав, Ники, но я же ее вообще не знаю, для меня она не реальный человек. Какое мне дело, что с ней будет? Ей принадлежит единственный мужчина, который может сделать меня счастливой. И вряд ли она так уж сильно его любит, раз ей нет дела до того, что ему нужно и чего он хочет. Ведь если бы они были счастливы, он бы не стал со мной встречаться.

— Не знаю. Когда у моей сестры родился малыш, она полгода вообще не понимала, что происходит, — качает головой Ники.

— Так у него младшему уже два, — протестует Элли, но, похоже, для Ники это не аргумент: такова оборотная сторона настоящей дружбы — друзья видят тебя насквозь.

— Знаешь что, Элли, — начинает Ники, ложась на скамейку и подкладывая руки под голову, — с моральной точки зрения мне все равно, но ты не выглядишь счастливой.

— Нет, я счастлива, — защищается Элли. — Ну ладно, — сдается она, замечая, как Ники скептически приподнимает бровь, — ладно. Я счастлива, как никогда раньше, и несчастна, как никогда раньше, если ты понимаешь, о чем я.

В отличие от двух своих лучших подруг, Элли никогда не жила с мужчиной. До тридцати лет она откладывала «замужество-и-детей» на потом, вместе с другими делами, которыми собиралась заняться «попозже», например пить алкоголь исключительно в разумных количествах и выйти на пенсию. Ей совершенно не хотелось последовать по стопам одноклассниц, которые уже в двадцать с хвостиком выглядели уставшими от жизни тетками с колясками и финансово зависели от достойных презрения мужей.

Ее последний молодой человек как-то пожаловался, что большую часть времени он ходит за ней, пока она носится взад-вперед и «орет в телефон». Элли рассмеялась, и он обиделся еще больше. Но с тех пор как ей исполнилось тридцать, ситуация перестала ее забавлять. Когда она ездила навестить родителей в Дербишир, они изо всех сил старались не упоминать о «ее молодых людях», и от этого деланого молчания становилось еще хуже. Элли всегда повторяла себе и всем остальным, что ей нравится жить одной. Пока она не познакомилась с Джоном, так оно и

было.

— Милая, он женат? — доносится из облака пара женский голос.

— Да, — отвечает Элли, переглянувшись с Ники.

— Если тебе станет легче, то я тоже была влюблена в женатого мужчину, а в следующий вторник будет четвертая годовщина нашей свадьбы.

— Поздравляю, — хором отвечают подруги, хотя Элли понимает: в данном случае поздравления вряд ли уместны.

— Мы с ним абсолютно счастливы. Дочка с ним, конечно, перестала разговаривать, но ничего страшного, главное, что мы счастливы.

— А он быстро ушел от жены? — выпрямляясь, спрашивает Элли.

Женщина завязывает волосы в хвост, и Элли думает, разглядывая ее: вот пожалуйста, у нее даже сисек нет, а он все-таки ушел к ней.

— Через двенадцать лет. Поэтому у нас нет детей, но все равно — оно того стоило. Мы очень счастливы.

— Рада за вас, — произносит Элли.

Женщина спускается с верхней полки, открывает стеклянную дверь, впуская поток холодного воздуха, и уходит, а подруги остаются вдвоем в жарком полумраке сауны.

— Двенадцать лет! — ужасается Ники, вытирая лицо полотенцем. — Двенадцать лет, испорченные отношения с дочерью и нет общих детей. Ну как, Элли, тебе стало легче?

Через два дня, в четверть десятого, звонит телефон. Элли уже на работе, пытается доказать начальнице, что та ошибается на ее счет. Интересно, во сколько Мелисса приходит на работу? Кажется, что из всего отдела она приходит первой и уходит последней, но прическа и макияж всегда просто идеальны, а гардероб безупречен. Элли подозревает, что в шесть утра у Мелиссы тренировка с личным тренером, а через час — укладка в каком-нибудь дорогом салоне. А у нее вообще есть семья? Кто-то говорил, что у начальницы — маленькая дочка, но Элли в это верится с трудом.

— Редакция, — отвечает она, рассеянно глядя на то, как за стеклянной стеной Мелисса расхаживает взад-вперед по кабинету и разговаривает по телефону, проводя свободной рукой по волосам.

— Я бы хотела поговорить с Элли Хоурт, — произносит звонкий голос, как будто из другой эпохи.

— Да, я вас слушаю.

— Ах это вы. Меня зовут Дженнифер Стерлинг, я получила от вас

ПИСЬМО.

Что я сделала не так? В четверг ты сказал, что не хочешь отпускать меня ни на секунду.

Заметь, не я это сказала. И что потом?

Я вообще решила, что с тобой произошел несчастный случай. С. говорила мне, ты и раньше так поступал, но я не хотела ей верить. А теперь чувствую себя полной идиоткой.

Женщина — мужчине, в письме

Быстрым шагом Элли идет под проливным дождем, опустив голову и проклиная себя за то, что не подумала взять зонтик. Такси держатся в хвосте у автобусов с запотевшими окнами, заливая тротуары фонтанами воды. В эту неожиданно дождливую субботу она идет по району Сент-Джонс-Вуд, стараясь не думать о белых песчаных пляжах Барбадоса, о широкой веснушчатой руке, втирающей солнцезащитный крем в спину женщины, которая лежит рядом. Этот образ просто преследует ее последние шесть дней — с тех пор, как Джон уехал в отпуск, а неожиданно испортившаяся погода кажется ей лишь очередной шуткой природы, которая, как всегда, не прочь над ней посмеяться.

Пройдя по широкому бульвару, Элли подходит к окутанному серой дымкой большому многоквартирному дому, поднимается по лестнице, нажимает кнопку вызова рядом с номером восемь и ждет ответа, нетерпеливо переминаясь с одной промокшей ноги на другую. Как хорошо, что Дженнифер Стерлинг предложила встретиться именно сегодня: одна мысль о том, что ей предстоит провести всю субботу без работы и без друзей, у которых неожиданно оказалась куча дел, приводила ее в ужас... да еще эта веснушчатая рука.

— Кто там? — спрашивает звонкий голос, совсем не такой пожилой, как она предполагала.

— Элли Хоуорт, я насчет писем.

— А, заходите. Четвертый этаж. Лифта, возможно, придется подождать — ползет как черепаха.

В таких домах Элли бывает крайне редко, а в этом районе оказалась вообще впервые. Большинство ее друзей живут в новостройках, где

квартиры с маленькими комнатками и подземные парковки, или в таунхаусах, приютившихся между коттеджами в викторианском стиле. В отличие от них Дженнифер Стерлинг живет в старом, богатом районе, неподвластном веяниям моды. «Пожилая аристократка» — вот как называл бы ее Джон, с улыбкой думает Элли.

В холле лежит темно-бирюзовый ковер — цвет из прошлого века. Элли поднимается по четырем мраморным ступенькам, держась за латунные перила, покрытые глубокой патиной от постоянной полировки. Да, непохоже на район, в котором расположен ее дом. Там подъезды вечно завалены никому не нужной почтой и брошенными на произвол судьбы велосипедами.

Лифт, поскрипывая и потрескивая, чинно движется на четвертый этаж, и вот Элли ступает на выложенный кафелем пол и видит в конце коридора открытую дверь.

Впоследствии она не может толком вспомнить, что ожидала увидеть: пухленькую старушку с блестящими глазами, закутанную в уютную шаль, в чьем доме полно фарфоровых статуэток. Но Дженнифер Стерлинг совсем другая: ей далеко за шестьдесят, стройная, с прекрасной осанкой — возраст выдают лишь седые волосы, стрижка боб с косым пробором. На ней темно-синий кашемировый свитер, шерстяной пиджак с ремнем и идеально сидящие брюки — купленные скорее в «Дрис ван Нотен», чем в «Марк энд Спенсер». На шее повязан изумруднозеленый шарф.

— Мисс Хоурт? — спрашивает женщина, оглядев Элли с ног до головы, словно убеждаясь, стоит ли произносить ее имя.

— Да, — протягивает руку она, — пожалуйста, зовите меня Элли.

— Проходите, — немного расслабившись, произносит женщина, видимо, первую проверку Элли все-таки прошла. — Долго добирались?

Элли входит в квартиру и обнаруживает, что ее ожидания снова не оправдались: о фарфоровых зверюшках не может быть и речи. В огромной светлой комнате очень мало мебели. На светлом паркете лежит пара больших персидских ковров, по обе стороны от стеклянного кофейного столика стоят два больших кресла с узорчатой обивкой. Другие предметы мебели эклектичны и изысканны: недешевый современный стул — наверняка от какого-нибудь датского дизайнера, старинный столик, инкрустированный ореховым деревом. Фотографии семейные и маленьких детей.

— Как у вас красиво! — восхищенно произносит Элли.

Вообще-то, ее никогда не интересовал интерьерный дизайн, но сейчас она вдруг поняла, что знает, как ей хотелось бы жить.

— Да, неплохая квартира, правда? Я переехала сюда... в шестьдесят восьмом, кажется. Тогда это был старый, заброшенный район, но я подумала, что моей дочери здесь будет гораздо лучше, чем в центре. Из того окна виден Риджентс-парк. Позвольте ваше пальто? Хотите чашечку кофе? Вы, кажется, жутко промокли.

Элли благодарно кивает, и пока Дженнифер Стерлинг возится на кухне, успевает заметить на стенах нежно-кремового цвета несколько больших картин современных художников. Дженнифер входит в комнату Элли смотрит на нее и начинает понимать, как той удалось вызвать такую страсть у неизвестного автора писем.

На одной из фотографий на столике изображена поразительно красивая молодая женщина — портрет в стиле Сесиля Битона.^[23] На другой — она же, несколько лет спустя, смотрит на новорожденного со смесью усталости, восхищения и благоговения на лице, столь типичной для молодых мам, — она только что родила, но волосы тем не менее идеально уложены.

— Спасибо, что не поленились приехать ко мне. Признаюсь, ваше письмо меня заинтриговало, — начинает беседу Дженнифер Стерлинг, ставя перед Элли чашечку с кофе и садясь напротив.

Хозяйка помещивает кофе серебряной ложечкой, украшенной маленьким красным зернышком кофе, покрытым эмалью. Господи, думает Элли, да у нее талия тоньше моей.

— Мне очень любопытно, что это за письма. Я уже давно не выбрасываю бумаги, не пропустив их через шреддер.^[24] Мой бухгалтер подарил мне этот адский прибор на прошлое Рождество.

— Ну, вообще-то, письма нашла не я, а мой друг: он разбирал бумаги в архиве газеты «Нэйшн» и нашел там одну папку, — начинает Элли, замечая, что Дженнифер изменилась в лице, — а там оказались эти письма. Я послала бы их вам по почте, но... Но я не знала, нужны ли они вам.

Элли аккуратно достает из сумки пластиковый конверт с тремя любовными письмами и отдает его миссис Стерлинг, пристально наблюдая за ней. Дженнифер с благоговением берет письма в руки и долго молчит. Элли чувствует себя не в своей тарелке, делает глоток кофе и почему-то отводит взгляд в сторону.

— О да, конечно нужны, — раздается наконец голос Дженнифер. — Предполагаю, вы прочитали их?

Элли поднимает глаза и видит, что Дженнифер не плачет, но на ее лице отражается целая буря чувств.

— Простите, — краснея, отвечает она. — Они лежали в совершенно посторонней папке. Я и не знала, что мне удастся найти их владельца. Они очень красивые, — робко добавляет она.

— Да, это правда. Что ж, Элли Хоурт, мало кому удастся удивить меня в моем-то возрасте, но вам это удалось.

— А вы не собираетесь прочитать их?

— Нет, я и так знаю, что там написано.

Элли уже давно поняла, что самое важное умение для журналиста — знать, когда лучше промолчать. Она молчит, но ей ужасно неловко смотреть на эту пожилую женщину, которая словно исчезла из комнаты, погрузившись в воспоминания.

— Простите, — осторожно говорит она, когда тишина становится совсем невыносимой, — если я расстроила вас. Я не знала, что делать, особенно если учесть, что я понятия не имела, каково...

— ...мое семейное положение, — заканчивает за нее Дженнифер с улыбкой, и Элли вновь поражается красоте ее лица. — Очень тактично с вашей стороны, но бояться нечего. Мой муж умер много лет назад. Почему-то взрослые никогда не рассказывают девочкам о том, что мужчины умирают гораздо раньше, — с горечью добавляет она и на секунду умолкает, словно прислушиваясь к звукам дождя и шуму автомобилей за окном. — Скажите мне одну вещь, Элли: зачем вы приложили столько усилий, чтобы вернуть мне эти письма?

— Я... я никогда не читала ничего подобного, — отвечает Элли, интуитивно догадавшись, что статью лучше не упоминать. — И... и еще у меня есть любовник, — непонятно зачем добавляет она.

— Любовник? — внимательно смотрит на нее Дженнифер.

— Он... он женат.

— Ах вот как, тогда понятно, почему письма так тронули вас.

— Да. И вообще, вся эта история: когда ты хочешь чего-то, но не можешь получить. Не можешь сказать, что ты на самом деле чувствуешь. Этот мужчина, Джон... ну с которым у меня роман, — опустив глаза, тихо говорит она. — Я ведь даже не знаю, что он думает. Мы никогда не говорим о наших отношениях.

— Думаю, он в этом смысле не единственный, — замечает миссис Стерлинг.

— Но ваш любовник не такой. Бут не такой.

— Да, он не такой... — рассеянно говорит Дженнифер, как будто готовясь погрузиться в воспоминания. — Он рассказывал мне обо всем. Получить такое письмо — просто чудо. Знать, насколько сильно тебя

любят... К тому же он прекрасно владел словом...

За окном дождь постепенно превращается в настоящий ливень и отчаянно барабанит в окна, с улицы доносятся крики.

— Меня так захватила ваша любовная история. Это может показаться странным, просто одержимость какая-то. Мне так хотелось, чтобы вы все-таки оказались вместе. Я должна спросить... у вас все получилось?

Это современное «получилось» звучит совершенно неуместно, и Элли уже жалеет о сказанном. Некрасиво задавать такие вопросы, я перешла все границы, ругает она себя и уже собирается извиниться и уйти, как Дженнифер Стерлинг произносит:

— Еще кофе, Элли? Думаю, вам нет смысла уходить, пока на улице такой ливень.

Дженнифер Стерлинг сидит на обитом шелковистой тканью кресле, перед ней дымится чашечка кофе. Она рассказывает историю молодой женщины, поехавшей на юг Франции со своим мужем, который, по ее словам, был не хуже многих других. Типичный мужчина той эпохи — никаких чувств, никаких эмоций, ни малейших проявлений слабости. А потом появляется его полная противоположность — вспыльчивый, страстный, имеющий свое мнение мужчина с нелегкой судьбой, она влюбилась в него в первый же вечер, когда они познакомились на званом ужине.

Элли ловит каждое ее слово, образы мелькают в ее голове, она старается не думать о диктофоне, который успела незаметно включить. Однако всякая неловкость пропала: миссис Стерлинг рассказывает свою историю с таким воодушевлением, как будто мечтала об этом много лет. Ее рассказ, словно мозаика, складывался воедино на протяжении лет, Элли далеко не все понимает, но не пытается перебивать и просить пояснений.

Дженнифер Стерлинг рассказывает о том, как ей вдруг опротивела жизнь в золотой клетке, о бессонных ночах, об ужасном желании вкусить запретный плод, устоять перед которым невозможно, о том, как вдруг поняла, что живет совсем не той жизнью, какой хотела бы. Слушая ее, Элли кусает ногти: а вдруг Джон думает об этом в эту самую секунду, лежа на далеком, залитом солнцем пляже. Как он может любить свою жену и при этом заниматься с ней тем, чем он занимается? Неужели он не чувствует желания вкусить этот запретный плод?

История становится более мрачной. Дженнифер тихо рассказывает об автокатастрофе на мокрой дороге, о гибели ни в чем не повинного человека, о четырех годах, которые она провела словно во сне, когда в

браке ее удерживали лишь таблетки и рождение дочери.

Она умолкает, оборачивается, берет со столика фотографию и протягивает ее Элли. Какой-то мужчина обнимает за талию высокую блондинку в шортах, у ног которой сидят двое детей и собака. Девушка выглядит как модель из рекламы Келвина Кляйна.

— Эсме не намного старше вас. Она живет в Сан-Франциско, замужем за врачом. Они очень счастливы. Насколько мне известно, — добавляет она.

— А она знает о письмах? — спрашивает Элли, аккуратно ставя фото на кофейный столик и изо всех сил пытаясь не завидовать поразительной внешности, доставшейся Эсме по наследству от матери, и ее явно идеальной семейной жизни.

— Эту историю я не рассказывала ни одной живой душе, — немного помедлив, отвечает миссис Стерлинг. — Какая дочь захочет узнать о том, что ее мать любила кого-то, кроме ее отца?

А потом она рассказывает о случайной встрече несколько лет спустя, о том, какое потрясение она пережила, осознав, с кем должна быть на самом деле.

— Понимаете? Я столько лет не находила себе места... и тут Энтони вернулся. И я почувствовала где-то здесь, — признается она, постукивая себя по груди, — что мой дом — рядом с ним. И нигде больше.

— Понимаю, — вздыхает Элли, двигаясь на краешек кресла и разглядывая сияющее лицо Дженнифер — совсем как у юной девушки. — Мне знакомо это чувство.

— Но самое ужасное, что, вновь обретя его, я не могла уйти к нему. В те дни, Элли, к разводу относились совершенно иначе. Мое имя втоптали бы в грязь. Я знала, что если попытаюсь уйти от мужа, то он уничтожит меня. К тому же я не могла оставить Эсме. Энтони когда-то покинул своего сына, и я не думаю, что он оправился от этого.

— То есть вы так и не ушли от мужа? — с плохо скрываемым разочарованием спрашивает Элли.

— Ушла благодаря папке, которую вы обнаружили. У него была одна забавная старая секретарша, как ее там... Никогда не могла запомнить, как ее зовут. Подозреваю, что она была влюблена в него. Но по какой-то причине она решила передать мне смертельное оружие против него. Пока у меня были эти документы, он бы меня и пальцем не посмел тронуть.

Она рассказывает о своей встрече с безымянной секретаршей, о реакции мужа на то, что она рассказала ему в его кабинете.

— Документы по асбесту! — восклицает Элли, вспомнив о невинной папке, лежащей у нее дома и потерявшей за давностью лет свою страшную

силу.

— Тогда никто не понимал, что асбест вреден. Мы думали, что это замечательная штука. Я была поражена, когда узнала, что компания Лоренса разрушила жизни стольких людей, поэтому после его смерти я учредила фонд помощи жертвам производства асбеста. Вот, смотрите, — объясняет она, протягивая Элли буклет, в котором описывается схема юридической помощи страдающим мезотелиомой, полученной на производстве. — Сейчас у нас осталось не так много средств, но мы все еще предлагаем юридическую помощь. У меня есть друзья-юристы, которые предоставляют нам услуги бесплатно, и здесь, и за границей.

— А состояние мужа досталось вам?

— Да, такая у нас была договоренность. Я носила его фамилию и для общества превратилась в жену-домоседку, которая с мужем никогда никуда не ходит. Все решили, что я выпала из светской жизни, чтобы посвятить себя Эсме. В то время это считалось вполне обычным делом. Поэтому ему пришлось водить на все светские рауты любовницу, — смеется Дженнифер, качая головой. — Да, вот такая тогда была двойная мораль.

Элли представляет себя под руку с Джоном на презентации его очередной книги. Он никогда не дотрагивается до нее на людях, чтобы ни у кого не возникло подозрений. Втайне она надеется, что когда-нибудь их застанут целующимися или же их страсть станет так очевидна, что о них поползут слухи.

— Еще кофе, Элли? Вы же не спешите, правда?

— Нет-нет, с удовольствием. Я хочу узнать, что было дальше.

Дженнифер меняется в лице, улыбка пропадает. После долгого молчания она произносит:

— Он вернулся в Конго. Он всегда ездил в самые опасные места. В то время там происходили ужасные дела с белыми людьми, к тому же он не отличался крепким здоровьем. Мужчины — гораздо более хрупкие создания, чем кажется на первый взгляд, не правда ли?

Дженнифер не ждет от Элли ответа, но девушка переваривает услышанное, пытаясь не показать своего разочарования. Это не моя жизнь, убеждает себя она, это не моя трагедия.

— А как его звали? Вряд ли Бут — его настоящее имя.

— Конечно нет, это я его так в шутку называла. Читали Ивлина Во? Его звали Энтони О'Хара. Так странно рассказывать вам обо всем этом через столько лет. Он был единственным мужчиной моей жизни, а у меня даже фотографии его нет, да и воспоминаний не так много. Если бы не письма, я могла бы решить, что выдумала всю эту историю. Вот почему я

так рада, что вы мне их вернули.

У Элли в горле встает комок.

Внезапный звонок телефона отрывает их от размышлений.

— Прощу прощения, — извиняется Дженнифер, выходит в коридор, берет трубку и отвечает спокойным, профессиональным тоном. — Да. Да, помогаем. Когда ему поставили диагноз? Мне очень жаль...

Элли быстро записывает имя в блокнот и убирает его в сумочку, проверяет, что диктофон работал нормально, а микрофон настроен. Посидев еще несколько минут, разглядывая семейные фото, она понимает, что разговор вряд ли будет коротким — нельзя же торопить тяжелобольного человека. Она вырывает из блокнота листок, что-то быстро пишет на нем, забирает пальто и подходит к окну. Погода наладилась, в лужах на тротуаре отражаются белые облака. Элли выходит в коридор с запиской в руках.

— Подождите минуточку, пожалуйста, — говорит Дженнифер, прикрывая трубку рукой. — Элли, извините, но это надолго, тут человек хочет подать на компенсацию...

— А мы можем встретиться еще раз? Вот мой домашний телефон, я бы очень хотела...

— Да, конечно, — рассеянно кивает Дженнифер. — Это самое малое, что я могу для вас сделать... Еще раз спасибо вам, Элли.

Элли подходит к двери, но в последний момент оборачивается:

— Последний вопрос. Пожалуйста. Когда Бут снова уехал, что вы сделали?

— Поехала за ним, — глядя ей в глаза, спокойно отвечает Дженнифер.

*Между нами ничего не было.
Попытаешься доказать обратное — скажу, что
ты все выдумала.*

Мужчина — женщине, в письме, 1960 год

— Мадам? Желаете чего-нибудь выпить?

Дженнифер открыла глаза. Уже целый час она сидела, вцепившись в подлокотники кресла, в самолете компании БОАС,^[25] направлявшемся в Кению. Она вообще не любила летать, но на этот раз самолет так нещадно трясло, что даже бывалые африканские путешественники сжимали зубы при каждом новом толчке. Почувствовав, как ее вновь оторвало от сиденья, Дженнифер поморщилась, из хвостовой части самолета раздались неодобрительные возгласы. Многие пассажиры тут же закурили, и вскоре в салоне повисло плотное облако табачного дыма.

— Да, будьте любезны.

— Налью вам двойную порцию, — подмигнула ей стюардесса, — нас сегодня изрядно поболтает.

Первые полстакана Дженнифер выпила залпом. Глаза устали и чесались. Она находилась в пути уже почти сорок восемь часов. Перед отъездом она не спала несколько ночей, постоянно споря с самой собой и уговаривая себя, что вся эта затея — чистой воды безумие, по крайней мере, в глазах окружающих.

— Не желаете? — спросил ее сосед-бизнесмен, протягивая ей жестяную коробочку, которая казалась совсем крошечной в его огромных руках с пальцами, похожими на копченые сосиски.

— Спасибо, а что это? Мятные пастилки?

— О нет! — ухмыльнулся он в густые белые усы. — Это от нервов, — объяснил сосед с сильным акцентом африкаанс.^[26] — Попробуйте, не пожалеете.

— Спасибо, не стоит, — отдернула она руку. — Мне рассказывали, что турбулентность — это вовсе не страшно.

— Так и есть. Бояться нужно встряски на земле, а не в воздухе, — заявил бизнесмен, ожидая, что Дженнифер рассмеется. — А вы куда едете? — спросил он, когда реакции не последовало. — На сафари?

— Нет. У меня сейчас пересадка, а потом я лечу в Стэнливилль. Мне сказали, что прямых рейсов из Лондона нет.

— Конго?! Леди, а вы зачем туда собрались?

— Пытаюсь найти моего друга.

— В Конго? — недоверчиво переспросил сосед, глядя на нее так, будто она сошла с ума.

— Да, — ответила Дженнифер, выпрямившись и перестав цепляться за подлокотники.

— Вы что, газет не читаете?

— Читаю, но в последние дни у меня... было слишком много дел.

— Много дел? Дамочка, лучше вам развернуться и ехать напрямик домой, в Англию. Уверен, до Конго вы не доберетесь.

Дженнифер отвернулась к окну, посмотрела на облака, заснеженные горные вершины где-то далеко внизу и на мгновение подумала: а вдруг в этот самый момент он находится где-то там, прямо под самолетом, в десяти тысячах футов от нее? Вы себе даже не представляете, какой путь я уже проделала, чтобы найти его, мысленно ответила она соседу.

Двумя неделями ранее Дженнифер Стерлинг, спотыкаясь, вышла из редакции «Нэйшн», остановилась на лестнице, держа Эсме за пухлую ручку, и поняла, что совершенно не представляет, что делать дальше. Внезапный порыв ветра нес листья по сточной канаве, их хаотичное движение напомнило Дженнифер ее собственные действия. Как Энтони мог просто взять и исчезнуть? Почему он не оставил ей записку? Она вспомнила, с каким отчаянием он смотрел на нее в холле отеля, и подумала, что ответ довольно очевиден. Слова толстяка-редактора звучали у нее в ушах. Земля покачнулась под ногами, и на какой-то момент она испугалась, что потеряет сознание.

Но тут Эсме запросилась в туалет. Насущные потребности ребенка отвлекли Дженнифер от размышлений и заставили действовать.

Она забронировала номер в отеле «Риджент», где раньше останавливался Энтони, как будто где-то в глубине души надеялась, что он вернется и станет искать ее. Ей было просто необходимо верить в то, что он будет искать ее, захочет узнать, что она наконец-то обрела свободу.

Единственным свободным номером оказался люкс на четвертом этаже, и Дженнифер, недолго думая, согласилась. Вряд ли Лоренс осмелится спорить с ней из-за денег. Довольная Эсме сидела перед большим телевизором, время от времени отвлекаясь на то, чтобы попрыгать на огромной кровати, а Дженнифер тем временем ходила из угла в угол и

пыталась придумать способ передать сообщение человеку, который находился где-то на бескрайних просторах Центральной Африки.

Когда Эсме уснула рядом с матерью, завернувшись в плед с монограммой отеля и засунув пальчик в рот, Дженнифер еще долго лежала без сна, прислушиваясь к звукам города, стараясь не плакать от бессилия и мечтая обрести способность передавать мысли на расстоянии:

Бут! Прошу, услышь меня! Пожалуйста, отзовись! Я одна не справлюсь.

Следующие два дня она посвятила в основном Эсме: они ходили в Музей естествознания, в кондитерскую «Фортнум энд Мэйсон», покупали новую одежду в магазинах на Риджент-стрит — у нее еще не дошли руки отправить грязное белье в прачечную отеля, — а потом ели на ужин сэндвичи с жареной курицей, которые им приносили прямо в номер на серебряном подносе. Время от времени Эсме спрашивала, где миссис Кордоза или папочка, а Дженнифер каждый раз заверяла ее, что они все скоро увидятся. Она была благодарна дочери за то, что у той всегда находилось множество маленьких, легко выполнимых желаний, за то, что у них был распорядок дня — чай, ванна, сон. Но как только малышка засыпала и Дженнифер закрывала дверь спальни, ее охватывала паника. «Что же я наделала?!» С каждым часом она все глубже осознавала грандиозность и бесполезность своего поступка: она лишилась всего, что у нее было, переехала с дочерью в гостиничный номер — и ради чего?

Еще дважды Дженнифер звонила в редакцию «Нэйшн». Ей ответил грубоватый мужчина с большим пузом, она сразу узнала его по голосу и резкой манере говорить. Он пообещал передать все О'Хара, как только тот объявится. Во второй раз у нее создалось четкое впечатление, что он говорит неправду.

— Но ведь он уже наверняка добрался до места. Ведь все журналисты в одном городе. Неужели никто не может передать ему сообщение?

— Я ему не секретарь, леди. Говорю же: передам ваше сообщение, как смогу, но, вообще-то, там зона военных действий. Думаю, О'Хара и без вас есть чем заняться! — рявкнул он и бросил трубку.

Отель стал для Дженнифер своего рода непроницаемой капсулой: к ней приходили только горничная и коридорный. Она не решалась позвонить ни родителям, ни друзьям, потому что еще не знала, как объяснить им свое поведение, с трудом заставляла себя поесть, практически не спала и с каждым днем теряла веру в собственные силы, в то время как тревога нарастала.

Постепенно Дженнифер пришла к выводу, что не может оставаться

одна. Как она выживет? Ведь она никогда ничего не делала сама. Лоренс проследит за тем, чтобы жена стала изгоем. Родители отрекутся от нее. Дженнифер подавила желание заказать алкоголя, чтобы хоть как-то приглушить ощущение надвигающейся катастрофы. И с каждым днем в ее голове все громче и отчетливее звучал голос: «Ты всегда можешь вернуться к Лоренсу!» А что еще остается женщине, которая умеет лишь украшать дом своим присутствием?

В таких мучениях проходили дни, казавшиеся Дженнифер сюрреалистичной копией повседневной жизни. На шестой день она позвонила домой, дождавшись, пока Лоренс уйдет на работу. После второго гудка трубку сняла миссис Кордоза и тут же запричитала:

— Ну где же вы, миссис Стерлинг? Давайте я принесу вам ваши вещи. Позвольте мне увидеться с Эсме. Я так волновалась!

Столь искренняя реакция женщины немного успокоила Дженнифер, и уже через час экономка стояла в их номере с целым чемоданом вещей. По ее словам, мистер Стерлинг ничего ей не объяснил. Просто сказал, что в ближайшие дни никого дома не будет.

— Он попросил меня прибраться в кабинете, я туда заглядываю, а там... Я не знала, что и думать.

— Все в порядке, честное слово, — успокоила ее Дженнифер, не в силах объяснять подробности произошедшего.

— Я буду рада помочь вам, — продолжала миссис Кордоза, — но я не думаю, что он...

— Все хорошо, миссис Кордоза, — повторила Дженнифер, беря экономку за руку. — Поверьте, мы бы мечтали, чтобы вы остались с нами, но не знаю, удастся ли это устроить. К тому же, когда все немного успокоится, Эсме приедет домой навестить отца, и тогда будет лучше, если вы сможете присмотреть за ней там.

Эсме показала миссис Кордозе свои обновки и забралась к ней на руки. Коридорный принес чай, и обе женщины смущенно улыбались, пока бывшая хозяйка наливала чай своей бывшей экономке.

— Большое спасибо, что пришли, — поблагодарила Дженнифер, когда миссис Кордоза засобиравшись уходила, и почувствовала, что ей очень не хочется отпускать ее.

— Просто дайте знать, что вы решите, — ответила миссис Кордоза, натягивая пальто, и с тревогой посмотрела на Дженнифер.

Словно повинувшись внутреннему импульсу, Дженнифер подошла к ней и обняла. Миссис Кордоза заключила ее в объятия и крепко прижала к себе, как будто пыталась передать ей свою силу, которая сейчас была так нужна

бывшей хозяйке. Некоторое время они стояли обнявшись в центре комнаты, а потом, немного смутившись, экономка отстранилась от нее. Кончик ее носа слегка порозовел.

— Я не вернусь, — произнесла Дженнифер, и ее слова прозвенели в воздухе с неожиданной силой. — Постараюсь в ближайшее время подыскать нам жилье, но к нему я больше не вернусь, — добавила она, и миссис Кордоза кивнула. — Позвоню вам завтра. Пожалуйста, передайте ему, где мы остановились, — попросила Дженнифер, быстро написав адрес на листке бумаги. — Наверное, лучше, если он будет знать.

Вечером она уложила Эсме и обзвонила редакции всех газет на Флит-стрит, спрашивая, нельзя ли передать письмо с кем-нибудь из их корреспондентов, на случай, если они вдруг встретят Энтони в Центральной Африке. Потом вспомнила, что когда-то в Африке работал ее дядя, позвонила ему и спросила названия местных отелей. Через телефонистку связалась с двумя отелями: в Браззавиле и Стэнливиле и передала администраторам сообщения.

Администратор из Стэнливиля с горечью в голосе ответила:

— Мадам, здесь нет белых людей. В нашем городе беспорядки.

— Прошу вас, просто запомните его имя — Энтони О'Хара. Скажите ему «Бут». Он поймет, что это значит.

На следующий день Дженнифер пошла в редакцию «Нэйшн» и оставила у секретарши еще одно письмо для Энтони.

Прости меня! Пожалуйста, вернись! Я свободна и жду тебя.

Что сделано, то сделано, убеждала себя Дженнифер. Теперь нужно на некоторое время забыть о письме. Вряд ли Энтони получит его в ближайшее время. Она сделала все, что могла, а теперь пора строить новую жизнь и ждать, пока он не получит какое-нибудь из ее многочисленных сообщений.

Ресторан при отеле «Риджент» был заполнен дамами и джентльменами пенсионного возраста, которые прервали прогулку по магазинам из-за внезапно начавшегося ливня. С тех пор как Дженнифер ушла от мужа, прошло одиннадцать дней.

Мистер Гросвенор улыбнулся ей неестественной, дежурной улыбкой.

— Пожалуйста, распишитесь вот здесь, — показал он на нужную строчку наманикюренным пальцем, — и вот тут. А затем нам потребуется

подпись вашего мужа вот здесь. — Его губы слегка дрогнули и снова скривились в натянутой улыбке.

— Вам придется переслать ему документы, — ответила Дженнифер.

— Прошу прощения, мадам?

— Мы с мужем живем отдельно и общаемся по почте.

Ее слова ошарашили поверенного. Улыбка тут же исчезла, он вцепился в папку с бумагами, пытаясь сообразить, что же делать.

— Насколько я помню, у вас есть его домашний адрес, — невозмутимо продолжала Дженнифер. — Мы с дочерью хотели бы переехать в следующий понедельник, так как уже очень устали от житья в отеле.

Миссис Кордоза повела Эсме на качели. Теперь она приходила к ним каждый день, пока Лоренс был на работе. «В доме без вас делать нечего», — сказала она Дженнифер. Лицо пожилой женщины сияло, когда она брала Эсме на руки, и Дженнифер чувствовала, что ей гораздо больше нравится проводить время у них в отеле, чем в опустевшем особняке на площади.

— Миссис Стерлинг, позвольте кое-что уточнить, — нахмурившись, взял себя в руки мистер Гросвенор. — Вы хотите сказать, что не собираетесь проживать в арендуемой квартире вместе с мистером Стерлингом? Хозяин этой квартиры — уважаемый человек, он полагает, что квартиру снимет семья.

— Так и есть.

— Но вы только что сказали...

— Мистер Гросвенор, мы будем платить двадцать четыре фунта в неделю за аренду на короткий срок. Я замужняя женщина, и вы, как разумный человек, наверняка согласитесь со мной, что как часто мой муж будет посещать нас и станет ли он вообще появляться в этой квартире — наше личное дело.

— Да-да, просто я... — заикаясь, начал Гросвенор, покраснев как рак, но его извинения были прерваны неожиданным возгласом какой-то женщины.

— Дженнифер! Так вот ты где!

Дженнифер обернулась и увидела, что к ней, бросив свой мокрый зонтик ничего не подозревавшему официанту, приближается Ивонна Монкрифф.

— Ивонна... Я...

— Где ты была? Я понятия не имею, что происходит. На прошлой неделе выписалась из больницы, звоню тебе, а твоя чертова экономка молчит как рыба. А Фрэнсис сказал, что...

Ивонна осеклась, вдруг осознав, что кричит на весь ресторан, и посетители уже с любопытством оборачиваются в их сторону.

— Мистер Гросвенор, я так понимаю, мы с вами обо всем договорились? А теперь прошу меня извинить... — начала Дженнифер, но поверенный уже встал, убрал документы в чемоданчик и с треском захлопнул его.

— Я перешлю документы мистеру Стерлингу сегодня же вечером и потом свяжусь с вами, — процедил он и пошел к выходу.

— Прости меня! — Дженнифер дождалась, пока Гросвенор уйдет, и взяла подругу за руку. — Мне столько всего нужно тебе рассказать. У тебя есть минутка? Пойдем ко мне наверх.

Ивонна Монкрифф провела в клинике четыре недели: две недели до рождения малышки Элис и две после. Она была сильно измучена и лишь через неделю после возвращения домой сообразила, что очень давно не видела Дженнифер. Дважды она заходила к ней домой, но оба раза ей сообщили, что миссис Стерлинг нет дома. Через неделю она решила узнать, в чем дело.

— Твоя экономка только качает головой и предлагает мне поговорить с Ларри.

— Думаю, он приказал ей никому ничего не говорить.

— О чем? — спросила Ивонна, бросая пальто на кровать и усаживаясь в кресло. — Почему ты переехала сюда? Что, с Ларри поссорилась?

У Ивонны под глазами залегли глубокие тени, но прическа была, как всегда, безупречна. Подруга вдруг показалась Дженнифер до странности далекой, словно призрак из прошлой жизни.

— Я ушла от него, — коротко ответила она.

— Ларри вчера был у нас и жутко напился, — произнесла Ивонна, внимательно разглядывая подругу. — В стельку. Я решила, что у него проблемы на работе, и пошла укладывать малышку, чтобы дать мужчинам возможность поговорить. Когда Фрэнсис пришел в спальню, я уже почти спала, но сквозь сон помню, будто, со слов Ларри, у тебя появился любовник и вообще ты свихнулась. А я-то решила, мне это приснилось!

— Что ж, в некотором роде так оно и есть, — медленно ответила Дженнифер.

— О господи, неужели Реджи?! — воскликнула Ивонна, прикрыв рот рукой.

— Нет, — с улыбкой вздохнула Дженнифер и покачала головой. — Ивонна, я так по тебе скучала... Мне так хотелось с тобой поговорить...

Она рассказала подруге все, опуская незначительные подробности, —

ведь ближе Ивонны у нее никого не было. Слова звучали в тишине комнаты, подтверждая масштабы того, через что она прошла за последние недели. Вся ее жизнь перевернулась с ног на голову.

— Я найду его, обязательно найду. И тогда я все ему объясню, — возбужденно закончила свой рассказ Дженнифер.

Ивонна слушала ее, не говоря ни слова, а Дженнифер все думала о том, как ей не хватало острой на язык подруги, которая всегда говорит то, что думает, без обиняков.

— Ой, да он наверняка тебя простит! — снисходительно улыбнулась Ивонна.

— Кто?

— Ларри. Я уверена, что он тебя простит.

— Ларри?! — опешила Дженнифер.

— Ну да.

— Но мне не нужно его прощение.

— Ты не имеешь права так поступать, Дженни.

— У него есть любовница.

— Ну, значит, избавься от нее. Она же просто секретарша, я тебя умоляю. Скажи ему, что хочешь начать все сначала, но при условии, что он расстанется с ней.

— Но я не хочу возвращаться к нему, Ивонна, — растерянно повторила Дженнифер. — Я не хочу, чтобы этот человек был моим мужем.

— То есть лучше ждать какого-то нищего писаку-плейбоя? Который, может, вообще никогда не вернется?

— Да. Лучше.

— А как же Эсме? — спросила Ивонна, закуривая и выдыхая клубы дыма в центр комнаты.

— А что — Эсме?

— Ты подумала, каково ей будет расти без отца?

— У нее есть отец. Они будут регулярно видаться. Кстати, она поедет к нему на эти выходные. Я написала ему письмо, и он подтвердил нашу договоренность.

— Ты же знаешь, как в школе относятся к детям разведенных родителей. Вспомни несчастную дочку Олсопов.

— А никто и не собирается разводиться. В школе даже не узнают, — заявила Дженнифер, но Ивонна продолжала с недовольным видом дымить сигаретой. — Пожалуйста, попытайся меня понять, — смягчилась Дженнифер. — Нет ни одной причины, по которой нам с Лоренсом стоит жить вместе. Времена меняются, мы совершенно не обязаны оставаться

заложниками... Я уверена, Лоренсу тоже будет лучше без меня. Это ни на что не повлияет, правда. Мы с тобой можем продолжать дружить. Кстати, я тут подумала, не сводить ли куда-нибудь детей на этой неделе? Музей мадам Тюссо? Эсме так соскучилась по Дотти...

— Музей мадам Тюссо?

— Или в Кью-Гарденс? Если, конечно, погода...

— Хватит! — прервала ее Ивонна, элегантно подняв руку. — Перестань. Слышать не могу весь этот бред. Господи, ты действительно самая эгоистичная женщина на свете! — воскликнула она и, потушив сигарету, встала и взяла свое пальто. — Дженнифер, ты думаешь, что жизнь похожа на сказку? Думаешь, мы все не сыты по горло своими мужьями? Почему ты позволяешь себе такое, а потом ожидаешь, что все сделают вид, будто ничего не произошло, пока ты будешь порхать, словно птичка? Вообще-то, ты замужняя женщина. Допустим, тебе нравится морально разлагаться — ладно, но у тебя есть ребенок. Муж и ребенок. Так что не ожидай, что мы отнесемся к твоему поведению снисходительно.

Дженнифер открыла рот от удивления, но Ивонна уже отвернулась, как будто ей было противно даже смотреть на бывшую подругу.

— И поверь мне, остальные скажут то же самое. Так что хорошенько подумай, как тебе поступать дальше! — бросила она через плечо и вышла из номера.

Дженнифер хорошенько подумала и через три часа приняла решение.

В полдень в аэропорту Эмбакаси бурлила жизнь. Забрав чемодан с двигавшейся рывками багажной ленты, Дженнифер кое-как протиснулась через толпу в туалет, умылась холодной водой, переоделась в чистую блузку и заколола волосы, чтобы было не так жарко, но стоило ей выйти в зал, как в считанные секунды блузка прилипла к спине.

Аэропорт кишел людьми, сбившимися в неровные очереди или группы. Казалось, они не умели спокойно говорить, поэтому постоянно кричали. Оторопев, Дженнифер разглядывала ярко одетую африканскую женщину, которая везла чемодан и несла на голове перевязанные веревкой тюки с бельем. Бизнесмены из Нигерии с сияющей темной кожей курили в углах зала, малыши носились туда-сюда среди сидящих на полу взрослых. Женщина с небольшой тележкой проталкивалась сквозь толпу, предлагая ожидающим прохладительные напитки. На табло отправлений горела надпись, что несколько рейсов задерживаются на неопределенное время.

По сравнению с шумным аэропортом на улице было тихо и спокойно. Погода окончательно наладилась, солнце быстро высушило все остатки

влаги, и Дженнифер разглядела маячившие на горизонте фиолетовые горы. На взлетно-посадочной полосе стоял один-единственный самолет — тот, на котором прилетела она. Рядом с ним одинокий человечек задумчиво подметал асфальт. С другой стороны от сверкающего современного здания аэропорта кто-то разбил небольшой сад камней, засаженный кактусами и другим суккулентами. Дженнифер пришла в восторг от аккуратно выложенных камней, восхищаясь тем, что кто-то взял на себя труд украсить это место, где постоянно царит хаос.

Стойки авиакомпаний ВОАС и «Ист Африкан эру-эйз» оказались закрыты, поэтому она снова зашла в зал ожидания, протиснулась к бару, заказала чашку кофе и села за свободный столик в окружении чужих чемоданов, корзин и бойцового петуха, чьи крылья были примотаны к телу школьным галстуком.

Что же она ему скажет? Дженнифер представила себе клуб иностранных корреспондентов, возможно, в нескольких милях от зоны военных действий, где журналисты встречаются, чтобы обсудить последние новости и пропустить по стаканчику Интересно, он пьет? Энтони рассказывал, что здесь все знают друг друга. Главное, добраться до Стэнливиля, а там уж она обязательно его найдет. Или найдет кого-нибудь, кто подскажет ей, где он. Дженнифер представила, как она, до предела измотанная, приезжает в клуб — эта сцена стояла у нее перед глазами уже несколько дней. Словно наяву, она видела, как найдет Энтони: он стоит под жужжащим на потолке вентилятором, беседует с кем-то из коллег, а потом оборачивается и замечает ее. Она понимает его удивление: последние сорок восемь часов она и сама с трудом узнает себя в зеркале.

Ничто не могло подготовить ее к тому, что она сделала, ничто не предвещало, что она способна на такое. Однако в тот момент, когда Дженнифер поднялась по трапу и вошла в самолет, все ее страхи странным образом испарились, как будто она вдруг поняла, что значит жить по-настоящему. В этот момент она поняла, о чем рассказывал ей Энтони О'Хара.

Она обязательно найдет его. Ведь она взяла все в свои руки и перестала плыть по течению. Только ей решать, каким станет ее будущее.

Дженнифер старалась не думать об Эсме, уговаривая себя, что игра стоит свеч: ведь скоро она сможет познакомить ее с Энтони.

Она увидела, как молодой человек в элегантной бордовой униформе открыл стойку ВОАС и сел на стул. Не допив кофе, Дженнифер вскочила и бросилась к нему через весь зал.

— Мне нужен билет на ближайший рейс до Стэнливиля, —

запыхавшись, выпалила она, доставая из сумочки деньги. — Паспорт нужен?

— Нет, мадам, — с удивлением посмотрев на нее, покачал головой молодой человек. — Рейсов в Стэнливиле нет.

— Но мне сказали, что у вас есть прямой рейс.

— Сожалею, но все рейсы в Стэнливиле отменили.

Дженнифер раздраженно посмотрела на него, но ничего не сказала и, подхватив свой чемодан, направилась к стойке «Ист Африкан эруэйз», но там ее ждало то же разочарование.

— Нет, мэм, — ответила девушка. — Мы туда не летаем из-за беспорядков, принимаем только обратные рейсы, — раскатисто произнося букву «р», объяснила она.

— А когда полеты возобновятся? Мне необходимо как можно скорее попасть в Конго.

— В Конго рейсов нет, — в унисон ответили представители персонала.

«Я приехала сюда не затем, чтобы получить отказ, — подумала Дженнифер. — Я не могу предать его снова».

В отчаянии она взглянула в окно: служащий аэропорта продолжал уныло подметать своей лысой метлой взлетную полосу. И тут Дженнифер боковым зрением заметила, как в терминал быстро заходит белый мужчина с кожаной папкой в руках, судя по осанке — государственный служащий. Спина его кремового льняного пиджака потемнела от пота.

Они увидели друг друга одновременно. Он сразу же подошел к ней и протянул руку:

— Миссис Рамсей? Меня зовут Александр Фробишер, я работаю в консульстве. Где ваши дети?

— Нет, я Дженнифер Стерлинг.

Фробишер замолчал, как будто пытаясь понять, не ошибается ли его собеседница. Из-за одутловатого лица он выглядел старше своих лет.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Фробишер, — нетерпеливо продолжала Дженнифер. — Я должна добраться до Конго. Туда ходят поезда? Мне сказали, что все авиарейсы отменили. Больше ничего я от них добиться не смогла, — закончила она, не думая о том, что лицо ее покраснело от жары, а прическа пришла в полнейший беспорядок.

— Миссис... простите, не запомнил имя, — осторожно заговорил Фробишер.

— Стерлинг.

— Так вот, миссис Стерлинг, в Конго сейчас никто не ездит. Разве вы не слышали...

— Да, я знаю, что там беспокойно, но мне нужно найти моего друга, он журналист, уехал туда около двух недель назад. Это очень важно. Его зовут...

— Мадам, все журналисты покинули Конго, — устало объяснил Фробишер и, сняв очки, отвел ее к окну. — Вы хоть понимаете, что там происходит?

— В общих чертах... Нет, если честно, я не читала новостей с тех пор, как покинула Англию. Знаете, дорога оказалась такой утомительной...

— В войну оказались втянуты Соединенные Штаты, а также Англия и другие страны. Три дня назад положение было критическим: в заложниках у повстанцев симбы находилось триста пятьдесят белых, среди них — женщины и дети, всех их ждала неминуемая смерть. Сейчас бельгийские войска пытаются вытеснить повстанцев из Стэнливиля. Погибло более ста гражданских.

— Но я могу заплатить... сколько угодно, — словно не слыша его, умоляла Дженнифер. — Мне необходимо попасть туда!

— Миссис Стерлинг... — Фробишер твердо взял ее под локоть. — Говорю вам, до Конго вы не доберетесь ни на поезде, ни на самолете, ни на автомобиле. Войска перебрасывают исключительно воздушным десантом. Но даже если бы и был какой-то способ добраться туда, я бы не позволил британскому подданному — тем более женщине — ехать в зону военных действий! — заявил он, делая пометку в блокноте. — Я найду, где вы сможете остановиться, и помогу забронировать обратный билет. Африка — не место для одинокой белой женщины, — устало вздохнул он, словно она лишь прибавила ему хлопот.

— Сколько человек погибло?

— Пока неизвестно.

— У вас есть список?

— Только предварительный, далеко не полный.

— Пожалуйста, — с замирающим сердцем взмолилась Дженнифер, — покажите мне его. Я должна знать.

Фробишер вынул из папки потрепанный лист бумаги. Дженнифер пробежала глазами по составленному в алфавитном порядке списку: Льюис, О'Киф, Хамбро, Харпер... Его фамилии нет. Слава богу, его там нет!

— А список заложников у вас есть? — взглянула она на Фробишера.

— Миссис Стерлинг, мы даже не знаем, сколько британских подданных было на тот момент в городе. Вот, посмотрите! — воскликнул консульский работник, одной рукой доставая из папки очередную бумагу, а

другой прихлопывая усевшегося на шею москита. — Последнее коммюнике, полученное лордом Уолстоном.

— Пять тысяч погибших в одном лишь Стэнливиле, — прочитала вслух Дженнифер, — ...полагаем, что на захваченной повстанцами территории находится двадцать семь граждан Великобритании... Пока неизвестно, где именно находятся британские подданные, но даже если их местонахождение определится, вряд ли туда можно будет добраться...

— В город введены бельгийские и американские войска, они пытаются отвоевать Стэнливиле, — сообщил Фробишер. — Мы разместили там военный самолет. Он дожидается тех, кто захочет спасти свою жизнь.

— А как узнать, сможет ли он попасть на него?

— Никак, — почесав голову, ответил Фробишер. — Некоторые люди не хотят спастись бегством, предпочитают остаться в Конго. Наверное, у них на то свои причины.

Дженнифер вдруг вспомнила слова толстяка-редактора: «Кто знает? Может, он просто хотел уехать отсюда подальше».

— Если ваш друг захочет выбраться оттуда, то выберется, — заверил ее Фробишер, вытирая лицо платком. — Если захочет остаться — вполне возможно, что будет объявлен пропавшим без вести. В Конго часто пропадают люди.

Дженнифер собиралась спросить у него еще что-то, но тут по аэропорту пронесся встревоженный шепот, и из ворот прибытия появилась белая семья. Первыми шли двое маленьких детей с перевязанными руками и головами. Казалось, они внезапно состарились. Светловолосая женщина с безумным взглядом прижимала к груди малыша. Грязные волосы свисали сосульками, лицо выражало крайнюю степень напряжения. Завидев детей, какая-то пожилая женщина вырвалась из объятий мужа и, рыдая, бросилась через заграждение к дочери, но ни она, ни дети даже не пошевелились. Затем молодая мать упала на колени и завывала, уткнувшись лицом в плечо наклонившейся к ней пожилой дамы. Дженнифер застыла, пораженная полным отсутствием эмоций на лицах детей.

— Это семья Рамсей. Простите, мне надо позаботиться о них, — извинился Фробишер, засовывая бумаги в папку.

— Что с ними произошло? — спросила Дженнифер, глядя, как дедушка сажает внуку на плечи. — Они попали к повстанцам?

— Миссис Стерлинг, прошу вас, уезжайте! — отрезал сотрудник консульства. — Сегодня вечером в Лондон летит самолет компании «Ист Африкан эруэйз», и если у вас нет друзей с хорошими связями в этом городе, настоятельно рекомендую вам не упустить этот шанс.

Через два дня Дженнифер добралась домой, и с этого момента началась ее новая жизнь. Ивонна сдержала слово и больше никогда не звонила ей. Однажды Дженнифер столкнулась на улице с Вайолет, но та выразила столь явное недовольство встречей, что пытаться переубедить ее было бесполезно. Однако предательство подруг, на удивление, несильно задело Дженнифер: они остались в прошлой жизни, которая казалась ей далекой и нереальной.

Миссис Кордоза приходила к ним на новую квартиру почти каждый день, всегда находя предлог провести время с Эсме или помочь по хозяйству, и Дженнифер обнаружила, что компания бывшей экономки ей куда приятнее, чем общество старых подруг. Однажды дождливым вечером, когда Эсме уже уснула, она рассказала миссис Кордозе об Энтони, и та в ответ поделилась с ней воспоминаниями о муже, а потом, краснея, рассказала о симпатичном мужчине из ресторана неподалеку, который недавно прислал ей цветы.

— Я не хотела обнадеживать его, — мягко сказала она, глядя белье, — но все-таки...

С Лоренсом они общались через миссис Кордозу, передавая друг другу записки.

Я бы хотел в ближайшую субботу взять Эсме на свадьбу к моему кузену в Винчестер. Прослежу, чтобы она вернулась к семи часам.

Они писали отстраненно и формально, взвешивая каждое слово. Иногда Дженнифер перечитывала записки и удивлялась, как смогла столько лет прожить с этим человеком.

Раз в неделю она ходила в почтовое отделение на Лэнгли-стрит узнать, не пришло ли что-нибудь на ее абонентский ящик, и каждый раз возвращалась домой, стараясь не впадать в уныние от очередного «нет».

Они переехали на съемную квартиру, а когда Эсме пошла в школу, Дженнифер устроилась волонтером в Бюро консультаций населения — единственную организацию, которую не смутило отсутствие у нее опыта работы. Супервайзер сказал ей: «Вы всему научитесь по ходу дела и, поверьте мне, довольно быстро». Не прошло и года, как ей предложили оплачиваемую должность в том же офисе. Дженнифер консультировала людей по практическим вопросам: семейный бюджет, тяжбы с арендодателями, среди которых оказалось множество не самых приятных

личностей, как пережить развод и так далее.

Сначала Дженнифер изнурял непрекращающийся шквал проблем, сами масштабы человеческого несчастья, с которым ей приходилось сталкиваться каждый день, но со временем она приобрела уверенность в себе, поняв, что нелегко приходится не ей одной. Оглядываясь на свою жизнь, она понимала, что рада тому, как все вышло, и ощущала некоторую гордость, когда кто-то из клиентов возвращался, чтобы поблагодарить ее за помощь.

Через два года они с Эсме снова переехали — в двухкомнатную квартиру в Сент-Джонс-Вуд, купленную на деньги Лоренса и наследство, полученное Дженнифер после смерти тети. Недели превращались в месяцы, месяцы — в годы, и со временем она смирилась с тем, что Энтони О'Хара не вернется. Он не ответил ни на одно из ее писем. Лишь раз она потеряла самообладание: газеты сообщили подробности о резне в отеле «Виктория» в Стэнливиле, и с тех пор Дженнифер перестала читать газеты.

Однажды она позвонила в «Нэйшн». Ответила секретарша, и когда Дженнифер представилась, надеясь, что Энтони может случайно оказаться в редакции, то услышала, как та прикрыла рукой трубку и кто-то спросил у нее:

— Это что, снова та дамочка? Стерлинг?

— Ну да, это же с ней он не хотел разговаривать?

Дженнифер молча повесила трубку.

С мужем они увиделись лишь через семь лет. Эсме поступила в школу-интернат — огромное здание из красного кирпича в графстве Хемпшир, производившее впечатление сельского дома, боготворимого своими обитателями. Дженнифер взяла отгул, чтобы отвезти ее туда на своем новеньком «мини». На ней был бордовый костюм, и она не сомневалась, что Лоренс обязательно отпустит по этому поводу язвительный комментарий — ему никогда не нравился этот цвет. «Пожалуйста, только не перед Эсме, — мысленно взмолилась она, — давай вести себя по-человечески».

Но ожидавший их в холле мужчина оказался совсем не похож на Лоренса. На самом деле она даже не сразу узнала его: посеревшее лицо, впалые щеки, — казалось, он постарел лет на двадцать.

— Привет, папочка! — обняла его Эсме.

— Дженнифер, — кивнул он, не подав ей руки.

— Лоренс, — кивнула она в ответ, пытаясь скрыть свой шок.

Встреча прошла быстро: директриса, молодая женщина с

проницательным взглядом, никак не прокомментировала то, что супруги проживают по разным адресам. Возможно, теперь это уже и не редкость, подумала Дженнифер. Только на этой неделе у нее было четыре клиентки, которые собирались уйти от супругов.

— Мы сделаем все, что в наших силах, для того, чтобы Эсме у нас было хорошо, — заверила их миссис Браунинг, тепло взглянув на Дженнифер. — Девочкам здесь обычно нравится, к тому же, насколько я поняла, у нее тут уже есть подружки, так что она быстро привыкнет.

— Эсме прочиталась Энид Блайтон, ^[27] — ответила Дженнифер, — думаю, ей кажется, что обучение в интернате — сплошные полуночные посиделки.

— Что ж, и такое у нас тоже случается: именно ради этого по пятницам буфет открыт допоздна. Мы притворяемся, будто не замечаем их вечеринок, если они, конечно, не сильно шумят. Мы хотим, чтобы девочки прочувствовали все прелести жизни в интернате.

Дженнифер немного расслабилась. Школу выбирал Лоренс, но оказалось, что ее страхи были безосновательны. Ближайшие недели ей придется нелегко, но она привыкла, что Эсме время от времени живет у Лоренса, к тому же у нее есть работа — скучать времени не будет.

— Спасибо, что нашли время поговорить. — Директриса встала из-за стола и пожала им руки. — Если возникнут какие-то сложности, мы вам, разумеется, позвоним.

Как только они вышли из кабинета, у Лоренса начался приступ резкого, хрипящего кашля. Дженнифер встревоженно посмотрела на него и открыла было рот, но он жестом попросил ее помолчать. Они медленно спустились по лестнице, как будто не были чужими людьми. Она могла бы идти в два раза быстрее, но это было бы жестоко по отношению к нему. Он с трудом дышал и явно нехорошо себя чувствовал. Наконец, не в силах больше выносить этот кошмар, Дженнифер подозвала пробежавшую мимо ученицу и попросила ее принести стакан воды. Девочка быстро сбегала на кухню, а Лоренс тяжело опустился на стоявший в коридоре стул из красного дерева и принялся пить воду маленькими глотками.

— Что с тобой? — набравшись храбрости, спросила Дженнифер и посмотрела ему в глаза.

— Не то, что ты подумала, — тяжело дыша, ответил он. — Судя по всему, это все от сигар. Я прекрасно осознаю иронию судьбы. — Лоренс взглянул на Дженнифер, и она присела на соседний стул. — Не волнуйся, я все устроил. О вас обеих позаботятся. — Дженнифер отвела глаза, а Лоренс задумчиво добавил: — Мы вырастили хорошую девочку.

Они посмотрели в окно: там на лужайке Эсме болтала с двумя другими ученицами, а потом, словно по сигналу, все трое подхватили юбки и бросились бежать.

— Прости меня, — обернулась к мужу Дженнифер, — прости меня за все.

Лоренс поставил стакан на подоконник и с трудом встал, повернувшись к ней спиной. Какое-то время он смотрел на девочек, а потом обернулся и едва заметно кивнул, не глядя ей в глаза.

Дженнифер смотрела, как он медленно идет через лужайку к главным воротам, где его ждал автомобиль с водителем и его подругой. Дочка вприпрыжку бежала рядом, а потом радостно махала, пока «даймлер» не скрылся из виду.

Через два месяца Лоренса не стало.

Я тебя ненавижу, знаю, что все еще нравлюсь тебе, а ты мне — нет, и мне вообще наплевать, что говорят твои дружки-идиоты, зачем ты хватаешь меня за руки под всякими дурацкими предложениями, ты недавно сказал, что обнимался со мной, ты мне больше никогда не будешь нравиться. Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ, НЕНАВИЖУ БОЛЬШЕ ВСЕХ В ЭТОМ ПРОКЛЯТОМ МИРЕ, да я лучше буду с пауком встречаться или с крысой, чем с тобой, отвратительный толстяк...

Женщина — мужчине, по электронной почте

Дождь льет весь вечер, мрачные серые тучи бегут по горизонту, а потом на город опускается тьма. Безжалостный ливень приговаривает людей к домашнему аресту, на улицах становится так тихо, что слышно, как по мокрому асфальту шуршат покрышки, в водосточных трубах клокочет вода и редкий прохожий спешит домой, шлепая по лужам.

Ни на автоответчике, ни на мобильном — ни одного нового сообщения. Элли открывает электронную почту: работа, реклама «виагры» и письмо от мамы, которая в подробностях расписывает реабилитацию песика после операции на бедре. Скрестив ноги, Элли сидит на диване и, потягивая уже третий бокал красного вина, перечитывает письма, которые откопировала, прежде чем вернуть хозяйке. Прошло уже четыре часа, как она вышла из квартиры Дженнифер Стерлинг, но фантазия разыгралась не на шутку, и Элли никак не успокоится: она в красках представляет, как неизвестный Бут, безутешный и готовый на все, оказывается в Конго во время гонений на белых. Дженнифер сказала ей: «Я читала отчеты об убийствах, о том, что вырезали всех постояльцев одного из отелей в Стэнливиле, и рыдала от ужаса». Элли представляет себе, как Дженнифер, неделя за неделей, ходит на почту в бесплодном ожидании письма, которому никогда не суждено прийти. Слезинка капает ей на рукав, она всхлипывает и вытирает глаза.

Вот это была настоящая любовь, думает Элли. Мужчина, который не побоялся открыться любимой женщине, который попытался понять и защитить ее, даже от самой себя. А когда понял, что им не суждено быть

вместе, то уехал на другой конец света и, скорее всего, пал от руки повстанцев. И она оплакивает его уже сорок лет. С ума сойти! А что есть у Элли? Отличный секс, примерно раз в десять дней, и папка с ни к чему не обязывающими электронными письмами. Ей тридцать два года, карьера пошла по наклонной, друзья понимают, что она закрывает глаза на правду, и каждый день ей все сложнее убедить себя в том, что это именно та жизнь, которую она хотела бы прожить.

На часах — четверть десятого. Элли знает, что четвертый бокал будет лишним, но она так зла, так несчастна и так сильно ненавидит весь мир, поэтому снова перечитывает последнее письмо с очередным бокалом в руках. Она, как и Дженнифер, уже давно выучила его наизусть, но слова все так же задевают за живое.

Вдали от тебя — в тысячах миль от тебя — мне не становится легче. Я думал, что исцелюсь, если меня больше не будет мучить твоя близость, если я перестану каждый день сталкиваться с тем, что не могу иметь то единственное, что по-настоящему хочу. Но я ошибался — стало еще хуже. Будущее кажется мне серой, пустынной дорогой.

Элли сама уже практически влюбилась в этого мужчину. Но перед глазами стоит образ Джона, в ушах звучит его голос, и под воздействием выпитого вина двое мужчин сливаются в один расплывчатый образ. Как же сделать так, чтобы серая, будничная жизнь превратилась в эпическую поэму? А ведь для такой любви требуется смелость. Она достает из сумочки мобильный, чувствуя, как ее охватывает яростная решимость, и набирает сообщение, плохо попадая по кнопкам.

Пожалуйста, позвони мне. Всего один раз. Нужно услышать твой голос. Цел.

Она нажимает «Отправить», понимая, что совершает огромную ошибку: он разозлится или вообще не ответит. Еще неизвестно, что хуже. Элли закрывает лицо руками и рыдает по неизвестному ей Буту, по Дженнифер, по всем упущенным шансам и напрасно прожитой жизни. Она плачет о себе, потому что никто никогда не полюбит ее так, как Бут любил Дженнифер, а еще потому, что подозревает: она испортила то, что могло бы быть отличной, пусть и вполне заурядной жизнью. Она плачет, напившись у себя дома, но ведь одно из немногих преимуществ одинокой жизни как

раз и состоит в том, что в любой момент можно от души порыдать и никто тебе и слова не скажет.

Внезапно звонит домофон. Элли поднимает голову, прислушивается, боясь пошевелиться, и тут раздается второй звонок. На долю секунды она думает, что это Джон примчался к ней, прочитав сообщение. Ее словно ударяет током, она подскакивает с дивана, бежит в прихожую, вытирая покрасневшее от слез лицо, и снимает трубку:

— Кто там?

— Привет, юмористка! А ну-ка, отвечай, как пишется незванный гость — с одним «н» или с двумя?

— Рори? — удивленно моргает Элли, прикусывает губу и прислоняется к стене.

— А вот и неправильно. С одной. Слушай, ты занята? Я тут проходил мимо, — весело заявляет он. — Ну ладно, не проходил, а проезжал на метро.

— Заходи, — говорит она, вешает трубку и бежит в ванную умываться холодной водой, стараясь не думать о том, что это никак не мог быть Джон.

Элли слышит, как Рори взбегает по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, а потом толкает дверь, которую она специально оставила приоткрытой.

— Я решил вытащить тебя в бар... Ой! — осекается он, замечая на столе пустую бутылку, а потом переводит взгляд на ее лицо. — Ага, значит, я опоздал...

— Вечерок выдался так себе, — неубедительно улыбается она.

— Ясно.

— Но ты, если хочешь, иди в бар. Я сегодня не самая хорошая компания.

На Рори серый шарф — кажется, кашемировый, а вот у Элли никогда не было кашемирового свитера. Да как я вообще дожила до тридцати двух лет без кашемирового свитера, думает она.

— Ну что ж, Хоуорт, — говорит Рори, украдкой взглянув на пустую бутылку, — этим меня не испугаешь. Пойду-ка я чайник поставлю.

Рори возится на ее крошечной кухне в поисках чая, молока и ложек. А Элли вспоминает, как на прошлой неделе то же самое делал Джон, и на глаза снова наворачиваются слезы. Рори садится рядом, ставит перед ней кружку и, пока она пьет чай, принимается нетипично громким голосом рассказывать о том, как провел день, как встретился в баре с другом и тот предложил ему очень необычный маршрут по Патагонии. Этот его друг

детства — настоящий путешественник.

— Ну, знаешь, ребята вроде него — они такие. Ты им говоришь, что собираешься в Перу, а они отвечают: «Забудь про Мачу-Пикчу, я вот провел три ночи в племени пигмеев в джунглях Атаканты. Они скормили мне одного из своих родственников, когда доели всех бабуинов».

— Прикольно! — улыбается Элли, забираясь на диван с ногами.

— Да, он отличный чувак, но я не думаю, что смогу выдержать его компанию целых шесть месяцев.

— Ты так надолго уезжаешь?

— Надеюсь, что да.

Элли снова погружается в пучину отчаяния: Рори, конечно, не Джон, но все-таки приятно, когда есть мужчина, с которым можно от нечего делать куда-нибудь сходить.

— Так что случилось-то? — наконец спрашивает он.

— Ну... у меня был странный день.

— Сегодня же суббота. Я думал, что по субботам девушки вроде тебя встречаются посплетничать с подружками за бранчем, а потом идут по обувным магазинам.

— Что за стереотипное мышление. Нет, я встречалась с Дженнифер Стерлинг.

— С кем?

— С той дамой, которой адресованы письма.

— Ого! — удивленно восклицает он. — То есть она тебе все-таки позвонила? Ну и как прошло?

— Прости, — едва слышно сквозь слезы бормочет Элли. — Прости, не знаю, что со мной. Это так глупо.

— Эй, ну ты чего, — тихо говорит Рори, обнимая ее за плечи, от него пахнет пабом, дезодорантом, чистыми волосами и уличной прохладой. — На тебя непохоже.

«Да откуда ты знаешь, — думает она. — Никто не знает, какая я на самом деле, даже я сама».

— Она все мне рассказала про их роман. О, Рори, это такая трагическая история! Они так сильно любили друг друга, так хотели быть вместе, а потом он умер где-то в Африке, и они так и не увиделись! — сквозь рыдания сдавленным голосом бормочет Элли.

— То есть ты так расстроилась из-за этой пожилой дамы? — спрашивает он, обнимая Элли покрепче и наклоняясь к ней, чтобы лучше слышать, что она бормочет. — Из-за истории несчастной любви сорокалетней давности?

— Ты просто ее не видел. И не слышал, — протестует Элли, пересказывает ему часть истории и вытирает слезы. — Она такая красивая, такая элегантная и такая грустная...

— Ты тоже красивая, элегантная и грустная. Ну ладно, может, с элегантной я переборщил, — пытается рассмешить ее Рори, и Элли кладет голову ему на плечо. — Слушай, а я и не думал, что ты... Не пойми меня неправильно, Элли, но ты меня поражаешь. Я и не подозревал, что эти письма настолько тебя задели.

— Дело не только в письмах, — всхлипывает она.

Рори выжидающе смотрит на нее, откинувшись на спинку дивана, но не убирая руку с ее плеч, и Элли вдруг понимает, что ей и не хочется, чтобы он убирал ее.

— А в чем еще? — мягко, но настойчиво спрашивает он.

— Я боюсь...

— Чего?

— Боюсь, что меня никто никогда не полюбит так же, как ее, — шепчет Элли.

Из-за вина она не очень думает, что говорит. Рори смотрит на нее с нежностью и чем-то вроде сочувствия. Элли ожесточенно трет глаза. На долю секунды ей кажется, что он ее поцелует, но вместо этого он берет письмо и читает вслух.

Сегодня вечером я шел домой и столкнулся с компанией, выходившей из публичного дома. Мужчины ссорились, подвыпившие дружки подзадоривали их, и вдруг начался настоящий хаос: они начали орать друг на друга и кидаться бутылками. Издалека раздался вой полицейской сирены, мужчины бросились кто куда, водители дали по тормозам, чтобы не сбить дерущихся. А я думал лишь о том, как уголок твоего рта едва заметно уходит вовнутрь, когда ты улыбаешься, и меня вдруг охватило странное чувство, что в тот самый момент ты тоже подумала обо мне.

Возможно, это звучит странно; возможно, ты в этот момент думала о театре, экономическом кризисе или о покупке новых занавесок, но, находясь в эпицентре безумия, я вдруг понял, какой это бесценный дар — знать, что есть кто-то, кто понимает тебя, хочет тебя, видит в тебе только самое лучшее. Хоть мы и не вместе, сама мысль о том, что я являюсь для тебя таким человеком, придает мне сил.

Закрыв глаза, Элли слушает, как Рори тихо читает знакомые строчки, и представляет себе, насколько любимой, обожаемой и желанной, должно быть, ощущала себя Дженнифер.

Я не уверен, что заслуживаю такое счастье, и до сих пор сомневаюсь, имею ли на это право. Но я могу думать о твоём прекрасном лице, твоей улыбке и знать: часть этой красоты принадлежит мне, и это лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

Рори умолкает. Элли открывает глаза и обнаруживает, что он подвинулся к ней ближе.

— Ты слишком пессимистична для такой умной женщины, — говорит он и вытирает слезинку с ее щеки.

— Ты не понимаешь... Ты же не знаешь...

— Я знаю достаточно, — произносит он и целует ее, прежде чем она успевает что-то ответить.

На мгновение Элли замирает, и перед глазами снова возникает эта сводящая ее с ума веснушчатая рука. «Почему я должна хранить верность мужчине, который сейчас в отпуске со своей женой и, вполне возможно, в эту самую секунду занимается с ней сексом?»

Рори прижимается губами к губам Элли, нежно глядя ее по голове, и она отвечает на поцелуй, стараясь ни о чем не думать, пока тело благодарно отзывается на прикосновения его ласковых рук и губ. Сотри все это, мысленно умоляет его она, давай перепишем эту страницу. Она ерзает на диване, с удивлением ощущая, как в ней поднимается желание, — да, она действительно хочет этого мужчину. Вскоре Элли вообще теряет способность о чем-либо думать.

Она просыпается и смотрит на чьи-то темные ресницы. Какие черные, удивляется она, еще не до конца проснувшись, а вот у Джона ресницы светло-коричневые, как карамель. У внешнего уголка левого глаза у него есть одна белая ресничка. Наверняка о ней не знает никто, кроме меня, думает Элли.

За окном поют птицы, где-то на улице настойчиво ревет двигатель машины. Чья-то рука лежит на ее обнаженном бедре — рука на удивление тяжелая, и когда Элли пытается отодвинуться, рука тут же прижимает ее к себе, словно не желая отпускать. Она смотрит на его черные ресницы и начинает вспоминать, что произошло вчера вечером. Они с Рори на полу

рядом с диваном. Она говорит, что замерзла, и он приносит одеяло. Она гладит его мягкие, густые волосы, неожиданно широкие плечи, он относит ее в постель, его голова исчезает под одеялом. Элли ощущает легкий шок от того, что произошло, но пока не может решить, как к этому отнестись.

Джон.

Сообщение.

Надо выпить кофе, думает она, в панике цепляясь за безопасные темы для размышлений. Надо сходить за кофе и круассанами. Она осторожно высвобождается из объятий Рори, не сводя глаз с его спящего лица. Стараясь не разбудить его, она перекладывает его руку на одеяло, но Рори просыпается, и Элли замирает, растерянно глядя ему в глаза.

— Привет, — хриплым со сна голосом говорит он. — Который час?

А во сколько они заснули? В четыре? Или в пять? Она помнит, как они смеялись, потому что за окном уже начало светать. Он потирает лицо и приподнимается на локте. Волосы с одной стороны взъерошены, на подбородке пробивается щетина.

— Почти девять. Пойду сбегать за нормальным кофе, — отвечает она, пятясь к двери и в ярких лучах утреннего солнца смущаясь собственной наготы.

— Точно? — кричит он ей вслед. — Хочешь, я схожу?

— Нет-нет, — отзывается она, поднимая с пола джинсы, — я сама.

— Мне без молока, — кричит он и снова падает на подушки, бормоча что-то о своей несчастной голове.

Трусики обнаруживаются под DVD-плеером. Элли быстро поднимает их и запикивает в карман, натягивает через голову футболку, надевает сверху пиджак и, даже не взглянув на себя в зеркало, бежит вниз по лестнице, быстро идет в ближайшую кофейню, на ходу набирая номер Ники.

«Просыпайся! Подойди к телефону».

Она успевает войти в кафетерий и встать в очередь, и тут Ники наконец-то отвечает:

— Элли?

— Господи, Ники. Я тут такое натворила, — шепчет она в трубку, оглядываясь на зашедшее вслед за ней семейство.

Отец молчит, мать пытается усадить двоих малышей за столик. Бледные лица родителей говорят о бессонной ночи.

— Погоди, я в спортзале, сейчас выйду на улицу.

В спортзале? В девять утра в воскресенье?

— Что ты там натворила? — спрашивает Ники, пытаясь перекричать

гул машин. — Убила кого-нибудь? Изнасиловала малолетнего? Или позвонила его жене и сообщила, что у ее мужа есть любовница?

— Я переспала с тем парнем с работы! — забыв, где находится, кричит Элли и вдруг замечает, что бариста смотрит на нее, удивленно приподняв бровь. — Ой, простите! Два больших американо, пожалуйста, один с молоком, и два... нет, три круассана, — быстро тараторит она, прикрыв рукой трубку.

— С этим твоим библиотекарем?

— Ну да. Он появился ко мне вчера вечером, а я уже поднабралась, и мне было так грустно, а он еще стал читать мне вслух эти письма... Не знаю, как так вышло.

— И что?

— Как что?! Я переспала с другим мужчиной!

— Не понравилось?

— Ну... вообще-то, понравилось... даже очень, — признается Элли, вспоминая восхищенный взгляд Рори, голову, склонившуюся к ее груди, и поцелуи, бесконечные поцелуи...

— Так в чем проблема?

— Я же должна спать только с Джоном!

— С вас шесть фунтов шестьдесят три цента, — сообщает девушка, улыбаясь и подмигивая Уставшему Отцу Семейства, и Элли замечает, что они оба смотрят на нее с нескрываемым любопытством.

Элли лезет в карман за мелочью, но вытаскивает оттуда скомканные трусики. Отец семейства кашляет, чтобы скрыть приступ смеха. Она извиняется, краснеет, кладет деньги на стойку и, опустив глаза, отходит в сторону, чтобы подождать свой заказ.

— Ники...

— Элли, ради бога! Ты спишь с женатым мужчиной, который при этом продолжает спать со своей женой. Он ничего тебе не обещает, никуда тебя не водит и не собирается уходить к тебе...

— Ну, это еще неизвестно.

— Известно. Прости, милая, но готова поспорить на свой дорогуший, купленный в кредит домик, что не собирается. А теперь ты заявляешь, что у тебя был отличный секс с каким-то милым парнем с работы, у которого, кажется, нет девушки. Ты ему нравишься, и он хочет чаще с тобой встречаться. А ты думала, я зарыдаю и побегу в аптеку за прозаком?

— Я поняла, — тихо отвечает Элли.

— А теперь иди домой, разбуди его, займись с ним безумно диким сексом, а завтра утром встретимся с Коринн в кафе, и ты нам все

расскажешь.

Лицо Элли расплывается в улыбке. Как все-таки приятно, когда можно с гордостью рассказывать о своем парне, а не пытаться постоянно находить для него оправдание.

Она вспоминает о Рори, лежащем в ее постели. Рори, с длинными ресницами и нежными губами. И правда, провести утро вместе с ним — совсем неплохая идея. Она забирает кофе и со всех ног бежит домой.

— Ни с места! — кричит Элли, взлетая вверх по лестнице и сбрасывая в прихожей туфли. — Сейчас будет завтрак в постель.

Она ставит кофе на пол у входа в ванную, бросается к зеркалу, убирает остатки туши из-под глаз, умывается холодной водой и наносит за ухо капельку духов. Немного подумав, открывает тюбик с зубной пастой и полощет рот.

— Вот! Теперь ты не сможешь называть меня бессердечной эгоисткой, которая использует мужчин в своих целях. С тебя кофе на работе! — весело кричит она. — Потому что завтра я снова стану эгоистичной стервой.

Элли выходит из ванной, поднимает стаканчики с кофе и, улыбаясь, заходит в спальню, но постель пуста, одеяло на месте... В ванной его точно нет, я только что оттуда, думает она и растерянно спрашивает:

— Рори?

— Я здесь, — доносится голос из гостиной.

— Ты не должен был вставать, — укоряет она его, выходя в коридор, — а как же завтрак в постель?

И тут она вдруг замечает, что он стоит посреди комнаты, причесанный и одетый, и уже натягивает пиджак, не глядя в ее сторону.

— Ты куда? — удивляется Элли, останавливаясь на пороге с кофе в руках. — Я думала, мы вместе позавтракаем...

— Нет, думаю, мне лучше уйти.

— Но почему? — спрашивает она, нутром чувствуя, что здесь что-то не так. — Меня же не было всего пятнадцать минут. У тебя какие-то дела в воскресенье в полдесятого утра?

Рори смотрит в пол, нашаривая в кармане ключи, достает их и прокручивает на пальце, а потом наконец поднимает глаза и хмуро смотрит на нее:

— Тебе звонили, пока ты ходила за кофе. Он оставил сообщение. Я не хотел подслушивать, но в маленькой квартире сложно не услышать.

— Рори, я... — бормочет Элли, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Я же тебе говорил: не люблю все усложнять, — поднимая руку,

перебивает Рори. — Это значит, что я не хочу спать с девушкой, которая спит с кем-то еще, — добавляет он и проходит мимо нее в прихожую. — Увидимся, Элли.

Звук его шагов замирает на лестнице. Он не хлопнул дверью перед уходом — просто очень аккуратно и решительно прикрыл ее. Элли в шоке. Аккуратно поставив кофе на столик, она идет к автоответчику и нажимает «Прослушать полученные сообщения». Комнату наполняет низкий, мелодичный голос Джона: «Элли, я не могу долго говорить. Просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Не понял, что ты вчера имела в виду. Я тоже по тебе скучаю. Скучаю по нам. Но послушай... пожалуйста, не пиши мне... (короткий вздох)... слушай, я напишу тебе, как только мы... как только вернусь домой... (щелчок, конец записи)».

Его слова вибрируют в тишине квартиры. Элли опускается на диван и долго сидит без движения, глядя в одну точку. На столе остывают два стакана с кофе.

Уважаемый мистер Б...

48 Т... — авеню

...повторюсь, я понимаю, что покупка дома оформляется исключительно на Ваше имя, и не буду пересылать документы на подпись на Ваш нынешний адрес до Вашего возвращения четырнадцатого числа.

Письмо, случайно прочитанное женщиной

Кому: Филлипу О'Хара, phillipohare@thetimes.co.uk

От кого: Элли Хоуорт, elliehaworth@thenation.co.uk

Прошу прощения, что пишу вам напрямую, но надеюсь, что вы, как коллега-журналист, проявите понимание.

Я пытаюсь найти некоего Энтони О'Хара, который, судя по всему, ровесник вашего отца. В статье в «Таймс» от мая прошлого года вы вскользь упоминаете, что именно так зовут вашего отца.

Интересующий меня Энтони О'Хара в начале шестидесятых провел некоторое время в Лондоне, довольно долго жил за границей, в основном в Центральной Африке, где, возможно, и погиб.

Мне очень мало известно о его жизни, но я знаю, что у него есть сын по имени Филлип.

Если вы и есть его сын или же вам по другим причинам известна его судьба, не могли бы вы ответить на мое письмо? Одна моя знакомая дружила с вашим отцом много лет назад и очень хотела бы узнать, как сложилась его судьба. Я понимаю, что шансов не много, поскольку имя довольно распространенное, но мне пригодится любая помощь.

С наилучшими пожеланиями,

Элли Хоуорт.

Новое здание редакции расположено в районе, где Элли никогда не бывала. Раньше он представлял собой скопище заброшенных складских помещений и не самых приятных забегаловок, где продают еду навынос. Элли скорее предпочла бы умереть с голоду, чем поесть в таком заведении. Но теперь все это снесли подчистую, и на смену перенаселенным улицам пришли просторные, современные площади, металлические тумбы, странные бизнес-центры, со многих из которых еще не сняли строительные леса.

Перед предстоящим в понедельник переездом руководство устроило их отделу ознакомительную экскурсию по новому месту работы — столы, компьютеры, телефонные системы. Элли вместе с коллегами проходит по всем отделам, а молодой человек с папкой и бюджетом с надписью «Координатор трансфера» рассказывает им о производственных подразделениях, информационных узлах и расположении туалетов. Переходя из одного зала в другой, Элли наблюдает за тем, насколько по-разному реагируют ее коллеги: народ помоложе просто в восторге, им нравится минималистичный дизайн офиса. Мелисса здесь уже не первый раз, поэтому, если ей кажется, что молодой человек упустил какую-то важную деталь, она время от времени добавляет что-нибудь от себя.

— Да, тут не спрячешься, — ухмыляется Руперт, оглядывая огромное, без единой перегородки пространство.

С ним сложно не согласиться: кабинет Мелиссы в юго-западном углу целиком сделан из стекла. Оттуда виден весь находящийся в ее ведении «информационный узел». Больше ни у кого в их отделе нет своего кабинета. Многим ее коллегам это придется не по нраву.

— А вот и ваши рабочие места! — провозглашает молодой человек.

Оказывается, что все журналисты будут сидеть за одним огромным столом овальной формы, из центра которого расползается множество проводов, подключенных к компьютерам с плоским монитором.

— А где чье место? — спрашивает один из журналистов.

— Я еще не до конца составила список, — взглянув в бумаги, отвечает Мелисса, — некоторые места пока что не распределены. Но Руперт будет сидеть здесь, Арианна — вон там, Тим — рядом с тем креслом, Эдвина...

Происходящее напоминает Элли урок физкультуры в школе, когда капитаны должны набрать команду для игры в волейбол и каждый с облегчением вздыхает, услышав свою фамилию. Но вот почти все места распределены, а ее имя так и не прозвучало.

— Мелисса... — набравшись храбрости, начинает она. — А я где буду сидеть?

— Некоторым придется меняться, — отвечает Мелисса, показывая на другой стол. — Вовсе не обязательно, чтобы в распоряжении каждого было отдельное рабочее место, — чеканит она, не глядя Элли в глаза.

— То есть ты хочешь сказать, что у меня не будет своего места за столом? — уточняет Элли, инстинктивно поджимая пальцы ног.

— Нет, я хочу сказать, что некоторым придется пользоваться одним рабочим терминалом.

— Но я же на работе каждый день. Не понимаю, как это будет выглядеть на практике, — не унимается Элли. На самом деле стоило отвести Мелиссу в сторонку и тихо спросить, почему Арианне, которая работает в редакции всего месяц, полагается отдельное место, а ей нет. При этом говорить надо абсолютно спокойно, а еще лучше — просто промолчать. — Я что, единственная, кому...

— Как я уже сказала, Элли, некоторые места пока что не распределены. Тебе всегда найдется где поработать. Итак, переходим в отдел новостей. Они переезжают в один день с нами, — продолжает Мелисса, давая Элли понять, что разговор окончен.

Итак, ее рейтинг упал ниже плинтуса, понимает Элли. Арианна косится на нее, но тут же отводит взгляд, а Элли притворяется, что читает несуществующее сообщение на мобильном.

Теперь библиотека не будет находиться под землей. Новый Центр информационных ресурсов располагается на втором этаже в атриуме, уставленном горшками с огромными, подозрительно экзотическими растениями. В середине этого тропического буйства находится стойка, за которой мрачный главный библиотекарь тихо разговаривает с куда более молодым подчиненным. Элли разглядывает стеллажи, аккуратно разделенные на зоны цифровых и печатных информационных носителей. Все надписи в новом офисе напечатаны строчными буквами. Заместитель главного редактора наверняка язву заработает от расстройства.

Помещение разительно отличается от пыльных катакомб старого архива, в лабиринте которых неопытный новичок может легко потеряться, где пахнет типографской краской, думает Элли с легкой ностальгией.

Она не совсем понимает, зачем пришла сюда. Просто ей очень нужно увидеться с Рори: попросить у него прощения, ну или просто пожаловаться на то, как поступила с ней Мелисса. Он один из немногих, с кем она может этим поделиться.

И тут главный библиотекарь замечает ее присутствие.

— Простите, если помешала, — машет ему рукой Элли, — я просто

зашла посмотреть, как тут у вас.

— Если вы ищете Рори, то он в старом здании, — с улыбкой отвечает он.

— Спасибо, — вежливо благодарит Элли и отчаянно пытается сообразить, что бы такого сказать хорошего, чтобы и библиотекарь на нее в очередной раз не обиделся. — А здесь здорово! Вы отлично поработали.

— Почти закончили, — улыбается он.

Когда главный библиотекарь улыбается, он выглядит куда моложе и не таким уставшим. Элли вдруг замечает в его лице то, чего не видела раньше: облегчение и какую-то доброту. Надо же, вот ведь как можно ошибиться в человеке!

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спрашивает он.

— Да нет, спасибо, я просто...

— Ну ладно, в общем, он в старом здании, — улыбается библиотекарь.

— Спасибо. Не буду вам мешать, у вас еще столько работы, — прощается Элли и перед уходом берет со стойки отскерокопированное руководство по пользованию библиотекой, аккуратно складывает его и кладет в сумочку.

Остаток дня Элли проводит за столом-который-скоро-демонтируют и раз за разом набирает имя Энтони О'Хара в поисковике. Каждый раз система выдает ей огромное количество совпадений, и она поражается тому, сколько людей с этим именем существует или существовало на свете. Вот семнадцатилетний Энтони О'Хара в социальной сети, давно погибший Энтони О'Хара, похороненный в Пенсильвании, — его родословной посвятил монографию какой-то любитель генеалогии. Один работает физиком в Южной Африке, другой пишет книги в жанре фэнтези и издает их за свой счет, третий стал жертвой нападения хулиганов в пабе в Суонси. На всякий случай Элли просматривает все профили, проверяя возраст.

Мобильный издает характерный звук — новое сообщение. От Джона, с неожиданным для себя самой разочарованием отмечает она.

— Пора на собрание, — говорит секретарша Мелиссы, проходя мимо ее стола.

— Да-да, я иду, — отвечает Элли, но секретарша останавливается и внимательно смотрит на нее. — Уже иду.

Элли быстро читает сообщение:

Прости, не мог долго разговаривать вчера. Просто хочу, чтобы ты знала, как я по тебе скучаю. С нетерпением жду

встречи.

Цел. Д.

Она перечитывает его несколько раз, тщательно анализируя каждое предложение, чтобы убедиться в том, что в очередной раз не выдает желаемое за действительное. Но нет, черным по белому: Просто хочу, чтобы ты знала, как я по тебе скучаю.

Элли собирает бумаги и с пылающим лицом входит в кабинет прямо перед Рупертом — приходить на собрание последней нехорошо. Мало того что в новом здании у нее единственной не будет своего стола, так еще и тут можно без стула остаться.

Элли молча слушает разбор статей на ближайшие дни, о том, как продвигается работа. Она уже и думать забыла, какое унижение пережила утром, даже несмотря на то, что Арианне удалось выцарапать интервью у известной актрисы, которая ведет отшельнический образ жизни и отказывается общаться с прессой. В голове у Элли звучат лишь одни слова, неожиданно свалившиеся с небес: Просто хочу, чтобы ты знала, как я по тебе скучаю.

Как это понимать? Она не смеет надеяться, что ее заветное желание может исполниться. Образ загорелой красавицы-жены в откровенном бикини померк. Фантомная веснушчатая рука уже не натирает ее кремом, а сжимает кулак в бессильной ярости, так что аж костяшки пальцев белеют. Элли представляет, как Джон весь отпуск ссорится с женой, а ведь это их последняя попытка спасти брак. Он устал и рассержен, на самом деле ему приятно получить от Элли сообщение, хоть он и просит больше не писать ему.

Надеяться пока не на что, пытается успокоить себя она. Возможно, это всего лишь минутная слабость: за отпуск супруги всегда успевают надоесть друг другу. Может, Джон просто хочет убедиться, что она преданно ждет его возвращения. Но как она ни старается, верить хочется в первую версию событий.

— Элли? Как продвигается статья про любовные письма?

О боже! Элли нервно перебирает бумаги и уверенным голосом отвечает:

— У меня значительно прибавилось материала. Я нашла адресатку и встретила с ней. Думаю, материала хватит на приличную статью.

— Отлично, — хвалит ее Мелисса, слегка приподняв бровь.

— Но... я не уверена, в каком объеме стоит использовать материал...

Это очень интимная история, — неуверенно добавляет Элли.

— Они оба живы?

— Нет, он погиб. По крайней мере, она так думает.

— Тогда измени ее имя, в чем проблема? Ты же пишешь об истории, о которой женщина давно и думать забыла.

— О нет! — протестует Элли, пытаясь правильно подобрать слова. — Вообще-то, она помнит эти письма практически наизусть. Думаю, их лучше использовать в качестве материала для анализа языка любви: как изменились любовные послания за последние сорок лет.

— То есть ты предлагаешь не публиковать оригиналы?

— Да, — с облегчением отвечает Элли, окончательно понимая, что ей не хочется делать письма Дженнифер достоянием общественности. Она представляет себе, как та сидит на диване и оживленно рассказывает ей историю, о которой до этого не говорила никому. Зачем же заставлять ее страдать еще больше? — Я хочу сказать, что могла бы найти еще примеры.

— Ко вторнику?

— Ну, есть ведь книги на эту тему, подборки...

— Ты что, хочешь, чтобы мы опубликовали уже напечатанный материал?!

В кабинете воцаряется мертвая тишина. Такое впечатление, что Элли и Мелиссу Бекингом окружает ядовитый пузырь, оболочка которого вот-вот прорвется. Да, теперь что бы я ни предложила, ей все равно не понравится, думает Элли.

— За время, потраченное тобой на эту статью, большинство журналистов успевают выдать три статьи по две тысячи слов, — выговаривает ей Мелисса, постукивая по столу карандашом. — Мне нужна эта статья, Элли, — добавляет она ледяным тоном. — Просто напиши текст, оставь адресатку безымянной, и она, скорее всего, никогда не узнает, о чьих письмах идет речь. Судя по количеству потраченного тобой времени, должен получиться настоящий шедевр! — сияя белоснежной улыбкой, предназначенной остальным присутствующим, добавляет она. — Хорошо, идем дальше: где список для раздела «Здоровье»?

Уходя с работы, Элли видит, как Рори останавливается перекинуться парой слов с охранником Рональдом, а потом быстро сбегает по лестнице и направляется в сторону метро.

На улице идет дождь, а у него только рюкзак за спиной, и поэтому он наклоняет голову.

— Привет! — говорит она, догоняя его.

— Привет, — отвечает он, мельком взглянув в ее сторону, но даже не замедляя шага.

— Слушай, не хочешь зайти в паб ненадолго? — предлагает она, когда они доходят до подземного перехода.

— Нет, занят.

— А ты куда так торопишься? — спрашивает Элли, перекрикивая громовой топот пассажиров, толпящихся в переходе с отличной акустикой.

— В новое здание, — отвечает Рори, протискиваясь мимо желающих попасть в метро.

— Ничего себе! А не много ли ты работаешь? — дразнит его Элли, а толпа несет ее с такой скоростью, что она почти не касается ногами пола.

— Нет. Просто надо помочь боссу закончить кое-что, а то он уже на пределе.

— А я его сегодня видела, — сообщает Элли. — Он хорошо со мной разговаривал, — добавляет она, не дождавшись никакой реакции.

— Ну да, он вообще хороший человек.

Элли старается держаться рядом с ним до самых турникетов. Рори отходит немного в сторону чтобы не мешать спешащим к эскалатору людям.

— Так забавно, видишь человека каждый день и даже понятия не имеешь...

— Послушай, Элли, что тебе от меня нужно?

Она нервно прикусывает губу. Спешащие в метро люди обходят их с двух сторон, некоторые что-то бормочут о том, зачем стоять посреди зала.

— Просто хотела извиниться... за вчерашнее утро, — стряхивая капли воды с волос, произносит она.

— Все в порядке.

— А вот и нет. Слушай, то, что произошло, не имеет к тебе никакого отношения. Ты правда мне нравишься. Просто я...

— Знаешь что, Элли? Мне все равно. Все в порядке, давай просто забудем об этом, и все, — перебивает он, направляясь к турникетам.

Элли спешит следом. В какой-то момент Рори чуть оборачивается, и она видит, какое у него выражение лица. Ужас, просто кошмар!

Она встает за ним на эскалаторе и разглядывает капельки воды, блестящие на его сером шарфе, с трудом сдерживаясь, чтобы не смахнуть их.

— Рори, мне правда очень жаль...

— Он женат, да? — холодно взглянув на нее, спрашивает он.

— Что?

— Твой друг. Судя по тому, что он сказал, наверняка.

— Не надо так на меня смотреть.

— Как — так?

— Я же не виновата, что в него влюбилась. Я не собиралась.

— Чушь! — с циничным смешком заявляет Рори, когда они сходят с эскалатора. — Ты сделала выбор. Мы все делаем выбор, — добавляет он, ускоряя шаг, и теперь Элли приходится бежать, чтобы не отстать.

— Разве тебя никогда не захватывали чувства, которые сильнее тебя?

— Конечно захватывали, — глядя ей в глаза, отвечает Рори. — Но если я понимал, что причину кому-то боль, если поддамся своим желаниям, то всегда отходил в сторону.

— Да ты у нас просто святой! — с пылающим лицом восклицает она.

— Нет, но и тебя жертвой обстоятельств не назовешь. Рискну предположить, что ты знала, что он женат, и все равно решила попытать счастья. У тебя была возможность отказаться.

— Все было совсем не так.

— Ну конечно. «Это было сильнее нас», да? — язвительно добавляет он. — Похоже, эти письма повлияли на тебя больше, чем тебе кажется.

— Поздравляю, Мистер Практичность. Молодец, научился включать и выключать эмоции, как воду в ванной. Да, я позволила себе поддаться искушению, доволен? Да, я поступила аморально. Неблагодарно? Судя по твоей реакции, разумеется. Но на какое-то время я ощутила настоящее волшебство, и не переживай — до сих пор за это расплачиваюсь!

— Не только ты, Элли. Каждое действие имеет последствия. Я считаю, что люди делятся на тех, кто это знает и принимает соответствующие решения, и тех, кто просто делает то, что им нравится в данный конкретный момент времени.

— О господи! Ты хоть представляешь, как высокомерно это звучит?! — срывается на крик Элли, не обращая внимания на любопытные взгляды пассажиров, которые спешат мимо них, исчезая в тоннелях, ведущих к пригородным поездом и кольцевой линии.

— Да.

— То есть в твоём мире ни у кого нет права на ошибку?!

— На одну. Только на одну! — кричит он в ответ и отводит взгляд, словно пытаясь решить, продолжать разговор или нет. — Я побывал с другой стороны, Элли, понимаешь? — говорит он, повернувшись к ней. — Моя девушка нашла себе другого парня, перед которым не смогла устоять. «Это было сильнее их». Вскоре он, разумеется, бросил ее, она вернулась ко мне, а потом поступила так снова. Извини, но теперь я имею право думать,

как считаю нужным.

Элли не может пошевелиться — ноги словно приросли к полу. Нарастающий шум и волна горячего воздуха предупреждают о приближении поезда, и пассажиры подходят поближе к краю платформы.

— Знаешь что? — говорит Рори, перекрикивая стук колес. — Я не осуждаю тебя за то, что ты влюбилась в этого мужчину. Как знать? Может, он и правда любовь всей твоей жизни. Может, его жене и вправду будет лучше, если он уйдет. Возможно, вам просто суждено быть вместе. Но ты могла бы сказать мне «нет», — продолжает он, и на лице его проступает обида и горечь. — Вот что я никак не могу понять. Ты же могла просто отказаться, это было бы правильно.

Рори заходит в набитый людьми вагон перед самым закрытием дверей. Поезд с оглушительным гудком трогается.

Элли смотрит на Рори через окно электрички, пока та не исчезает из виду. «Правильно для кого?»

Привет, малышка!

Думал о тебе все выходные. Как там универ? Барри говорит, что все девчонки, которые уезжают учиться, рано или поздно находят себе других парней, но я сказал, что он смотрит на все со своей колокольни. На самом деле он просто завидует. Во вторник он пригласил ту девчонку из агентства недвижимости поужинать, а она взяла и свалила после горячего. Сказала, что ей нужно в дамскую комнату, и свалила... Он прождал ее двадцать минут и только потом понял, в чем дело. Мы с ребятами животики со смеху надорвали...

Жаль, что ты сейчас не со мной, малышка. Без тебя ночи тянутся так долго, напиши поскорей.

Целую,

Клайв.

Элли разбирает пыльную картонную коробку где хранятся ее старые письма. Еще всего девять тридцать вечера, а она сидит на кровати и пытается придумать статью о любовных письмах для Мелиссы, чтобы не публиковать письма Дженнифер.

Она вспомнила о Клайве — ее первая любовь, сын местного арбориста, ^[28] они учились в одной школе. А сколько было мучительных раздумий, стоит ли ей уезжать в университет. Они поклялись друг другу,

что ее отъезд не скажется на их отношениях, но после того, как Элли уехала в Бристоль, их любовь продержалась всего три месяца.

Она вспоминает, как поначалу его потрепанный «мини» парковался перед ее далеко не шикарным общежитием, и она тут же вылиwała на себя полфлакона духов и неслась по коридору ему навстречу, но довольно скоро, завидев его машину, она стала ощущать лишь тягостную тревогу Чувства умерли, и ей казалось, что он тянет ее обратно, в ту жизнь, которой она уже не принадлежит.

Дорогой Клайв,
почти всю ночь я пыталась придумать, как сказать тебе об этом так, чтобы не причинить боль. Но легких путей не бывает...

Дорогой Клайв,
мне очень тяжело писать тебе это письмо. Но я должна признаться тебе в том, что...

Дорогой Клайв,
мне очень жаль, но я не хочу, чтобы ты приезжал ко мне. Спасибо за все хорошее, что было между нами. Надеюсь, мы сможем остаться друзьями.

Элли

Она вертит в руках страницы с перечеркнутыми абзацами, аккуратной стопкой сложенные среди остальных писем. Прочитав ее прощальное письмо, он сел за руль и проехал двести двенадцать миль лишь затем, чтобы в глаза обозвать ее сучкой. Любопытно, но я даже не обиделась.

Наверное, потому, что для меня эта история уже закончилась, думает Элли.

В университете она почувствовала запах новой жизни вдали от городка, где прошла ее юность, вдали от Клайва, Барри, субботних вечеров в единственном в городе пабе, вдали от жизни, где все знают не только как тебя зовут, но и как ты училась в школе, чем занимаются твои родители, и прекрасно помнят твоё выступление с хором, когда у тебя упала юбка. Создать себя заново можно только вдали от дома. Навещая своих родителей, Элли до сих пор чувствует себя неловко в городке, где личная жизнь каждого является достоянием общности.

Интересно, что сейчас поддельвает Клайв, думает она, допивая чай.

Наверное, женился, возможно, удачно, ведь у него всегда был легкий характер. Завел пару детей и каждую неделю с нетерпением ждет субботы, чтобы пойти в паб с бывшими одноклассниками.

Да, парни вроде Клайва обычно писем не пишут, только шлют эсэмэски. Договорились, малышка?

«А я смогла бы бросить парня по телефону?» — спрашивает себя Элли.

Она сидит совершенно неподвижно. Смотрит на пустую кровать, старые письма раскиданы по покрывалу. После ночи, проведенной с Рори, она ни разу не перечитывала письма Дженнифер. Они странным образом напоминают ей о его голосе. Какое у него было лицо там, в метро. «Ты могла бы просто сказать „нет“». Элли вспоминает лицо Мелиссы, стараясь не думать о том, что, возможно, ей придется вернуться к старой жизни. Она может оказаться неудачницей. Настоящей неудачницей. Элли кажется, что она стоит на краю пропасти. Грядут перемены.

И тут раздается сигнал мобильного. Элли тянется за ним через кровать, почти ложась на стопку рисовальной бумаги.

Не отвечаешь?

Она с удивлением смотрит на экран и набирает:

Прости. Думала, ты не хочешь, чтобы я тебе писала.
Все изменилось. Можешь говорить все, что хочешь.

Она шепотом произносит эти слова вслух, не осмеливаясь поверить своим глазам. Так обычно бывает только в комедийных мелодрамах. Неужели, вопреки мрачным прогнозам всех ее друзей, эта ситуация все-таки разрешится? Элли представляет, как сидит в кафе с Ники и Коринн и рассказывает им: «Ну да, конечно, он переедет ко мне. Потом подыщем квартиру побольше. Дети будут приезжать к нам на выходные два раза в месяц». Она представляет себе, как Джон возвращается домой по вечерам, бросает сумку на пол, обнимает ее и целует прямо в коридоре. Это все так невероятно, что у Элли голова кругом идет. «А я действительно этого хочу? — думает она и тут же принимается ругать себя за нерешительность. — Ну конечно же хочу. Иначе я бы не любила его так долго».

Можешь говорить все, что хочешь.

Держи себя в руках, Элли, уговаривает она себя. Дело еще не в шляпе.

Вспомни, сколько раз он тебя разочаровывал. Повертев в руках телефон, она нерешительно набирает:

Обязательно, но не по телефону. Рада, что мы наконец поговорим.

Немного помедлив, Элли пишет дальше:

У меня все это как-то в голове не укладывается. Но я тоже по тебе скучала. Позвони, как вернешься. Цел. Э.

Она уже собирается положить телефон на тумбочку, как приходит еще одно сообщение.

А ты меня любишь?

У нее перехватывает дыхание.

Да!

Она, не задумываясь, отправляет последнее сообщение, ждет несколько минут, но ответа нет. Элли откидывается на подушки, пытается понять, грустно ей или радостно, и долго смотрит в окно на пустое черное небо, где вдалеке мигают огоньки самолетов, бесшумно несущихся сквозь темноту в неизвестных направлениях.

Я изо всех сил старалась объяснить тебе, о чем думала на пути из Падуи в Милан, но ты вел себя как испорченный ребенок, и я не могла больше причинять тебе боль. Сейчас я нашла в себе смелость сказать это лишь потому, что нахожусь вдали от тебя. Поверь, для меня тоже большая неожиданность, что скоро я выхожу замуж.

Агнес фон Куровски^[29] — Эрнесту Хемингуэю, в письме

— Чай, — произносит кто-то, кладя руку Рори на плечо. Он кивает, вынимая один наушник, выключает музыку и убирает МРЗ-плеер в карман.

Уехал последний грузовик, и у входа в здание остались лишь маленькие фургоны, принадлежащие газете. Им еще много раз предстоит съездить туда-сюда: повсюду забытые кем-то коробки и прочие жизненно необходимые мелочи. Сегодня четверг, последние коробки, кружки и стаканчики для чая увезут в воскресенье, в понедельник газета «Нэйшн» начнет новую жизнь в новом офисе, а старое здание пойдет под снос. Через год на его месте появится сияющая конструкция из стекла и металла.

Рори подходит к фургону и садится на заднее сиденье рядом с боссом, который задумчиво смотрит на фасад здания из черного мрамора. Металлическую эмблему газеты — почтового голубя — уже демонтировали с цоколя над главной лестницей.

— Странное зрелище, правда?

— Вам, наверное, неприятно на это смотреть, — замечает Рори, дуя на чай. — Вы же столько лет здесь проработали.

— Да нет. Все когда-нибудь заканчивается. В каком-то смысле я уже и рад заняться чем-нибудь другим. Целыми днями находиться среди историй других людей — странное занятие. Такое ощущение, что моя собственная жизнь словно замерла.

Рори кажется, будто картина вдруг ожила и заговорила, — это так непохоже на начальника. Рори ловит каждое его слово, а потом спрашивает:

— Не хотите сами что-нибудь написать?

— Нет, — решительно отвечает босс. — Какой из меня писатель?

— Чем займетесь?

— Пока не знаю. Возможно, отправлюсь путешествовать — с рюкзаком, прямо как ты, — улыбается тот.

Они проработали несколько месяцев бок о бок и почти не разговаривали — только по работе, но в свете быстро приближающегося расставания хочется поговорить по душам.

— Мой сын считает, путешествия — то, что мне нужно, — добавляет вдруг библиотекарь.

— А я не знал, что у вас есть сын, — удивляется Рори.

— И невестка. А еще трое внуков-сорванцов.

Рори смотрит на босса новыми глазами: он из тех людей, которые производят впечатление одиночек. Сложно представить, что он семейный человек.

— А ваша жена?

— Она давным-давно умерла, — спокойно отвечает босс, но Рори все равно чувствует неловкость, как будто перешел запретную грань.

Если бы Элли была здесь, она бы прямо спросила, что случилось с его женой. Если бы Элли была здесь, то Рори смылся бы в дальний угол библиотеки, чтобы не говорить с ней. Он вычеркнул ее из своей жизни и не собирается о ней думать. Не собирается думать о ее волосах, о ее смехе, о том, как она морщит лоб, пытаясь сосредоточиться. О том, какой она была в его объятиях: уступчивой и хрупкой — так на нее непохоже.

— И когда ты уезжаешь в дальние края? — спрашивает библиотекарь.

Рори вздрагивает и берет протянутую ему книгу, а потом еще одну. Это не библиотека, а черная дыра в другое измерение: вещи исчезают в никуда и появляются из ниоткуда.

— Вчера подал заявление об уходе. Остается только найти подходящий рейс.

— Будешь скучать по своей девушке?

— Она не моя девушка.

— Держишь марку? Я думал, она тебе нравится.

— Нравилась.

— Мне казалось, вы с ней подружились.

— Мне тоже.

— Так в чем проблема?

— Она... гораздо более сложный человек, чем кажется на первый взгляд.

— За всю жизнь, — улыбается библиотекарь, — я не встречал ни одной женщины, которая была бы простым человеком.

— Ну да... просто я не люблю все усложнять.

— Жизни без сложностей не бывает, Рори. Рано или поздно нам всем приходится идти на компромисс.

— Только не мне. А что такого? — возмущается Рори, заметив, как библиотекарь иронично приподнимает бровь. — Вы же не станете читать мне лекции в духе Вертера об упущенных возможностях, о том, что если бы вы могли, то многое сделали бы по-другому?! — выпаливает он громче и резче, чем собирался, и начинает переставлять коробки из одного угла фургона в другой, чтобы успокоиться. — Тем более что я уезжаю и мне лишние сложности не нужны.

— Конечно.

— И не надо так на меня смотреть! — протестует Рори, глядя на добрую улыбку библиотекаря. — А то я забуду, что вы жуткий старый ворчун.

— Ну что ты, я бы не осмелился, — смеется жуткий старый ворчун. — Ладно, пойдем проверим напоследок микрофиши и заберем чашки и чайник. А потом я угощу тебя обедом, и можешь не рассказывать мне, что произошло между тобой и этой девушкой, до которой тебе, судя по всему, нет дела.

Серый тротуар перед домом Дженнифер Стерлинг блестит в лучах зимнего солнца, напоминая ракушечник. Дворник медленно продвигается вдоль дома, собирая мусор специальными щипцами. Элли и не припомнит, когда в последний раз видела дворника в своем районе. Наверное, большинство считает эту работу сизифовым трудом, ведь на оживленной улице, где она живет, столько фастфудов и дешевых кондитерских. Бумажные пакеты в красно-белую полоску весело валяются повсюду, свидетельствуя об окончании очередного обеденного перерыва, превратившегося в оргию с употреблением избыточного количества насыщенных жиров и сахара.

— Это Элли. Элли Хоурт! — кричит она в домофон. — Я оставила вам сообщение. Ничего, что я...

— Элли! — радостно отвечает Дженнифер. — Подожди, я как раз собиралась выходить.

Пока лифт неторопливо спускается вниз, Элли думает о Мелиссе. С утра ей не спалось, и она приехала в офис «Нэйшн» чуть ли не в полвосьмого. Ей надо было разобраться, что же делать со статьей о любовных письмах. Перечитав письма Клайва, Элли поняла, что пути к отступлению отрезаны — к старой жизни ей уже не вернуться. А значит,

статья должна выйти выше всех похвал. Теперь надо только до конца расспросить Дженнифер Стерлинг, а потом как-нибудь выкрутиться. Элли Хоурт снова стала собой — сосредоточенной и решительной профессионалкой. Тем более гораздо легче думать о работе, чем о запутанной личной жизни.

Придя на работу, Элли с удивлением обнаружила, что Мелисса уже на месте. Больше в отделе ни души, если не считать уборщицу, которая тихо заканчивала пылесосить. Из открытой настежь двери в кабинет Мелиссы доносился ее голос.

— Я знаю, зайка, но тебя заберет Нина. — Мелисса ожесточенно накручивает на палец сияющую в тусклом свете зимнего солнца прядь волос, потягивает за нее, а потом раскручивает обратно. — Нет, я же говорила тебе в воскресенье вечером, помнишь? Нина отведет тебя туда, а потом заберет. Я знаю... знаю... но мамочка должна ходить на работу. Ты же понимаешь, малышка, что мне надо работать, — садясь в кресло и устало опуская голову на руки, продолжает она едва слышно. — Я знаю, знаю. В следующий раз я обязательно приду. Помнишь, я тебе рассказывала, что мы переезжаем в другое место? Это очень важно, малышка, мамочка не может... — Она долго молчит. — Дейзи, милая, дай, пожалуйста, трубку Нине. Да, знаю, просто дай мне Нину на минутку. Да, мы с тобой потом еще поговорим, а сейчас дай...

Мелисса подняла глаза и увидела Элли, которая тут же отвернулась, смутившись, что ее застукали за подслушиванием, и достала из сумки телефон, как будто ей тоже вот-вот должны позвонить по крайне важному делу. Когда она снова украдкой обернулась, дверь в кабинет Мелиссы была закрыта, но из-за нее доносились звуки, подозрительно похожие на плач.

Дверь подъезда открывается, и на улицу выходит Дженнифер Стерлинг в льняной блузке и темно-синих джинсах. Хотела бы я носить джинсы, когда мне будет за шестьдесят, с завистью думает Элли.

— Какой приятный сюрприз!

— Вы сказали, что я могу зайти к вам еще раз...

— Ну конечно. Должна признать, что в разговоре с вами на прошлой неделе я испытала истинное удовольствие, сбросив этот груз с души. К тому же вы немного напоминаете мне дочь. Я скучаю по ней.

Элли почему-то приятно, что ее сравнили с женщиной из рекламы Келвина Кляйна. Она изо всех сил старается не думать, зачем пришла сюда.

— Если я вам не помешаю... — робко произносит она.

— Ну что вы! Если вам еще не наскучили рассказы малознакомой старухи. Я собиралась пройтись на Примроуз-Хилл, хотите составить мне

компанию?

По дороге они немного болтают о районе, о том, кто где жил раньше, о туфлях Элли, которые приводят миссис Стерлинг в восторг.

— У меня с ногами плохо, — жалуется она. — Когда я была в вашем возрасте, все должны были издеваться над собой и носить каждый день эти жуткие каблуки. Вашему поколению повезло. Так ведь намного удобнее.

— Да, но мое поколение никогда не выглядит так шикарно, как ваше, — возражает Элли, вспоминая макияж и идеальную прическу Дженнифер на фотографии сразу после родов.

— О, да у нас просто выбора не было, сплошная тирания. Лоренс — мой муж — не позволял мне фотографироваться, если я не выглядела на все сто.

Дженнифер сегодня в приподнятом настроении, воспоминания уже не так мучают ее. Она идет довольно быстро, как молодая девушка, и Элли иногда с трудом поспевает за ней.

— Со мной несколько недель назад приключилась забавная история: я пошла в ближайший магазинчик за газетой, а там стоит девушка в пижамных штанах и таких огромных сапогах из овечьей шкуры, как они там называются?

— Угги?

— Точно, — весело соглашается Дженнифер. — Жуткое зрелище. И вот эта совершенно непричесанная юная леди покупает пинту молока, а я стою и ужасно завидую ее свободе. Я смотрела на нее как на ненормальную, — смеется Дженнифер. — Данюшка, хозяйка магазина, даже спросила, что мне сделала бедная девочка. Да, оглядываясь назад, должна признать, что мы жили как в клетках.

— А можно задать вам один вопрос?

— Подозреваю, что вы его все равно зададите, — едва заметно улыбаясь, отвечает Дженнифер.

— Вы когда-нибудь жалели о произошедшем? О том, что у вас был роман на стороне?

— Вы хотите сказать: жалею ли я о том, что причинила боль мужу?

— Видимо, да.

— Элли, вы спрашиваете из любопытства или для успокоения собственной совести?

— Не знаю. Наверное, и то и другое, — грызя ноготь, признается Элли. — Я думаю, что мой... что Джон, возможно, уйдет от жены.

Молча женщины подходят ко входу в Примроуз-Хилл, Дженнифер останавливается и спрашивает:

— Дети есть?

— Да, — не глядя ей в глаза, отвечает Элли.

— Это огромная ответственность.

— Я знаю.

— Знаете и немного напуганы.

— Я хочу быть уверена, что поступаю правильно, — неожиданно для самой себя говорит Элли. — Что это стоит той боли, которую я причиню другим людям, — добавляет она, понимая: Дженнифер — единственный человек, кому она осмелилась сказать об этом.

Что же такого есть в этой женщине? От нее ничего не скроешь. Дженнифер внимательно смотрит на Элли, и та отчаянно желает, чтобы она вынесла ей оправдательный приговор. Элли вспоминает слова Бута: «Ради тебя мне хочется стать лучше». Ей тоже хочется стать лучше. И не думать о том, какие фрагменты этой беседы она включит в статью, а какие нет.

Благодаря многолетнему опыту работы консультантом Дженнифер приобрела своего рода мудрую беспристрастность. Когда она наконец заговаривает, Элли сразу чувствует, как тщательно Дженнифер подбирает слова:

— Я уверена, что вы со всем справитесь. Просто вам нужно честно поговорить друг с другом. Даже если это причинит боль. И возможно, вы получите не те ответы, которые вам хотелось бы услышать. Вот о чем я подумала, перечитывая на прошлой неделе письма Энтони, после того как вы ушли. Это не игрушки. Ни до него, ни после я ни разу не встречала мужчину, с которым могла бы говорить настолько искренне и честно, — вздыхает Дженнифер, заходя вместе с Элли в парк и начиная подниматься по тропинке, ведущей на вершину холма. — Но для таких, как мы, Элли, не существует оправдательного приговора. Возможно, в будущем вы обнаружите, что вина играет в вашей жизни куда большую роль, чем вам бы того хотелось. Говорят, страсть возникает не просто так, и что касается любовных треугольников, то боль испытывают не только протагонисты. Могу вам сказать, что до сих пор испытываю чувство вины перед Лоренсом. Я все время пытаюсь оправдать себя, но, с другой стороны, я прекрасно вижу, что вся эта история принесла боль всем нам. Но... самое большое чувство вины я испытываю перед Энтони.

— Вы собирались рассказать мне, чем все закончилось.

— Что ж, Элли, боюсь, хеппи-энда не будет, — грустно говорит Дженнифер.

Она рассказывает о безуспешной поездке в Африку, о долгих поисках, о полном отсутствии вестей от мужчины, который раньше все время

рассказывал ей о том, что с ним происходит, и о новой, одинокой жизни в Лондоне.

— И это все?

— В двух словах.

— И за все это время у вас... у вас больше никого не было?

— Ну, Элли, — улыбается Дженнифер Стерлинг, — я ведь тоже человек. Но должна признаться, что такой эмоциональной близости у меня больше не было никогда. После Бута мне ни с кем не хотелось сближаться по-настоящему, для меня существовал только он, и я это прекрасно понимала. К тому же у меня была Эсме, — снова улыбается она. — Дети — удивительный источник утешения.

Они поднимаются на вершину, откуда открывается прекрасный вид на северную часть Лондона. Глубоко дыша, они смотрят на далекий горизонт, прислушиваются к едва доносящемуся шуму машин, крикам хозяев, выгуливающих собак, и возгласам расшалившихся детей.

— А можно еще один вопрос: почему вы так и не закрыли абонентский ящик?

— Думаю, вы сочтете это глупостью, — немного подумав, отвечает Дженнифер, облачиваясь на железную скамейку, — но мы дважды потеряли друг друга — разошлись всего на несколько часов. Я чувствовала, что просто обязана использовать любой шанс. Думаю, закрыть этот абонентский ящик для меня было бы равносильно признанию того, что все и правда закончилось, — пожимает плечами она. — Каждый год я говорю себе — хватит. Время проходит мимо, а я даже не замечаю. Но я так и не смогла сделать это. Наверное, убедила себя, что это всего лишь невинная слабость.

— То есть на этом все и закончилось? На его последнем письме? — спрашивает Элли, показывая рукой куда-то в сторону Сент-Джонс-Вуд. — Он вам больше не писал? Но как же вы выдержали неизвестность? Вы же так точно и не узнали, что с ним стало.

— На мой взгляд, было два варианта: он мог умереть в Конго, но об этом я не хотела даже думать. Или, что более вероятно, он очень сильно обиделся на меня, решил, что я никогда не уйду от мужа, что мне наплевать на его чувства. Думаю, ему пришлось очень нелегко, когда он пытался вычеркнуть меня из своей жизни во второй раз. К сожалению, тогда я даже не понимала, насколько нелегко... а потом стало уже слишком поздно.

— Вы никогда не пытались найти его? Нанять частного детектива? Дать объявление в газету?

— Ну что вы, я бы не стала. Если бы он захотел, то сам бы узнал. Я

должна была уважать его чувства, — отвечает Дженнифер, грустно взглянув на Элли. — Знаете, нельзя заставить человека снова полюбить тебя, как бы тебе этого ни хотелось. К сожалению, иногда для этого уже слишком... слишком поздно.

Здесь, наверху, довольно ветрено. Ветер находит любую щель, задувает за воротник, поэтому Элли поглубже засовывает руки в карманы и спрашивает:

— А что бы с вами случилось, если бы он снова нашел вас?

Впервые за весь разговор у Дженнифер Стерлинг на глаза наворачиваются слезы. Она смотрит вдаль и, едва заметно качая головой, отвечает:

— Знаете, сердца разбиваются не только по молодости, — а потом начинает медленно спускаться вниз, чтобы Элли не видела ее лица, но у нее все равно сердце кровью обливается. — Элли, я давно усвоила один важный урок: «если бы» — это очень опасная игра.

Давай встретимся. Цел. Д.

Может, позвонишь? Цел.

Мне нужно о многом тебе рассказать. Надо увидеться.
«Персивальс» на Дерри-стрит. Завтра в час. Цел. Д.

«Персивальс»? Это на тебя непохоже.

Ну и? Я последнее время сам себя удивляю. Цел. Д.

Элли сидит за столиком, покрытым льняной скатертью, просматривает записи, которые успела на скорую руку сделать в метро, в глубине души понимая, что не сможет написать об этой истории, а если не напишет, то ее карьере в «Нэйшн» — конец. Дважды за последние сутки ей приходило в голову отжаться на милость пожилой дамы, все ей объяснить и на коленях умолять дать разрешение написать о ее несчастной любви. Но оба раза у нее перед глазами вставало лицо Дженнифер Стерлинг, а в ушах звучали ее слова: «Знаете, сердца разбиваются не только по молодости».

Перед Элли стоит белая фарфоровая тарелка с блестящими оливками, но у нее совершенно нет аппетита. Если она не напишет эту статью, Мелисса ее уволит. Если напишет, то Элли не уверена, сможет ли она работать как раньше, да и вообще жить с чистой совестью. Ну почему же

рядом нет Рори? Ей так надо поговорить с ним, он бы наверняка подсказал, что делать. Возможно, его вариант ей бы не понравился, но он был бы правильный. Мысли сменяют друг друга с бешеной скоростью, аргументы «за» — и тут же аргументы «против». «Возможно, Дженнифер Стерлинг даже не читает „Нэйшн“. Возможно, она никогда не узнает, что ты сделала. Мелисса ищет предлог убрать тебя из редакции. Вообще-то, у тебя просто нет выбора».

А потом она слышит язвительный голос Рори: «Нет выбора? Да ладно!»

У нее сводит живот. Хотя Элли уже и не помнит, когда она ощущала себя по-другому. И тут в голову приходит новая идея: а что, если она узнает, что случилось с Энтони О'Хара? Тогда Дженнифер наверняка простит ее. Сначала она будет расстроена, но потом, конечно же, поймет, какой подарок сделала ей Элли. Вот и ответ. Она найдет его! Даже если на поиски уйдет десять лет, она обязательно узнает, что с ним стало. Элли хватается за эту ненадежную соломинку, и ей становится немного лучше.

Буду через пять минут. Ты там? Цел. Д.

Да. Первый этаж. Вино остывает. Цел. Э.

Элли непроизвольно поправляет волосы. Она так и не поняла, почему Джон отказался просто приехать к ней домой. Раньше он всегда предпочитал этот вариант — как будто не мог нормально разговаривать с ней и смотреть в глаза, пока не избавится от накопившегося напряжения. Сначала такое внимание льстило ей, а потом стало раздражать. Элли сидит и думает о том, неужели это свидание в ресторане связано с тем, что больше они не станут скрывать свои отношения. Все так резко изменилось. Возможно, Джон таким образом хочет закрепить их новый статус. Дрожа от волнения, Элли разглядывает дорого одетых посетителей ресторана.

В семь утра Элли позвонила Ники, благодаря Бога за то, что у нее есть подруги, которые понимают: неотложная любовная помощь — достаточное оправдание для столь раннего звонка.

— К чему такая суета? — спросила Ники. — Ты же получила что хотела, разве нет?

— Ну да, я знаю... просто...

— Ты уже не уверена, что ты этого хочешь.

— Да нет! — крикнула Элли в трубку. — Конечно хочу. Просто все так быстро меняется, что у меня в голове не укладывается.

— А придется уложить. Вдруг он заявится в ресторан с двумя чемоданами и парочкой орущих детей под мышкой? — заявляет Ники и хохочет, довольная собственной шуткой.

Похоже, Ники так и не простила ее за то, что «она устроила» с Рори. Все время повторяет: «Этот твой Рори был ничего. С таким парнем я сходила бы в паб». Читай: Ники ни за какие коврижки не пойдет в паб с Джоном. Она никогда не простит ему, что он из того типа мужчин, которые могут изменить собственной жене.

Элли смотрит на часы, а потом просит официанта принести второй бокал вина. Джон опаздывает уже на двадцать минут. Раньше Элли пришла бы в тихое бешенство, но сейчас она безумно волнуется и боится, как бы ее не стошнило от одного его вида — вот такой нетривиальный способ сказать: «Здравствуй, любимый!» Подняв глаза, Элли обнаруживает, что к ней за столик подсела какая-то женщина.

Сначала Элли решает, что это официантка, и не может понять, где ее вино. Потом замечает, что на женщине темно-синее пальто, а не униформа ресторана, к тому же она смотрит на нее чересчур пристально, как будто собирается что-то сказать.

— Привет, Элли.

— Простите, — моргает она, быстро прокручивая в голове список недавних знакомых и не находя совпадений, — мы знакомы?

— В некотором роде. Меня зовут Джессика.

Джессика? Красивая стрижка. Изящные ноги. Немного усталый вид. Свежий загар. И тут до Элли доходит: ну конечно Джессика! Джесс...

— Я решила, что, возможно, ты слышала мое имя, — продолжает довольная произведенным впечатлением женщина. — А вот посмотреть на меня тебе вряд ли хотелось, правда? Тебе вообще не хотелось обо мне думать. Полагаю, наличие у Джона жены доставляло некоторые неудобства.

Элли теряет дар речи. Краем глаза она замечает, как люди за соседними столиками начинают коситься на них, почувствовав, что за пятнадцатым столиком происходит что-то странное.

Джессика Армор листает сообщения на до боли знакомом Элли мобильном телефоне, а потом читает вслух:

— «Сегодня странно себя чувствую. Приезжай. Уж не знаю, что ты придумаешь, но приезжай — не пожалеешь. Обещаю». А, вот еще одно: «Надо писать интервью с женой члена парламента, а я не могу думать ни о чем, кроме вторника. Плохой мальчик!» А это мое любимое: «Заходила в „Агент-провокатор“. Фото прилагается», — произносит Джессика с плохо

скрываемым гневом. — Да, с этим сложно соперничать, когда у тебя на руках двое больных детей, а дома постоянный ремонт. Но я помню этот день — вторник, двенадцатое число. Он принес мне букет цветов в качестве извинения за опоздание.

Элли открывает рот, но не может произнести ни слова. По спине бегут мурашки.

— Я прочитала вашу переписку, пока мы были в отпуске. Мне стало интересно, кому это он звонил из бара, и тут я увидела твое сообщение: *Пожалуйста, позвони мне. Всего один раз. Нужно услышать твой голос. Цел.* Как трогательно! — грустно смеется Джесс. — Джон думает, что телефон украли.

Элли хочется спрятаться под столом, исчезнуть, просто взять — и испариться.

— Надеюсь, ты останешься одна и будешь глубоко несчастна. Хотя нет, Элли Хоурт, надеюсь, у тебя когда-нибудь будут дети. И тогда ты узнаешь, что такое уязвимость. Как это: постоянно сражаться и быть начеку, чтобы у твоих детей был отец. Подумай об этом, когда в следующий раз соберешься купить прозрачное нижнее белье, чтобы развлечь моего мужа! — почти кричит Джессика Армор, а потом встает, проходит между столиков и выходит на улицу.

По ресторану проносится шепоток, но у Элли так звенит в ушах, что она этого не замечает. Щеки горят, руки дрожат, но она все-таки подзывает официанта, несет какую-то ахиною насчет того, что ей придется срочно уйти, голос срывается, и наконец она в отчаянии коротко говорит:

— Счет, пожалуйста.

— Не нужно, мадам, — сочувственно улыбается ей официант и показывает на дверь. — Та леди за вас заплатила.

Элли возвращается в офис, не замечая ни машин на проезжей части, ни толкающихся на тротуаре прохожих, ни с укором смотрящих ей вслед продавцов «Биг исью». ^[30] Ей хочется поскорее оказаться дома и запереть за собой дверь, но ситуация на работе и так оставляет желать лучшего, поэтому домой ей нельзя. Элли идет через офис, ловя взгляды сотрудников и убеждаясь в том, что все видят ее позор, видят то, что увидела Джессика Армор, как будто вся эта история у нее на лбу написана.

— Ты в порядке, Элли? Такая бледная, — выглядывает из-за своего монитора Руперт, и Элли замечает, что к его монитору сзади приклеен стикер с надписью «Сжечь!»

— Голова болит, — сдавленно отвечает она.

— У Терри есть таблетки от всего, что можно. Спроси у нее, — советует он и снова скрывается за монитором.

Элли садится за стол, включает компьютер и проверяет почту. Ну конечно, вот:

Потерял телефон. Куплю новый в обед. Скину тебе новый номер. Цел. Д.

Письмо пришло, когда она брала интервью у Дженнифер Стерлинг. Элли прикрывает глаза и снова видит картинку, которая не дает ей покоя уже битый час: напряженное лицо Джессики Армор, ужасающий взгляд, волосы, колыхающиеся около лица, пока та говорила. Как будто они наэлектризовались от ее гнева и боли. «Если бы я увидела эту женщину при других обстоятельствах, она бы мне, наверное, понравилась, возможно, я бы даже захотела дружить с ней...» Элли открывает глаза и смотрит на экран. Ей неприятно видеть письмо Джона, неприятно видеть, кем она для него является. Она словно проснулась от очень похожего на реальность сна, который длился целый год, и прекрасно понимает масштабы совершенной ошибки. Не колеблясь, Элли удаляет письмо.

— Держи. — Руперт ставит на ее стол чашку чая. — Может, тебе станет лучше.

Руперт никогда никому не приносит чай. Остальные журналисты всегда засекают, через какое время Руперт встанет, если его о чем-нибудь попросить, — и он никогда их не разочаровывал. Элли даже не знает: то ли она тронута, то ли боится, что он все поймет.

— Спасибо, — благодарит она и берет чашку.

Руперт уходит за свой стол, и тут она замечает еще одно новое письмо — от Филлипа О'Хара. Сердце замирает, и на секунду Элли забывает даже о перенесенном только что унижении. Она открывает письмо. Действительно, оно от того самого Филлипа О'Хара, который работает в «Таймс».

Привет! Немного удивлен Вашим письмом. Можете мне перезвонить?

Элли вытирает глаза. Работа, говорит она себе, — вот ответ на все вопросы. Теперь у нее осталась только работа. Она узнает, что случилось с любовником Дженнифер, и та простит ее за то, что она собирается сделать. Так надо.

Элли набирает указанный в письме номер, и после двух гудков к телефону подходит мужчина. На заднем фоне слышен знакомый, типичный для редакции шум.

— Здравствуйте, — уверенно произносит она. — Это Элли Хоурт. Вы мне писали.

— Ах да, Элли Хоурт. Подождите минутку.

Ему, наверное, лет сорок, по голосу похож на Джона. Нет-нет, а вот об этом думать нельзя, уговаривает себя Элли. На другом конце провода раздается приглушенный разговор, а потом Филлип убирает руку от трубки и извиняется:

— Простите, сроки поджимают. Спасибо, что перезвонили. Я просто хотел кое-что у вас уточнить: где вы работаете? В «Нэйшн»?

— Да, — хрипло отвечает она. — Но заверяю вас, что не буду использовать его имя в статье, над которой работаю. Я действительно хочу узнать, что с ним стало, потому что одна его знакомая...

— Вы правда работаете в «Нэйшн»?

— Да.

— И хотите узнать, что стало с моим отцом?

— Ну да, — обескураженно подтверждает она.

— А вы журналистка?

— Простите, я не совсем понимаю. Да, как и вы, я журналистка. Вы хотите сказать, что не можете предоставлять какую-либо информацию конкурентам? Я же сказала...

— Энтони О'Хара — мой отец.

— Да, и я как раз...

— А вы, случайно, не в отделе журналистских расследований работаете? — со смехом перебивает ее мужчина.

— Нет.

— Мисс Хоурт, — отвечает он, наконец справившись с приступом хохота, — мой отец работает в «Нэйшн». В той же газете, что и вы. Причем последние лет сорок, а то и больше.

— Что... что вы сказали? — потрясенно переспрашивает Элли и выслушивает то же самое во второй раз. — Я не понимаю. Я же искала по именам авторов. Да как только я ни искала, но не нашла ничего, кроме вашего упоминания в «Таймс».

— А он не пишет.

— Не пишет?!

— Мой отец работает в библиотеке с... погодите... с тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

...но факт остается фактом: невозможно продолжать спать с тобой, получив стипендию имени Сомерсета Моэма, — это совершенно несовместимо.

Мужчина — женщине, в письме

— И пожалуйста, передайте ему это, он поймет, — попросила Дженнифер Стерлинг и, быстро написав записку на вырванной из блокнота странице, положила ее в лежащую у заместителя редактора на столе папку.

— Конечно, — ответил Дон.

— Вы проследите, чтобы он получил ее? — спросила она, наклоняясь и беря его за руку. — Это действительно очень важно, крайне важно.

— Я понял. Леди, прошу меня простить, но мне надо работать — сейчас самое горячее время, у нас тут сплошные дедлайны,^[31] — заявил Дон, не зная, что еще сделать, чтобы эта дамочка с ребенком поскорее убрались из офиса.

— Простите... Пожалуйста, не забудьте передать ему эти бумаги, прошу вас... — смущенно пробормотала Дженнифер.

«Господи, да уйдет она наконец?! Сил нет смотреть на нее».

— Еще раз простите за беспокойство, — прошептала Дженнифер, как будто только что осознала, что устроила в редакции настоящий спектакль.

Взяв дочку за руку, она медленно пошла к выходу, словно двигаясь против своей воли. Около стола замредактора собралась кучка любопытных, молча смотревших ей вслед.

— Конго, значит, — произнесла Шерил, когда дверь за дамой закрылась.

— Так, нам нужен четвертый разворот, срочно! — не поднимая глаз, заявил Дон. — Черт с ним, пусть будет танцующий священник.

— Зачем вы сказали ей, что он уехал в Конго? — буравя его взглядом, спросила Шерил.

— А ты хотела, чтобы я рассказал ей все как есть?! Что он допился до комы?

— Но она такая несчастная... — крутя в руках карандаш и поглядывая на дверь, возразила Шерил.

— Конечно несчастная. Так ей и надо. Все его проблемы — из-за нее!

— Но нельзя же...

— Нельзя допустить, чтобы она снова явилась к нему и все испортила! — рявкнул Дон. — Поняла? Я ради него стараюсь, между прочим. — Он вытащил из папки записку и, скомкав, выкинул в корзину для бумаг.

Шерил засунула карандаш за ухо, неодобрительно взглянула на босса и удалилась за свой стол.

— Вот и отлично, — выдохнул Дон. — А теперь отставить обсуждать чертову личную жизнь О'Хара, пора за работу. Что там с этим танцующим священником? Чтобы копия лежала у меня на столе через полчаса, а то завтра разносчикам газет придется выдать чистые страницы.

Мужчина на соседней койке зашелся в очередном приступе кашля. Он кашлял сдавленно и ритмично, как будто у него в горле что-то застряло. Ему не становилось легче даже во сне.

Энтони О'Хара наблюдал за тем, как кашель стихает, отдаляясь от его сознания вместе со всеми остальными звуками.

— К вам посетитель, мистер О'Хара.

Занавеску отдернули, и в глаза ударил яркий солнечный свет. Симпатичная медсестра-шотландка. Прохладные руки. Она всегда обращалась к нему таким торжественным тоном, как будто собиралась вручить подарок.

«Сейчас мы сделаем вам укольчик, мистер О'Хара. Помочь вам дойти до туалета, мистер О'Хара? К вам посетитель, мистер О'Хара».

Посетитель? На мгновение перед ним забрезжил робкий свет надежды, но тут из-за занавески донесся голос Дона, и Энтони немедленно вспомнил, где находится.

— Не обращай на меня внимания, милая.

— Разумеется, не стану, — чопорно ответила медсестра.

— А ты все валяешься, лежебока? — произнес голос, принадлежавший человеку, чье лицо показалось Энтони размером с луну.

— Очень смешно, — пробормотал он в подушку и с трудом приподнялся в постели, ощутив резкую боль во всем теле. — Мне надо выбраться отсюда.

Постепенно зрение прояснилось. В изножье кровати, сложив руки на животе, стоял Дон.

— Никуда ты отсюда не денешься, сынок.

— Я не могу здесь оставаться, — прохрипел Энтони, с трудом узнавая собственный голос. Казалось, что в груди поскрипывает старое деревянное

колесо.

— Ты болен. Врачи, прежде чем выписывать, хотят проверить, все ли у тебя в порядке с печенью. Ты нас всех изрядно напугал.

— А что произошло? Я ничего не помню...

— Сначала ты не пришел на общее собрание к Марджори Спекмен, — не сразу ответил Дон, как будто пытался решить, что именно следует рассказать. — Когда от тебя не было ни слуху ни духу к шести вечера, я заволновался, оставил Микаэlsa за старшего и поехал к тебе в отель. Ты лежал на полу не в лучшем виде. Выглядел еще хуже, чем сейчас. Думаю, подробности можно опустить.

Флэшбек:^[32] бар отеля «Риджент»... подозрительный взгляд бармена... боль... громкие голоса... бесконечно долгий путь до номера, ноги подкашиваются, он хватается за стенки, ползет по лестнице... что-то разбивается... а потом — пустота.

— У меня все болит.

— Неудивительно. Одному Богу известно, что они с тобой сделали. Вчера ты выглядел как подушечка для иголок.

Иголки. Встревоженные голоса. Боль. О боже, какая ужасная боль...

— О'Хара, твою мать, что происходит?! — воскликнул Дон, и тут мужчина на соседней койке снова принялся кашлять. — Это все из-за той бабы? Она тебя бросила?

Дон не любил говорить о чувствах, поэтому у него дергалась нога и он то и дело проводил рукой по лысеющей голове. «Ни слова о ней. Пожалуйста, не заставляй меня вспоминать ее лицо».

— Все не так просто...

— Тогда какого черта? Ни одна баба того не стоит! — развел руками Дон.

— Я... я просто хотел забыться...

— Тогда иди и найди себе с кем поразвлечься. Кого-нибудь попроще. Все пройдет, вот увидишь, — заверил его Дон, но Энтони молчал, всем своим видом показывая, что придерживается другого мнения. — От некоторых баб одни неприятности, — добавил он.

«Прости меня. Мне нужно было убедиться, что это правда».

— А мы тянемся к ним, как мотыльки к огню. Это мы уже проходили.

«Прости меня».

— Нет, Дон... все не так... — покачал головой Энтони.

— Ну конечно. Когда речь идет о тебе, вечно «все не так».

— Она не может уйти от него, потому что тогда он заберет у нее ребенка, — неожиданно звонким голосом произнес Энтони, и его сосед за

занавеской на секунду перестал кашлять.

— А-а-а... — протянул Дон и понимающе нахмурился. — Да... тяжело.

— Да.

— Но это совершенно не значит, что надо вусмерть напиваться! — повысил голос Дон, и у него снова предательски задержалась нога. — Ты же помнишь, что сказали врачи. Желтая лихорадка подорвала твою печень. Да у тебя ее считай, что нет, О'Хара. Еще одно такое выступление — и...

— Не волнуйся... — Энтони откинулся на подушки, вдруг ощутив бесконечную усталость. — Это больше не повторится.

Вернувшись из больницы, Дон на полчаса заперся у себя в кабинете. Редакция постепенно просыпалась. Так происходило каждый день, когда спящий великан с неохотой возвращался к жизни: журналисты беседовали по телефону, в рейтинге новостей появлялись и исчезали все новые истории, верстались и планировались развороты, макет первой страницы уже отправлен в печать.

В задумчивости Дон потер челюсть, подошел к двери кабинета и крикнул секретарше:

— Блонди! Узнай мне телефон этого Стерлинга, ну, который асбестом занимается.

Шерил молча достала справочник «Кто есть кто» и через пару минут вручила боссу листок бумаги с номером.

— Как он?

— А сама как думаешь? — Дон свирепо посмотрел на нее, и она вышла из кабинета.

Нервно постукивая ручкой по столу, Дон снял трубку и попросил телефонистку соединить его с Фицрой 2286. Откашлявшись, Дон мрачно спросил, спиной чувствуя взгляд секретарши:

— Я могу поговорить с Дженнифер Стерлинг? А вы не могли бы передать ей... Что? Не живет? Понятно... Нет-нет, неважно, простите за беспокойство, — извинился он и положил трубку.

— Что случилось? — Прямо перед его столом в новых туфлях на высоченных каблуках возвышалась Шерил. — Дон?

— Ничего, — выпрямился он. — Я тебе вообще ничего не говорил. Будь добра, принеси мне сэндвич с беконом. И не забудь кетчуп, без него есть не буду.

Дон скомкал бумажку с телефоном и бросил в стоявшую под столом корзину для бумаг.

Энтони горевал так, словно у него умер кто-то из близких. Беспощадное и поразительное по своей силе отчаяние волнами накатывало по ночам, словно выжигая его изнутри. Стоило ему закрыть глаза, как он видел ее лицо — она то улыбалась от наслаждения, то беспомощно смотрела на него виноватым взглядом, как тогда, в холле отеля. Ее лицо говорило, что все кончено и пути назад нет.

Дженнифер права. Сначала он ощутил гнев: зачем она дала ему надежду, не сказав правду?! Зачем столь бесцеремонно вторглась в его жизнь, если им не суждено быть вместе? А еще говорят, что надежда умирает последней.

Потом его чувства резко изменились: он простил ее. Да и что тут прощать? Она поступила так, потому что не могла по-другому, и он прекрасно понимал ее. Все, на что она могла надеяться, — получить хотя бы маленькую частичку его. «Надеюсь, это воспоминание помогает тебе, Дженнифер. Меня оно уничтожило».

Энтони никак не мог смириться с тем, что на этот раз у него действительно нет выбора. Физическая слабость, истощение, снижение умственных способностей, помутненное состояние — и все это на фоне постоянного ощущения потери. Точно так же, как в тот раз в Леопольдвиле.

Она никогда не будет принадлежать ему. Счастье было так близко, но в последний момент ускользнуло. Как жить дальше?

Мучаясь бессонницей, он до самого рассвета прокручивал в голове тысячи вариантов. Потребовать, чтобы Дженнифер подала на развод? Сделать все, что в его силах, чтобы она была счастлива, даже оставшись без ребенка, положиться на собственную силу воли? Нанять лучших адвокатов? Завести с ней детей? Самому разобраться с Лоренсом? В своих самых смелых мечтах он был готов вцепиться ему в горло.

Но Энтони был настоящим мужчиной, и даже в эти моменты он в некотором смысле по-мужски понимал Лоренса: каково это, знать, что твоя жена любит другого? А потом еще и отдать своего ребенка мужчине, который украл ее у тебя. С Энтони произошло нечто подобное, и это в буквальном смысле слова искалечило его, а ведь он никогда не любил Клариссу так, как Дженнифер. Он подумал о своем грустном, молчаливом сынишке, о его постоянно виноватом выражении лица и понял, что если он сделает такое с какой-нибудь семьей, то их счастье всегда будет затмевать темная тень горя. Он уже уничтожил одну семью и не может взять на себя такую ответственность еще раз.

Энтони позвонил в Нью-Йорк своей девушке и сообщил, что больше не приедет. Она с трудом сдерживала слезы и потрясенно умоляла его

вернуться, но он практически не ощущал чувства вины. Он никогда туда не вернется. Сейчас просто невозможно погрузиться в четкий ритм жизни большого города, ездить каждый день в здание ООН и обратно, потому что сейчас в его жизни не осталось ничего, кроме Дженнифер. Все будет напоминать о ней, ее запахе, ее вкусе, напоминать о том, что где-то далеко она живет и дышит без него. Она хотела быть с ним так же сильно, как и он с ней, и от этого ему было еще тяжелее. Он даже не мог толком разозлиться на нее и наконец выкинуть ее из головы.

«Прости меня. Я должна была убедиться, что это правда».

Нужно срочно оказаться в месте, где можно будет не думать. Если он хочет выжить, то должен быть там, где нет времени думать о чем-то, кроме выживания.

Через два дня Дон наконец забрал Энтони из больницы. Врачи согласились выписать его. Функция печени более или менее восстановилась, но они в красках расписали все, что с ним произойдет, если он еще когда-нибудь выпьет.

— Куда мы едем? — спросил Энтони, глядя, как Дон кладет его небольшой чемодан в багажник. — Я чувствую себя будто какой-то беженец.

— Едем ко мне.

— Что?

— Вив сказала, что так будет лучше. Тебе нужен домашний уход, — пробурчал он, не глядя Энтони в глаза.

— Не думаю, что...

— Это не обсуждается! — отрезал Дон, садясь за руль. — Заранее прошу прощения за стряпню. Моя жена знает сто один способ, как испортить говядину, но упорно продолжает искать новые пути.

Энтони всегда смущался, попадая домой к коллегам. Здесь они казались совсем другими людьми. Они с Доном были знакомы уже много лет. Замредактора, казалось, в прямом смысле этого слова жил в редакции «Нэйшн». Он всегда был на месте. Кабинет, заваленный горами бумаг, чьи стены были увешаны какими-то записками и картами, стал его естественным ареалом обитания. Его жену Вив Энтони видел всего лишь один раз — рыжеволосая, яркая женщина, настолько же поражающая своей жизнерадостностью, насколько Дон — своей мрачностью. Видеть Дона дома, в бархатных тапках, лежащим на диване, поправляющим скатерть или разливающим молоко — да это противоречит законам природы!

Однако пребывание в их доме пошло Энтони на пользу. Они жили в

пригородном районе в стилизованном под эпоху Тюдоров коттедже. Дом оказался достаточно большим, чтобы Энтони не путался у хозяев под ногами. Дети давно выросли и разъехались. За исключением фотографий в рамках, ничто не напоминало ему о поражении, которое он потерпел как отец.

Вив расцеловала Энтони в обе щеки и, ни слова не сказав о том, где он был, весело предложила:

— Мальчики, а вы, случаем, не хотите в гольф поиграть?

Мужчины беспрекословно подчинились. Дон совершенно не умел играть, и Энтони решил, что хозяева просто не смогли придумать другого мужского занятия, которое не ассоциировалось бы с выпивкой. В беседе Дон ни разу не упомянул Дженнифер, но все еще заметно волновался за друга: все время повторял, что Энтони уже практически в норме, хотя тот не до конца понимал, что босс понимает под нормой. Ни за обедом, ни за ужином вина на столе не было.

— Так какие у нас планы? — спросил Энтони, отдыхая на диване после обеда. Из кухни доносился плеск воды — Вив мыла посуду и слушала радио, подпевая во весь голос.

— Завтра на работу, — ответил Дон, почесывая живот.

На работу. На какую работу, хотел спросить Энтони, но не решился. Однажды он уже подвел «Нэйшн» и сейчас не знал, как начальство отреагирует на повторение.

— Я говорил со Спекмен, — начал Дон, и Энтони внутренне напрягся, готовясь к худшему. — Тони, она ничего не знает. Никто из руководства не в курсе. Знаем только мы: я, Блонди и еще пара человек. Когда тебя положили в больницу, мне пришлось позвонить им и сказать, что я не приду в офис, но все они обещали держать рот на замке.

— Дон... даже не знаю, что и сказать...

— Да какая разница. В общем, слушай сюда, — прикуривая и выдыхая длинную струю дыма, заявил Дон и почти виновато взглянул на Энтони. — Она согласилась послать тебя обратно.

— В Конго?! — не поверил своим ушам Энтони.

— Лучше тебя кандидата не найти. Но мне надо знать... — Дон неловко замялся, стряхивая пепел в пепельницу.

— Все в порядке.

— Не перебивай. Мне надо знать, что ты будешь беречь себя. Я не могу все время волноваться за тебя.

— Никакого алкоголя. Никаких безрассудных поступков. Просто... мне нужна эта работа.

— Я так и знал, — отведя взгляд, произнес Дон, и Энтони понял, что босс ему не верит. — Энтони, если с тобой что-то случится, я буду чувствовать себя виновным.

— Я знаю...

В уме Дону не откажешь... но как разубедить его? Энтони сомневался, переживет ли очередные полчаса, чего уж там говорить о нескольких месяцах в сердце Африки.

— Сейчас футбол начнется, — избавил его от необходимости отвечать Дон, туша сигарету. — «Челси» против «Арсенала», посмотрим? — предложил он, с трудом вставая с кресла и включая телевизор с корпусом из красного дерева. — Кстати, есть и хорошие новости. Этой чертовой лихорадкой ты уже не заболеешь. Тяжело переболел — заработал иммунитет.

Энтони уставился невидящим взглядом на черно-белый экран и подумал: а как приобрести иммунитет на все остальное?

Они сидели в кабинете редактора иностранного отдела. Поль де Сент — высокий аристократ с зачесанными назад волосами, всем своим видом больше напоминавший поэта эпохи романтизма, — изучал лежащую на столе карту.

— Жарче всего в Стэнливиле. Как минимум восемьсот иностранцев взяты в заложники, многих держат в отеле «Виктория», и, наверное, еще около тысячи — где-то в окрестностях. Все дипломатические переговоры с треском провалились. Повстанцы постоянно дерутся между собой, поэтому ситуация меняется с каждым часом и получить четкое представление о том, что там происходит, практически невозможно. Там сплошная неразбериха, О'Хара. Месяцев шесть назад я сказал бы, что белым гарантируется полная неприкосновенность, вне зависимости от того, что происходит у местных. Боюсь, теперь они переключились на колонизаторов. Жуткие истории рассказывают — такое в газете не напечатаешь. Изнасилования — это так, цветочки...

— Как мне туда попасть?

— Это наша первая проблема. Я поговорил с Николсом, он считает, что лучше всего ехать через Родезию, или Замбию, как они теперь называют северную часть страны. Наш человек на месте пытается составить тебе маршрут, но множество дорог уничтожено, поэтому поездка займет не один день.

Пока Поль и Дон обсуждали логистику, Энтони прислушался к себе и с благодарностью отметил, что не просто не думает о ней уже полчаса, но

еще и захвачен рассказами Поля. Он чувствовал предвкушение, под ложечкой слегка засосало. Да, пробраться через вражеские территории — задача непростая. Но страшно ему не было — терять нечего...

Энтони бегло просмотрел материалы, переданные ему заместителем Поля де Сента: политическая история страны, коммунисты помогают повстанцам, это приводит американцев в ярость, казнь американского миссионера Пола Карлсона. Прочитав краткий отчет о действиях повстанцев, О'Хара напрягся: ситуация очень напоминала 1960 год и беспорядки во время недолгого правления Лумумбы. Журналист словно увидел те давние события со стороны. Как будто мужчины, которого настолько поразили увиденные тогда в Конго ужасы, уже не существовало.

— Ладно, значит, мы бронируем билет в Кению на завтра. Наш человек из «Сабены»^[33] сообщит, есть ли внутренние рейсы в Конго. Если нет, то ты выходишь из аэропорта Солсбери^[34] и переходишь через границу с Родезией. Ясно?

— Мы знаем, кому из корреспондентов удалось добраться туда?

— Желающих, если честно, не много. Там проблемы с дорогами. Но в «Дейли мейл» сегодня опубликовали заметку Оливера, ходят слухи, что завтра большая статья появится в «Телеграф».

— Шерил, мы еще не закончили. — Дон раздраженно посмотрел на секретаршу, с тревожным видом заглянувшую в кабинет.

— Я прошу прощения, но пришел твой сын.

— Мой сын?! — после долгого молчания переспросил Энтони, наконец осознав, что она обращается к нему.

— Я отвела его в кабинет к Дону.

— Прошу прощения, я ненадолго, — совершенно не понимая, что происходит, извинился Энтони и пошел за Шерил.

При редких встречах с сыном Энтони всегда испытывал одно и то же странное ощущение: словно удар молнии, своего рода шок от того, как сильно Филлип изменился с их последней встречи, как будто взросление сына постоянно напоминало о том, что отца нет рядом.

За полгода он вырос на несколько дюймов и почти превратился в подростка. Филлип сильно сутулился, напоминая вопросительный знак. Он поднял голову, и Энтони поразились его бледности и красным глазам.

Энтони пытался понять, чем вызвано такое страдание на лице сына: «Неужели опять во всем виноват я? Неужели он узнал, что со мной произошло? И теперь считает меня спившимся неудачником?»

— Мама скоро умрет, — прошептал Филлип, отчаянно моргая и

шмыгая носом.

Энтони подошел к сыну, и тот вдруг бросился к нему на шею, вцепился в рубашку, как будто ни за что на свете не собирался отпускать его. Энтони ласково гладил мальчика по голове, пока худенькое тело сотрясалось от рыданий.

Дождь с такой силой барабанил по крыше машины Дона, что думать было практически невозможно. Вернее, возможно, но сложно. Уже двадцать минут они стояли в пробке на Кенсингтон-хай-стрит. За всю поездку мужчины не произнесли ни слова. Дон нервно курил очередную сигарету.

— Авария, — сообщил Дон, глядя на вереницу красных стоп-сигналов. — Судя по всему, немаленькая. Надо позвонить в отдел новостей, — заметил он, но даже не попытался выйти из машины и дойти до телефонной будки.

Энтони промолчал. Дон стал крутить ручку радио, пока помехи окончательно не вывели его из себя. Он раздраженно посмотрел на едва дымящуюся сигарету и затянулся посильнее, чтобы она лучше разгорелась.

— Де Сент считает, что завтра — наш последний шанс. Следующий рейс — только через четыре дня. — Он говорил так, словно обсуждал принятие какого-то решения. — Можешь ехать, а мы вытащим тебя оттуда, если ей станет хуже.

— Ей уже стало хуже, — ответил Энтони, поражаясь тому, как быстро рак расправился с Клариссой. — Протянет не больше пары недель.

— Чертов автобус. Ты глянь, вообще дорогу перегородил! — возмутился Дон, открыл окно, выкинул окурочек на мокрый асфальт и, стряхнув капли с рукава, закрыл окно. — А что у нее за муж? Так себе?

— Я видел его всего один раз.

«Я не могу остаться с ним. Пожалуйста, папочка, заведи меня от него».

Филлип хватался за его ремень, как за спасательный круг. После того как Энтони в конце концов отвез сына в дом у Парсонс-Грин, он еще долго чувствовал тяжесть его тела.

— Примите мои соболезнования, — сказал он Эдгару, но торговец занавесками, оказавшийся куда старше, чем Энтони ожидал, лишь подозрительно посмотрел на него, как будто эти слова таили в себе оскорбление.

— Я не могу уехать, — произнес Энтони, испытав некоторое облегчение.

Как будто ему после долгих лет бесконечного рассмотрения дела наконец-то огласили смертный приговор. Дон вздохнул и ответил то ли с грустью, то ли с облегчением:

— Он твой сын...

— Да, он мой сын.

Энтони пообещал Филлипу: «Конечно, ты будешь жить со мной. Конечно. Все будет хорошо». Говоря это, он не до конца понимал, чего лишается.

Машины наконец тронулись, сначала по-черепашьи медленно, а потом все быстрее и быстрее. Проехав Чисвик, Дон заговорил снова:

— Знаешь, О'Хара, а может, оно и к лучшему. Может, это тебя Бог отвел. Кто знает, что бы там с тобой стало. Поживем — увидим. Пусть мальчик немного успокоится, привыкнет, глядишь, ты снова в бой ринешься. Вив с удовольствием присмотрит за ним. Ему у нас понравится, а она так скучает по детям. Слушай, тебе же срочно надо искать дом. Больше никаких гостиниц!

Энтони слушал, как Дон вдохновенно рассуждает о его мифической новой жизни, словно рассказывает задумку для новой статьи: он станет семейным человеком и благодаря этому сможет пережить потерю, заглушить тревожную барабанную дробь, доносившуюся из темных уголков души.

Энтони дали двухнедельный отпуск по семейным обстоятельствам, чтобы он мог найти жилье и помочь сыну пережить смерть матери и мрачную атмосферу, царившую на похоронах. Филлип больше ни разу не плакал у него на глазах. Ему понравился небольшой домик с верандой в юго-западной части Лондона, недалеко от его школы, а также от Дона и Вив, которая с головой окунулась в образ потенциальной тетушки. И вот сын приехал к нему с жалким чемоданчиком в руках, ожидая дальнейших инструкций. Эдгар даже не удосужился позвонить и спросить, как мальчик себя чувствует.

Поначалу они жили будто два чужих человека. Филлип все время старался угодить ему, словно боялся, что отец отошлет его обратно. Энтони не решался сказать сыну, как он рад, что они теперь живут вместе, хотя иногда ему казалось, что он не заслуживает такого подарка. Он совершенно не понимал, что делать с ребенком в состоянии глубокого горя, стараясь с грехом пополам справляться с собственным.

Энтони пришлось пройти экспресс-курс по обучению всем практическим навыкам: как относить белье в прачечную, как водить

Филлипа к парикмахеру. Его кулинарные таланты ограничивались яичницей, поэтому сначала они каждый вечер ужинали в соседнем кафе, где подавали огромные порции стейка, фасолевую запеканку, переваренные овощи и слегка пригоревший пудинг в луже ванильного соуса. Отец с сыном уныло ковырялись в тарелках, а потом Филлип говорил: «Спасибо, все было очень вкусно», как будто они ели какие-то невероятные деликатесы. После ужина они возвращались домой, и Энтони подолгу стоял под дверью спальни сына, не решаясь зайти и признаться, что ему тоже грустно. А вдруг от этого станет еще хуже?

По воскресеньям Дон и Вив приглашали их в гости на жареное мясо со всевозможными гарнирами, а потом Вив убирала со стола и обязательно усаживала всех играть в какую-нибудь настольную игру. Энтони до слез трогало то, как Филлип улыбается в ответ на ее поддразнивания, а она все время настаивает, чтобы он тоже играл. Вив принимала его как родного.

Когда они садились в машину, Энтони увидел, что Филлип машет Вив рукой и посылает ей воздушные поцелуи, и по щеке его неожиданно скатилась одинокая слезинка. Он вцепился в руль, вдруг осознав огромный груз ответственности. Как же поговорить с ним? Что Энтони может сказать Филлипу? Ведь он регулярно жалел о том, что в живых остался он сам, а не Кларисса.

Вечером он сидел у камина и смотрел первый выпуск новостей об освобождении заложников в Стэнливиле. Нечеткие силуэты людей, выходящих из военного самолета и сбивавшихся в кучу на взлетной полосе.

— В течение нескольких часов бельгийские войска взяли город под свой контроль. Пока что рано оценивать потери, но, по первым данным, во время штурма погибло не менее ста европейцев. Многие все еще числятся пропавшими без вести.

Энтони выключил телевизор и словно под гипнозом смотрел на экран еще долго после того, как исчезла белая точка. Очнувшись, он поднялся наверх, немного постоял перед дверью сына, прислушиваясь к доносящимся из комнаты приглушенным рыданиям. Часы показывали четверть одиннадцатого. Энтони на секунду прикрыл глаза, а потом решительно открыл дверь. Сын вздрогнул и быстро спрятал что-то под покрывало.

— Сынок, — окликнул его Энтони, включая свет, но ответа не последовало. — Что случилось?

— Ничего, — взяв себя в руки, ответил мальчик, украдкой вытирая глаза. — Все в порядке.

— Что это у тебя там? — ласково спросил Энтони, присаживаясь на краешек кровати и разглядывая разгоряченное, влажное лицо мальчика. Похоже, он плакал не один час, подумал Энтони, ужасаясь собственному неумению быть родителем.

— Ничего.

— Покажи, ну пожалуйста...

Энтони осторожно откинул одеяло и увидел маленькую фотографию Клариссы в серебряной рамке. Она улыбалась, гордо обнимая за плечи сына. Филлипа затрясло. Энтони взял фотографию и стер слезы со стекла. «Надеюсь, что, глядя на Эдгара, ты так же искренне улыбалась», — молча сказал он бывшей жене.

— Прекрасная фотография. Хочешь, поставим ее в гостиной? Например, на камин? Чтобы она всегда была у тебя перед глазами?

Филлип растерянно взглянул на него. Наверное, он ожидал какого-то язвительного комментария, остатков старой вражды, но Энтони пристально смотрел на улыбающуюся ему с фотографии женщину, совершенно не видя ее. Вместо нее он видел Дженнифер. Он видел ее повсюду, и так будет всегда.

«Держи себя в руках, О'Хара».

— Знаешь, в грусти нет ничего плохого, — произнес Энтони, отдавая сыну фотографию. — Когда теряешь любимого человека, можно и погрузиться, — тщательно подбирая слова, объяснил он. — Вообще-то, — начал он, но голос подвел его, сердце защемило, и ему потребовались все силы, чтобы собраться, — вообще-то, мне тоже грустно. Очень грустно. Невыносимо потерять любимого человека, так что я тебя прекрасно понимаю... — прошептал Энтони, прижимая к себе мальчика. — Но я очень рад, что ты теперь со мной, потому что... потому что я думаю, вместе мы с этим справимся. Что скажешь?

Филлип уткнулся отцу в плечо и обнял его своими худыми ручонками. Постепенно его дыхание стало равномерным, но отец с сыном еще долго сидели обнявшись и думая каждый о своем.

Энтони даже не заметил, как отпуск подошел к концу. Вив, не раздумывая, предложила на конец недели взять Филлипа к себе, но до среды она собиралась гостить у сестры, поэтому на первые два дня Энтони нужно было придумать что-нибудь другое.

— Возьми его с собой в офис, — предложил Дон. — Пусть займется чем-нибудь полезным, чай может разносить, например.

Энтони прекрасно знал, как Дон относится к тому, когда сотрудники

начинают мешать личную жизнь с рабочей, поэтому был вдвойне благодарен ему за предложение. Ему не терпелось с головой окунуться в работу и хотя бы отчасти вернуться к нормальной жизни. Филлип трогательно обрадовался, узнав, что папа возьмет его с собой на работу.

Энтони сидел на своем новом рабочем месте и просматривал утренние газеты. В отделе внутренних новостей свободных должностей не было, поэтому ему присвоили почетное звание «корреспондент широкого профиля», видимо, в надежде, что он оправдает оказанное ему доверие. Сделав глоток офисного кофе, Энтони привычно поморщился — все та же гадость. Филлип ходил между столами в ослепительно-белой рубашке, которую сегодня утром отгладил ему отец, и спрашивал, не хочет ли кто-нибудь чая. Внезапно Энтони с благодарностью ощутил себя дома. Это начало новой жизни, все будет хорошо, подумал он, стараясь не смотреть в сторону международного отдела. Пока ему лучше не знать, кого послали в Стэнливилль вместо него.

— Держи. — Дон кинул ему «Таймс» с обведенной красным статьей. — Сделай по-быстрому из этого материала конфетку: насчет запуска космического корабля в США. От властей пока свежих новостей не дождешься, но потянет на небольшую колонку на восьмой странице.

— Сколько слов?

— Двести пятьдесят, — извиняющимся тоном ответил Дон. — В следующий раз постараюсь найти что-нибудь поинтереснее.

— Да не волнуйся, все в порядке.

Все действительно было в порядке: сынишка, довольно улыбаясь, ходил по редакции, с преувеличенной осторожностью держа в руках поднос с чаем. Мальчик обернулся и взглянул на отца. Энтони одобрительно кивнул. Он гордился сыном, гордился его смелостью. Какое же все-таки счастье, когда есть кого любить.

Энтони придвинул к себе печатную машинку, проложил листы бумаги копиркой, чтобы получилось три экземпляра: один — для редактора, второй — для типографии и третий — для себя. Привычные действия доставляли ему поразительное удовольствие. Он напечатал наверху страницы свое имя, довольно прислушиваясь к резким щелчкам, с которыми стальные литеры ударялись о бумагу.

Он прочитал статью в «Таймс», потом еще раз и сделал несколько пометок в блокноте. Сходил вниз в библиотеку, взял материалы о запусках космических кораблей и просмотрел последние сообщения по теме. Сделал еще несколько пометок в блокноте и наконец положил руки на клавиши печатной машинки.

Ничего.

Руки отказывались двигаться.

С трудом Энтони напечатал первое предложение. Оно вышло сухим и скучным. Перепечатал заново, пытаясь причесать фразу, но слова отказывались подчиняться ему. Да, фраза была совершенно грамотная, но слишком банальная для такой газеты, как «Нэйшн». Энтони припомнил правило пирамиды: самое важное в первом предложении, а далее — по убывающей, ведь редкий читатель дочитывает статью до конца.

Безрезультатно.

— Ну как, закончил? — спросил Дон, подойдя к его столу в четверть первого, но Энтони не поднимал глаз и, потирая челюсть, глядел на кучу скомканной бумаги на полу. — О'Хара, статья готова?

— У меня не получается, Дон, — растерянно, хриплым голосом произнес Энтони.

— Что?!

— Не получается. Я не могу писать. Как будто все пропало.

— Не смей меня. Это что еще за штучки? Творческий кризис? Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом себя возомнил? — рассмеялся Дон, поднял один из скомканных листов, разгладил его и прочитал. Потом пробежал глазами по другому листу. — Тебе нелегко пришлось в последнее время, — наконец признал он. — Наверное, тебе просто нужно отдохнуть. Не волнуйся, все получится. И ничего мне не говори: все пройдет. Я попрошу Смита переписать эту статейку. А ты сегодня отдыхай. Все получится! — успокоил Дон, кладя руку ему на плечо.

Энтони посмотрел на сына, который увлеченно точил карандаши для кого-то из раздела некрологов. Впервые в жизни он нес ответственность за другого человека. Впервые в жизни он обязан был обеспечивать не только себя. Рука Дона вдруг показалась ему налитой свинцом.

— Дон, а что же я буду делать, если не получится?

Для ирландского парня ухлестывать за девушкой из Сан-Диего — это то же самое, что пытаться поймать волну одной рукой... то есть невозможно... иногда нужно просто отойти в сторону и подумать.

Мужчина — женщине, в эсэмэске

Элли ложится спать только в четыре утра. Дело не в том, что она разволновалась и не может заснуть, наоборот, впервые за последние месяцы ей все предельно ясно. Сначала она долго разговаривает по телефону, зажав трубку между ухом и плечом и одновременно глядя в монитор. Потом посылает сообщения, просит об услуге, упрасивает, уговаривает и не принимает отрицательного ответа. Получив все, что нужно, она садится за стол прямо в пижаме, убирает волосы наверх и начинает работать. Она печатает с умопомрачительной скоростью, слова будто сами появляются на экране. В конто веки она точно знает, что хочет сказать. Элли долго работает над каждым предложением, доводя текст до совершенства, меняя местами абзацы, добиваясь наибольшего воздействия на читателя. Перечитывая написанное, она то плачет, то смеется. Теперь она узнает себя — ту Элли, которая в последнее время затерялась. Поставив точку, она распечатывает два экземпляра и засыпает мертвым сном.

Мертвым, но недолгим. Через два часа звенит будильник. Элли собирается на работу к половине восьмого. Она хочет поговорить с Мелиссой наедине. Стоя под душем, Элли смывает усталость, выпивает два двойных эспрессо, делает укладку. В ней бурлит энергия, кровь несется по венам с бешеной скоростью. Когда Мелисса с дорожкой кожаной сумкой через плечо заходит в офис, Элли уже на месте. Начальница садится в кресло, и Элли замечает, что та украдкой бросает на нее удивленный взгляд, обнаружив, что пришла не первая.

Элли допивает кофе, заходит на секунду в туалет, чтобы взглянуть на себя в зеркало: на ней накрахмаленная белая блузка, самые хорошие брюки и туфли на высоком каблуке. Друзья сказали бы, что она выглядит «совсем как взрослая».

— Мелисса...

— Да, Элли, — удивленно, но строго кивает Мелисса, но Элли игнорирует ее взгляд.

— Можно тебя на пару слов?

— Ну разве что на пару, — соглашается Мелисса, взглянув на часы, — у меня через пять минут доклад в отделе Китая.

Элли садится напротив и оглядывается: кабинет Мелиссы почти пуст, за исключением нескольких папок, которые нужны для подготовки завтрашнего номера, и фотографии дочери.

— Хотела поговорить насчет той статьи.

— Только не говори, что не сможешь ее написать.

— Именно так.

— Ну что ж, Элли, — незамедлительно реагирует Мелисса, как будто бы это ее совершенно не удивило, — такого я от тебя не ожидала. У нас на носу самые трудные выходные за всю историю существования газеты. У тебя же было несколько недель на работу. А на что ты, собственно, рассчитываешь? Приходишь ко мне в последний момент...

— Мелисса, подожди. Я выяснила, кто этот мужчина.

— Ну и? — профессионально хмурится Мелисса.

— Он работает здесь. Мы не можем использовать этот материал, потому что он работает в нашей газете.

Мимо кабинета проходит уборщица с пылесосом, гудение заглушает последние слова Элли.

— Не поняла? — переспрашивает Мелисса, когда уборщица отходит.

— Автор этих любовных писем — Энтони О'Хара. — провозглашает Элли, но по лицу Мелиссы со стыдом понимает, что редактор понятия не имеет, кто это такой. — Заведующий библиотекой, который работает, точнее, раньше работал внизу, в архиве.

— Такой седой?

— Да.

— Та-а-ак... — Мелисса ошарашена, на секунду она даже забывает, что должна сердиться на Элли. — Ничего себе! Кто бы мог подумать?

— Да, звучит удивительно, я понимаю.

Они молчат и почти дружелюбно смотрят друг на друга, но потом Мелисса приходит в себя и, шурша бумагами на столе, заявляет:

— Это все, конечно, просто потрясающе, Элли, но не решает нашу проблему. Большую проблему, которая состоит в следующем: у нас на носу юбилейный выпуск, его отправят в печать сегодня вечером, и в нем вместо главной статьи будет огромная дырка, примерно на две тысячи слов.

— Дырки не будет, — отвечает Элли.

— Тот бред про язык любви? Нет. Я не позволю опубликовать компиляцию из уже печатавшихся ранее...

— Нет. Я все написала сама. Две тысячи совершенно оригинальных слов, вот, — протягивает она Мелиссе статью. — Дай знать, если надо будет что-то подправить. Можно, я уйду ненадолго? Вернусь через час.

Элли удалось удивить Мелиссу второй раз за пять минут. Редактор пробегает взглядом по странице, в глазах зажигается огонек интереса, и она, не глядя на Элли, бормочет:

— Что? Да, конечно, раз надо. Только на собрание не опаздывай.

Элли выбегает из офиса, словно на крыльях. Ей и вправду приходится время от времени взмахивать руками, чтобы удержаться на высоченных каблуках.

Она написала Джону накануне, и он не стал возражать, хотя по доброй воле в такие места обычно не заходит, предпочитая гурманские, малоизвестные рестораны. А быстро «У Джорджио» через дорогу от «Нэйшн» — обычная забегаловка, где подают яичницу, жареную картошку и бекон неизвестного происхождения всего за два фунта девяносто девять пенсов.

Когда Элли заходит в кафе, он уже ждет ее за столиком. Среди строителей в оранжевых комбинезонах Джон в своем пиджаке от Пола Смита и тонкой, пастельного цвета рубашке выглядит по меньшей мере странно.

— Прости, — говорит он, едва заведя ее. — Прости, пожалуйста. Она взяла мой телефон, а я думал, что потерял. Потом прочитала пару электронных писем, которые я не успел удалить, узнала, как тебя зовут, ну и... дальше ты знаешь.

— Из нее вышла бы отличная журналистка.

Джон на секунду отворачивается, машет официантке, заказывает еще один кофе и рассеянно отвечает:

— Да, пожалуй.

Элли пристально разглядывает мужчину, который преследовал ее во сне и наяву почти год. Загар не скрывает кругов под глазами, и она думает: интересно, что произошло между ними вчера вечером?

— Элли, я думаю, что нам стоит залечь на дно. Хотя бы на пару месяцев.

— Нет.

— В смысле?

— Все кончено, Джон.

Он удивлен, но не так сильно, как она ожидала. Немного подумав, он спрашивает:

— То есть... ты хочешь, чтобы мы расстались?

— Слушай, давай посмотрим правде в глаза: между нами не то чтобы большая любовь, правда?

— Ты мне небезразлична, Элли, — вяло протестует он, и Элли разочарованно смотрит ему в глаза.

— Возможно. Но этого недостаточно: тебя не интересую я, тебя не интересует моя жизнь. Наша совместная жизнь. Ты вообще мало что обо мне знаешь.

— Я знаю все, что нужно, чтобы...

— Как звали мое первое домашнее животное?

— Что?

— Альф. Моего хомяка звали Альф. В каком городе я выросла?

— Зачем ты задаешь мне все эти вопросы?

— Что тебе от меня нужно, кроме секса?

Джон нервно озирается. Строители за соседним столиком подозрительно притихли.

— Как звали моего первого парня? Что я люблю из еды?

— Элли, это смешно. — Он поджимает губы с кислым выражением лица, какого раньше она никогда не видела.

— Ты ничего не знаешь, потому что тебя интересует только то, насколько быстро я умею раздеваться.

— Ты правда так думаешь?

— Тебе нет дела до моих чувств. Знаешь, как мне было тяжело?

— Господи, Элли, только не надо строить из себя невинную жертву! — возмущенно поднимает руку Джон. — И не надо делать из меня коварного соблазнителя. Да ты хоть раз говорила со мной о своих чувствах? Ты хоть раз намекнула мне, что тебе хотелось бы других отношений? Ты же всегда хотела казаться современной женщиной. Секс по запросу, карьера — прежде всего. Ты казалась просто... — Он запинается, подбирая верное слово. — Просто непробиваемой.

— Я защищалась, — оправдывается Элли, пытаясь не показать, что его слова причиняют ей боль.

— А я как должен был о твоих чувствах узнать? Телепатически? — потрясенно переспрашивает Джон. Похоже, он искренне удивлен.

— Я просто хотела быть с тобой.

— Нет, ты хотела отношений.

— Ну да.

— Ты надеялась, что я уйду от жены, — произносит он, внимательно посмотрев на нее.

— Ну конечно. Рано или поздно. Я думала, что если расскажу тебе о своих чувствах, то ты меня бросишь.

За соседним столиком строители снова разговорились, но по тому, как они поглядывают на них, Элли догадывается, что речь идет о них с Джоном.

— Элли, прости меня, — произносит он, приглаживая выгоревшие на солнце волосы. — Если бы я знал, что тебе так тяжело, то вообще не стал бы в это ввязываться.

Наконец-то он говорит правду — правду, на которую она старательно закрывала глаза целый год.

— Ну вот и все. Видишь, как просто?

Элли встает из-за столика. Мир рушится, но ей каким-то чудом удается выйти из-под града обломков целой и невредимой.

— Ирония судьбы. Учитывая наши с тобой профессии, мы могли хотя бы иногда разговаривать друг с другом, — говорит она на прощание.

Выйдя из кафе, Элли чувствует, как от морозного воздуха стягивает кожу. В ноздри ударяют запахи большого города, она задерживает дыхание, достает из сумочки мобильный, набирает вопрос, отправляет его и, не дожидаясь ответа, не оборачиваясь, переходит через дорогу.

Мелисса идет через холл, бодро стуча каблучками по полированному мрамору. Она говорит с ответственным редактором, но, увидев Элли, на секунду отвлекается и кивает:

— Мне понравилось.

Элли вдруг замечает, что стоит, затаив дыхание, и с облегчением делает выдох.

— Да, очень понравилось. Обложка, воскресенье-понедельник. Еще что-нибудь такое, пожалуйста, — сообщает Мелисса, заходя в лифт и поворачиваясь обратно к собеседнику.

В библиотеке пусто. Элли толкает дверь и замирает на пороге, глядя на два одиноких пыльных стеллажа: ни газет, ни журналов, ни потрепанных томов парламентских отчетов. Она слушает, как по трубам под потолком журчит вода, а потом перелезает через стойку, бросив сумку на пол.

Если не считать двух картонных коробок, приютившихся в углу, первая комната, где хранились переплетенные выпуски «Нэйшн» почти за сто лет, совершенно пуста и напоминает пещеру. Элли выходит на середину

комнаты, и эхо шагов разносится по помещению, отражаясь от кафельного пола.

Там, где хранились газетные вырезки от «А» до «М», тоже пусто — остались только стеллажи. В лучах света, проникающих сквозь окна, размещенные на высоте шести футов от пола, танцуют блестящие пылинки. Газеты уже увезли, но в воздухе до сих пор стоит сладковатый запах старой бумаги. Элли прикрывает глаза, и ей кажется, что вот-вот зазвучат голоса, рассказывающие истории былых лет, сотни тысяч голосов, умолкших навеки. Множество жизней идут своим чередом, пропадают за очередным поворотом судьбы — скрытые в этих документах истории, они, возможно, увидят свет лишь через сотни лет. Интересно, сколько еще историй об Энтони и Дженнифер таят в себе эти страницы, с нетерпением ожидая своего часа, необходимого стечения обстоятельств. В углу стоит мягкое кресло на колесиках с запиской «Цифровой архив». Элли подходит к нему и катает туда-сюда.

Внезапно она ощущает поразительную усталость, как будто адреналин, бушевавший у нее в крови последние несколько часов, улетучился за одну секунду. Она тяжело опускается в теплое кресло, прислушиваясь к тишине, и наконец-то замирает. Все внутри ее останавливается, и она делает долгий выдох.

Элли резко просыпается от звука открывающейся двери, вскакивает на ноги, голова немного кружится, но постепенно она вспоминает, где находится. Сколько же она проспала?

— Это ваше? — спрашивает Энтони О'Хара, протягивая ей сумку.

— О господи... простите, — потирая виски, бормочет она.

— Вы здесь вряд ли что-то найдете, — качает головой он, разглядывая ее заспанные глаза и взъерошенные волосы. — Все уже в новом здании. Я вернулся за чашками. И вот еще за креслом.

— Да, оно такое удобное... жаль оставлять. Господи, а сколько сейчас времени?

— Без пятнадцати одиннадцать.

— Собрание в одиннадцать. Все в порядке, собрание в одиннадцать, — бормочет она, пытаясь понять, не забыла ли чего-нибудь, но вдруг вспоминает, зачем пришла.

Элли пытается собраться с мыслями, но не знает, как рассказать обо всем этому мужчине. Украдкой взглянув на него, она видит не только седые волосы, но и его слегка печальные глаза. Теперь она смотрит на него через его слова. «Рори наверняка подскажет, как лучше поступить», — думает Элли.

— А Рори здесь? — спрашивает она, надевая на плечо сумку.

— Боюсь, что нет, — отвечает Энтони и улыбается, словно прося у нее прощения за плохие новости. — Наверное, он сейчас дома, собирается.

— Собирается?

— Ну, в это его великое путешествие. Вы же знаете, что он уезжает?

— Если честно, надеялась, что он передумает. Или уедет не так скоро. А у вас, случайно... случайно, нет его адреса?

— Если вы зайдете ко мне на развалины кабинета, то я постараюсь его найти. По-моему, он уезжает через неделю или что-то в этом роде, — отвечает Энтони и поворачивается к выходу.

— Мистер О'Хара... Вообще-то, я пришла не только повидаться с Рори, — набравшись духу, произносит Элли.

— Неужели? — удивленно вздрагивает он, когда она называет его по имени.

— Я нашла кое-что, что принадлежит вам, — сообщает Элли, доставая из сумки папку. — Нашла несколько недель назад. Я бы раньше вам отдала, но я тогда еще не знала, что они — ваши, — объясняет она, напряженно наблюдая за тем, как он открывает папку и меняется в лице, узнав свой почерк.

— Где вы их нашли?!

— Здесь, — осторожно отвечает она, не желая слишком сильно волновать его.

— Здесь?!

— Да, в вашем архиве, — повторяет Элли, а библиотекарь оглядывается по сторонам, беспомощно смотря на пустые стеллажи, словно ожидая, что ее слова подтвердятся. — Простите, я знаю, что это очень личное.

— Но как вы узнали, что это мои письма?

— Долгая история, — с отчаянно колотящимся сердцем объясняет она. — Но я хочу, чтобы вы знали: Дженнифер Стерлинг ушла от мужа на следующий день после того, как вы встретились с ней в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. Она пришла сюда, в редакцию, и ей сказали, что вы уехали в Африку.

Мужчина замороженно слушает ее. Слушает не просто внимательно — он весь обратился в слух.

— Она пыталась найти вас. Пыталась сообщить вам, что она... что она свободна.

Элли немного пугает реакция Энтони. В отличие от неприкрытого восторга Дженнифер, он побелел как мел и сел в кресло, с трудом дыша, но

она уже не может остановиться.

— Это все было так... так давно... — дрожащим голосом произносит он.

— Позвольте мне закончить, — настаивает она. — Это копии — оригиналы я вернула ей, — поясняет Элли и дрожащей то ли от волнения, то ли от возбуждения рукой протягивает ему записку с номером абонентского ящика.

За пару минут до того, как спуститься в архив, Элли получила ответ на свое сообщение:

Нет, он не женат. А почему такие вопросы?

— Я ничего о вас не знаю и, возможно, кажусь вам чересчур навязчивой. Может быть, я совершаю ужасную ошибку. Но вот ее адрес, мистер О'Хара, на случай, если вы захотите написать ей.

Один мудрый человек как-то сказал мне, что писать — крайне опасное занятие, ведь никогда нельзя быть уверенным, что твои слова поймут правильно. Поэтому я постараюсь выразиться как можно более четко: прости меня, я так виновата перед тобой, прости меня, пожалуйста. Если есть хоть один шанс, что ты изменишь свое мнение обо мне, я просто обязана это знать.

Женщина — мужчине, в письме

*Дорогая Дженифер,
неужели это ты? Прости меня. Я начинал это письмо
добрый десяток раз, но не знаю, что сказать.*

Энтони О'Хара

Элли разбирает бумаги на столе, выключает компьютер, собирает вещи и выходит из редакции, махнув на прощание Руперту. Он не покладая рук трудится над интервью с писателем, книги которого, по его словам, просто тоска зеленая. Элли специально попросила разрешения пока не брать интервью у писателей. Она только что закончила статью о суррогатных матерях, а завтра летит в Париж брать интервью у китайской женщины, занимающейся благотворительностью: китайцы не пускают ее в свою страну из-за спорных комментариев, которые она позволила себе в одном документальном фильме, снятом англичанами. Элли проверяет адрес и бежит на остановку. Сев в набитый автобус, она еще раз прокручивает в голове собранную для статьи информацию, составляя примерный план.

Потом она встречается с Коринн и Ники в безбожно дорогом ресторане, который им всем не по карману. Дуглас скоро подойдет: вчера она позвонила ему и они очень мило поговорили. Даже смешно, что они так долго были в ссоре. За считанные секунды стало понятно: он знает, что она рассталась с Джоном. Если Коринн и Ники вдруг соберутся сменить профессию, то в «Нэйшн» им всегда найдется местечко, сообщает Дугласу Элли.

— Не переживай, я не собираюсь плакаться в жилетку, — успокаивает

она друга, когда тот соглашается встретиться с ней.

— Слава богу.

— Но я угощу тебя ужином. Хочу извиниться.

— А как насчет дружеского секса?

— Только при участии твоей девушки. Она куда симпатичней тебя.

— Я так и знал.

Элли прощается и с улыбкой кладет трубку.

Дорогой Энтони!

Да, это я. Хотя что значит «я». Я уже не та девушка, которую ты знал когда-то. Думаю, ты знаешь, что наша общая знакомая журналистка уже поговорила со мной. Я до сих пор не могу поверить в то, что она мне рассказала.

Но сегодня я пришла на почту, и там меня ожидало письмо. Я увидела твой почерк, и сорока лет как будто не бывало! Как такое может быть? Все эти долгие годы испарились в одно мгновение. Не могу поверить, что держу в руках письмо, которое ты написал два дня назад, мне просто не верится.

Она немного рассказала мне о тебе. Я слушала ее и едва осмеливалась допустить мысль, что мы с тобой сможем сесть и поговорить.

Надеюсь, ты счастлив, и молюсь за тебя каждый день.

Дженнифер

Таков журналистский мир: твои акции могут взлететь до небес так же быстро, как и упасть. Две удачные статьи — и твое имя у всех на устах, в центре внимания, на тебя смотрят с восхищением. Твою статью копируют в Интернете, на нее ссылаются журналисты из Нью-Йорка, Австралии и Южной Африки. Нам понравился ваш текст, сообщил ей «синдикат». Именно то, что сейчас требуется на рынке. Через сорок восемь часов Элли завалили письмами читатели, жаждущие рассказать собственные истории. Потом позвонил литературный агент и спросил, достаточно ли у нее материала на книгу.

Что касается Мелиссы, она теперь считает, что Элли никогда не ошибается. На собрании она всегда обращается в первую очередь к ней, если есть заказ на хорошую статью в тысячу слов. За эту неделю заметки Элли дважды анонсировались на первой странице. Для сотрудника газеты — это как выиграть в лотерею. Она постоянно засвечивается, значит

на нее есть спрос. Элли повсюду видит материал для новых статей, интересные люди и истории притягиваются к ней, словно магнитом. Она приходит на работу к девяти утра и уходит вечером. На этот раз она свой шанс не упустит.

У нее есть свое место за огромным овальным столом с сияющей белой поверхностью, семнадцатидюймовый матовый монитор с высоким разрешением и личный телефон с дополнительным номером.

Руперт больше не предлагает сходить ей за чаем.

Дорогая Дженнифер!

Извини, что отвечаю не сразу. Пожалуйста, прости мне мою сухость. Уже много лет я ничего не пишу, за исключением счетов или жалоб. Даже не знаю, что и сказать... Последние годы я живу словами других людей: упорядочиваю их, помещаю в архив, дублирую и присваиваю им рейтинг — словом, храню их. Подозреваю, что уже давно забыл, какие слова принадлежат мне. Человек, писавший те письма, кажется мне чужим.

Судя по твоему письму, ты уже не та девушка, которую я видел в отеле «Риджент». А с другой стороны, ты ни чуть не изменилась — в самом хорошем смысле этого слова. Я рад, что у тебя все в порядке. Я рад, что у меня есть шанс сказать тебе это. Я бы предложил тебе встретиться, но боюсь, что слишком отличаюсь от того мужчины, которого ты помнишь. Не знаю...

Прости меня.

Энтони

Двумя днями ранее кто-то тихо окликнул Элли, когда она в последний раз спускалась по лестнице старого здания. Она обернулась, увидела стоящего наверху Энтони О'Хара с листком бумаги в руках и быстро поднялась обратно, чтобы не затруднять его.

— Вот что я думаю, Элли Хоурт, — сказал он, и в его голосе прозвучали радость, волнение и сожаление, — не надо ему писать. Знаешь, лучше пойди и поговори с ним. По-настоящему.

Дорогой мой, дорогой Бут!

Я наконец-то обрела голос. Мне кажется, я прожила полвека, не умея говорить. Вся моя жизнь сводилась к тому, чтобы сократить масштабы ущерба, попытаться запомнить

только хорошее и забыть то, что рухнуло. Как будто я молча каялась за все свои грехи. Но теперь... А что теперь? Я столько наговорила бедной Элли Хоуорт, что она сидела и в изумлении смотрела на меня. Клянусь, она думала: боже, неужели у этой женщины нет чувства собственного достоинства? Почему она все время болтает, как четырнадцатилетний подросток? Я очень хочу поговорить с тобой, Энтони. Я хочу говорить с тобой, пока мы не охрипнем и не потеряем голос. За сорок лет накопилось столько всего, о чем мне надо тебе рассказать.

Почему ты говоришь, что «не знаешь»? Наверняка не из страха. Я не могу разочароваться в тебе. После всего, что между нами было, я не могу испытать ничего, кроме всепоглощающей радости просто оттого, что смогу вновь увидеть тебя. Я и сама уже не юная блондинка, а седая дама. Мое лицо испещрено глубокими, четкими морщинами. У меня то и дело что-нибудь болит, я пью кучу витаминов, и мои внуки не верят, что когда-то я была молодой.

Мы состарились, Энтони, это правда. У нас в запасе нет еще сорока лет, но если ты все еще хочешь этого, если ты готов позволить мне войти в твою жизнь и разрушить образ девушки, которую ты знал когда-то, то знай — это желание взаимно.

Дженнифер

Дженнифер Стерлинг стоит посреди комнаты в халате и со сбившимися в сторону волосами.

— Вы только посмотрите! — в отчаянии восклицает она. — Ужас какой! Кошмар! Мне не спалось, заснула только часов в пять, не услышала будильник и опоздала в парикмахерскую.

Элли не сводит с нее глаз: она никогда не видела Дженнифер такой встревоженной. Без косметики ее кожа кажется нежной, как у ребенка, а лицо — беззащитным.

— Вы... вы прекрасно выглядите.

— Знаете, я вчера позвонила дочке и кое-что рассказала ей. Не все, конечно. Сказала, что собираюсь встретиться с мужчиной, которого когда-то любила и не видела с юности. Я очень сильно наврала, да?

— Вовсе нет.

— И знаете, что она мне прислала по почте сегодня утром? Вот! — заявляет она, протягивает Элли распечатку: копию статьи из какой-то

американской газеты про пару, которая воссоединилась после пятидесяти лет разлуки и решила пожениться. — Ну и что же мне делать? Нет, ну вы видели что-нибудь подобное? — нервно закашлявшись, спрашивает она.

— Во сколько вы с ним встречаетесь?

— В двенадцать. Я не успею. Надо все отменить.

— Идите одеваться, — говорит Элли, ставя чайник. — У нас еще сорок минут, я вас подвезу.

— Это все так глупо, да? Старая бабушка, а ведет себя как девчонка на первом свидании.

— Да нет же, — уговаривает ее Элли. Она впервые видит Дженнифер Стерлинг не в образе самой собранной женщины во всей вселенной.

— Пока мы просто переписывались, все было нормально, — не слушая ее, продолжает Дженнифер, — я могла быть собой. Могла быть тем человеком, которого он помнит. Я казалась такой спокойной и уверенной... А теперь? Все эти годы меня утешала лишь одна мысль: где-то есть мужчина, который любит меня и видит во мне все самое лучшее. Даже в нашу последнюю встречу, которая так ужасно закончилась, я знала, что он мечтал обо мне больше всего на свете. А вдруг он увидит меня и разочаруется? Это будет еще хуже, чем если бы мы никогда больше не встретились. Еще хуже.

— Покажите мне письмо, — просит Элли.

— Не могу. Может, я лучше просто не пойду?

— Письмо, Дженнифер.

Дженнифер достает из ящика письмо, секунду вертит его в руках, а потом отдает Элли.

Моя дражайшая Дженнифер!

Неужели старики тоже плачут? Уже в который раз я перечитываю твое письмо и пытаюсь поверить в то, что судьба преподнесла мне столь неожиданный подарок. Такого просто не может быть! Я научился быть благодарным за самые простые вещи: за моего сына, его детей, хорошую, пусть и спокойную, жизнь. За то, что смог выжить, — о да, за это в особенности.

И тут появляешься ты. Твои слова, твои чувства про будили во мне алчность. Неужели нам может полагаться так много счастья? Хватит ли у меня смелости встретиться с тобой? Судьба не прощает ошибок, и мне отчасти до сих пор не верится, что мы сможем встретиться. Мне кажется, что я вдруг заболею, меня собьет автобус, проглотит чудовище,

которое ни с того ни с сего объявится в водах Темзы (так и представляю себе газетные заголовки).

Последние две ночи во сне у меня в ушах звучат твои слова. Я слышу твой голос и готов петь от счастья. Вспоминаю то, о чем давно забыл. Улыбаюсь в самые неподходящие моменты, пугаю родственников, которые подумывают, не впал ли их дедушка в маразм.

Девушка, с которой я виделся в последний раз, была такой несчастной. Но теперь я знаю, что ты выбрала другую жизнь — и это переворачивает мои представления о мире. Похоже, что этот мир не такое уж плохое место, раз он позаботился о тебе и твоей дочери. Ты не представляешь себе, какую радость мне это доставляет. Опосредованно... Больше писать не могу и с трепетом предлагаю: Парк почтальонов, четверг, полдень.

Твой

Бут

— Знаете что? — спрашивает Элли, тайком вытирая слезы. — Думаю, вам не о чем волноваться.

Энтони О'Хара сидит на скамейке в парке, где не был уже сорок четыре года, и держит в руках газету, которую совершенно не собирается читать. С некоторым удивлением он понимает, что может вспомнить, что написано на каждой мемориальной доске.

МЭРИ РОДЖЕРС, СТЮАРДЕССА «СТЕЛЛЫ»,
ПОЖЕРТВОВАЛА СОБОЙ,
ОТДАВ СВОЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПОЯС
И ДОБРОВОЛЬНО ПОЙДЯ КО ДНУ ВМЕСТЕ С
КОРАБЛЕМ.

УИЛЬЯМ ДРЕЙК, ЛИШИЛСЯ ЖИЗНИ ПРИ ПОПЫТКЕ
СПАСТИ ЖЕНЩИНУ ОТ СЕРЬЕЗНОГО НЕСЧАСТНОГО
СЛУЧАЯ В ГАЙД-ПАРКЕ — ЛОШАДИ ПОНЕСЛИ,
ОСЬ ЭКИПАЖА БЫЛА СЛОМАНА.

ДЖОЗЕФ ЭНДРЮ ФОРД, СПАС ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК
ПРИ ПОЖАРЕ В «ГРЕЙВЗ-ИНН», НО СГОРЕЛ,

СОВЕРШАЯ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ.

Он сидит здесь с одиннадцати сорока, а сейчас уже семь минут первого.

Энтони подносит часы к уху и слегка трясет рукой. В глубине души он и не верил, что это произойдет. Это просто невозможно. Проведя достаточно времени в архиве газеты, он узнал, что все истории постоянно повторяются: войны, голод, финансовые кризисы, разбитые сердца, разведенные пары, смерть, горе... Счастливый конец встречается крайне редко. «Все, что у меня есть, — просто счастливая случайность», — твердо говорит он себе, глядя на медленно ползущую минутную стрелку.

Дождь льет все сильнее, маленький парк опустел. Под навесом остался лишь он. Вдали за деревьями маячит проезжая часть, машины проносятся мимо, обливая с ног до головы зазевавшихся пассажиров.

Уже четверть первого.

Энтони О'Хара напоминает себе все причины, по которым ему есть за что быть благодарным судьбе. Его доктор поражен тем, что он вообще еще жив. Энтони подозревает, что тот уже давно мечтает рассказывать его историю в качестве предостережения пациентам с повреждениями печени. Его крепкое здоровье — издевательство над авторитетом врача и над всей медицинской наукой в целом. Может, и правда отправиться путешествовать? В Конго ему не хочется, а вот Южная Африка — это интересно. Например, Кения. Приду домой и все обдумаю, говорит себе он, чтобы хоть чем-то занять голову.

Скрипят тормоза автобуса, раздается сердитый крик курьера-велосипедиста. Достаточно просто знать, что она любила его, была счастлива — вполне достаточно. Одно из преимуществ старости — умение взглянуть на вещи с разных точек зрения. Однажды он любил женщину, которая, как выясняется, любила его куда сильнее, чем он полагал. Вот и все, этого должно быть достаточно.

На часах двадцать одна минута первого.

Как только он собирается встать, убрать газету и пойти домой, рядом со входом в парк останавливается маленькая машина. Он ждет, надежно скрытый от посторонних глаз тенью навеса.

Сначала ничего не происходит. Затем распахивается дверь и с громким звуком открывается зонтик, из-под него видны только ноги и темный плащ. Фигура наклоняется что-то сказать водителю, а потом ноги идут прямо в парк, по узкой тропинке, ведущей к навесу.

Энтони О'Хара произвольно встает, поправляет пиджак,

приглаживает волосы. Ему глаз не оторвать от этих туфель, от этой решительной походки, от царственной осанки, заметной даже под зонтиком. Он делает шаг вперед, не зная, как поступить, что говорить. Сердце бьется где-то в горле. Ноги в темных колготках останавливаются прямо перед ним. Зонтик медленно приподнимается, и он видит ее. На ее лице играет все та же — совершенно такая же! — улыбка, она смотрит ему прямо в глаза. Он потерял дар речи — может только смотреть на нее, а в ушах звенит лишь одно имя: Дженнифер!

— Здравствуй, Бут, — говорит она.

Элли протирает рукавом запотевшее окно у пассажирского сиденья. Она припарковалась на Редрут и наверняка навлечет на себя гнев парковочных божеств, но ей все равно — она не может тронуться с места.

Дженнифер уверенно идет по дорожке. Элли замечает, что она идет чуть медленнее, чем обычно, — все-таки боится. Пока они ехали сюда, пожилая женщина дважды просила ее повернуть обратно, говоря, что она все равно опаздывает, что все пропало, все бесполезно. Элли осталась глуха к ее протестам и напевала: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля», пока Дженнифер Стерлинг не заявила с нетипичным для нее раздражением, что Элли «ведет себя просто нелепо».

Она смотрит, как Дженнифер идет вперед по аллее, и боится, что еще немного — и та развернется и убежит. Да, вот неоспоримое доказательство того, что с возрастом любовь представляется людям не менее опасной штукой, чем в молодости. Слушая рассказы Дженнифер, Элли то ощущала себя победительницей, то думала, что все пропало. Вспоминала, как бесконечно анализировала слова Джона, пытаясь убедить себя в том, что все хорошо, когда все было очевидно плохо. Вспоминала, как магическим образом видела какие-то чувства, какую-то надежду за словами, о значении которых могла лишь догадываться.

Но Энтони О'Хара — существо совершенно другого рода.

Снова протерев окно, она видит, как Дженнифер замедляет шаг и останавливается. Энтони выходит из укрытия и кажется ей выше, чем на самом деле. Он подходит к самому краю навеса и встает прямо перед Дженнифер.

Стройная женщина в плаще и библиотекарь стоят лицом друг к другу. Даже издали Элли видит, что они не замечают ни дождя, ни маленького, аккуратного парка, ни любопытных взглядов прохожих. Кажется, они могут просто стоять и смотреть друг другу в глаза тысячу лет. Дженнифер опускает зонтик, слегка наклоняет голову набок и подносит руку к лицу.

Энтони, а он накрывает ее своей ладонью и крепко прижимает к щеке.

Элли Хоурт смотрит на них еще секунду, а потом отворачивается от окна, которое быстро запотеваает, перелезает обратно за руль, промокает нос платком и заводит машину. Настоящий журналист всегда знает, когда наступает время уйти со сцены.

Дом стоит на улице с типовой застройкой в викторианском стиле. Оконные и дверные проемы выложены белым кирпичом, несочетающиеся по цвету и стилю жалюзи и занавески говорят о том, что здесь живут несколько человек. Элли глушит двигатель, выходит из машины, идет к парадному входу и смотрит на имена рядом с двумя звонками. Напротив квартиры на первом этаже только его имя. Элли немного удивлена, она думала, что Рори наверняка снимает квартиру с друзьями. А с другой стороны, что она знает о его жизни до того, как он начал работать в газете? Собственно говоря, ничего...

У нее в руках большой коричневый конверт со статьей, на конверте — его имя. Она с трудом проталкивает конверт в почтовый ящик, и он с громким стуком падает на пол. Выйдя из парадной, Элли садится на приступок, пряча нос в шарф. В последнее время она полюбила сидеть на одном месте и наблюдать за тем, как вокруг нее вращается мир, а жизнь идет своим чередом, иногда совершая совсем неожиданные повороты.

На другой стороне улицы высокая женщина провожает сына. Он натягивает капюшон, вставляет в уши наушники и уходит не оглянувшись. Немного поодаль двое мужчин стоят около открытого капота большой машины и увлеченно болтают, совершенно не обращая внимания на двигатель.

— Ты неправильно написала имя Руарид, — раздается знакомый голос за спиной.

— Я вообще много в чем была права, — оборачиваясь, отвечает Элли.

На Рори та же футболка с длинным рукавом, в которой он был, когда они познакомились. Ткань выцвела, наверное, он носит ее уже несколько лет. Ей всегда нравилось, что он не придает особого значения одежде. Она знает, что эта футболка очень мягкая на ощупь.

— Хорошая статья, — помахивая газетой, говорит он. — «Дорогой Джон, пятьдесят лет прощальных писем о любви». Ну что, ты теперь снова самая крутая девчонка в отделе?

— На данный момент — да. Там, кстати, есть одно письмо, которое я придумала. То, что я хотела бы сказать, если бы у меня был шанс.

— Дженнифер разрешила тебе напечатать первое письмо, — замечает он, как будто не слышал, что она сказала.

— Да, анонимно. Она такая молодец. Я все ей рассказала, и она меня поняла.

Рори смотрит на нее с совершенно спокойным видом. «Господи, да ты вообще слышал, что я сказала?» — молча спрашивает она.

— Конечно, она была очень удивлена, но после всего, что произошло дальше, не думаю, что для нее это очень важно...

— Вчера Энтони заходил. Так изменился. Зачем приходил, я так и не понял. Наверное, просто надо было с кем-то поговорить. Новая рубашка, галстук, а еще он подстригся.

Элли не может сдержаться и таинственно улыбается. Рори молча садится на ступеньки, кладет руки за голову, а потом произносит:

— Ты хорошо поступила.

— Надеюсь. Приятно знать, что хоть у кого-то все закончилось хорошо.

Мимо проходит старик с собакой. Кончик носа покраснел от холода, он здоровается, и молодые люди отвечают ему тем же. Рори изучает свои ботинки. Элли пристально разглядывает его, размышляя над тем, увидятся ли они когда-нибудь еще, и молча просит у него прощения.

— Я бы предложил тебе зайти, но времени нет — собираю вещи.

Элли театрально всплескивает руками, стараясь скрыть разочарование, встает со ступеньки, цепляясь брюками за шершавый камень, и закидывает сумку на плечо, едва чувствуя землю под ногами.

— Ты... ты что-то хотела? Ну, кроме того, что показать мне, какая ты крутая журналистка?

Становится холодно. Она засовывает руки в карманы. Рори выжидающе смотрит на нее, но Элли боится открыть рот. Если он скажет «нет», то мир просто рухнет. Вот поэтому она так долго тянула, прежде чем прийти сюда. С другой стороны, ей нечего терять. Ведь они больше никогда не увидятся...

— Я хотела спросить... не можешь ли ты иногда писать мне? — набравшись храбрости, спрашивает она.

— Писать тебе?

— Ну, пока тебя не будет. Руарид, я все испортила. Я не имею права просить тебя об этом, но я правда скучаю по тебе. Честное слово. Просто мне хочется думать, что еще не все потеряно и мы можем... — Она заикается и нервно потирает нос. — Можем писать друг другу.

— Писать?!

— Ну да, обо всем. Что ты делаешь, как у тебя дела, где ты, — объясняет Элли, понимая, насколько жалко звучат ее слова.

Глядя вдаль, Рори опускает руки в карманы и ничего не отвечает. Молчание кажется Элли бесконечным.

— Холодает, — наконец говорит он.

У нее внутри что-то рвется: «Все кончено, больше ему нечего мне сказать».

— Надо дверь закрыть, а то тепло зря пропадает, — отвернувшись, добавляет он.

Элли безмолвствует. Согласно пожимает плечами и изображает на лице улыбку, больше похожую на гримасу. Она уже собирается развернуться и уйти, как вдруг раздается его голос:

— Может, зайдешь и сваришь мне кофе? Пока я носки разбираю. Вообще-то, ты мне должна кофе, если я правильно помню, — уже не таким ледяным тоном продолжает он — не то чтобы теплым, но и не ледяным. — Можешь заодно взглянуть на мою анкету для перуанской визы. Вдруг я там ошибок наляпал.

— Да уж, не хочется, чтобы ты неправильно написал эту свою Паталакту!^[35] — радостно отвечает она, переводя взгляд с его носков на каштановые волосы — слишком длинные, чтобы выглядеть чистыми.

Рори закатывает глаза, медленно качает головой и заходит в дом. Элли, стараясь скрыть сияющую улыбку, следует за ним.

Благодарности

Все главы этой книги начинаются с подлинного письма, обычного или электронного, или с какой-либо другой формы переписки, за исключением одной главы, эпиграфом к которой послужило письмо, написанное героем книги.

В большинстве случаев письма были предоставлены владельцами по моей просьбе, ни одно из них ранее не публиковалось. Отправители и получатели остались анонимными — я хотела защитить невинных (и всех остальных).

Однако некоторые люди оказали мне особую помощь в подборке этого материала, и я с радостью благодарю их, перечисляя в произвольном порядке: спасибо вам, Бриджид Коади, Сюзанна Перри, Кейт Лорд-Браун, Данута Кин, Луиза Макки, Сюзанна Хирш, Фиона Вико, а также все остальные щедрые и стойкие духом люди, которые подарили мне «Письма дорогого Джона», но предпочли остаться безымянными.

Я также хотела бы поблагодарить Дженет Уинтерсон из музея Ф. Скотта Фицджеральда и издательство «University Press of New England» за то, что они разрешили мне воспользоваться перепиской писателей.

Как всегда, благодарю замечательную команду издательства «Nachette»: моего редактора, Каролин Мейс, а также Франческу Бест, Элени Фостиропулос, Люси Хейл, менеджеров по продажам, и Хейзел Орме, обладающую устрашающим редакторским талантом.

Также благодарю команду издательства «Curtis Brown», особенно моего агента Шейлу Краули. От души благодарю Британскую газетную библиотеку в Колиндейле — потрясающий ресурс для писателей, желающих погрузиться в другой мир.

Я выражаю благодарность моим родителям, Джиму Мойесу, Лиззи и Брайану Сандерс, а также Совету писателей, постоянному источнику поддержки, вдохновения и пустой траты времени.

Больше всего я благодарна своей семье: Чарльзу, Саскии, Гарри и Локки.

Примечания

Анна Винтур — главный редактор американского издания журнала «Вог». — Здесь и далее прим. перев.

Инсайдерская информация — публично не раскрытая служебная информация компании. — Прим. ред.

Многое изменилось (фр.).

4

Жизнерадостность (фр.).

Леопольдвиль — до 1966 года — название столицы Демократической Республики Конго; теперь — Киншаса. — Прим. ред.

Стараниями Билли Батлина в конце 1930-х годов в Клектоне в Англии был открыт лагерь отдыха сети «Батлинс», работавший до 1983 года. — Прим. ред.

В русском переводе романа Ивлиной «Сенсация» героя зовут Таппок. — Прим. ред.

Кейтеринг — отрасль общественного питания, связанная с оказанием услуг на удаленных точках. — Прим. ред.

Sic! (лат.) — так! (в скобках или на полях книги либо рукописи указывает на важность данного места в тексте). — Прим. ред.

Pharmacie (фр.) — аптека.

Бигамия — двоебрачие, двоеженство. — Прим. ред.

«Хорнби» — английская компания, выпускающая игрушечные железные дороги; основатель: английский бизнесмен и политик Фрэнк Хорнби (1863–1936) — изобретатель первого детского конструктора. — Прим. ред.

«Любовник леди Чаттерлей» — роман английского писателя Дэвида Лоуренса (1885–1930); сразу после выхода в свет в 1928 году вызвал большой скандал, связанный с многочисленным описанием сцен сексуального характера, и был запрещен в ряде стран. В 1960 году после громкого судебного процесса, всколыхнувшего всю Англию, роман был реабилитирован. — Прим. ред.

В 1964–1965 годах в Конго повстанцами были убиты тридцать протестантских миссионеров, среди которых был американский миссионер доктор Пол Карлсон.

Имеется в виду «Компания Южных морей» [англ. The South Sea Company) — английская торговая компания, финансовая пирамида.

Твигги (букв, «тоненькая, хрупкая») — псевдоним английской модели, актрисы и певицы Лесли Хорнби (р. 1949).

«Хэмлис» — игрушечный магазин в Лондоне. — Прим. ред.

«We're Going to Hang out the Washing on the Siegfried Line...» — «Развесим белье на линии Зигфрида», популярная в Англии песня периода Второй мировой войны.

Мезотелиома — злокачественная опухоль из мезотелия; чаще всего встречается в плевре. — Прим. ред.

Пиг Пен (англ. Pig Pen) — поросенок, персонаж комиксов «Пинатс», имя которого созвучно с названием Биг-Бен.

Шенди — пивной коктейль с лимонадом. — Прим. ред.

Джейн Торвил (р. 1957) — английская фигуристка, многократная победительница чемпионатов мира и Европы.

Сесил Витон (1904–1980) — известный английский фотограф-портретист. — Прим. ред.

Шреддер — канцелярская бумагорезательная машина, предназначенная для уничтожения документов. — Прим. ред.

BOAC (British Overseas Airways Corporation) — государственная авиакомпания Великобритании, основанная в 1939 г.; существовала до 1974 г. — Прим. ред.

Африкаанс — германский язык, один из официальных языков ЮАР, распространён и в других африканских странах; ранее был известен как бурский язык. — Прим. ред.

Энид Блайтон (1897–1968) — английская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы; одна из наиболее успешных подростковых авторов XX века. — Прим. ред.

Арборист — древовед, специалист по уходу за зелеными насаждениями. — Прим. ред.

Агнес фон Куровски (1892–1984) — американская медсестра, послужившая прообразом Кэтрин Баркли в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». — Прим. ред.

«Виг исью» — социальная газета, распространяемая бездомными.

Дедлайн — крайний срок, к которому должна быть выполнена задача. — Прим. ред.

Флэшбек — «обратный кадр» — в кинематографе: отклонение от повествования в прошлое. — Прим. ред.

«Сабена» — бельгийская авиакомпания. — Прим. ред.

Солсбери — до 1982 года — название столицы Зимбабве; теперь — Хараре. — Прим. ред.

Паталакта — древний город инков на территории современного Перу. — Прим. ред.